

38

2 00-45
238

Ольга
МОРОЗОВА

ТОЛЬКО ТЕННИС

Ольга
МОРОЗОВА

ТОЛЬКО
ТЕННИС

ВАГРИУС

Книга сильнейшей
советской теннисистки
Ольги Морозовой —
несмотря на свое название
«Только теннис» —
повествует и о том,
что сопровождает «большую игру»:
об интригах, о впечатлениях
от поездок за «железный занавес»,
о роскоши Уимблдонских балов
и строгости правил,
о личной жизни звезд тенниса.

Ольга
МОРОЗОВА

ТОЛЬКО
ТЕННИС

2031

2

LEHINC
TOPKO
MORO FORA

470-2

2

00 - 45

238 - X

Ольга

МОРОЗОВА

ТОЛЬКО

ТЕННИС

Москва
ВАГРИУС
2000

УДК 882-94
ББК 84Р7
М 80

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАПИСЬ
ВИТАЛИЯ МЕЛНИК-КАРАМОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫРАЖАЕТ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
ЗА СОДЕЙСТВИЕ, ОКАЗАННОЕ В ВЫПУСКЕ
ЭТОЙ КНИГИ, КОМПАНИИ «ДОН-СТРОЙ»
И ЛИЧНО ГОСПОДИНУ Д.В.ЗЕЛЕНОВУ

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2006

ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ РФ
ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ВСЕЙ КНИГИ
ИЛИ ЛЮБОЙ ЕЕ ЧАСТИ
ЗАПРЕЩАЕТСЯ
БЕЗ ПИСЬМЕННОГО
РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЕЛЯ.

ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ
НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА
БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ
В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ.

ISBN 5-264-00300-9

© Издательство «ВАГРИУС», 2000

© О.Морозова, автор, 2000

2009095117

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, как и человек, имеет свою судьбу. Я в этом убедилась на примере единственного собственного литературного опыта.

В конце восьмидесятых, когда теннис в Советском Союзе стал набирать необычную популярность, я со своим другом журналистом Виталием Мелик-Карамовым подготовила рукопись о своей теннисной жизни и отдала ее в одно известное московское издательство.

По советским правилам ее там пару лет помариновали и наконец подписали в печать. Но тут произошел развал Союза, и моя книга так и не была издана.

Перед записью второй части книги я прочла ту, что уже десять лет в рукописи лежала у меня на полке в маленькой комнате английского домика. Первая мысль — надо переделывать. Но потом я решила оставить все так, как было, с наивностью высказываний — свойство того времени, с бесконечным упоминанием слова «советский», с неоправданным увлечением Наташей Зверевой, в которой я видела будущую теннисную звезду. Разве могла я тогда предполагать, как сложится у Наташи жизнь, что она, конечно, будет выигрывать, но главные победы от нее отвернутся? Разве могла я предполагать, как сложится в дальнейшем моя жизнь? И, в конце концов, кто мог предсказать, что исчезнет Советский Союз, моя Родина, моя страна, честь которой я защищала как первый игрок, как тренер ее национальной команды.

Существует стереотипное утверждение, что в той ушедшей жизни было много хорошего. Но, наверно, и плохого хватало, раз мы с такой скоростью от нее избавились. А хорошее точно было — наша молодость осталась там.

Вот уже десять лет, как я живу и работаю в Англии, в тихом городке на берегу Темзы. Но у меня нет

ощущения, что я в эмиграции. Наверно, оттого, что в Москве моя квартира, наверно, оттого, что в Москве мама, друзья, да и я сама обычно два раза в год приезжаю в свой родной город. А работа в Англии приблизилась меня к мировому теннису, сделала мои знания глубже и интереснее. Впрочем, я подробно об этом расскажу дальше. Расскажу о судьбе своей дочери Кати, о том, как сложилась жизнь моего мужа Вити. В Марлоу, в сорока милях от Лондона, мы с ним отпраздновали серебряную свадьбу.

Но свое пятидесятилетие я отмечала в Москве.

Действительно, все, что ни делается, — все к лучшему. И то, что в девяностом моя книга так и не была напечатана, дало мне возможность рассказать вам еще больше историй. А теннис в России за это время стал так популярен и привычен, что теперь, мне кажется, у этих записок будет еще больше читателей, чем могло бы их быть десять лет назад.

Я грущу об ушедшем, но не жалею о нем. Легко жить без зависти. Моя жизнь оказалась такой полной и необычной, что другой я себе и не желаю.

Часть I

*БОЛЬШАЯ
ИГРА*

Volume 1

PROCEEDINGS

1871

I. ОТ НОВИЧКА ДО ЧЕМПИОНА

ДЕТСТВО ДО ТЕННИСА И ПОСЛЕ

Я родилась в районе стадиона «Динамо». Там, где пересекаются старые московские улицы Башиловка, Нижняя и Верхняя Масловка, на улице Мишина стоял старый деревянный двухэтажный дом со скрипучей лестницей. Всю квартиру на одной половине второго этажа занимала наша семья: мама с папой и я — в одной комнате, в другой — бабушка со старшим сыном, а в третьей — тетя Катя с моим двоюродным братом. Квартирка, хоть и трехкомнатная, в общем-то была маленькая, без удобств, ходили в баню. Для меня эти выходы, как большой праздник. Папа работал на табачной фабрике, но табаком в доме никогда не пахло. Мама — бухгалтером в Худфонде. Дом художников находился здесь же, на Масловке, и первый билет на оперу Большого театра мне подарил знаменитый театральный художник Рындин. Я смотрела «Русалку» из директорской ложи. Мне было десять лет, я красовалась там в новом красном платье. Впечатления от театра, спектакля и себя в новом платье до сих пор незабываемы. Для любого человека поход в театр становится событием, а спектакль в Большом — это суперпраздник.

Мама была необыкновенной чистюлей, как и ее сестра тетя Катя. На работу тетя Катя ездила ни больше ни меньше как в Кремль, где служила секретарем. Естественно, она первая покинула нашу полудеревенскую обитель с холодной уборной и зеленым двориком. Теперь мы ходили не в баню, а ездили через всю Москву мыться к тете Кате, на Ленинский проспект. В квартире, где она поселилась с сыном, жили еще две семьи. Там она завела такой порядок, что их коммунальная квартира в огромном доме занимала первое место по чистоте.

Мама и тетя, два самых дорогих в моей жизни че-

ловека, придерживались в жизни очень строгих правил, а папа, как это часто бывает, представлял им полную противоположность. Каждый раз, садясь за праздничный стол и наливая себе рюмку, он многозначительно говорил: «Сто грамм вина или водки выводят спортсмена на месяц из строя». Трудно было поверить в правильность этих слов, так как регулярно отец играл за «Пищевик» в футбол. Мама ненавидела эту игру, потому что каждый выходной папа уходил сражаться в рядах «Пищевика». Вспоминая это, я думаю, что мама вряд ли любила спорт, так что в теннис я попала совершенно случайно.

Во мне, видимо, было заложено спортивное начало. Во всяком случае, я терпеть не могла девчачьих разговоров, играть предпочитала только с мальчишками, причем в те игры, где надо много двигаться, например в «царь горы», в которой требовалось захватить вершину снежной горки и никого на нее не пускать. А какой у нас был роскошный двор зимой! Тогда в Москве то ли снега выпадало больше, то ли его убирали реже, но сугробы вырастали до наших окон на втором этаже. Это сулило еще одно увлекательное развлечение: ведь можно было прыгать прямо с крыши в сугроб, что я и делала. Прыганье с крыш сараев, окружающих двор, стояло на втором месте после «царь горы», где надо было отбиваться и руками и ногами от нападавших. Прыгала я довольно много и тем самым неплохо развила координацию. Как-то раз мы обошли крыши всех сараев, наступил вечер, пришла пора идти домой, но осталась последняя, напротив наших окон, и лишить себя удовольствия еще раз прыгнуть я не могла. И только я залезла на крышу, как открылась дверь дома и на пороге показался отец. Я стою и думаю: «Прыгну, не прыгну, все равно влетит...» И прыгнула. Отец потом сказал, что, если бы я не прыгнула, он бы меня наказал.

Мама, в общем, довольно мягкий человек, под влиянием тети Кати была очень строга. Правда, у нее я

могла еще что-то выклянчить: «Мам, ну еще полчаса, мам, еще пятнадцать минут», и она сдавалась. Тетя же говорила: «Ольга!» — и любые просьбы были бессмысленны. И при всем при этом я обожала тетю Катю. Любила ездить к ней мыться, любила ее котлеты, ее салат с капустой и укропчиком. Тетя Катя своих чувств открыто не выражала, однако и она ничуть не меньше любила меня. В последние годы она говорила: «Все верно, если это сказала Ольга», — мои слова становились, в ее понимании, законом. Мама и тетя первыми приходили мне на помощь. Они вместе растили мою дочку Катю. Первые дни после рождения Кати мама тяжело болела, и тетя приезжала к нам каждый день. И до самой смерти тетя Катя помогала маме с Катюшей, хотя ее сын, Виктор, рано женился, у нее было много хлопот с родной внучкой, но она считала своим долгом заботиться обо мне и моих близких.

Вся моя родня приехала в Москву из Рязани. Дед с маминой стороны умер рано, бабушка никогда не работала, возилась по дому. И папа тоже из Рязани. Я рязанская, разве это не чувствуется? Мы, рязанские, — страшные патриоты. Рязанская в финале Уимблдона! Звучит?! Как-то, когда бабушка была еще жива, но уже в легком маразме, Витя, мой будущий муж, смотрел у нас дома хоккейный чемпионат мира по телевизору. «Милок, — спрашивает бабушка, — кто же там играет?» — «Рязанские, бабуля!» — «Ой, наши! А кто же?» Витя назвал пару рязанских деревень. Бабушка была в восторге: свои побеждают.

Бабушка была простой женщиной. Но как все простые русские люди, порой высказывала глубокие и здравые мысли. Я привезла из-за границы свой первый магнитофон, «Грюндиг». Огромная такая бандура с кассетами. Естественное желание тогдашних обладателей магнитофонов — записать на пленку голоса своих родных. Я записала бабушкину речь, потом дала ей послушать. Она послушала, помолчала, потом из-

рекла: «Да, хорошая штука дураков выводить». Фраза эта осталась в нашей семье на всю жизнь. Интересно, что бы сказала бабушка, увидев у нас видеокамеру?

Дома нашего на улице Мишина уже нет, его давно снесли. Перед сносом наша семья разъехалась. Маме очень хотелось жить своей семьей — надоела коммуна, и мы переехали в однокомнатную квартиру.

А бабушка так и жила с сыном в деревянном доме — им долго не давали квартиру, хотя мамин старший брат был инвалидом войны. Потом они поссорились, она переехала к нам. Год я спала на полу, отдав бабушке свой диван.

А как было замечательно в том, старом доме! Жили очень дружно, хотя народу было немало: семей шесть жило внизу и, кажется, еще четыре наверху. Летом по вечерам соседи во дворе вместе пили чай. Детей было много, и в нашем воспитании принимали участие все взрослые. Меня, например, от смерти спасла соседка. В совсем крохотном возрасте у меня началась диспепсия. Мама из-за грудницы не могла кормить. На помощь пришла тетя Шура, откормила, взяв к себе уже синенькой. Ее дочка Таня, с которой я за руку ходила в школу, — моя молочная сестра.

Вторая моя подруга детства — Надя, из соседнего дома. Мы дружили, можно сказать, с колясочного возраста. Когда наши дома снесли, мы потеряли друг друга и встретились только через много лет... На одном из приемов в Нью-Йорке ко мне подошел молодой человек, сказав, что со мной хочет поговорить женщина, но стесняется. Мы с ним прошли в другой конец зала, и я в удивлении вскрикнула: «Надя! Ты что?» — «Оля, ты стала такой знаменитой, я боялась». Надя вышла замуж за дипломата, они тогда работали в нашей миссии в Нью-Йорке.

Мне исполнилось четыре года, когда меня оторвали от бабушки, которая души во мне не чаяла, и отдали в детский сад. Так решила мама, которая задумала воспитать во мне дух коллективизма. Сходила я в дет-

ский сад раза два. Эта неволя была не по мне, я рыдала все дни напролет. Дома сквозь плач жаловалась, что меня хватили там за руки и выкручивали их. Бабушка сказала: «Только через мой труп Оля пойдет в детский сад». А ведь в те годы устроить ребенка в детский сад почти невозможное дело. То же самое приключилось и с пионерским лагерем. Десять дней я плакала без передышки до приезда родителей, навестивших меня, потом еще десять дней после их отъезда. Мама вынуждена была забрать меня домой.

На следующее лето я поехала с папиной сестрой в деревню. У папы очень большая семья. Два брата и четыре сестры, и все они жили недалеко друг от друга. Дед умер, а бабушка, восьмидесятилетняя папина мама, была еще жива. Женская часть семьи: тетя Шура, тетя Вера, тетя Валя, тетя Люся и бабушка, которая пекла очень вкусные пироги с маком. Еще забываемое воспоминание: бабушка варит варенье из малины в медном тазу на керосинке. Ты пронесишься мимо, и тебе на кусок хлеба накладывают пенки. Сказка! Спали мы в амбаре, под соломенной крышей, на перинах. С бабой Грушей мы как-то пошли в гости к ее подруге. Та спрашивает меня: «Что хочешь, милая?» Я отвечаю: «Молока или сметаны». — «Ну, пойдём, поверти в крынке рукой, посмотри, что там есть». Я руку сунула по локоть — сметана! Потом на огороде выдернула себе здоровую морковку и — сыта. В деревне я прожила еще одно лето, а кажется, провела там половину детства.

Училась я в одной-единственной школе, куда пошла в первый класс, у стадиона «Динамо». Решили: из-за одного года (старый дом сломали и сказали, что за один год построят новый) школу не менять. Утром с Нижегородской — мы переехали туда — я ехала в школу, а мама на работу. Мама держала в руках мою спортивную сумку, я — портфель. После школы я заходила к маме на работу, отдавала ей свой портфель, забирала сумку, заодно и бутерброды, которые она

готовила себе на обед, хотя перед этим ела в школе на продленке, и шла на тренировку. Я возвращалась домой со спортивной сумкой, мама — с моим школьным портфелем. Так мы с ней проездили весь 1963 год и, конечно, захватили следующий. Где это было видано, чтобы у нас дом так быстро строился? Я хорошо помню этот год, как ни странно, из-за убийства Кеннеди. Очень солнечный день, мама что-то готовит на кухне, я валяюсь в комнате на полу. Вдруг радио замолчало, а потом сообщили о покушении в Далласе.

Жизнь на Нижегородской запомнилась и тем, что там я отрезала свои длинные волосы, считая, что для тенниса так будет лучше. Маме было жаль моих кос, но соображения личной гигиены — где и как я буду мыть голову в поездках — взяли верх. Обычно я сама принимаю решение, но мне всегда важно, чтобы его одобрили близкие. Я, например, спрашиваю: «Витя, купим?» — «Купим», — не задумываясь отвечает мой муж. И мне спокойно, хотя я понимаю, что другого ответа не услышу. Мама страдала, когда мы шли по Нижегородской в парикмахерскую, страдала и я. Но когда вернулась домой, бабушка сказала: «Ой, как хорошо», — и я сразу успокоилась.

В школе я была примерной ученицей, на контрольных по математике всегда решала оба варианта, и Наташка Андреева — самая красивая девочка в классе, моя соседка и подруга, у меня списывала. С отличником Женей Ивановым у меня шла тайная борьба за первенство в математике: кто быстрее решит свой вариант и как. Были, конечно, и хулиганы, например Володька Квинт, он изводил всех педагогов. С одноклассницей Люсей — она ходила в баскетбольную секцию — и еще с одним мальчиком мы составляли команду, которая на уроке физкультуры побеждала во всех играх остальных ребят из класса. Я входил во все школьные сборные: по волейболу, баскетболу, лыжам. Но чем больше занимал в моей жизни теннис,

тем меньше я принимала участие в школьных соревнованиях.

Я жила, как мне кажется, по своим твердым принципам. Была старостой класса, задатки лидера проявлялись уже тогда. В шестом классе к нам пришел Сашка Охлопков, второгодник. И тут всей моей власти пришел конец. Здоровый был парень, на две головы выше всех, нахальный, ни один мальчишка теперь меня не слушался, он держал всех в кулаке. Я обижалась, доказывала, что это несправедливо, но ничего не получалось, сила была на его стороне. Потом поняла, что быть лидером в классе мне совсем не обязательно: я уже серьезно занималась теннисом. Другие увлеклись КВНами, всевозможными «огоньками» — любимое времяпрепровождение начала и середины шестидесятых, я же весь свой досуг отдавала только теннису.

Когда времени на теннис стало уходить больше, чем на уроки, пришлось перейти в вечернюю школу, но я продолжала приходить в свою старую. Уже участвовала в Уимблдоне, более того, выиграла юниорский турнир, и мои одноклассники, конечно, знали об этом из газет, но к моим успехам отнеслись в общем-то равнодушно. Я вдруг почувствовала себя среди них инородным телом. Возможно, такое испытывает каждый, кто сделал что-то, недоступное другим. По-моему, ребят куда больше удивило мое путешествие в Англию, чем звание чемпионки мира среди юниоров. Кто был в восторге от моей победы, так это учитель физкультуры Александр Иванович. У нас в школе учился и будущий хоккейный тренер «Крылышек» Игорь Тузик, тогда игрок высшей лиги. Наши фотографии висели в кабинете Александра Ивановича.

Теперь моя школа носит имя Кабалевского. Дмитрий Иванович долгое время вел в ней уроки музыки. Но это произошло, когда я уже ушла из школы, при мне никакого особого внимания музыке не уделяли.

Любую школу украшают личности. Такой была ма-

тематичка Нина Николаевна Ломакина. Строгая, растерянной ее представить себе мы не могли. Весь класс всегда участвовал в уроке. Сколько должно быть у педагога энергии, чтобы занимать внимание одновременно более тридцати детей: первые три ряда пишут контрольную, один отвечает, трое работают у доски. И еще она успевала по очереди поднимать с места всех остальных. Я так хорошо знала математику, что, когда сдавала экзамен после восьмого класса, подготовка к ответу заняла у меня три минуты. Взяла билет, прочла и написала решение.

Когда я выиграла свой первый чемпионат СССР, Нина Николаевна прислала мне поздравительную телеграмму.

Надо сказать, что занятия в вечерней школе я не пропускала. Может быть, потому, что за мной уже ухаживал мой будущий муж, Витя, который учился в том же классе, что и я. (Алик Метревели всегда шутил, что мы с Витей не расстаемся с детского сада.) К тому же три раза в неделю тренер Нина Сергеевна Теплякова проверяла мою успеваемость, однако не могу пожаловаться, что этот контроль был строгим. Я росла достаточно самостоятельной.

Годы спустя, когда моя Катя, идя в школу, переходила улицу, трое взрослых следили, как она это делает. Если наблюдение несли только Витя и мама, я себя считала плохой матерью. Я же в школу ходила с первого класса одна. Мама упорно не хочет признать, что в семь лет я сама ездила к тете Кате через всю Москву. Наверное, раньше действительно было спокойнее и люди мягче. И детские желания у нас были другие, чем у современных детей. Например, пойти с отцом на демонстрацию. Целый день добираться от фабрики «Ява» до Красной площади, а какое счастье! Все идут, поют, ты у папы на плечах. Конечно, каждое поколение невольно идеализирует свое время. И мне, видимо, не избежать этого упрека. А где, скажите, сейчас бабушкин гусь, запеченный в тесте? Сказоч-

ное блюдо! Самое вкусное — макать в горячий жир на противне корочку хлеба. Как все ждали этого жареного гуся. А мою Катю ничего не удивляло, ну разве что авокадо привезу, да и то... Ушла куда-то восторженность, умение радоваться милым сердцу пустякам.

Однажды мама не оставила мне денег на мороженое. Его продавали с тележек на колесиках, и, когда привозили на нашу улицу, визг стоял страшный. А у бабушки денег не оказалось. Перерыли весь дом. Надо было набрать рубль десять копеек старыми деньгами. Шел 1961 год, меняли деньги. Собирали с бабушкой по копейке, а оказалось, что по новому курсу их надо в десять раз меньше. Получалось, что нужно не сто десять копеек, а всего одиннадцать. Когда я это сообразила — счастьем не было конца. Вот и помнятся эти минуты по сей день.

Прошло много лет, пока я поняла, как хорошо мне жилось в большой семье, в деревянном доме на улице Мишина. Чего нельзя сказать, как выяснилось, о папе с мамой. Мама, добрый и ответственный человек, семейный воз таскала на себе. Наверное, в какой-то момент она надорвалась. Отец должен был принять мужское решение, пойти на любой шаг, может быть, даже снять комнату, ждать получения собственного жилья, но свою семью из общего дома увести. Но он этого не сделал.

Какое-то облегчение наступило, когда семья разъехалась, но спустя год с нами стала жить бабушка, уже страдавшая склерозом. И опять все легло на мамины плечи, отношения с отцом становились все хуже и хуже. Родители развелись, когда я уже была замужем.

Новая семья у отца так и не сложилась. В конце концов летом он жил с нами на даче. Мы с Витей там почти не бывали, в отличие от мамы и Кати. Одна она жить там боялась. А отец любил копаться в земле, считая, что, выращивая пучок лука или салата, занят очень важным делом. Я еще кое-как терпела, когда он

меня поучал, что и куда надо сажать, ругал, что саженцы я не те купила и что дорого заплатила. Маме бы прибратся, занавески повесить, чтобы цветочки стояли. Маму же возмущало поведение отца: «Ты посмотри, как разошелся, можно подумать, что он здесь хозяин!»

В двадцать два года я вышла замуж, и мы с Витей стали жить отдельно. Конечно же я вздохнула с облегчением. Ведь когда я приходила домой, мама, видя во мне спасителя, начинала рассказывать о своих бедах. Эти разговоры меня страшно подавляли. Нормально отдохнуть дома, живя в одной комнате с бабой Грушей, было невозможно. Но как только я в 1969-м перешла в ЦСКА, мне сразу дали однокомнатную квартиру. В том же году я впервые выиграла чемпионат СССР, и в ЦСКА пришла телеграмма из «Динамо» примерно такого содержания: «Поздравляем армейцев с чемпионкой страны динамовкой Морозовой». Но об этой спортивной части моей биографии — позже.

Первая наша с Витей квартира вид имела казенный, в ней в ожидании лучшей доли жили по очереди то футболисты, то хоккеисты. Маленькая, на первом этаже. Окна упирались в завод пиломатериалов. Имелось и преимущество: в двух шагах от ЦСКА. Потом Витя, начав службу в армии, получил собственное жилище, и мы, объединив две квартиры, переехали в двухкомнатную на Бакунинской. И уже позже, когда я стала известной спортсменкой, по распоряжению тогдашнего министра обороны Андрея Антоновича Гречко, страстного теннисиста, нам дали трехкомнатную квартиру на улице Рылеева.

Мы с мужем так хорошо и давно друг друга знали, что никаких особых перемен у нас в жизни после того, как мы поженились, не произошло.

Когда мне было двадцать, и у нас разгорались ссоры с Аликом Метревели, я кричала: «Женщина и мужчина должны быть во всем равны». В сорок я по-

няла, что это глупость. У женщин должна быть своя, женская доля. Они должны иметь профессию, но все же для того чтобы семья была нормальной, для того чтобы дети воспитывались хорошо, надо делать то, что предназначено природой: мать должна быть с детьми. В годы, о которых я вспоминаю, это мало кому удавалось.

Когда Билли-Джин Кинг, выдающаяся американская спортсменка, заработавшая на теннисе миллионы, призывала меня бороться за равноправие, напоминая на то, что вот я, сделав карьеру, должна быть довольна судьбой, я отвечала ей, что главная карьера — быть женщиной, воспитывать детей и просто быть женой.

Каждый вправе выбирать свой путь. Моя бабушка, которая нигде не служила, а растила троих детей, не понимала, переехав в Москву, зачем женщина должна идти на службу. Она делала всю работу по дому — это большой труд.

Что касается меня, моя жизнь с десяти лет заполнена спортом. И поскольку в этой жизни я представляю интерес не как жена или мама Кати, то пора переходить к основной теме этой книги — теннису.

Я приобщилась к этому спорту в детстве во многом благодаря моему соседу Вите, вернее его однокласснице, будущей известной теннисистке Тане Чалко, которая занималась в группе знаменитого в Москве тренера Нины Николаевны Лео. Витя, поддавшись Таниному порыву, тоже записался в секцию, правда быстро остыл, но успел выклянчить у Тани ракетку. Она была доброй и безалаберной, раздавала все, что имела. Двигало Витей только одно желание: гордо пройти с ракеткой по двору. Как только он с ней появился во дворе, началось сумасшествие. Через четыре дома от нашего стоял гараж. Чей он, никто не знал, но гараж большой, с огромными воротами, и мы с утра до вечера единственным мячом долбили эти ворота. Забыты были все игры, никаких там классиков, прыгалок, салочек, только и знали что били мячом о воро-

та. И хотя я была одной из младших, но старшим не проигрывала. Вите наконец надоело коллективное владение его ценностями, ракетку он и в глаза не видел, и тогда он, умный парень, внес идею: зачем бить по очереди, когда можно в секцию записаться, а там ракетки дадут всем. Отправились в теннисную секцию. Благо, «Динамо» рядом, за забором! Перелезли. И сейчас в «Динамо» огромные двери, можно представить себе, какими же они мне казались в десять лет?! Мы с трудом открыли их, вошли, и прямо перед нами Доска почета. А на ней фотография Ани Дмитриевой с Ниной Сергеевной Тепляковой. Аня в тот, 1959 год стала чемпионкой СССР. Такая симпатичная, волосы связаны сзади в «хвост», как потом было у моей Катьки. Витя говорит: «Видишь тетку на фотографии, она чемпионов воспитывает, когда придешь первого сентября, иди сразу к ней». Мы попрыгали, нас посмотрели и сказали: начало занятий 1 сентября. Записала нас к себе Нина Николаевна Лео.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1 сентября 1959 года я явилась, как мне было велено, на динамовские корты, но не к тому тренеру, куда меня записали, а к Нине Сергеевне Тепляковой. Для такой послушной девочки, как я, это было актом мужества. Но тут не разум — чутье сработало: идти надо туда, где делают чемпионов, хотя толком я не знала, что это такое. Думаю, что криминала особого не произошло, так как детей набирали много и, конечно, Нина Николаевна Лео просто не помнила, кто к кому записан.

Я знаю, благодаря чему сумела выдержать первый в жизни спортивный экзамен. Нина Сергеевна объясняла, как правильно произвести удар, особенно его завершение: главное — обхватить шейку ракетки левой рукой после замаха и удара. Это то, что называется «проводкой». Я и сейчас, спустя годы, своим друзьям-

любителям и даже своим девочкам-профессионалам повторяю: «Окончание, окончание...» Логика в таком движении есть, хотя в современном теннисе оно непопулярно. Никто на отборочном экзамене не доводил ракетку, кроме меня, до конца. Думаю, моя послушность, а главное, худоба помогли мне и дальше остаться у Тепляковой.

В то время никакого ажиотажа вокруг тенниса не было, в секцию записывали свободно, конкуренция существовала только у Нины Сергеевны: она тогда уже была знаменитым тренером, и все те, кто пытался устроить ребенка играть «по знакомству», шли напрямую к ней. Но она брала далеко не всех.

Зимой мы занимались четыре раза в неделю, но в один из дней ползала отдавали футболистам или легкоатлетам. Одно занятие целиком посвящалось физической подготовке. Мои успехи начались с тринадцати лет, когда я перешла в школе во вторую смену. Теперь Нина Сергеевна специально ради нас, нескольких девочек, приходила утром на корт в те часы, которые ей никто не оплачивал. Тренировалась я в трикотажном синеньком костюмчике за три рубля, который, кстати, купить было нелегко. Мама мне достала китайские полукеды, и мне казалось, что в костюмчике, кедах и с ракеткой в руках я настоящая красавица. Честно признаюсь, сумку, возвращаясь с тренировки, я никогда не разбирала сама и, конечно, ничего не стирала, мама меня баловала. Но всегда собиралась на тренировку самостоятельно, доверить такое важное дело я не могла даже маме.

Как и все новички, я начинала изучать теннис у стенки. Для меня важными были любые замечания Нины Сергеевны, даже такие: «Молодец, все исправила!», или: «Ничего не сделала!» Потом у нас появился тренер по легкой атлетике — Юрий Анатольевич, отец будущей теннисной звезды Наташи Чмыревой. Больше двух замечаний он, как правило, мне не делал. Не с первого, так со второго раза любое упражнение у

меня получалось. Ну а что касается теннисной техники, там, конечно, было сложнее, но я старалась изо всех сил, чтобы Нина Сергеевна оставалась мной довольна.

У стенки я играла два года, на корт меня не пускали, но, в отличие от многих, мне и такая игра нравилась. Но больше всего я любила эстафеты, которые проводили в конце физподготовки. Кто быстрее проскачет на левой ноге? Кто на правой? Кто раньше влезет по канату? Каждый по школе помнит подобные состязания, я же их ждала, как праздника. Позже я поняла, что в таких эстафетах проявляются лучшие спортивные качества.

В стремлении выполнить любое задание тренера я всегда входила в число первых. Но выделяла Нина Сергеевна не меня, а Таню Чалко, ту самую Таню, которая косвенно привела меня в теннис. Например, когда приходила Наталья Яковлевна Грингаут, первая жена знаменитого теннисного чемпиона довоенных лет Бориса Новикова, Теплякова ставила играть с ней обычно Таню. Приходили к нам на занятия еще несколько подруг Нины Сергеевны, в прошлом теннисистки, им хотелось поиграть. А наш тренер их использовала как спарринг-партнеров для своих учениц. Они отбивали аккуратно и точно. Душа разрывалась, как хотелось поиграть с одной из них, но не пускали. Однажды Таня закапризничала, и на корт поставили меня. Вот счастье-то было!

Наконец в тринадцать лет я играю свой первый турнир — первенство Москвы в моей возрастной группе. Я проигрываю Наташе Грант. Наташа тренировалась в Сокольниках на «Спартаке» у мамы Вадима Борисова, будущего лидера советского тенниса конца семидесятых. У Нины Сергеевны в тот день играла еще несколько учениц, и она переходила от площадки к площадке, наблюдая за нашей игрой. Я выиграла первый сет, а во втором Наташа начала плакать, потому что тренер ее очень ругала... и я ее пожалела.

Наташа залила своими горячими слезами весь мой соревновательный пыл. После матча Нина Сергеевна взялась за меня: «Что такое, ты выиграла первую партию, почему ты дальше не старалась?» — «Нина Сергеевна, ее так ругали, мне ее стало жалко». — «Ничего подобного я от тебя больше слышать не желаю», — рассердилась Нина Сергеевна. Этот урок я запомнила на всю свою спортивную жизнь.

Семен Павлович Белиц-Гейман, наш теннисный Тарасов, отличавшийся своими изысканными манерами от хоккейного тренера так же, как теннис отличается от хоккея, в те годы много экспериментировал. Он был полон энергии и желания поднять советский теннис до уровня мирового. Белиц-Гейман проводил массу конкурсов, сборов, соревнований для детей. Наверное, Нина Сергеевна что-то разглядела во мне, раз взяла меня на один такой смотр. Но внимания она по-прежнему уделяла больше Тане, хотя все чаще и чаще стала брать меня с собой в поездки.

Летом следующего года, когда мне уже исполнилось четырнадцать, ехать в пионерский лагерь я отказалась и должна была остаться в Москве. Нину Сергеевну это привело в восторг: «Ты останешься в Москве, значит, можешь тренироваться каждый день». Я тоже была счастлива. Для меня жизнь на «Динамо» — стоило лишь перелезть забор — казалась самой лучшей на свете. Я уходила с рублем на целый день, словно отправлялась в рай. После тренировки Нина Сергеевна вела всех нас, довольно большую группу детей самого разного возраста, в столовую стадиона, а иногда даже в динамовский ресторан, — нет слов, чтобы описать мой восторг, хотя на свой рубль я могла съесть только первое блюдо или выпить кофе-гляссе в знаменитых кабинках этого ресторана. Мама спрашивала вечером: «Ты ела?» Я гордо отвечала: «В ресторане!» — «Да, — вздыхала мама, — там пела Ляля Черная!» Два года спустя случился пожар, и ресторан сгорел.

Чуть ли не каждое утро рядом с нами играл кто-нибудь из тогдашних знаменитостей, друзей Тепляковой. Днем после столовой Нина Сергеевна усаживала нас на скамеечку и рассказывала самые разные истории, и грустные и смешные, как она играла, как ездила в Париж... Нина Сергеевна не только учила нас теннису, но всеми этими рассказами она нас еще и образовывала. Во всяком случае, историю тенниса мы знали. Впрочем, Нина Сергеевна сама была живой его страницей. Но я перескочила на год вперед.

Итак, Нина Сергеевна взяла меня на конкурс-смотр к Семену Павловичу, хотя приглашены были туда только Чувырина и Чалко. Я вместе с ними сдавала какие-то теннисные экзамены, но провалилась, Семену Павловичу не нравилось, как я машу ракеткой и слева и справа. Тем не менее Нина Сергеевна каким-то образом устроила меня «на раскладушку» (позже, став тренером, я поняла, как это делается) в гостиницу «Спорт» — под трибунами стадиона в Лужниках. Потекли счастливые денечки. Мало того, что мы целыми днями играли в теннис, что рядом с нами играли мальчишки, мало того, что мы ходили в бассейн, мы еще и ели в ресторане. Шла Спартакиада народов СССР 1962 года. Мы бегали на баскетбольные состязания смотреть на гиганта из Латвии Круминьша, чей рост был больше двух метров — по нынешним меркам обычный баскетбольный рост, Сабонис на полголовы выше. Мы сидели на трибунах Лужников, наблюдая матч по легкой атлетике СССР — США. На моих глазах Брумель прыгнул на два метра двадцать восемь сантиметров! Сейчас вспоминают, что на этих сборах я так плохо играла, что меня ни с кем не ставили, но, честно сказать, меня это совершенно не волновало.

Нина Сергеевна взяла меня на сборы и следующим летом, хотя я по-прежнему мало что собой представляла. Мама М.Сафина Роза Исланова, Аня Красько, мои будущие соперницы, ходили тогда в лидерах, беседовали на равных с Толей Волковым и привезен-

ным из Тбилиси маленьким Теймуразом Какулией. Немного и хулиганили. Мальчик, я не помню его фамилию, разбил мне ракеткой нос до крови. Он смотрел на меня вопрошающе, пойду я жаловаться или нет, пожалуюсь — не видать ему сборов. Я сказала, что нос разбила сама случайно.

Наступил черед и больших турниров. Меня взяли в Ленинград на первенство ЦС «Динамо». Перед матчем показали девочку, с которой предстояло играть: «Это Томочка, она звезда!» — «Почему она звезда? — мучилась я вопросом. — Неужели ее обыграть невозможно?» Я заняла тогда предпоследнее место. Плакала безостановочно. Следующие состязания ЦС назначили в Риге. С мыслью, что я могу поехать в Ригу, я жила целый год. Когда я сама стала тренером, мне казалось, что мои спортсменки так не ждут поездки на Гавайи, в Сингапур, на Уимблдон.

В Риге наш капитан Слава Минаичев сказал: «Вот ты считаешь, что хорошо играешь (должна признаться, сама я так не считала), а здесь твоя ровесница, она уже мастер спорта!» Такое сообщение сразило меня как громом. Мастер спорта! «Мне кажется, — продолжал «доброжелательный» Слава, — она тебя обыграет...» Я сходила на разведку, посмотрела, действительно девочка хорошо играет. Но мои наблюдения зародили во мне надежду, что я смогу ее обыграть. Накануне командных соревнований я отравилась, да так, что больше пятнадцати минут без туалета обойтись не могла. Мы жили в общежитии техникума, в огромной комнате, разделенной пополам простыней. С одной стороны девочки, с другой мальчики. Вечером Нина Сергеевна предупреждала: «До одиннадцати все должны сходить в туалет, после одиннадцати никого из комнаты не выпущу!» Был у нас в команде Сережа Новиков, по прозвищу Сифа, так вот он в десять минут двенадцатого начинал стонать: «Нина Сергеевна, я хочу выйти». — «Не пущу, — твердо отвечала та, — сказала, до одиннадцати». — «Нина Сергеевна, я не

могу терпеть». Закон опрокинутого бутерброда действует всегда одинаково. Так всегда, когда можно — ты не хочешь... Вот в этом общежитии, где и повернуться было трудно, меня мутило и выворачивало всю ночь. Борис Ильич Новиков, руководитель нашей команды, попросил: «Ты только выйди на площадку, чтобы баранку нам за неявку не поставили». Я вышла на корт совершенно обессиленная и проиграла в два сета без всякого намека на борьбу.

Через день начались личные соревнования. Одни на меня в команде уже и не рассчитывали, а для других я была «темной лошадкой». Я выиграла первый матч у какой-то динамовской звезды с Украины. Соревнования проходили на трех стадионах, и, как всегда, у Нины Сергеевны на всех трех одновременно сражались ученики. Вывела она меня на корт и пошла смотреть на игру Тани. Где-то на середине пути ей сообщили, что я проигрываю. Она бежит ко мне, а я шагаю ей навстречу. «Ну что, проиграла?» — «Нет, — гордо отвечаю, — девять — семь, в решающем сете». Набирая понемногу победы, я наконец выхожу в полуфинал и в нем попадаю на эту знаменитую девочку, по фамилии Гузикайте, мастера спорта, к тому же еще и невероятно красивую.

Нина Сергеевна мне перед матчем внушала: «Ты должна играть активно, идти к сетке...» Первый сет я выиграла, а во втором при матчболе взяла мяч, который уже на три метра улетел в аут. Спустя десять лет точно такая же ситуация повторилась в финале Уимблдона. Я тащу мяч из аута, а Нина Сергеевна хватается за голову. Два часа играли на одних нервах, все, наконец соперница попала в аут, а я отыгрываю мяч и в конце концов уступаю сет.

Сидим отдыхаем. Рядом Гузикайте, с ней ее родители, налита в стакан сладкая вода, разложены пирожные. И на фоне этой идиллии рассерженная Нина Сергеевна меня честит: «Если еще бросишь свечку, я тебя выгоню из секции». Рыдая выхожу на корт, но

тем не менее продолжаю «качать», совершенно не иду к сетке и все-таки выигрываю этот матч. Затем и финал у Айты Крее. Я чувствую себя абсолютным чемпионом Вселенной! Это чувство укрепляется тем, что в финале я разбила руку до крови и тем не менее заняла первое место. Настоящий спортивный подвиг! Спустя день мы выигрываем с Катей Крючковой и финал пар. Я стала победительницей в младшей возрастной группе, где играли девочки до четырнадцати лет. В следующей группе, до шестнадцати, первое место заняла Таня Чалко, в группе девушек до восемнадцати — Сима Мухина, тоже ученица Нины Сергеевны. В рижской газете напечатали статью под заголовком «Ученицы Тепляковой — чемпионки».

Я впервые давала интервью, впервые получила приз. Всем дарили маленькие хрустальные вазы с серебром. На моей памяти их вручали на динамовских турнирах несколько лет подряд, видимо, на склады общества их когда-то завезли в невероятном количестве. В придачу к вазе я получила часы. Но мои материальные потери в Риге оказались больше, чем завоеванные призы. Мама дала мне в поездку красивый свитер, но его украли в раздевалке. Вернувшись домой, я, естественно, старалась оттянуть как-то время, когда откроется пропажа. «Мамочка, посмотри, какую вазу я выиграла!», «Мама, посмотри, какие часы я выиграла!» Все ужасно гордились моими победами и восхищались подарками. Но, видно, слишком преувеличенными были мои восторги, я переборщила. Мама это сразу почувствовала, спросив: «Оля, что случилось?» — «Мама, у меня свитер стащили».

С того рижского турнира я начала выигрывать все детские соревнования подряд, и меня включили в команду взрослых. В пятнадцать лет я оказалась на сборе первой команды страны. Нина Сергеевна поработала над моей игрой «с лета», и у меня начал выработываться свой теннисный почерк — активная игра с быстрым выходом к сетке. И все же приглашение на

главный в стране сбор произошло внезапно не только для меня, но и для Нины Сергеевны, которая считала, что туда попадет Таня Чалко, может быть, кто-то еще, но никак не я. Со мной на сбор приехала Катя Крючкова. Там к нам присоединилась девочка из Латвии Зайга Янсоне. Старший тренер команды Сергей Сергеевич Андреев не взял на сбор никого, кому больше шестнадцати. Сбор проходил в Северодонецке, на новых кортах. Мы много тренировались, очень уставали, но зато какие были восхитительные вечера. Они проходили за разговорами об Англии. Я жила в одной комнате с Аллой Ивановой, которая за год до этого выступала на юношеском Уимблдоне, и вечерами она рассказывала нам об этой стране и турнире. Рассказывала вдохновенно, ее несло и несло, а мы с Катей Крючковой сидели и слушали разинув рты.

Какое-то время я играла с Катей в паре, но потом немного ее обошла, и мы расстались. Она переживала, считала, что Нина Сергеевна незаслуженно много времени уделяет мне. Винить Катю не в чем, каждый хотел, чтобы ему уделяли как можно больше внимания.

На сборе у Андреева я оказалась без Нины Сергеевны. Скручивал он нас в веревочку, менял технику, доводил до полного изнеможения да еще заставлял ходить в школу. Тогдашний директор химкомбината, самого большого в городе предприятия, увлекался теннисом, построил несколько вполне приличных кортов и, что совершенно невероятно, — две закрытые площадки! В Северодонецке я играла с Валею Сазоновой. Валя старше меня на четыре года, в свое время она была любимым тренером моей дочери, но тогда я, конечно, этого предположить не могла и сражалась отчаянно. За Валею страшно болела, сидя у корта, Алла Иванова. Они были близкие подруги, но я чуть с ума не сошла от обиды, когда увидела, что Алла переживает за Валею. «Как же так можно, ведь тридцать дней я

обедала вместе с Аллой, таскала ей бульоны и пирожки, а она болеет за мою соперницу?!» Их дружба оказалась сильнее наших совместных обедов. Валю я обыграла, но в раздевалке они обе устроили мне скандал. Я разрыдалась. Успокаивали меня Лариса Дмитриевна Преображенская и Аня Дмитриева. Аня сказала: «Да чего ты волнуешься, они же тебе все завидуют...» А Преображенская пообещала, что в будущем все у меня будет в порядке, и действительно, она оказалась права: жизнь моя сложилась не так уж плохо.

Училась я в обычной школе, в те годы никаких спортивных классов не существовало. Когда меня впервые взяли на всесоюзный сбор, у меня была всего одна тройка. Неожиданно за день до отъезда новый классный руководитель, она же учительница по литературе, сообщила, что у меня не сдано какое-то сочинение. Я обещала, вернувшись со сборов, его написать. «Нет, — заявила она, — или школа, или спорт!» Полная глупистика. Только-только появилась первая статья обо мне, где говорилось, что отыскивали способную девочку и берут ее на сбор к первому международному турниру. И вдруг такое категоричное условие. Лев Михайлович Агаян, будучи в то время тренером сборной СССР, человек активный и энергичный, нашел выход из положения: «Давай-ка, Оля, переходи в вечернюю школу». Вместе со мной в вечернюю школу ушли Володя Молчанов, впоследствии видный телевизионный ведущий, Витя Рубанов, мой будущий муж, Толя Лазарев, позже работавший корреспондентом в Нью-Йорке, Надя Маслова, ставшая врачом-гинекологом, Таня Сальникова, ставшая тренером А.Чеснокова. Одним словом, собралась довольно приличная компания ребят, входящих в сборную Москвы. Я считаю, что не надо бояться вечерних школ, главное, иметь в жизни цель. Мы все хотели стать теннисистами. Не всем это удалось, но никто в жизни не потерялся.

В 1965 году зимой я впервые участвовала в международном турнире и сразу же меня поставили в пару к Александру Метревели.

Всегда считалось, что характер индивидуалиста мешает Алику играть микст. Ему подбирали разных партнерш, и в конце концов рядом с ним оказалась я, как перспективная теннисистка. Он так на меня стал кричать после первой же испорченной комбинации, что я забилась в угол, как мышонок, и не перебила с той секунды ни одного мяча через сетку. Такое потрясение пережить надо: первый международный турнир, и тебя, почти без тренировок, ставят играть с самим Метревелем, лучшим теннисистом страны!

На турнире я выступила безобразно, за две встречи пробила, как говорят, насквозь всего лишь один мяч.

Естественно, что после такого выступления на международном турнире моя спортивная судьба была под вопросом. Видимо, и тренеры сборной СССР ясно не представляли себе, кто же в конце концов должен поехать на Уимблдон. А так как Сергей Сергеевич пребывал в некоторой растерянности, то устроили отборочные соревнования, куда включили Дмитриеву, Бакшееву, Киви, Куль, Иванову и меня. Разыгрывали мы два места в команде. Иванова не приехала, заболела. На этом турнире я (мне только-только исполнилось шестнадцать лет) сыграла хорошо. Проиграла в упорнейшей борьбе Дмитриевой, так же сложился матч с Киви. Но Бакшееву и Куль я обыграла. Победу над Галиной Бакшеевой сочли сенсацией. Мне же этот матч запомнился на всю жизнь совсем не победой, а инцидентом между Ниной Сергеевной и Галей.

Нина Сергеевна забывает обо всем, когда играют ее ученики, она вся в перипетиях борьбы. Галя очень переживала подсказки Тепляковой своим ученицам. У каждого человека мандраж проявляется по-своему. Чем больше Бакшеева распрямлялась, чем с большей гордостью она несла себя, тем больше она тряслась

перед матчем. Она считала, что в матче со мной бегать не надо, меня и так можно обыграть. А я любила бегать. Нина Сергеевна подсказывала мне: «Укорачивай». И я укорачивала. В решающей партии, когда я вела 3:0, Галя подошла к Нине Сергеевне, похлопала ее по плечу (Бакшеевой тогда шел двадцать второй год, а Теплякова была почти в три раза старше) и сказала: «Ну что, волнуетесь? Все равно она выиграет». Такая фамильярность покорила Нину Сергеевну: вроде бы Бакшеева, проигрывая мне, делает ей подарок. Я этой сцены не видела, об этом я узнала позже. С тех пор они перестали разговаривать.

В итоге Дмитриева заняла первое место, я и Киви — второе. И так как я была гораздо моложе Киви, решили, что поедут Дмитриева и Морозова.

ТЕННИСНАЯ ЮНОСТЬ

Итак, в 1965 году я впервые попадаю на Уимблдон. Наверно, меня взяли в команду с какой-то надеждой на мои способности, именно с надеждой, думаю, что уверенности во мне до конца не было. Не считаю, что была сильнее других юниорок. На год старше была Роза Исланова и Аня Еремеева, на два года — Марина Чувырина и Таня Чалко. Понятно, что любая из них вполне могла играть в этом юношеском турнире, куда допускались теннисисты до восемнадцати лет. Но двух юных спортсменок в те годы не посылали: существовала квота на число членов делегации, и Андреев, конечно, был заинтересован взять взрослых спортсменов.

Первый турнир, предваряющий Уимблдон, проходил в Бэкнеме, предместье Лондона, в графстве Кент. Милый городок с замечательным крикет-клубом, которому в восемьдесят восьмом году исполнилось сто лет. На крикетных полях размечают корты и на идеально ровных газонах играют в теннис. Жили мы

в уютной гостинице, где команда потом останавливалась еще не раз. Сразу обратили внимание на то, как много стариков в гостинице.

Оказывается, в Англии пожилые люди нередко доживают свой век именно в гостиницах, снимая годами один и тот же номер. Там отличный сервис, в пять часов они собираются за обязательным чаем, потом играют в лото или карты, гуляют.

Запомнился один старичок, по нашим понятиям, типичный англичанин — седой, с большими усами. Он постоянно сидел в огромном кресле. И каждый раз, приезжая в Англию и заходя в гостиную отеля, я смотрела, сидел ли он там в кресле, и если сидел, значит, в мире все в порядке.

Нам подавали английские завтраки — бекон и порridge (овсяная каша), которые я сразу полюбила. За обедом старшие подшучивали над младшими, Сережа Лихачев каждый раз за десертом говорил: «Оля, ты же первый раз в Англии, посмотри, какие птички в саду!» Я поворачивалась посмотреть на птичку, и у меня тут же исчезал сладкий пирог. Когда мы сидели за стол — а на отсутствие аппетита я не жаловалась, — Аня говорила: «Ну, Оля, ты будешь отличным игроком, все, кто хорошо ест, хорошо играют в теннис». В то время я могла есть за двоих. Мне все было в новинку: холодные супы вечером, пироги с фруктами на десерт. Располнеть я не боялась, поскольку очень много двигалась.

В свой первый сезон за рубежом я играла сразу пять матчей в день в одиночном разряде (в турнирах до шестнадцати, восемнадцати и двадцати лет...) и еще один в парной комбинации. В пару мне дали англичанку. Я с ней совершенно не могла общаться, так как в школе учила немецкий, да и на нем, кроме «ин ди шуле гейн вир» и «их либе дих», я больше ничего не знала, так что сражались молча. К вечеру ноги становились буквально каменными. В турнире «до восемнадцати» я выиграла, «до двадцати одного» играла в

полуфинале. Но если к концу матчей стало меньше, то покоя мне уже не давал Сергей Сергеевич. Он работал над моей подачей до тех пор, пока у меня плечо не отваливалось.

Впервые я увидела теннисную элиту. Турнир в Бэкнеме собирал в то время всех, кто приезжал на Уимблдон: Мария Буэно, Маргарет Корт, Билли-Джин Кинг. В Бэкнеме было хорошо потренироваться, потом принять участие еще в одном турнире, в Куинс-клабе и, наконец, Уимблдон. Клуб в Бэкнеме отнюдь не фешенебельный — теннис тогда еще не давал таких сумасшедших денег — деревянное строение, маленькие кабиночки с занавесками. Но мне все казалось удивительным, как на другой планете. Ведь даже руки нужно было мыть не так, как дома. Два крана над умывальником, в одном горячая вода, в другом холодная, закрывается раковина пробкой, наливается нужная по температуре вода, и в ней полощутся. Мы же привыкли умываться под проточной водой, поэтому приходилось открывать поочередно то один кран, то другой.

Можно представить мое состояние, когда рядом в раздевалке переодевалась знаменитая Маргарет Корт. Дмитриева, глядя на меня, посоветовала «подойти и ущипнуть Корт», чтобы убедиться, что та обычный человек. Но еще долго мне не верилось, что все, кто входит в элиту, такие же люди, как и остальные. Всего лишь один раз за матч я обвела Буэно, один-единственный удар, а помнила я о нем целый год. Прошло девять лет, в 1974 году в США на Форест-Хилл ко мне подошла Буэно и предложила играть с ней пару. А в то время скажи мне кто-то, что Буэно захочет играть со мной в паре, я бы долго смеялась над этой шуткой.

Я еще раз повторю, что Сергей Сергеевич брал меня в Англию с какой-то своей тренерской задумкой, но не от уверенности, что я смогу выиграть юношеский Уимблдон. Только став сама тренером, я поняла его сомнения. Когда Наташа Зверева впервые по-

ехала на юношеский Уимблдон, я надеялась, что она выступит хорошо, но знала, как нелегко это сделать, впервые играя на траве. Я знала, что девочка она умная и талантливая, у нее есть шансы на победу, но не высказывала своих мыслей вслух, так как шансы эти мизерные: трава есть трава, покрытие необычное, играть на нем тяжело.

Такие сомнения одолевали, видимо, и Андреева, и ужасно, когда спортсмен о них узнает. Я сидела в одном из деревянных павильончиков на женской половине раздевалки, которая была отделена от мужской лишь тонкой перегородкой, и собирала свою сумку, Аня еще принимала душ. За перегородкой беседовали Андреев и Метревели. Я не прислушивалась к их разговору, но вдруг услышала свою фамилию и насторожилась. «Алик, что ты думаешь о Морозовой?» — спросил Сергей Сергеевич. «Я полагаю, что она ничего не выиграет. Уж если Иванова ничем не выделялась, то ей что здесь делать», — ответил Алик. Какая обида захлестнула меня, передать невозможно. Я начала рыдать, стараясь, чтобы мои всхлипывания не слышали за перегородкой. Захлебываюсь, но остановиться не могу. Выходит Дмитриева из душевой: «В чем дело?» Пытаюсь пересказать услышанное. «Да перестань, Сергей Сергеевич всегда сомневается...» Не помню, какие слова нашла Дмитриева, но она меня успокоила. А ту случайно подслушанную фразу запомнила на всю жизнь. Может быть, именно тогда ко мне пришло убеждение, что лучше я себя чувствую, когда ставят против меня — тогда уж я обязательно выигрывала.

До того разговора в раздевалке мне все в окружающей жизни нравилось. Я могла часами слушать Аню, часами смотреть теннис, часами просто сидеть на траве. Мне нравились розы, нравилось гулять по улицам, наших лидеров раздражала езда на автобусе, мне же она доставляла удовольствие. Нравился даже журчащий звук автомата, выдавливавшего из себя билет, на

котором было написано: «9 пенсов». А какое там было мороженое! Спустя много лет я стала к нему относиться, как к куску льда с химией. А тогда мне казалось, нет ничего вкуснее! Апельсиновое, малиновое, клубничное. Кончик носа моментально выдавал, какое мороженое я купила. Что такое суточные, которые надо экономить для больших и важных покупок, мне было неизвестно.

Кстати, первые дни мне никто денег не выдавал, я ходила без единой копейки, а мне так хотелось мороженого. В конце концов, Сергей Сергеевич, заметив мой взгляд, наверное, такой же, как у Буратино, когда он мечтал попасть в кукольный театр, спросил: «Ты что, мороженого хочешь?» — «Очень», — выдохнула я. Он мне дал одиннадцать пенсов. Попросить свои суточные я стеснялась, выдать мне их потребовала Аня.

В Куинс-клабе меня допустили в основную сетку, но я там быстро вылетела. Наступил день юношеских состязаний Уимблдона. И первый же матч очень тяжелый, с немкой Катей Эбенхауз. Я проигрывала ей 2:5 в решающем сете и с невероятным напряжением сумела все же победить. Вся команда сидела на трибунах, переживая за меня. К тому времени наша команда была уже свободна от игр. Только у нас с Володей Коротковым оставалась возможность реабилитировать сборную. Отослать неудачно выступивших ребят на Родину было сложно, самолеты Аэрофлота летали раз в неделю, а услугами других компаний мы ни тогда, ни позже старались не пользоваться. Поэтому команда в полном составе ходила болеть за нас, юниоров.

Если не ошибаюсь, взрослые играли утешительные соревнования — «плейт». Проигравших в первом и во втором круге соединяли в дополнительную сетку. Позднее аутсайдеры играли «плейт» даже с призовым фондом.

Остальные матчи для меня складывались легко. Финал я играла с Ракель Гизгафр из Аргентины. Спус-

тя годы она стала тур-директором большого турнира в США и несколько раз приглашала участвовать в нем моих девочек. В 1985 году мы с ней отпраздновали двадцатилетний юбилей нашего финала. Выпили по бокалу шампанского за собственное здоровье, отметив, что все еще существуем, все еще приезжаем на Уимблдон, правда, в другом качестве.

Моя победа на юниорском турнире родилась не тогда, когда я играла на кортах Уимблдона, а значительно раньше, когда праздновали такую же победу Галины Бакшеевой на стадионе в Лужниках. Должна сказать, что если я постоянно о чем-то думаю, то, как правило, эти мечты сбываются. Когда мне было лет двенадцать, в Москву приехали известные теннисисты. Я подавала им на корте мячи. Играли Сегура, бющий двумя руками слева, Хоад, Траберт, Маккинли. Они выступали на Малой спортивной арене в Лужниках при переполненных трибунах. Профессионалов пригласила Советская федерация тенниса на несколько показательных матчей. И в день начала этих соревнований чествовали Галю Бакшееву, которая в тот год выиграла юношеский Уимблдон. Шла она, восемнадцатилетняя, очень красивая, кудрявая и с ярко накрашенными губами — по моде тех лет, — вдоль всей арены с огромным букетом цветов. До сих пор ее помнят на Уимблдоне, как суперзвезду, как голливудскую диву. Привлекательная внешность, прекрасная фигура плюс красивая техника игры — все это делало Бакшееву кумиром публики. И, возвращаясь в тот день домой, я подумала: «Неужели и я смогу так, как Бакшеева?»

Когда я дошла до финала, Сергей Сергеевич сказал, что две самые главные соперницы уже пройдены. А Ракель, которая сумела обыграть фаворитку, не считали конкуренткой для меня. Мы играли с ней на первом корте, а это почти как центральный: тебя так же выводят, такие же трибуны. И комната ожидания та же, где собираются все сильнейшие. Мы начали фи-

нал, в первом же сете 3:0 в мою пользу. И вдруг мысль: «Неужели как Бакшеева?» Через секунду 3:3. Я забываю о Гале и выигрываю 6:3. Второй сет, опять 3:0, и опять та же мысль: «Неужели как Бакшеева?», и снова счет сравнялся. Я собралась и выиграла. Ракель расплакалась в конце второго сета, но я помнила слова Нины Сергеевны после матча с Наташей Грант: «Нельзя жалеть на корте своего соперника». Меня поздравляли, обнимали. Вечером был банкет.

О том, что мне обещала Аня в Москве — пойти со мной купить красивое платье, — она, конечно, забыла. Хорошего платья у меня не было. Однажды перед каким-то приемом Аня меня выручила своими нарядами, но, замечавший все Томас Лейус спросил, почему я в платье Дмитриевой? И впредь я зареклась надевать чужое.

Все собирались на банкет, когда я объявила, что никуда не пойду. «Как же так?» — удивилась Дмитриева. «Да, вот ты обещала, что мы пойдем купим платье, не купили. Туфли мне тоже не купили, а на маминых я каблук стерла...» Аня понимает, что оправдываться в этот момент бесполезно, начинает меня уговаривать. Море слез, я красная как свекла. «Боже, — стонала Аня, — надевай любое мое платье». — «Нет, не надену я твое платье, потому что Лейус прошлый раз сказа-а-ал...» Но если платье я еще могла взять у Ани, то ее туфли на меня не налезали. Тут Ане присылают поклонники букет роз, а она, хитрая, заявляет: «Смотри, тебе цветы прислали». Казалось, как можно в такое поверить, но я поверила. Хитрость с цветами удалась: как, тебе прислали розы, а ты не идешь. Затем Лейус пришел извиняться к шестнадцатилетней девочке. Появился Алик с туфлями на невероятно высоком каблуке и сказал: «Надень». Он купил их жене брата. Туфли оказались мне маловаты, но они привели меня в такой восторг, что теперь уговаривать меня идти на прием не пришлось. Впервые в жизни меня напудрили, чтобы скрыть мою зареванную физионо-

мию. И вот мы едем на бал! Я уже знала, по рассказам Ани, что мы попадем в огромный зал, где красивые люстры, белоснежные столы и все действие происходит как бы внизу, в партере зала, куда надо будет спуститься по высоким полукруглым лестницам. Аня вспомнила, что первый раз надела туфли на высоких каблуках именно на уимблдонский бал... и упала на лестнице. Мысль «не свалиться» сидела в голове как гвоздь, наверное, поэтому я поскользнулась, но, к счастью, не упала.

Володя Коротков тоже стал победителем юношеского Уимблдона, и нам полагалось открывать бал вместе со взрослыми чемпионами.

У взрослых победили Маргарет Корт и Эмерсон. Мы с Володей должны были выйти в вальсе вслед за ними, но я пыталась отказаться от заслуженной чести — туфли я уже сняла, вновь их надеть было совсем нелегко. К тому же на каблуках я сравнивалась ростом с партнером, и мне казалось, что мы будем выглядеть не совсем красиво на таком роскошном балу. На самом деле я просто трусила.

На следующий год на таком же балу я чувствовала себя уже уверенно, да так разошлась, что, когда я кончила танцевать, Гарри Хопман, великий Хопман, который создал австралийский теннис и знаменитую австралийскую команду, сказал: «За то, как ты танцуешь, я не задумываясь взял бы тебя в свою команду». Хопман уже умер. Много лет тому назад он переехал в Америку и там открыл несколько теннисных академий. Гарри Хопман был знаменит в мире тенниса своей феноменальной интуицией. Лейвер, Роузвол, Столли, Эмерсон, Ньюкомб, Александер — вся эта прославленная австралийская плеяда выросла под его внимательным взором, прошла через его руки, руки человека, требующего железной дисциплины. Когда тебе такой великий тренер, как Гарри, говорит, пусть в шутку, что он тебя берет в свою команду, ты понимаешь, что чего-то в теннисе стоишь.

Моя победа, видимо, окончательно укрепила наших тренеров в мысли, что будущие успехи в женском теннисе все же связаны со мной. И правильно сделали, что не заставили меня играть еще раз в юношеском Уимблдоне. В свое время Наташа Зверева участвовала в нем дважды, но не потому, что я, став тренером, перепроверяла, сильнее ли она своих ровесниц: Зверевой нужно было попасть на Олимпийские игры в Сеул, и первое место на юношеском Уимблдоне давало такое право. Так вот, играть два раза юношеские турниры, если человек выиграл такого рода состязания, я считаю бессмысленным. Уже открыта дверь в большой теннис, и надо составлять новый календарь только из расчета на взрослые турниры.

Мне повезло, на следующий год я уже сражалась на взрослых турнирах, хотя и проигрывала. Странная вещь, как-то быстро забылось, что мы долго проигрывали, прежде чем начали побеждать. И уже потом — сперва от Шамиля Тарпищева, когда он стал тренером сборной, потом от меня — сразу начали ожидать необыкновенных результатов. Я счастлива, что на нашем тренерском счету было много побед и суперфиналов, но сколько же турниров было мною самой проиграно, пока я дошла до своих побед и финалов.

Победа в 1965 году на юношеском Уимблдоне — мой старт в мировой теннис. Но только тогда, когда мы с Аликом в 1968 году вышли в парный финал Уимблдона, ко мне пришла уверенность, что я смогу так же играть и в одиночном разряде, что мне по силам состязаться со знаменитостями. Для становления спортсмена крайне важна уверенность в реальности поставленной задачи.

В 1966 году я проиграла в первом круге взрослого Уимблдона Трумэн, которую потом все время обыгрывала. На юношеский турнир взяли Розу Исланову. В газете написали: «К опытным — Дмитриевой, Бак-

шеевой, Морозовой присоединилась молодая Исландва». Роза была старше меня.

Да и какой там «опыт»? Один только страх. Ведь с прошлогоднего Уимблдона я не провела ни одного турнира за рубежом. Это гораздо позже составляли специальные графики турниров, позволявшие спортсменам держать форму круглый год. А в мою бытность, сыграв с Розы Казалс, я встретила с ней только через год. Она удивилась: «Как, ты пропускаешь Карибские турниры?! Тебе же все сначала придется начинать». Уверенность к игроку приходит в том случае, когда он постоянно видит своих соперников. Если же теннисист изолирован, он никогда, даже при самых больших способностях, не поднимется высоко. Талант Метревели не загорелся на теннисном небосклоне так ярко, как талант румына Илие Настасе, потому что у него не было возможности выбирать турниры. Это была наша, может быть, главная беда, о чем мы в то время и не подозревали.

Следующий, 1967-й — важный для меня год. Я уже «кусала» наших ведущих, а летом выиграла Спартакиаду народов СССР — медаль Спартакиады считалась более весомой, чем медаль первенства СССР. Со Славой Егоровым мы выиграли микст. В декабре — январе всегда проходил Кубок Москвы и за ним турнир памяти Зденека Зигмунда. Турниры включали и парные и смешанные соревнования. К нам накануне зимы приходили выбирать партнерш, как говорила смеясь Нина Сергеевна, «женихи», и она отдавала им своих «красавиц».

Егоров вначале выбрал Чалко — для Тани это была выгодная «партия». Слава входил в десятку страны. Следом за ним пришел Юра Хохлов, позже ставший членом Федерации тенниса; Юра левша, он хорошо играл, и хотя никогда не был суперпартнером, всегда считался надежным спортсменом. Он попросил у Тепляковой Чалко. «Таню забрали, — ответила Нина Сергеевна, — а ты возьми вот эту девочку, Олечку Моро-

зову, она хорошая». Юра мялся, мялся, но согласился. Мы с ним выиграли первое место. На следующий год он пришел: «Где Морозова?» — «Взяли Олечку, Егоров взял!» — был ответ.

Со Славой Егоровым мы долго выступали вместе. Отец его — известный хоккейный тренер — серьезно занимался сыном, а Слава взял шефство надо мной. У нас с ним сложились замечательные отношения, и мы любили играть в паре. У Славы был своеобразный стиль: острая первая подача и прекрасная игра с лета. Егоров в то время считался лучшим сеточником в стране. Так позже стала играть и я. Часто партнер в миксте играет небрежно. Он вроде бы уже снизошел до того, что вышел с женщиной на корт. К Славе это не относилось. Он и на занятиях создавал такие ситуации, что и ему и мне было интересно, в его тренировках постоянно присутствовал игровой момент. В те времена с кортами была огромная проблема: два на «Динамо», два в ЦСКА и два на «Шахтере», вот и все. Когда Нина Сергеевна приглашала мальчиков к нам на тренировку, для них это тоже была возможность лишний раз потренироваться. Слава вообще к спорту относился крайне ответственно, занятий не пропускал. Когда я перешла в ЦСКА, мы стали часто тренироваться вместе, не меньше, чем раз в неделю. А это много для девушки, с которой занимается один из ведущих в стране теннисистов. Помогал мне и динамовский теннисист Слава Минаичев.

В Москве на Малой арене в Лужниках мы со Славой Егоровым в полуфинале Спартакиады выиграли у Дмитриевой и Метревели, а в финале — у Ивановой и Лихачева, тогдашних знаменитостей.

Сергей Лихачев по праву считался сильнейшим парным игроком, а у Аллы была самая сильная подача. Как мы выиграли? Наверное, за счет моей отличной реакции, в меня все время били, как обычно в миксте бьют на партнершу, а я отбивала. Мы разыграли комбинацию, я выхожу к сетке, Слава хочет бросить све-

чу, но получается, что он накидывает мяч Лихачеву, который стоит в двух метрах от сетки. И я в двух метрах. Лихачев бьет «сквозняка» (то есть пушечный, сквозной, все пробивающий мяч) на меня. Лихачев всегда бил в женщин, особенно в Дмитриеву, когда та ему «изменила» с Метревели. И как-то раз он в нее попал. Однажды и в меня сумел влечь мячом. У Николая Николаевича Озерова была такая теория: партнерша должна сразу после розыгрыша подачи отходить в сторону и больше не мешать. Но я не уходила. Лихачев бьет изо всех сил в меня — я отбиваю мяч! Тот взлетает странной полугоркой точно под смех. Сергей бьет второй раз. Я опять отбиваю! Опять какой-то дурной свечой. А момент самый сложный: счет по геймам равен. Сережа стоит около сетки, свеча у меня срывается, мяч летит крученный, от обода, перелетает Лихачева и падает в корт. Мы выигрываем сет. Сергей стал кричать на Иванову, но ничего уже поделать не мог, он играл хорошо, но Алле в этот день не везло.

Я завоевала первую в жизни золотую медаль. Обычно по окончании чемпионата страны гимн не играют, руку пожали, медаль повесили и разошлись. А тут, на Спартакиаде народов СССР звучит гимн. Мне восемнадцать лет (те восемнадцать, наверно, как сейчас четырнадцать), стою не дыша по стойке «мирно», и вдруг Метревели, на пьедестале, хватает меня за коленку. Тут я как дала ему по голове! Он только пробурчал: «У, характер».

Четвертого августа, на следующий день после награждения, у Метревели родился сын. По-моему, утром пятого об этом событии знал весь Советский Союз. Алик позвонил всем, кому мог, чтобы сообщить о рождении Ираклия, так он назвал первенца.

В 1967 году меня не послали на Уимблдон. Николай Николаевич Озеров, в то время председатель столичной Федерации тенниса, считал, что выступление в составе команды Москвы на Спартакиаде школьни-

ков важнее. Все думали, что я буду переживать. Но было некое обстоятельство, позволившее мне, к удивлению многих, равнодушно отнестись к такому дикому решению. Дело в том, что капитаном женской сборной Москвы назначили меня, а капитаном мужской сборной — Витю. Мне было все равно, кто поедет на Уимблдон, у меня начинался роман, и мы вчетвером — Вова Молчанов, по прозвищу Музыкант, Катя Крючкова, Витя и я — гуляли белыми ночами по Ленинграду. Жили мы в гостинице на стадионе имени Кирова — десять человек в комнате. Всю команду как-то повезли в Петергоф, и, естественно, через десять минут мы с Витей остались вдвоем, отстав от экскурсии. Меня вызвал Лев Михайлович Агаян и с неистребимым армянским акцентом сказал: «Оля, я понимаю, ты звезда. Я понимаю, ты чемпионка Уимблдона, но ты не имеешь права отделяться от коллектива». Я отпарировала: «Лев Михайлович, так это коллектив от меня отделяется...» Тот месяц, что я не поехала на Уимблдон, был незабываемым.

Самым трудным противником для многих была на Спартакиаде Офелия Папаян из Грузии. Маленькая девочка, но боец, трудно пробиваемая на задней линии. Мы обыгрывали все команды под ноль, наконец встретились с командой Грузии. Победили и ее, а я легко выиграла матч у Офелии. По-моему, это был финал, судя по тому, как бурно нас поздравлял Озеров. В то время популярность его достигла в стране апогея. Но он не считал зазорным ходить на наши детские матчи, приносить команде после победы букеты цветов и торты. Озеров уезжал в Москву, снова возвращался в Ленинград и тем самым создавал атмосферу огромной важности, ты ощущал себя человеком, выполняющим государственное задание. Наверное, поэтому все хорошо играли.

Теннис теннисом, но мы мечтали увидеть, как в два часа ночи на Неве разводят мосты. Лев Михайлович обещал нас отпустить посмотреть эту ленинградскую

достопримечательность, но только после финала. Мне же после финала надо было сразу садиться в поезд и отправляться на взрослую Спартакиаду. Витю тоже включили в основной состав, и он уезжал вместе со мной. Тогда я пошла к Агаяну: «Лев Михайлович, это нечестно, все будут мосты смотреть, а мы, первые номера, не будем?!» — «Я тебе разрешу персонально, — сказал Лев Михайлович, — но дай мне слово, что завтра выиграешь финал. И что в половине третьего будете уже дома». Мы дали Агаяну слово. Домой, правда, пришли в половине седьмого, но финалы выиграли.

Озеров считал, что победа в спорте — событие неординарное и к нему надо относиться, как к празднику. Николай Николаевич был горячий патриот Москвы и все время старался разбить пару Дмитриева — Бакшеева. Он говорил, что Дмитриева должна играть не с киевлянкой Бакшеевой, а со мной, москвичкой. Аня и Галя выигрывали в паре чемпионаты страны, и я совершенно не понимала, зачем надо разбивать их пару? Но Николай Николаевич, видя, что я на подходе, хотел создать на много лет в Москве сильнейшую пару.

Все теннисные праздники в моей юности связаны с Николаем Николаевичем. Все юбилеи Нины Сергеевны организовывал Озеров. Благодаря его принадлежности к артистической среде, в гостях у теннисистов побывали чуть ли не все театральные звезды и кинознаменитости того времени. Идея создания сильного тенниса в Москве, по-моему, не давала Николаю Николаевичу спокойно спать. Он окружил команду празднично-театральным флером и был настоящим шефом своей сборной. Во всяком случае, я знала: возникнут у меня проблемы, мне есть к кому обратиться. Николай Николаевич, не раздумывая и не откладывая, отправлялся со мной в райисполком хлопотать о квартире, потому что Морозову никто не знал, а Озерова знали все. На помощь он не скупился. Когда стало известно, что мы с Витей собираемся пожениться, Ни-

колай Николаевич восстал против столь скудного на фантазию празднества, как обычная свадьба. Он решил, что свадьба должна быть торжественной и проводить ее надо на корте с вручением молодоженам ключей от новой квартиры. Я была не только молода, но и глупа, не воспользовалась заманчивым предложением. Согласись я на представление, Николай Николаевич в лепешку бы разбился, но ключи от двухкомнатной квартиры достал. Но я заявила, что и так большую часть своей жизни провожу на теннисном корте и хотела бы свадьбу сыграть за его пределами. Озеров, конечно, расстроился, но на свадьбу пришел и был прекрасным тамадой, не хуже Метревели.

Патриотизм Николая Николаевича зашел так далеко, что он без всякого восторга воспринял мои с Аликом успехи в миксте, мы ведь не были московской парой, и, как мне кажется, осуждал, что я играла в паре с Крис Эверт и Вирджинией Уэйд. Он считал, что на худой конец лучше играть с молодой Мариной Крошиной из Донецка, чем добиваться высоких результатов с иностранками.

Однозначно к «слабости» Николая Николаевича относиться нельзя. Я тоже не против того, чтобы была единая команда, командный настрой и командный дух, но, с другой стороны, класс партнерш-соотечественниц был еще не высок и очень не хотелось проигрывать в первом круге. Все же приятно побеждать на открытых первенствах Франции и Италии. Мы были с Крис Эверт и в полуфинале Уимблдона. Справедливости ради замечу, что в паре с Мариной Крошиной спустя несколько лет мы выиграли открытое первенство США на крытых кортах.

Следующий, 1968 год для меня оказался нелегким. Переехав в Москву, на «Динамо» стала тренироваться Бакшеева. Начали накаляться страсти. Нина Сергеевна старалась, чтобы я ничего не замечала, но нервозность нарастала и скрыть это было трудно.

Ничего в жизни предсказать нельзя: пытаешься сделать так, чтобы все шло спокойно и гладко, а спортивные результаты не растут. А когда все идет наперекосяк — вдруг приходят победы. Я вышла из школьного возраста и вновь попала на Уимблдон, но не могу сказать, что успешно выступила в одиночном разряде, в паре же с Метревели мы дошли до финала. Это была сенсация.

В том же году весной в Париже, перед открытым первенством Франции, проходил Кубок Федерации, неофициальный женский командный чемпионат мира. Впервые на нем разрешили выступать и советской сборной. Я считалась третьим номером после Дмитриевой и Бакшеевой. В Париж мы попали последним самолетом, там началась всеобщая забастовка. Обычно теннисные соревнования во Франции организованы хорошо и четко, но тут возникали бесконечные проблемы, начиная с отсутствия бензина и кончая уборкой улиц. Тем не менее соревнования не отменяют, и мы начинаем играть. Бакшеева на первом номере, Аня на втором, я в запасе, меня допускают играть только в паре. Чуть ли не в первый и в последний раз я вышла на матч вместе с Галей. Мы играли, помоему, против итальянок, и очень удачно. Но Кубок Федерации мне запомнился не матчами, не банкетом в ресторане на Эйфелевой башне, а тем, что мы стали свидетелями настоящей революции, о чем я расскажу дальше.

Из Парижа через Москву мы отправились с Бакшеевой, но уже без Дмитриевой в Лондон. За границей у нас с Галей складывались вполне нормальные отношения, чего нельзя было сказать об отношениях дома, и причиной тому была старший тренер «Динамо» Светлана Алексеевна Севостьянова. Создавалось впечатление, будто, прилетая в Москву и проходя таможенный контроль, мы оставляли за таможенной стойкой нашу взаимную уважительность. Было обидно и неприятно. Я даже тренироваться с Галей боя-

лась, так как занятия превращались в сплошную нервоотрепку.

Несмотря на мои отдельные победы, Бакшеева, безусловно, в то время была лидером. Многие считали, что Галя — будущая звезда мирового тенниса и финалистка Уимблдона. Но прогнозы могли обрести реальность только в том случае, если бы Бакшеева работала, как, например, Маргарет Корт, теннисистка ее поколения. Но Галя как будто специально делала все, чтобы надежды ее поклонников не оправдались. И Дмитриева, и я следовали своей линии в жизни, и время показало, что мы оказались правы. У Гали, конечно, были и своя цель, и своя линия, но ничего не исполнилось из того, что ей прочили. Возможно, виной тому обстоятельства. Но, скорее всего, она избирала не те пути. Она по-своему любила теннис, но трудно понять, что в нем было для нее главным. Мы жаждали победы, Галя же неоднократно заявляла: «Играть надо ради собственного удовольствия». В конце концов жизнь ее сломала, ей пришлось играть в теннис, и играть долго, не ради удовольствия, а ради денег.

Последнее мое выступление на первенстве СССР прошло в 1980 году, Бакшеева все еще играла, хотя она на пять лет старше меня. В шестнадцать лет Галя говорила, что ей теннис надоел (рисовки, конечно, в этих разговорах хватало), и тем не менее продолжала играть и тренироваться и дотянула на корте до сорока. Мы часто в жизни делаем не то, что хотим.

Так вот, в то знаменитое лето, когда я в паре с Метревели вошла в финал Уимблдона, у меня случился тяжелый приступ холецистита. Лежала я дома, меня навещали знакомые и друзья. Приходила и Севостьянова, тренер Гали, говорила всегда массу комплиментов, а между тем, как выяснилось, плела интриги. В начальственных кабинетах она утверждала, что Морозова в финал попала случайно, заняв там место Бакшеевой. К сожалению, точно так же они с мужем действо-

вали, когда подросла их дочь Наташа, неоднократно открыто заявляя, что она будет чемпионкой взрослого Уимблдона: детский Наташа, в начале семидесятых, выиграла.

Мне кажется, мысль о таких победах должна быть сокровенной. В самой глубине души. Достичь таких высот человеку крайне тяжело, слишком много случайностей на этом подъеме. Не верить в себя, сомневаться нельзя, но трубить об этом на каждом углу тоже не стоит. Великий Розуолл трижды выходил в финал Уимблдона и ни разу не выиграл его! Но наше руководство любит, когда ему обещают невероятные результаты. Тебе для этого ничего не дали, ты еще ничего не сделал, а уже обещаешь — удобно и всех устраивает. Вот и слова Севостьяновой упали на благодатную почву. У руководителей «Динамо» стали разбегаться глаза: на кого ставить? Пока начальство решало столь серьезный для себя вопрос — случайно или не случайно мы обыграли чуть ли не все сильнейшие пары мира, я слегла с приступом от перенапряжения. Юрий Анатольевич Чмырев давал мне те же нагрузки, что и моему партнеру Славе Егорову. Юрий Анатольевич занятия вел хорошо, но с перебором, без учета индивидуальных особенностей. Как сейчас помню заснеженную целину поля Центрального аэродрома, что за комплексом ЦСКА, где я бегала наравне с мужчинами.

После холецистита новая напасть — начал нарывать ноготь на ноге, я не то что ходить, ступить на эту ногу не могла. Нина Сергеевна увезла меня на сбор в Сухуми со всей динамовской командой, — приближалось первенство страны. Из всего сбора я запомнила только то, как возмутительно относились тренеры к Нине Сергеевне. Это была зависть, скрыть которую люди не могли. Только один пример. Выгружаемся на сухумском вокзале. Я ковыляю на одной ноге. На перроне все встречающие бросаются к Севостьяновой и Бакшеевой. Ну ладно я, но Нине Сергеевне уже боль-

ше шестидесяти, и никому в голову не приходит ей помочь. И мы с ней через все платформы и пути тащим свои сумки и чемоданы. И молодой динамовский тренер, такой современный и общительный мальчик, будто не видит Нину Сергеевну.

Нас с Катей Крючковой и еще одной девочкой поселили в пансионате в трехместный номер. Мы с Катей по очереди спим на раскладушке. А Бакшеева живет в люксе гостиницы «Интурист» с Севостьяновой, гуляет на закрытом пляже. Нина Сергеевна уговаривает меня потерпеть, не срываться до чемпионата Союза. Я терпела, не срывалась, но сыграть хорошо на чемпионате не смогла, проиграла Ислановой, да и Галя не выиграла. Выиграла чемпионат Киви, плакавшая от радости, хотя я до этого слезинки у нее в глазах не видела. Есть такие люди, в них никто не верит, но они, собрав всю свою волю, годами ждут большой победы. Я думала: неужели и я так буду плакать, если выиграю первенство страны?

...В начале 1969 года я ушла в ЦСКА. Это потом у нас проводились зимний и летний чемпионаты СССР, а тогда зимний чемпионат назывался Всесоюзными соревнованиями. Я играла с Бакшеевой в финале этого турнира в 1969 году в Ленинграде. В теннисе важно — во всяком случае для меня — хорошо начать матч. Если же этого не происходило, мне стоило больших трудов повернуть матч в нужное для меня русло, иногда это и не получалось.

В Ленинграде я обыграла Бакшееву. Затем я легко выиграла летний чемпионат в Ташкенте. С 1969 года звание лидера женского тенниса в СССР перешло ко мне. На целых одиннадцать лет. Нельзя сказать, что за все эти годы я никому не проигрывала, но поражения были единичны, один, ну два раза за сезон, и каждое рассматривалось как сенсация. Неудобным соперником в начале семидесятых для меня была Марина Крошина, потом подросла Наташа Чмырева.

Я уже считалась сеяным игроком (сеяные игроки

определяются по личному рейтингу перед каждым соревнованием; в общей жеребьевке они не участвуют, их так разводят по сетке турнира, что в первых кругах они между собой не встречаются), когда Чмырева начала играть на Уимблдоне. Наташа по характеру была амбициозна, раздевалка сильнейших на Уимблдоне ее ужасно манила. Несколько раз она как бы случайно приходила туда переодеваться. Но закон есть закон: эта раздевалка только для тех, кто ее заслужил. И надо сказать, несмотря на молодость и явный талант, отношения с игроками высокого класса у Наташи не складывались. Наташа совершенно спокойно могла заявить на пресс-конференции, что Вирджиния Уэйд уже стара и она ее скоро обыграет. Она даже не пыталась ответить более корректно, например: «Вирджиния опытный игрок, но у меня есть шансы». У Жени Бирюковой был слабый удар справа, и Наташа ей совершенно спокойно заявляла: «Я не буду с тобой тренироваться, у тебя плохой удар, я могу его перенять». И это говорится игроку, который старше тебя, который так же, как и ты, готовится к турниру. Играя матч с Бетти Стове, Наташа умудрилась ей нагрубить, и та просто попросила ее из раздевалки. Мы встретились на Уимблдоне в 1976 году, встретились на центральном корте за выход в число восьми сильнейших. Мне двадцать семь, ей семнадцать. Две русские на центральном корте — исторический момент!

Обычно восьмерка играет в понедельник, мы же встретились в матче в субботу. Светлана Алексеевна Севостьянова в тот день приехала на Уимблдон в составе туристической группы, но на матч уже не успела, смотрела его по телевизору. Говорят, ей сделалось дурно, что ж, ее можно понять, для переживаний повод был: я повела в первом сете и выиграла 6:4, второй проиграла — 4:6, а третий сложился для меня совсем просто — 6:1. После матча, за ужином, подходит ко мне одна молодая теннисистка и говорит: «Теперь мы знаем, кто первый номер в Советском Союзе. Наташа»

собрала нас и сообщила, что если кто-то хочет узнать, кто настоящий лидер, пусть приходит сегодня на центральный корт». Потом с Наташей в раздевалке случилась истерика. Вела она себя, по крайней мере, странно.

Жаль, что настрой, созданный не без помощи родителей, будто ей все завидуют и стараются помешать, не позволил ей дружить с ведущими игроками. Очень талантливая девочка, с хорошим образованием, много читающая, знающая английский язык. Если бы отношения у нас с Наташей складывались хорошие, как у меня с Аней, то, тренируясь вместе со мною, она бы только от этого выиграла, как, безусловно, помогли и мне в свое время общение с Дмитриевой и ее опыт. Потенциально она была сильным игроком, на уровне мировой десятки, но, увы, не каждому дано достичь вершины.

НИНА СЕРГЕЕВНА

Нину Сергеевну я считала своей второй мамой. Вот на этом стуле в гостиной, кажется, совсем недавно она сидела. Катя только-только начала ходить. Она крутилась вокруг нее и, естественно, демонстрировала все свои возможности, читала какой-то стих в два слова, делала три прихлопа, два притопа, и, как водится, ее спрашивали: «Катя, кто это?» — «Это мама», — отвечала к общей радости Катя. «А это кто?» — «Это папа», «Это баба Аня». «Это баба Нина». У Нины Сергеевны слезы на глазах. Своих детей у Нины Сергеевны не было, жил в Москве ее племянник с семьей, но близости между ними не возникло. И всю свою нерастраченную материнскую любовь она перенесла на нас, учеников. Она любила нас, как своих детей. Я только забеременела, а Кате уже вязались носки. Нина Сергеевна стала жить моей жизнью, о теннисе она уже не думала, ее заботило теперь то, что я долж-

на быть хорошей матерью, заботило мое здоровье. Сразу изменились и наши тренировки, — я должна была тренироваться так, чтобы ребенок, который жил во мне, развивался здоровым.

Обычно ученик, уходя из спорта, прощается с тренером навсегда — теряется интерес друг к другу. Куда сложнее и драматичнее совершается переход ученика к другому тренеру, и хорошо, если расставание кончается пристойно. Теплякова очень тяжело пережила момент, когда Аня покинула ее. Как же она не хотела никому отдавать свою любимую ученицу, но отсутствие теоретических знаний не позволяло ей растить Дмитриеву дальше. Конфликт начался тогда, когда Аня стала ездить на турниры за рубеж. У нас существовало дурацкое правило: личных тренеров не посылать с учениками, ездили только тренеры сборной, тогда ими были Сергей Сергеевич Андреев и Семен Павлович Белиц-Гейман. К тому же и анкетные данные в те «бумажные» времена были не в пользу Нины Сергеевны: беспартийная, незамужняя, что сразу подразумевает некоторую легкомысленность, несмотря на возраст. Нина Сергеевна могла попасть на турнир только в группе туристов. Труднее испытания для нее нельзя было выбрать: раствориться в массе и не иметь контакта со своим учеником. Я с уверенностью могу сказать: наш теннис от этого только потерял. Ее интуиция, которая привела не одну девочку к большим победам, могла дать результат еще выше.

Нина Сергеевна была против того, чтобы Андреев занимался с Аней. Она ревновала ее. В итоге сама создала ситуацию — или я, или он. Когда подросла я, этой проблемы уже не возникло.

Теплякова не имела ни специального образования, ни институтского диплома, но зато у нее было чутье, внутреннее понимание тенниса, которое давало ей возможность в нем жить так же свободно, как чувствует себя птица в полете. Когда Нина Сергеевна, наученная горьким опытом, увидела, что я выхожу на

международный уровень, она давала возможность работать со мной другим. Она говорила: «Будем брать у них самое лучшее». Со мной мог работать любой тренер сборной. Кстати, в США один тренер в баскетболе ставит бросок, другой — защиту, третий — работу ног. Нина Сергеевна поняла, что надо использовать знания и опыт лучших специалистов. Вторую подачу, по ее просьбе, мне ставил Святослав Петрович Мирза. Игра с лета и блок на приеме был сделан Сергеем Сергеевичем. Нина Сергеевна не знала такого удара, как блок, в ее время его просто не было, так мощно раньше не били, но интуитивно чувствовала необходимость этого элемента в моей игре.

В том, что наши отношения не осложнились, я думаю, определенную роль сыграла моя мама, которая всегда меня сдерживала, если возникали конфликтные ситуации. Она не уставала напоминать, как много для меня сделала Нина Сергеевна и что ответом могут быть только благодарность и искренность в моих отношениях с тренером. Были моменты, когда я чувствовала, что тренер мне совсем не помогает, хотелось найти другого, который бы рывкнул, заставил... Но есть такое понятие, как порядочность, есть близость между людьми, есть, наконец, признательность человеку, который направлял тебя, не давал сворачивать с правильного пути.

Страшное время в моей жизни — угасание Нины Сергеевны. Но даже последние дни характеризуют ее как необыкновенного человека. Я уже работала тренером, Катьке пошел четвертый год, и я взяла ее с собой на тренировочный сбор. Накануне отъезда, как всегда, я позвонила Нине Сергеевне, предупредила, что уезжаю в Ташкент, сказала, кого беру из девочек в команду и что забираю с собой Катю, мама устала, ей надо отдохнуть. Обычно Нина Сергеевна жаловалась на то, как плохо себя чувствует, но в этот вечер промолчала.

Когда Нина Сергеевна начала жаловаться на здоровье, мы подозревали самое худшее, отвезли ее в больницу, но ничего страшного у нее тогда не нашли. Мы успокоились. Однако Нине Сергеевне пришлось в дальнейшем перенести несколько операций, из дому она выходила все реже и реже, поэтому мы обязательно созванивались каждый вечер. Беседовали по сорок минут, я рассказывала ей обо всем, что делается у меня на работе и дома. Она хотела знать все мои новости — они были частью ее жизни. В тот вечер тоже говорили долго. Через день звоню из Ташкента домой, и мама меня ошеломила: «Оля, у нас страшное несчастье, Нину Сергеевну увезли в больницу». Оказывается, она терпела до последнего, понимая, что мама разорваться не может: ей надо возиться с Катей, я же занята на работе... Нина Сергеевна ждала момента, когда мама останется одна и она ей сможет сообщить, как ей плохо. Через пару часов, как я улетела, Нина Сергеевна позвонила к нам: «Анна Илларионовна, терпеть больше не могу, приезжайте, я умираю». Когда мама к ней приехала, пришлось уже вызывать «скорую». В тот же день подключилась в помощь маме и Аня Дмитриева. Жить Нине Сергеевне оставалось недолго. Расставаться с жизнью всякому нелегко, но она держалась мужественно. Наша последняя встреча: я, как обычно, в Москве наездом, пришла в больницу ее покормить, привезла свежий творог с малиной. Она уже ничего не ела, но проглотила ложку творога и одну ягоду. Я ее помыла, протерла, она молчит, я понимаю, ей трудно разговаривать. Мне надо уходить, я пришла ненадолго, но я не могу встать и уйти, невозможно обидеть Нину Сергеевну. Как-то надо выходить из этого положения. Вдруг она говорит: «Олечка, ведь ты же торопишься, у тебя дела, иди, дорогая, иди». Даже в такой момент она все делала тактично. И только после того, как отпустила меня, она повернула голову к стене.

А ведь еще совсем недавно у нее было столько энергии, что казалось, Нина Сергеевна передает ее нам, своим ученикам.

Для меня каждое слово Нины Сергеевны было больше, чем закон, я ценила ее малейшее внимание ко мне. Насколько я помню, теннис меня захватил сразу. Я рвалась на тренировку, на корт, как каторжник на волю. У меня и мысли не возникало променять теннис на что-нибудь другое: например, на танцы, или, как сейчас говорят, дискотеку. И больное горло не могло мне помешать явиться на тренировку. Я думаю, каждому нравится делать то, что у него получается. То, что Нина Сергеевна поначалу меня подхваливала, еще больше привязывало меня к теннису. И если мне давали задание — сто раз ударить об стенку, я меньше ста раз не ударяла. Наверное, я уже пришла с честолюбивыми мыслями, и мне не только нравилось бить об стенку, но и хотелось делать это лучше других.

Первые два года ребенок в спорте держится только на отношении к его увлечению в семье. Нина Сергеевна никого сама не выгоняла, не травмировала детскую душу, не унижала их выставлением из секции. Тех, кто не подходил, она не брала совсем. «Ой, какая маленькая, какая хорошенькая, но толстوشечка. Нет-нет, с такой попочкой не надо... Очень миленькая девочка, но мне бы похудее и лучше, чтоб синюшная». Ей нравились быстрые, худенькие. Нина Сергеевна, наверное, единственный тренер в Советском Союзе, у которого не было «блатных» детей. Позже я не знала ни одного тренера, которому бы не навязали детей «по знакомству». И их берут ради того, чтобы другим ученикам жилось легче. Нина Сергеевна даже на дочь Дмитриевой, Марину, которая к ней какое-то время ходила заниматься, не обращала никакого внимания, понимая, что маминого таланта в Марине нет. Она тоже была по-своему честолюбива и хотела воспитывать чемпионов.

Тренер нас учила всему: как стирать теннисные носки и теннисную форму, как форму складывать в сумку, как проверять ее перед тем, как идешь на стадион. Учила нас вязать, следила за тем, что мы читаем. Она, в отличие от подавляющего числа тренеров, радовалась, когда у нас начинались романы. Я, как правило, видела обратную картину, попытку изолировать своего ученика, считая, что сердечное увлечение только ему помешает. А я, как и Нина Сергеевна, убеждена, что романтические прогулки и жар объяснений явление естественное. Это часть жизни, и немалая часть. Другое дело, сам спортсмен, если он профессионал, должен понимать, что любой закон природы имеет свои ограничения и исключения, в нашем случае это нормы спортивной жизни, которая не похожа на обычную.

Нине Сергеевне нравилось, когда за ее ученицами ухаживают мальчики, но она старалась их отбирать, чтобы вокруг нас оставались только хорошие и воспитанные. Когда мой будущий муж начал за мной ухаживать — а он был любимцем на «Динамо», как примерный мальчик, — Нина Сергеевна создавала нам «условия». Если мы вместе летели на соревнования, то у нас обязательно рядом оказывались места в самолете, если ехали в поезде, то попадали в одно купе. Нина Сергеевна любила проводить такие маленькие маневры, которые делали жизнь радостной. И при этом ее группа была самой дисциплинированной. На сборах полагается проверять, когда мы легли спать. Но Нина Сергеевна проверяла обычно только меня, потому что я была девочкой правильной и распорядка никогда не нарушала. Остальных она старалась не трогать: Нина Сергеевна не спрашивала, все ли на месте, а говорила: «Оля, все в порядке?» — «Да, все в порядке», — отвечала я. Все к тому времени разбрелись, я единственная, кто остался в комнате. Она же, спросив, все ли в порядке и получив утвердительный ответ, сознательно обманывала себя, избавляясь тем

самым от необходимости читать нам нотации. Некоторым ученикам она доверяла свои тайны. Мне же она рассказывала только веселые истории из своей жизни, вспоминала своих мужей.

«Иногда можно пошутить над мужем. Как-то мы справляли у друзей Новый год. И так он мне надоел: всю ночь ревновал. Мы возвращались домой на извозчике, едем по Кузнецкому мосту, и я его потихонечку — он немного выпил — сбросила с саней. И потом прекрасно догуляла до утра». Возможно, в этой истории много преувеличения, но она отражает характер Нины Сергеевны. Я хорошо знала первого мужа Нины Сергеевны, преданнейшего ее друга, Николая Николаевича Иванова, известного игрока двадцатых годов, ставшего потом одним из высококвалифицированных судей. Николай Николаевич всегда был очень строг, человек старых правил, он, независимо от погоды, пусть на улице даже минусовая температура, заставляла нас играть в белых костюмах. Но Нина Сергеевна, несмотря на его строгость, умела пользоваться его хорошим к ней отношением. Каждый раз, когда составляли расписание игр, она путала расчеты Николая Николаевича. Если она хотела, чтобы я играла в десять, я играла в десять. «Коля, я тебе сказала, ты обязан поставить Олю на десять». И он беспрекословно менял расписание.

«Девочки, — говорила Нина Сергеевна, — жить надо так, чтобы было интересно. Если ты справляешь Новый год, то должна вложить в праздник всю душу. Если ты приглашаешь гостей, то должна каждого из них обожать. От любого момента жизни надо получать удовольствие». Я помню советы Нины Сергеевны и пользуюсь ими по сей день. День приходит, надо получать от него радость, нельзя ничего откладывать на завтра.

Всегда красиво, строго и изящно одета. Английский стиль — обязательно шляпка, перчатки. Этот образ сложился еще в те времена, когда она была

«герлс», артисткой знаменитого в двадцатых годах ансамбля московского мюзик-холла. Не «девочкой», не балериной, а именно «герлс».

Она прожила интереснейшую жизнь и имела огромный круг друзей и знакомых. На тренировке могла сказать своей ученице: «Ну, что за выражение на лице, что за тоска? Что тебе, Цфасмана пригласить, чтобы развеселить?» И она действительно могла позвать самого модного эстрадного музыканта пятидесятых годов, потому что он, как и многие другие популярные личности тех лет, был ее другом, впрочем, она этим никогда не хвасталась.

Нина Сергеевна научила нас понимать и любить балет. Я сохранила эту любовь на всю жизнь. Мы знали все секреты и интриги Большого. Нина Сергеевна обожала Асафа Мессерера. И тайно при каждой встрече в карман его пиджака или пальто клала конфету. «Он никогда не знал, — уверяла Нина Сергеевна, — что я в него влюблена». Когда мы с ней однажды пришли в класс Большого и Мессерер, здороваясь с ней, ее поцеловал — им было уже за семьдесят, — она сказала: «Наконец я этого дождалась». Мы стояли рядом в немом восхищении: знаменитый Марис Лиепа, маленькая Оля Зайцева и я. Сцена, проходящая на наших глазах, была невероятно трогательной своей искренностью.

Перед поездкой на соревнования Нина Сергеевна выгребала весь холодильник: «Надо все доесть, чтобы не пропадали продукты». А продукты она всегда держала в запасе, привычка, оставшаяся от войны. «Я выжила в войну только потому, что у меня совершенно случайно оказались запасы кофе», — говорила Нина Сергеевна. Мы не успевали доехать до места, как все запасы из холодильника были съедены. Мы всегда с нетерпением ожидали момента «выгребания» продуктов из холодильника, потому что знали, что у Нины Сергеевны будет чем поживиться. Она собирала раз-

ную вкуснятину и деликатесы не для себя, для гостей. Сама же ела чаще всего одну гречневую кашу.

Моя Катя ходила к ней в гости на блинчики с вареньем и сгущенным молоком — по сей день это ее любимое блюдо.

Значение первого тренера, с которым к тому же пройдена большая часть твоей спортивной жизни, психологически необыкновенно велико. В Москве в середине семидесятых проходил ответственный турнир: у меня финал с Мариной Крошиной. Я, уже одна из сильнейших в мире теннисисток, прекрасно накануне отыграла турниры за границей, но дома Марина оставалась для меня самым опасным конкурентом.

Лужники, центральный корт. Обычно меня перед матчем разминал муж, мне подходила его манера, но в его разминке в этот раз чувствовалась некоторая легкомысленность. Витя не то что был безразличен к предстоящей игре, он просто серьезно на нее не настроился. Это чувство передалось и мне, в результате такого отношения к встрече я попала в трудное положение. И тут я увидела Нину Сергеевну, которая пыталась создать совершенно другую атмосферу, вернуть мне правильный настрой. Как она это сделала? Она села на скамейку, освободив места справа и слева от себя и предупредив: «Со мной не разговаривать. Меня не трогать и не отвлекать. Я смотрю матч». Конечно, я не слышала, что она говорит, но я сразу ощутила поддержку тренера. Витя что-то ей сказал, она ледяным тоном его оборвала: «Витя, воды!» Я поняла — в этом матче мы вместе с ней. Каждый момент моего передвижения на корте она переживала вместе со мной, это ощущение трудно передать словами, но ее сопричастность моей игре я помню по сей день. Я выиграла тот матч в Лужниках.

При каком бы количестве публики я ни играла, я всегда слышала три голоса: Нины Сергеевны, мужа и мамы. Где бы они ни сидели, с кем бы ни говорили, хотя бы пару слов, но слышала. Нина Сергеевна это

знала, может, сама испытывала подобное, поэтому обязывала всех молчать. Маме гнев Нины Сергеевны не грозил, она и так сидела как вкопанная на одном и том же месте, среди публики, с интересом прислушиваясь к тому, что обо мне говорят. Как я понимаю, она получала удовольствие, неожиданно раскрывая окружающим, какое отношение имеет к игроку на корте. В ложу она пересела только тогда, когда я уже стала совсем знаменитой. Витя всегда в ЦСКА стоял в одном и том же углу, Нина Сергеевна тоже практически не меняла своего постоянного места. Три мои опорные точки в матче. Хотя, честно говоря, я не боялась зрителей, так как любила, когда они болели не за меня, а за моих соперников.

Порой складывалось впечатление, что Нина Сергеевна просто живет на стадионе. Невозможно себе представить, что ты приходишь на стадион и не видишь на знаменитом динамовском кругу Нины Сергеевны в белой панаме, белой тенниске и голубом костюме. Вот она ходит, а мы вокруг нее бегаем, словно цыплята за наседкой. Десять лет мы встречались с ней на корте «Динамо», десять лет — ЦСКА. Я ровно разделила свою спортивную жизнь между этими клубами. Если у меня тренировка в десять, Нина Сергеевна на корте в половине десятого. Она приходила первой, а уходила последней. (Спустя годы у моей Кати был точно такой же тренер — Валя Сазонова, одержимая, как Теплякова. Фанатизм в работе с детьми — самый благородный вид фанатизма.) В те годы получить корт для тренировки считалось величайшим событием, в Москве их катастрофически не хватало. И как-то зимой нам представилась возможность в течение нескольких месяцев рано поутру играть на закрытом корте. Нина Сергеевна радовалась вместе с нами, абсолютно не задумываясь, что приезжать надо на полтора часа раньше, тем более что утреннюю внеплановую группу ей никто не оплачивал. Она была страшно жадная на время. Ее не любили все тренеры-женщи-

ны, с кем она работала, и обожали тренеры-мужчины. Женщины более ревнивы к успехам других. Наверное, поэтому все неприятности в жизни, которые у Нины Сергеевны случались, исходили именно от них, с мужчинами, как правило, она всегда находила общий язык.

Неприятности у нее случались большие, и причиной нередко была я.

Нельзя об этом не рассказать.

В 1968 году впервые в истории отечественного тенниса мы с Александром Метревели, как я уже говорила, вошли в парный финал Уимблдонского турнира. Незадолго до этого события старшим тренером «Динамо» стала Светлана Алексеевна Севостьянова. До нее эту должность занимал Борис Ильич Новиков. Как ни странно, но у Бориса Ильича с Ниной Сергеевной не сложились отношения, разлад произошел то ли на спортивной почве, то ли на житейской, не знаю, во всяком случае, отношения были натянутыми, и приходило Севостьяновой Нина Сергеевна откровенно радовалась.

Прошло время, и стало ясно, что Светлана Алексеевна человек очень амбициозный. В принципе это неплохо, человек всегда должен стремиться чего-то достичь, но дело заключалось в том, что Севостьянова захотела сразу завоевать вершины. Добрейшая Нина Сергеевна предложила ей своих учеников: запиши Севостьянова их себе — она тут же стала бы заслуженным тренером республики. Но тут начали возражать другие тренеры. В каких бы Севостьянова ни была отношениях с Тепляковой, говорили они, она еще слишком молода для такого звания.

Поняв, что выбранный путь неудачен, Светлана Алексеевна повернула ситуацию так, будто во всей этой истории виновата Нина Сергеевна, навязавшая ей своих учеников. Чтобы добиться задуманного, она изменила тактику: уговорила лидера тех лет, Галину Бакшееву, переехать из Киева в Москву. Я не знаю,

что произошло у Гали в ее родном городе, но планы их, видимо, совпали. Таким образом, в московском «Динамо» оказываются Бакшеева, на этот момент первая ракетка страны, Аня Дмитриева вторая, я, уже на подходе в ведущие, но пока третья-четвертая, Марина Чувырина четвертая-пятая, еще и Таня Чалко — почти вся женская сборная СССР. Бакшеева становится ученицей Севостьяновой, а Светлана Алексеева автоматически одним из ведущих тренеров страны. Справедливости ради надо сказать, что спустя десятилетие Севостьянова доказала свое право на это звание, вырастив отличную теннисистку — Наташу Чмыреву, свою дочку.

Всю сложность создавшегося положения я ощутила на себе очень скоро. Оказывается, Севостьянова обещала руководству общества, что в финале Уимблдонского турнира будет играть Бакшеева, а случилось так, что мы с Аликом вошли в число финалистов. Любители тенниса со всей страны поздравляют с успехом, все обсуждают наш результат, а в «Динамо» я сталкиваюсь с совершенно непонятным для меня отношением: полным равнодушием к моему достижению и безучастностью к моей судьбе.

Я прошу, вернее Нина Сергеевна за меня просит, чтобы мне помогли получить квартиру, мы живем в маленькой двухкомнатной квартирке вчетвером, где я в одной комнате с бабушкой, сплю или на полу, или на раскладушке. Но Севостьянова считает, что я молодая и мне пока ничего не нужно. Я, как говорят, «не возникаю». Мы тогда не могли сказать: «Дайте квартиру!» Мы ничего не могли. Первый раз я получила денежный приз, когда выиграла детский Уимблдон, мне заплатили шестьдесят рублей. Это казалось очень высоким заработком.

Я поступаю в институт, дорога каждая минута, а для тренировок мне предоставляют неудобное расписание. Когда готовишься к соревнованиям уже на уровне первой десятки страны, важен каждый час,

даже полчаса тренировок. В итоге получается, что квартиры у меня нет, времени для тренировок нет. А я между тем все чаще начинаю обыгрывать Дмитриеву, и ясно, что замахнулась на первое место в стране. Но Севостьяновой мои успехи не нужны. Если я первая, это означает, что авторитет Тепляковой незыблем. И началась страшная резня, Варфоломеевская ночь. Группа Нины Сергеевны — несколько хороших теннисисток — получают корт на полтора часа в день в самое неудобное время, а Галя Бакшеева одна владеет кортом два или три часа тогда, когда она пожелает. Все это уже стало переходить за рамки приличия. Я начала возмущаться, Нина Сергеевна — поплакивать. Мы пытались бороться. Светлана Алексеевна, в этих «соревнованиях» игрок опытный, делала все, чтобы я взорвалась, и, конечно, ей это удалось. На тренерском совете нам с Ниной Сергеевной устроили судилище. У нас нашли все симптомы звездной болезни. К тому же ее обвинили в том, что всех учеников она забросила ради меня. В общем, мы с ней оказались грязным пятном на бело-голубом знамени «Динамо». Я была в полном отчаянии. Тогда Нина Сергеевна принимает решение уйти из клуба. Она начинает вести переговоры о моем переходе в ЦСКА с Евгением Владимировичем Корбутом, старшим тренером армейцев. Тот соглашается, исходя, видимо, из таких расчетов: «Вот хорошо, Оленьку к себе возьмем. Ну, не будет первой, будет второй, все равно женщин в ЦСКА нет». Он посоветовал Нине Сергеевне, как правильно оформить мой переход.

Я отправилась к Колегорскому, в то время государственному тренеру, и рассказала ему, как мне трудно тренироваться в «Динамо», что в общем-то было святой правдой. Я рассказала и о сложившейся тяжелой ситуации, и о недостатке времени на тренировки, завершив свой монолог утверждением, что я должна перейти в ЦСКА ради того, чтобы расти как спортсменка дальше. В ЦСКА новые хорошие корты, отличные

спарринг-партнеры, а главное, спокойная обстановка. На следующий день я уже тренировалась в ЦСКА. Тут и начались настоящие неприятности и собрания с проработками, о которых не хочется ни рассказывать, ни вспоминать. Севостьянова умела убедительно выступать. Я помню, как еще в детском теннисе Светлана Алексеевна увлекала нас на спортивные подвиги. Когда нас с Бакшеевой вызвали на очередной разговор, чтобы мы помирились, стали подругами, Светлана Алексеевна сказала: «Я совершенно не могу понять, почему эти две советские теннисистки не могут жить мирно? Вот если бы я пошла в разведку, то и ту и другую взяла бы с собой, не задумываясь!» После такого заявления, видя, что происходит на самом деле, у меня, как говорят, волосы встали дыбом. Но Севостьянова говорила так страстно и так убедительно, что сейчас мне кажется, что в тот момент она, наверное, действительно так думала.

В 1969 году в Италии впервые проходило первенство Европы, где я должна была играть. Однако в «Динамо» мне сообщили, что выездную характеристику я не получу. И хотя я была совсем неопытна в подобных делах, повела себя на удивление толково. Когда меня стали пугать, что, если я не вернусь в «Динамо», с характеристикой у меня всегда будут осложнения, я ответила, что еду в Италию не на прогулку, а в составе сборной команды страны и если руководство общества считает, что я не достойна звания члена советской сборной и не могу защищать честь страны, то пусть дадут мне соответствующую характеристику.

В 1988 году в Киеве проходил чемпионат страны, и меня пригласила к себе в гости Бакшеева. Сделала вареники, и мы просидели с ней весь вечер как лучшие подруги. Со временем многое забылось, отлетело, а теннис, который нас объединял, остался.

Когда я ушла из родного общества, начали травить Нину Сергеевну. У нее сохранялась большая группа учеников, всех в ЦСКА невозможно было взять, и она

осталась в «Динамо», но просила Корбута, чтобы ей разрешили, как и прежде, вести мои тренировки. Это меня устраивало, так как я ни в коем случае не собиралась расставаться со своим тренером. Корбут, которому было выгодно записать меня в свои ученики, на это не пошел. И все же через год Теплякова вынуждена была прийти в ЦСКА, жизнь ее на другой стороне Ленинградского проспекта оказалась невыносимой. Таким образом, «благодаря» Светлане Алексеевне женский теннис в столичном «Динамо» стал потихоньку разваливаться: Бакшеева спустя год возвратилась в Киев, Дмитриева и вовсе оставила спорт.

От обвинений в развале работы Севостьянову спасла ее родная дочь, Наташа, ставшая превосходным игроком. Весь теннисный мир до сих пор вспоминает, как играла Наташа Чмырева. Теперь мы знаем, что ей все давалось нелегко, ее психику надо было беречь, тогда бы не случилось несчастья. Наташа обладала физической силой и завидной выносливостью, ее отец, Юрий Чмырев, как я говорила, тренер по физподготовке, правильно и хорошо ее подготовил. И техническое оснащение у нее было богатое, Севостьянова сумела собрать все лучшее из практики ведущих теннисистов, — это не недостаток, а замечательное качество тренера. Так что Наташе было чем играть, тем более что и характер у нее был спортивный. Но психически она всегда находилась на грани срыва. Были матчи, когда она убегала с корта в раздевалку, — в то время такие поступки еще не наказывались, можно было поднять руку и покинуть на короткое время корт. Иногда она пользовалась этим правилом в течение одной игры неоднократно, причем каждый раз после короткого отсутствия играла феноменально, в этом тоже есть определенная психологическая загадка. Может быть, неустойчивой психика Наташи была от рождения, может быть, изменения произошли в процессе роста — этого я не знаю. Но то что проглядели, упустили талантливую теннисистку

(ведь она играла на первую десятку мира), в этом я убеждена.

После ухода Нины Сергеевны из «Динамо» там начинает работать тренером Аня Дмитриева. Но как только Севостьянова почувствовала, что авторитет Дмитриевой может повлиять на ее власть и карьеру, она тут же создает ситуацию, при которой Аня вынуждена уйти. Дмитриева становится комментатором Центрального телевидения, за что в немалой степени должна быть благодарна Севостьяновой. Какое-то время выделялись в «Динамо» сестры Юля и Алла Сальниковы, но ушли из спорта и они, кончилось представление «Динамо» в сборной, исчезли динамовские традиции, которые десятилетиями создавались Ниной Сергеевной Тепляковой.

Для Тепляковой самым главным в жизни были не карьера, не власть, не влияние, а ученик и все, что связано с ним. Отношения с другими людьми рассматривались ею с точки зрения того, как те воспринимают ее учеников. Она боролась за нас, стараясь от всего нас оберегать. Чуть ли не каждый тренер в те годы, закончив Институт физкультуры, шел к Нине Сергеевне за советом и помощью, чтобы разобраться в своей новой профессии. Нина Сергеевна обстоятельно рассказывала, что нужно сделать на первом году обучения, что на втором, что на первых уроках, что на сотых, где успокоить, где подстегнуть. Рассказывала, так как не написала ни одного учебника, ни одного методического пособия. Все, что знала Теплякова, было записано и выпущено другими. Нина Сергеевна не обижалась. Она говорила: «Я без образования, мне неприлично иметь учебники». Но она любила, когда к ней приходили за советами.

Став тренером, я обсуждала с Ниной Сергеевной каждый вставший передо мной вопрос, хотя всегда имела свою точку зрения. Общение с выдающимися теннисистками и их тренерами, совместные наши тренировки не прошли для меня даром, и какую-то,

пусть небольшую частичку уверенности они мне дали на первых порах. Рано или поздно, но наступил момент, когда я вынуждена была сказать Нине Сергеевне, что из пяти ее учениц трое не поедут на сбор первой команды страны, а тем более на международный турнир.

Я говорила: «Нина Сергеевна, как вы считаете, вот я сейчас еду на Кубок Федерации, Сальникову надо брать?..» Нина Сергеевна замирала. «А Олю Зайцеву?» — спрашивала она. Я молчала. Тут она переставала разговаривать со мной, как со своей ученицей, а начинала «выступать», как на тренерском совете. Другими словами, принималась на меня давить. Но как! Мы обе взмокали у телефона, и наконец я, понимая, что могу сорваться и нагрубить, что допустить было невозможно, пыталась закончить разговор, прощаясь с ней. Но не тут-то было. Нина Сергеевна наседала, она брала штурмом Бастилию. Но и я не сдавалась. У меня тоже характер, я упорствовала. В конце концов она говорила: «Ну хорошо, о девочках мы поговорим с тобой потом, а сейчас скажи, как себя Катенька чувствует». Мы переходим на нормальный тон, нас обволакивает тема домашнего уюта, и нам становится сразу легче.

Сейчас невозможно вспоминать без улыбки, как она боролась за своих девочек всеми правдами и неправдами. Если кто-то говорил, что у Морозовой плохая вторая подача, она могла этому человеку выцарапать глаза. Если кто-то утверждал, что у Танечки Чалко плохой удар слева, а Олечка Зайцева капризная, она могла с этим человеком перестать общаться. Нина Сергеевна нас наказывала по-своему: не подходила во время тренировки, не обращала внимания. Терпеть равнодушие тренера всегда тяжело. Но мы быстро нашли выход из этого сложного положения. Мы знали, Нину Сергеевну достаточно поцеловать, чтобы она простила. Нашей гордости никогда не хватало больше чем на день, потом мы приходили с поцелуями и

просьбами о прощении. Нина Сергеевна: «Ну, последний раз». Она любила, чтобы к ней ласкались.

Нина Сергеевна лживости не терпела. Мы ласкались к ней и когда шли с поникшей головой, и когда скакали от радости, но всегда были искренни. После матча, если я выигрывала, целовала тренера, если проигрывала, то Нина Сергеевна целовала меня. Она погладит, успокоит, но никогда не сделает сразу разбора проигранной встречи. Никогда. Став сама тренером, я за собой замечала, что порой сразу говорю об ошибках проигравшей, темперамент меня захлестывает. Я не то что ругаю, но говорю все, что думаю о матче, хотя всегда это лучше сделать позже. Нина Сергеевна же на людях не делала ни одного замечания. Позже, на тренировке, она спокойно возвратится к тому элементу, что был причиной неудачи. Она обладала бесконечным запасом терпения.

После многих лет поездок за рубеж на соревнования в составе туристской группы Теплякова наконец стала ездить как официальный тренер. Это незабываемые истории. Впервые ее официальный выезд произошел в 1968 году. Мы играли во Франции, в Туке, на Кубке Суабо (командное первенство Европы), и она была со мной.

После финала Уимблдона я приехала на Кубок Суабо звездой. Этому обстоятельству Нина Сергеевна радовалась безгранично. Радовалась своему французскому языку, на котором могла произнести лишь несколько слов: «О, мадам!», «Бонжур!» Потом огорченно вздыхала: «Ах, я ничего не понимаю, я все забыла!» Она радовалась всему.

С Ниной Сергеевной отправились на Кубок Суабо, кроме меня, Роза Исланова, Аня Еремеева (после замужества Красько). Команду возглавил Адольф Ефимович Ангелевич, по-своему легендарная личность в истории нашего тенниса. Тогда ему было пятьдесят, но и в семьдесят энергия была из него ключом. К Нине Сергеевне Адольф Ефимович относился прекрас-

но. Он преподавал в Институте иностранных языков и внимательно следил за нашими манерами, обучал нас этикету. Адольф Ефимович придавал большое значение тому, чтобы на ужин девочки не приходили в тренировочных костюмах, делал замечание, если видел нож в левой руке или когда заранее нарезали мясо в тарелке, как это делают американцы. Он указывал нам, чтобы хлеб был слева, чашка справа и чтобы не начинали есть раньше хозяина. Шутить Ангелевич не умел, воспитывал назиданием. Нина Сергеевна ценила Адольфа Ефимовича не только как воспитателя, но и как замечательного организатора, снявшего с нее все нагрузки, которые она ненавидела: размещение в гостинице, заказы автобуса, вызов такси. Ее делом и жизнью был корт.

А как мы ехали в Париж?! Все содержимое холодильника нашего тренера, естественно, ехало с нами — это свое правило Нина Сергеевна соблюдала неукоснительно. Свертки и баночки Нины Сергеевны были сложены в авоську, которую вручили Ане Еремеевой. Потом решили, что в Париж с авоськой ехать неудобно, и переложили их в мою сумку. Как только прибыли в Шереметьево, Нина Сергеевна отправилась в буфет докупать еще и икры.

В Париже садимся на такси, переезжаем на вокзал, по-моему, Северный. Нина Сергеевна полностью в руках Ангелевича, он один говорит по-французски, все мы с открытым ртом смотрим на него. Он говорит «направо» — мы направо, «налево» — мы налево, «прямо» — мы прямо. Нина Сергеевна спрашивает: «Адольф Ефимович, куда нам садиться?» Он покупает билеты, конечно, второго класса. «Туда». Мы, нагруженные сумками с провизией, влезаем в вагон. «Адольф Ефимович, я очень волнуюсь, здесь же и первый и второй класс, куда нам садиться?» — «Нина Сергеевна, не торопитесь, пожалуйста, я все выясню».

Подходит проводник, Адольф Ефимович спраши-

вает, правильно ли сели сюда с билетами второго класса. Тот согласно кивает головой. Мы восхищаемся вторым классом. Мягкие замечательные вишневые диваны, роскошные занавески. Что же делается в первом? Нина Сергеевна: «Девочки, размещаемся, и надо поесть». Только мы расселись, в купе заглядывает кондуктор. Мы не понимаем, отчего начал дергаться Адольф Ефимович, что происходит, и, не обращая внимания на муки Ангелевича, продолжаем поглощать бутерброды. В это время возникает спор — не хватает пирожного, кто-то съел лишний бутерброд с икрой. Мы, три здоровые, веселые, жизнерадостные девицы, хохочем не умолкая. И явно мешаем сосредоточиться Адольфу Ефимовичу. Нина Сергеевна пытается его успокоить: «Ничего, не переживайте, детям надо покушать». В конце концов он не выдерживает: «Собирайтесь. Мы сели вместо второго в первый класс». Нина Сергеевна удручена: такой знающий человек и совершил такую ошибку. И снова начинается суматоха. Мы опять складываем сумки, ищем сброшенные туфли и при этом, естественно, продолжаем хохотать. Маленький Адольф Ефимович, как настоящий джентльмен, пытается схватить все чемоданы сразу, успеть найти и занять место во втором классе, а нас по-прежнему раздрает смех. Ангелевич один — чемоданов много. Наконец устраиваемся заново, Адольф Ефимович весь в поту. Нина Сергеевна: «Адольф Ефимович, вы теперь уверены, что нас отсюда не попросят?» Ангелевич в негодовании, мы же буквально катаемся от смеха. Со стороны мы, наверное, выгладим довольно глупо, но нам все очень нравится.

У Нины Сергеевны всегда были в запасе забавные истории. «Представляете, мы играем на первенстве страны... Нам тогда платили деньги за призовые места. Сразу наличными. Огромные деньги. Полторы тысячи рублей! Это не нынешние полторы тысячи. Спрятали деньги в чемоданы и с Борисом Новиковым

отправились в Сухум. Едем через Тифлис, а там случались нападения бандитов на поезда. Положили вещи на верхнюю полку. Я говорю: «Боря, я иду в туалет, сейчас будет туннель, следи за моим чемоданом». Выхожу из туалета, а мой чемодан вытягивают в окно. Там же огромные деньги! Прощай, мой Сухум! Хорошо, что я вовремя выскочила. «Боря, куда же ты смотришь?» — «Я светил фонариком». Но оказалось, он светил на другой чемодан».

...Маленький городок Туке, поезд стоит минуту-полторы. Весь вагон уже знает: русские теннисистки едут играть турнир, и весь вагон переживает, как бы мы не проскочили свою станцию. Каждый считает своим долгом сказать: следующая станция — Туке. Мы говорим всем «мерси», а Адольфа Ефимовича, наверное, мучает мысль, как он успеет выкинуть все наши чемоданы. Выгрузились, спустились с платформы в длинный туннель, выходящий на привокзальную площадь. Мы тащимся с сумками, Нина Сергеевна шагает в кокетливо надвинутой на лоб шляпке, Ангелевич сгибается под грудой чемоданов, и в этот момент у Ани Красько рвется ручка у сумки — это последняя капля. Мы бьемся в истерике от смеха. Грохот, усиливаемый еще и эхом, сотрясает весь подземный переход. Мы не можем остановиться, Нина Сергеевна смеется вместе с нами. Адольф Ефимович ничего не понимает, он возмущен поведением Нины Сергеевны.

К счастью, мы выиграли Кубок Суабо.

В Туке случилась еще одна забавная история. Нину Сергеевну называли «дамой в шляпке». В каждой поездке я выбирала Нине Сергеевне новую шляпку, и она очень ценила мою внимательность. Рано утром, на следующий день после победы, мы уезжали на «Мерседесах» (устроил Адольф Ефимович) в Париж. Сказка. Возможно, Ангелевич боялся заказывать билеты на поезд, поэтому поехали на машинах. Только отъехали, Нина Сергеевна говорит: «Ах, где моя шляпка?»

В Париж без шляпки! Нина Сергеевна такое представить себе не могла. Мы вернулись в Туке.

Нина Сергеевна ездила со мной на турниры всего три раза. Потом сказали, что сборной она как тренер не подходит, хотя все эти три года мы выигрывали Кубок. Но еще долго в Туке вспоминали «русскую даму в шляпке».

Теплякова радовалась каждому моему успеху, но не верила, что я могу, например, обыграть Гулагонг. И тем более не могла себе представить, что я обыграю Кинг. Достаточно было мне играть с Кинг хорошо, для нее это уже был праздник. В 1973 году она приехала на Уимблдон с туристами. Я играла матч за выход в 1/8 финала с Гулагонг. Нину Сергеевну прямо с аэродрома привезли на стадион посмотреть матч. Я ее провела и посадила на место тренера. Играли мы не на центральном и не на первом корте, а на втором, где место тренера на трибуне среди публики. Естественно, после каждого мяча я смотрела в сторону Нины Сергеевны. Вскоре на нее смотрел уже весь стадион, понимая, что между нами есть какая-то связь. Нина Сергеевна дышала этой атмосферой: я хорошо играю, она и я — одно целое. За нами следят трибуны Уимблдона. Для нее это была огромная радость.

Я проиграла матч, хотя вела в решающем сете 5:3 и счет в гейме был по тридцати. Двух мячей не хватило, чтобы обыграть Ивон в тот год. В верхней, самой лучшей раздевалке мне дали ванну, я лежала в ней и рыдала. Мне хотелось разорвать все красивые полотенца, что были уложены там стопкой, мне хотелось утонуть, так тяжело я переживала проигрыш. А когда вышла из раздевалки, Нина Сергеевна начала меня поздравлять. Я сказала: «Сколько можно просто хорошо играть?! Я уже не хочу хорошо играть, я хочу выигрывать!» Но все равно ее радость, что мы достигли такого уровня, была приятна.

Нина Сергеевна получала удовольствие от разрешения даже самых мелких забот. В то время на Уимбл-

доне охрана турнира была несколько проще, чем сейчас. «Секьюрити» то ли боится, что кого-то украдут, то ли опасается террористов, но сейчас пройти в непредусмотренную твоим пропуском зону невозможно. А тогда я спокойно могла посадить в машину, которую давали игрокам, Нину Сергеевну, не являющуюся членом делегации. Тем самым она сэкономила целое состояние для советского туриста, два с половиной шиллинга, которые должна была бы потратить за проезд в метро до Уимблдона и обратно. Хотя для нее важнее было то, что она ехала на машине Всеанглийского теннисного клуба, которую присылают за игроками и тренерами. В эти минуты она себя чувствовала причастной к событиям Уимблдона.

Нам давали талоны на питание, у меня их скопилось много, часть сборной уже уехала, и их талончики остались у меня. Я подхватила Нину Сергеевну и повела ее перекусить, да еще в гостиную той раздевалки, где комната для суперигроков. Она говорит: «Оля, ведь бывают в жизни счастливые моменты, сколько же ты мне их устроила!» Мелочи жизни, глупости жизни, они ее радовали.

...Мы встретились с Ниной Сергеевной в 59-м, ей уже тогда было 55. Не могу сказать, кого она больше любила: меня или Дмитриеву. Наверное, мне была признательна, что я до конца не расставалась с ней, с другой стороны, Аня — ее «первая любовь». Аня вернулась и помогала ей, отношения между ними сложились довольно трогательные. Но вначале Нина Сергеевна страшно обижалась. Чувства оставленного тренера могут понять только те, кого бросили родные дети.

В Москве на «Динамо» проходил международный турнир на земляных кортах. Самые тяжелые матчи у Ани с Рязановой (как у меня потом с Крошиной). Мы, малыши, подавали мячи. Перед игрой Нина Сергеевна объясняла нам, как правильно надо это делать. Но когда наступил тяжелый момент матча, Аня устала, у нее

началась одышка. Нина Сергеевна меня позвала: «Оля! Оля!» Я у задней линии — она на трибуне. Я подлетаю, она шепотом: «Ходи медленно». И хотя полагалось подавать мячи вовремя, я делала невероятное, затягивая время, как могла. Однако Аня все равно проиграла.

Нина Сергеевна любила наших мужей, Аниного Митю и моего Витю, она их любила за то, что они принесли счастье в нашу жизнь. Витю, как мне кажется, она обожала. У него хорошее чувство юмора, и Нине Сергеевне нравилось, когда он с ней шутил.

Я ведь часто отсутствовала, и в то время, когда ей уже совсем стало плохо, Витя оказался для нее спасителем: продукты привозил он, разговаривал с ней он, звонил с последними новостями он. Витя никогда у Нины Сергеевны не тренировался, он был только моим спарринг-партнером. Разногласий не может избежать никакая семья. Однажды я решила проучить своего мужа. Нет, я не переехала к маме, я отправилась к Нине Сергеевне. «Он плохо себя ведет, делает то-то и то-то, будет звонить, не говорите, что я у вас». Она совершенно спокойно согласилась играть отведенную ей роль. Витя ей сразу же позвонил: «Нина Сергеевна, Оля у вас?» Она в ответ: «А где Оля? Витя, в чем дело? Ей завтра тренироваться». Витя растерялся, стал объяснять, что я куда-то ушла погулять. Нина Сергеевна положила трубку. «Оля, все получилось, как задумали». Мы уже были как подруги — не каждый тренер сумеет перейти в это качество. Нина Сергеевна сумела.

ВЗРОСЛЫЙ ТЕННИС

В 1969 году я впервые и довольно легко выиграла первенство СССР. С этого года и до моего ухода я возглавляла всесоюзную классификацию. У советской теннисной федерации существовало такое правило:

неважно, как ты играл весь сезон за рубежом, но если ты побеждал во внутреннем чемпионате, ты автоматически становился первой ракеткой страны. Обычно это соответствовало реальной расстановке сил внутри страны, на чемпионатах СССР побеждал сильнейший. Но нет правил без исключений: в 1974 году, после финала Уимблдона, будучи сеяной второй на «Ю.С.опен» (Открытое первенство США), я растянула связки стопы, и мне пришлось отказаться от участия во всесоюзном первенстве. Выиграла его Крошина. Галина Акимовна Кондратьева, которая в то время занималась классификацией, радостно мне сообщила: «Оля, мы сделали исключение, теперь ты с Мариной Крошиной первая-вторая». Я поблагодарила ее: все же приятно, когда финалистку Уимблдона оставляют лидером во внутрисоюзной классификации. За одиннадцать лет на чемпионатах страны я завоевала двадцать две золотые медали.

При том, что мой отрыв от лучших теннисисток страны наметился в конце шестидесятых, на регулярные международные соревнования я еще претендовать не могла, хотя Дмитриева, родив второго ребенка, закончила играть в больших турнирах, а Бакшееву я уже обыгрывала постоянно. К тому же я была моложе всех, а у нас любили, чтобы лидерам за двадцать пять не переваливало. Парный финал Уимблдона, в который я попала с Метревели в 1968 году, дал мне уверенность, что я могу играть на равных с сильнейшими игроками мира и что Уимблдон всего лишь соревнование, пусть и великое. Если я вошла в финал пар, почему такое не может произойти в одиночном разряде?

С 1969 года в течение десятилетия на внутренних соревнованиях я почти не проигрывала. Мой календарь тогда выглядел так: четыре турнира дома зимой, потом сборная уезжала ранней весной на турниры в Каир и Александрию. В конце мая проходило первенство Франции, конец июня — Уимблдон, в августе я

выступала на Московском международном турнире, осенью иногда попадала в Штаты. Но это событие относилось к разряду экстраординарных. Регулярные поездки за океан начались с 1971 года. В теннисе стали разыгрываться значительные денежные призы. Спорткомитету понравилось зарабатывать валюту, и нас, женскую часть сборной, посылали теперь для участия в серии турниров «Вирджиния слимз».

Но самым главным соревнованием для советских теннисистов считалось первенство Европы. В свое время европейская Федерация тенниса обратила самое серьезное внимание на свой чемпионат. Соцстраны всемерно поддерживали континентальную федерацию, мир переориентировался на профессиональный теннис, в Европе же его почти не знали и решили создать любительский противовес. Об отношении наших прежних спортивных руководителей к профессиональному спорту хорошо известно. Конечно, Советская федерация тенниса была самым активным сторонником европейского любительского чемпионата. Действительно, на первых порах первенство Европы для теннисистов было интересным. А для меня оно связано с первыми моими международными победами. В 1968 году я в паре с Зайгой Янсен, а в миксте с Владимиром Коротковым выиграла золотые медали. Абсолютной чемпионкой я стала, победив во всех трех разрядах, в 1971 году в Болгарии.

Чемпионаты Европы шли один за другим. Пары, миксты, одиночки — я старалась везде, где можно занять первое место. В конце концов, я собрала двадцать две золотые медали, из них шесть за одиночный разряд. На чемпионате Европы я победила Мартину Навратилкову, тогда она была еще совсем девочкой, хотя уже и догоняла взрослых. Мы встретились с ней в 1/8 финала. Худенькая, серьезная, этакая девочка-мальчик в шортах, с очень умными глазами. У нее бэкхэнд (удар справа) был послабее, я под него села и, в общем, выиграла без больших трудов. 1973 год, зна-

чит, Мартине тогда уже исполнилось шестнадцать. Мы играли в Пескари, в Италии, и матч получился, по моему, неплохой.

Вы еще не раз встретите английские названия теннисных элементов. Это естественно: теннис — игра, рожденная в Англии. Так вот что означает бэкхэнд. Фактически — это удар из-за спины. И если вы хоть немного знакомы с теннисом, то легко себе представите, что именно так вы начинаете свой удар по мячу слева. Это в том случае, если вы правша. Но если вы играете левой рукой, как, например, Мартина, то для вас это удар справа. Объясняя, как надо действовать, я не говорила своим игрокам: «Обрати внимание на его удар справа, учитывая, что противник левша». Мне было проще сказать: «Обрати внимание на его бэкхэнд или форхэнд».

В свою очередь форхэнд — это удар перед собой. Значит, для правши — удар справа, для левши — слева.

В книге упомянут и дропшот — падающий удар. Теннисисты так говорят об укороченном ударе, когда после него мяч опускается на стороне противника у сетки как бы обессиленный, не имеющий инерции для отскока.

Вы не раз прочтете и выражение «уайлд-корт», после некоторых раздумий я перевела этот термин как «свободная карта». Уайлд-корт имеет отношение к любому профессиональному теннисному турниру. Уайлд-корт означает свободные места в сетке соревнований, которыми распоряжаются сами организаторы, а не федерация. Распределение этих мест как бы и означает выдачу уайлд-корт.

На чемпионате Европы 1979 года в Сопоте я победила в финале Хану Мандликову из Чехословакии, которая считалась восходящей звездой, а я только-только родила Катеньку. Накануне Хана легко переиграла Наташу Чмыреву в полуфинале. Мне тридцать, сопернице двадцать, но она уже знакома со многими круп-

ными финалами. Я, умирая от усталости, обыграла Манддикову 7:5 в решающем сете на одних, как говорится, морально-волевых качествах. На чемпионатах Европы ко мне, многократной победительнице, всегда подходили с большим почтением, которое еще подкреплялось тем, что я успешно играла и среди профессионалов.

Как бы серьезно европейские федерации ни относились к своему первенству, все же женский теннис Старого Света был слабее американского, большая часть теннисных турниров проходила на другом континенте. Но женщины более управляемые и дисциплинированные, чем мужчины, несмотря на отлаженные профессиональные турниры с большими денежными призами, они еще долго собирались на любительском чемпионате Европы в сильном, по международной классификации, составе. Для нас, советских теннисистов, эти соревнования были чрезвычайно важными. В теннисе нет чемпионата мира, и теннисисты могли рассчитывать на квартиры, звания и другие советские привилегии только за успехи на чемпионатах Европы.

Были победы не только на первенстве континента. У меня есть приз с открытого первенства Италии. После третьей победы мне оставили его навсегда. Первая победа в паре с Хант в 1972 году, вторая — на следующий год с Уэйд и третья — с ней же. Но какие еще имена выгравированы на этом кубке: Кинг, Эверт, Тернер, Казалс, Корт, Дюр.

Открытое первенство Франции один раз в паре я выиграла, еще два раза была в финале, парном и одиночном. Я играла пару в финале открытого первенства США, а позже и выиграла его с Мариной Крошиной. Выиграла турнир в 1972 году в Австралии. В Аргентине в 1973 году я победила во всех трех разрядах. В Аргентину мы попали, когда никто из советских граждан в эту страну не ездил, там установился фашистский режим. Мало этого, так еще и президентом

теннисной федерации был генерал, начальник службы безопасности. В финале турнира в Буэнос-Айресе я победила Бетти Стове, вместе с ней выиграла парные состязания, победила и в миксте со Славой Егоровым. Мне вручили три медали, отлитые действительно из золота, что в спорте случается редко.

После турнира аргентинская федерация устроила прием на вилле своего президента. Из всей делегации — Колегорский, Лейус, Егоров, Морозова — я, как обычно, была единственной женщиной. В нашей команде я служила справочником и манекеном для семейных покупок, но тут, в Аргентине, оказалась в новом для себя качестве — светской дамы. Сперва нам показали замок генерала с тренажерным залом и кортом. Все шло хорошо, пока не начались танцы. Они, естественно, начались с танго, и президент федерации пригласил меня открыть бал. Мне легче было пять сетов сыграть, чем пройти с ним круг танго. Танцую, пот льет по спине, постоянно наступаю на генеральскую штиблету и ловлю обращенные ко мне его вежливые, но осуждающие улыбки: «Что ж ты, девочка, нельзя же так...» Я танцевала всегда неплохо, а тут никак не могла понять, отчего мне так неудобно и трудно? На выручку пришел Лейус. Сразу же, после моего провала, он приглашает меня на танго, с ним у меня все получается, на ноги Томасу я не наступаю. Дело в том, что в Аргентине этот танец имеет совершенно другие движения, чем у нас. Когда мы с Лейусом остановились, розы к моим ногам не бросали, но аплодисменты я услышала, тем самым с помощью Лейуса свою репутацию спасла.

В те годы каждый выезд за границу, кроме нескольких традиционных турниров, казался счастливой случайностью. Это уже позже, если не было заявки на игрока за три месяца до начала турнира, его не включали в сетку. А тогда, когда большинство теннисистов составляли любители, таких правил не было, и русских, как всегда, в последний момент записывали

в стартовый протокол. Моя высокая классификация и в то же время любительский статус позволяли организаторам закрывать глаза на мой неожиданный приезд. Официально профессионалом я так и не стала, до конца спортивной карьеры оставалась любителем, хотя к концу семидесятых почти все западные теннисистки получили профессиональный статус и обязаны были подчиняться строгим законам коммерческого спорта.

В те давние годы мы, наверное, больше играли ради результата, чем ради денег. Мы вместе обедали, развлекались, болтали, как болтают все девчонки. Такая жизнь сближает. Сейчас спортсмены разъединены: большие деньги — это хорошо, но не во всем.

Сан-Франциско, зима 1989 года, я сижу у корта, наблюдаю за тренировкой своих девочек. Ко мне подходит Роза Казалс и говорит: «Пошли!» Я даже не успела спросить куда. «Возьми у Зверевой ракетки, будешь меня разминать». Казалс тогда было сорок, но она еще играла в турнирах, правда, теперь только парные комбинации. И на центральном корте, перед матчем с Навратиловой, я ее разминаю. «Знаешь, Ольга, — говорит Роза, — все такие пижоны, никто лучше тебя мне не покидает». Наша разминка, как фильм ретро, она тут же собрала всех «бывших», кто оказался на этом турнире, и мы все получаем огромное удовольствие.

Я убеждена, что душевной близости между игроками в мою бытность спортсменкой было больше, и, скорее всего, оттого, что деньги в теннисе тогда платили маленькие. Для нас призовой фонд в десять-пятнадцать тысяч казался огромным. Может, и мне общаться с западными теннисными звездами было проще оттого, что в своих странах они выглядели не лучше, чем я в своей. И Кинг и я чаще всего носили джинсы, в многотысячных платьях и бриллиантах никто на приемы не приходил. Конечно, Наташе Зверевой было сложно подружиться с Сабатини или

Граф, как мы дружили в свое время. По теннисной классификации они шли рядом, по уровню жизни между ними пропасть.

«Вначале, когда пришли эти невероятные деньги, — вспоминала Дюр, — в раздевалке началась невообразимая ругань. Кто-то у кого-то зажал очко, кому-то подсудили. И в конце концов пришли к общему мнению: если мы будем так ненавидеть друг друга из-за пары сотен долларов, жизнь станет черной, давайте все же решим, что будем делать дальше... Собрались и решили: теннис есть теннис — это работа, но когда ты в раздевалке, работа уже закончилась. Что произошло на корте — переживай одна, переживай в душе, а в раздевалке настроение свое не демонстрируй». Это черта профессионального отношения к спорту — контроль эмоций вне арены.

...Мои победы над сильнейшими начались с выигрыша у Гулагонг в Куинс-клабе. Я долго подбиралась к первой десятке, но никого из них обойти никак не могла. То три сета сыграю с Кинг, то три сета с Энн Джонс, то еще с кем-то, но никак не получалось выиграть у суперзвезды. Вот уже совсем близко, вроде хорошо играла, Нина Сергеевна радовалась, все радовались, но победы не приходили. Я уже говорила, как вся изрыдалась и истерзалась от горя, что никак не могу дожать Гулагонг в последнем сете. Спустя годы перед Уимблдоном женщины играли турнир в Исборне, мужчины в Куинс-клабе. А тогда в Куинс-клабе — где я в 1973 году вошла в финал крупного турнира — соревнования шли параллельно и женские и мужские. Для тренера сборной Сергея Сергеевича Андреева Алик Метревели всегда и во всем был на первом месте, и, когда полуфинал Алика совпал по времени с моим финалом с Ивон Гулагонг, Сергей Сергеевич, естественно, отправился смотреть, как играет Алик.

Так первый свой крупный турнир я выиграла при большом скоплении публики, но при полном отсутствии хотя бы одного советского болельщика, пусть и

старшего тренера сборной. Я победила Ивон очень легко, а главное, добилась преимущества над игроком, даже не десятки, пятерки. И первая моя мысль: «Как жаль, что Колегорский года не дожид до этой победы на пути к серебряной вазе Уимблдона». Колегорский, ветеран советского тенниса, написал книгу и в ней спрашивал: «Когда советский теннисист выиграет Уимблдон?» Потом я подумала о том, как порадуетя Нина Сергеевна, потом немножечко о себе, а потом уже побежала звонить домой.

В 1973 году я на Уимблдоне уже вошла в число сеяных игроков. Турнир для меня закончился на 1/4 финала, но это означало, что я среди первых восьми, то есть место среди лучших заняла по праву.

На следующий год в США, на престижном турнире, я обыграла Кинг. Еще не наступили времена, когда синтетический ковер, покрытие корта, перевозят из города в город, как это стало происходить позже на серии «Вирджиния слимз». Тогда было так: сегодня мы играем в зале, завтра на улице, послезавтра вновь возвращаемся под крышу. При такой требующей и большого универсализма, и умения быстро перестраиваться в моментальной «смене декораций» я выиграла свой первый турнир в Америке. Это произошло в Филадельфии.

Со мной вместе в США была Женя Бирюкова, выступили мы с ней вполне прилично в паре, но она проиграла отборочные соревнования одиночек в Сарасоте и не попала на турнир в Филадельфию. Ее тренер Спиридонов, он же руководитель «делегации», вынужден был отправить Женю на следующий день домой в Союз. Посадил он ее одну в самолет и пустил через всю Америку. Это безумное правило, при котором экономят копейки, а теряют в сотни, если не в тысячи раз больше, сохранялось в Госкомспорте долгие годы. Я ничего не могла сделать, чтобы задержать хоть на несколько дней Лейлу Месхи в Сеуле, когда она проиграла первой ракетке мира Штефи Граф. Не

говоря уже о том, какая это моральная травма для самой Лейлы, но страдали и ее подруги, переживая за нее. Мы собирали Лейлу ночью, чтобы девочки не видели ее отъезда. К тому же при отсутствии спарринга только Месхи могла разминать Савченко и Звереву.

Прилетели мы вдвоем со Спиридоновым в Филадельфию. И я из жары, которая стояла в Сарасоте, попала в прохладную погоду Филадельфии, с медленных земляных кортов Сарасоты на быстрое покрытие Филадельфии. Вечером приехала, а на следующий день утром играть. Тренировалась в зале двадцать пять минут. В первом круге обыграла Мастхофф. В то время она была первым номером в ФРГ и сохраняла это звание еще лет пятнадцать. Хорошая и очень умная спортсменка, владеющая мощным, с хлыстом, ударом, с хорошим чувством мяча, куда ни пробьешь — она уже там. Мне, с моим стилем, играть против нее было трудно. Во втором круге побеждаю Бетти Стове, первый номер Голландии. Третий круг. Я беру верх над австралийкой Гурлей, которая накануне выиграла у Гулагонг.

Пресс-конференция после этого матча сделала меня довольно популярной у журналистов. Что же на ней произошло? Английский у меня тогда был безобразный, но от пресс-конференций я тем не менее не отказывалась. Мы сидим с Гурлей перед журналистами, по их мнению, две провинциалки, одна советская, другая австралийская. Гурлей живет в Тасмании, на острове у Австралийского материка. Пресса начинает мучить Гурлей, задавая ей один и тот же вопрос: «Откуда вы?» Она так тихо: «Из Тасмании». Корреспондент переспрашивает снова: «Что такое Тасмания?» Она сидит, совершенно пунцовая, никак не может объяснить, где Тасмания. В конце концов я не выдержала: «Извините, — говорю, — вам географию в школе преподавали?» Он: «Что вы этим хотите сказать?» Я: «В Советском Союзе все дети знают, что Тасмания не на Луне, это остров рядом с Австралией». Гурлей

смотрела на меня, как на врача-исцелителя, а журналистов этой выходкой я расположила к себе, меня запомнили, и писали обо мне, в общем, всегда хорошо.

Полуфинал я играла с Рози Казалс. В этом матче публика показала настоящий американский характер. Они, как и москвичи, любят поболеть против своих, но только до определенного момента, наши же болеют против своих до конца. Когда я вышла на корт, меня бурно приветствовали. «Андер дог» — темная лошадка, девочка из России, к тому же еще и не имеющая шансов. У нас с Рози стиль одинаковый, она бегаёт как черт, и я не отстаю, публике это, конечно, нравится. Рози — подачу с выходом к сетке, и я так же. Она свечку бросит, и я свечку брошу. Нам аплодируют. Я выигрываю сет, все довольны, мне хлопают. Хлопают еще четыре гейма во втором сете, а потом уже перестают мне аплодировать. Я выиграла в решающем сете, когда трибуны уже вовсю поддерживали Казалс.

В финале я играла с Билли-Джин Кинг — лидером женского мирового тенниса. Кстати, и Казалс входила в десятку, я же была только на подступах к ней. Случилось так, что адвокат Ларри Кинг, тогда муж Билли-Джин, подсказал мне, как надо играть против его жены. Тренеры, которые ездили со мной, ничем мне помочь уже не могли.

Во время соревнований печатались протоколы с расширенной статистикой, у кого каких ударов больше, какой процент попадания, успешные первые подачи, в общем, массу сведений. Мало кто в нашей команде знал теннис на международном уровне, исключая, конечно, Семена Павловича Белиц-Геймана (святоотатство даже подумать, что ты теннис знаешь лучше, чем он), и всю новую информацию о своих соперницах я черпала не из рассказов наших специалистов, а из протоколов и журнальных статей. В мире много теннисной прессы, и в ее обзорах подробно пишут о тактике каждого интересного или решающего матча. Поэтому, глядя на сетку соревнований — кто с кем

как сыграл, я держала в уме собственную стратегию — как надо выстраивать борьбу против конкретного соперника.

И вот Ларри говорит мне: «А ты не хочешь сравнить свою статистику со статистикой Кинг?» Он, конечно, не сомневался в том, что шансов у меня все равно нет. Но я прислушалась к совету Ларри и обнаружила интересную вещь. Если процент попаданий второй подачи у меня оказался ненамного выше, чем у Кинг, то первая удавалась мне в этом турнире намного лучше. Такая информация дала кое-какие надежды. «Ну, — думаю, — при второй ее подаче (а она всегда почти у всех теннисистов слабее первой) я сумею остро атаковать».

Финальный матч стал одним из лучших в моей жизни. Первая победа в крупном турнире. И каких игровых обыграла! Почти всю десятку проверила!

В Филадельфии разгар весны, в городских скверах зацвела вишня. Я в голубом платье вышла на улицу, душа моя от счастья буквально разрывалась. В тот день, на вечернем приеме, меня пригласили играть в одной команде с Кинг. Московской девочке с Масловки Оле Морозовой предлагают выступать в команде «Филадельфия флайерс», где основной спонсор Элтон Джон, второй — Дик Бутэрро, менеджер радио Филадельфии, а капитан и тренер команды — Фрэд Столли. «Оля, — спрашивал Дик, — что надо сделать, к кому обратиться, чтобы тебя отпустили в Штаты. Хочешь, я пошлю телеграмму Брежневу? Если будешь играть, мы купим квартиру тебе, квартиру родителям, пригласим твоего мужа, твоего тренера, дадим медицинскую страховку, питание, машину и, конечно, будут гонорары». У меня крылья выросли от этого предложения, как от признания в любви, хотя я прекрасно понимала, что, если б со мной позвали бы и всех руководителей советского спорта с их женами, в те годы подобное приглашение было пустым звуком.

Я без всякого сожаления вспоминаю сегодня тот

далекий вечер весны 1974 года. Тогда я позволила себе помечтать и представить, что буду жить не на Бакунинской, где у нас с Витей была двухкомнатная квартира, а в районе, где живут миллионеры Филадельфии, на одной лестничной площадке с Билли-Джин Кинг, — в конце концов мне стало очень смешно.

Конечно, предложение мне сделали фантастическое. Нетрудно себе представить, если бы оно оказалось реализованным, какая польза была бы не только для меня, но и для всей нашей сборной, тренируйся я какое-то время вместе с Кинг, а главное, я бы занималась у Столли — классика современного тенниса, человека с феноменальной техникой. Даже тогда, когда ему уже перевалило за пятьдесят, наблюдать за его игрой было огромным удовольствием.

Вернувшись в Москву, я рассказала о предложении американцев. На этом дело и кончилось. Наверное, надо было использовать даже минимальный шанс: писать письма на самый верх, обратиться к маршалу Гречко, который любил и понимал теннис... Но я целиком полагалась на тренеров Спорткомитета, а они, естественно, понимая, что нужна долгая борьба и миллион бумажек с объяснениями, при этом абсолютно никак не заинтересованные в возможном контракте, даже и не начинали никакого движения. Только говорили: «Вот здорово! В Филадельфию приглашают, к Кинг, в один клуб!» На этом все и закончилось.

Впервые обыграв Кинг, я почему-то решила, что так будет теперь всегда. Я искренне думала: «Приеду играть следующий турнир в Хилтон-Хет, всех уберу». Моя победа над первой ракеткой мира для советского тенниса оказалась столь значительной, что меня с ней поздравил председатель Спорткомитета Сергей Павлов, сам увлекающийся теннисом. Тогда это событие казалось экстраординарным, а ведь так естественно, что спортивные руководители обязаны поздравлять

спортсменов с успехом. И те, кто забывает поздравить спортсмена, по сути дела, оскорбляют его.

...В том же 1974 году в полуфинале открытого первенства Италии я уступила 19-летней американке Крис Эверт, но выиграла с ней парную комбинацию. С Эверт я играла и в финале Исборна, проиграла ей и там, но опять мы выиграли с ней соревнования пар. Год получился урожайным: я дошла до финала первенства Франции и заняла на нем первое место в паре с Крис Эверт. Но самое главное его событие для меня — игра в финале Уимблдонского турнира, где я проиграла все той же Крис Эверт. 1974 год — пик моей спортивной карьеры. Я вошла в элиту мирового тенниса, мое место в течение нескольких лет было в первой десятке. Меня узнавали в Лондоне и Нью-Йорке, чего нельзя сказать о Москве. К концу такого счастливого года меня посеяли под вторым номером на открытом первенстве США, то есть посчитали, что по силам я вторая теннисистка одного из самых престижных турниров. Тем же летом я благополучно проиграла первенство Европы, но мне, честно говоря, было не до него. Я готовилась к «Ю.С. опен».

Приехав в Форест-Хилл, местечко под Нью-Йорком, или, точнее, на окраину этого огромного города, где тогда традиционно проводился «Ю.С. опен», я тренировалась с утра до ночи. Казалс меня предупреждала: «Оля, прекрати столько играть, смотри, у тебя будет плохо с ногой». И как в воду глядела. Накануне турнира мы сыграли с Крис тренировочный матч, потом она предложила еще немного поразмяться. Начали тренироваться, и тут я почувствовала, как устала. Эверт просит кинуть ей свечу. Она с Казалс и Кинг называют меня Олга-сан. «Олга-сан, пожалуйста, последнюю свечу». Я подбрасываю мяч, она бьет, и я, неумолимая, бегу за ним. Нога у меня подворачивается вправо, потом влево, я падаю, а встать не могу. Приносят носилки, нога распухает на глазах, и меня отправляют в госпиталь. В приемном отделении спра-

шивают: есть ли у меня страховка, деньги? Интересуются моим адресом, папой, мамой, родственниками. Я бы, наверное, на стенку полезла, если б не приехала сразу «скорая», а в ней, еще по дороге, на мою ногу натянули какой-то сапог, сделанный внутри из льда. Я долго отвечала на вопросы, а когда стало ясно, что денег у меня нет, мое лечение оплатил клуб. Выйдя из госпиталя на костылях, пришла на корты смотреть продолжение турнира, уложив на соседние кресла свою ногу с костылем. В это время, в другом городе США, Алик Метревели и Теймураз Какулия, вместе с ними был и Евгений Владимирович Корбут, играли турнир. Естественно, мое появление на стадионе показали по телевидению, вечером звонок от Алика: «Морозова, что случилось?»

Американский врач приказал, чтобы нога все время была в холоде. Из больницы в гостиницу меня с моими костылями тащила на себе мама Крис Эверт, маленькая и стройная женщина, потом меня повезли в нашу миссию, к советскому врачу. Он сказал: «Тепло, тепло и только тепло!» Американский врач по-прежнему требует: «Холод». Наконец, приезжает Метревели: «Ну что, Морозова, допрыгалась!» — «Понимаешь, Алик, один врач говорит «холод», другой — «тепло», как же быть?» — «Значит, надо по очереди, сперва холод, потом тепло», — безапелляционно распорядился Метревели.

Наконец, гипс сняли, я начала ходить, и Уэйд, на глазах которой меня увозила «скорая», попросила: «Оля, только на корт не выходи». В моей правильной жизни иногда происходили и происходят, не без помощи собственного очень правильного характера, совершенно глупые вещи. Мне, например, назначают встречу в девять, и хотя я знаю, что тот, кто договаривался со мной о свидании, никогда в девять не придет, я бегу, задыхаюсь, чтобы успеть вовремя, а человек приходит к одиннадцати. Уэйд меня предупредила: «Если ты потерпишь, травма твоя на две недели. Вый-

дешь на корт — на четыре месяца». Но что же делать, когда на траве Форест-Хилл полагалось на разминку только двадцать пять минут и все время распределено заранее? Так как я в числе сеяных игроков, да еще и вторая, то мне давали минут на десять больше. Катя Эбенхауз, моя подруга из ФРГ, записана на тренировку вместе со мной. Я, конечно, согласна с Уэйд, но как же Катя? Она из-за меня не поиграет на траве? Я выхожу на корт, хотя не могу на ногу наступить, и разминаюсь эти тридцать пять минут, разменяв их в итоге действительно на четыре месяца. Еще долгое время после того, как нога зажила, я легко могла бегать в сторону, но взять резкий старт вперед у меня не получалось.

Никак не удавалось поставить мне диагноз, пока знаменитый хоккейно-футбольный врач ЦСКА Олег Маркович Белаковский, к которому я попала, не познакомил меня с Яковом Михайловичем Коцем — специалистом по электростимуляции. Оказалось, что у меня сдвинулась косточка. Сухожилие, которое прикрепляется к ней, как показал рентген, никак не может поставить косточку на место. Яков Михайлович Коц меня вылечил. С августа до зимы я не выходила на корт, пропустила первенство СССР, тренироваться начала только в декабре. Казалось, новый, 1975 год не сулит мне ничего хорошего, но в январе я уже отправилась играть в Австралию. В Аделаиде обыграла Гулагонг и успокоилась.

...Первые мои значительные успехи в спорте совпали с началом моей семейной жизни. Как мы поженились? Витя за мной ухаживал с детских лет. Следовательно, свою преданность он мне доказал, и наступил момент, когда нам уже не оставалось ничего другого, как пожениться. Мне хотелось полной самостоятельности и независимости, которые, как мне казалось по молодости, должна дать собственная семья. Свою руку и сердце Витя предложил давным-давно, других претендентов я и не искала. Мама считает, что

она о нашем намерении пожениться узнала случайно, подслушав наши планы, которые мы строили, сидя на кухне, сообщив позже о них отцу. На самом деле все выглядело куда смешнее. Витя раз двадцать пять приходил то с тортом, то с цветами, но храбрости на дальнейшее у него не хватало, не поворачивался язык сказать то, что полагалось. И в какой-то уже, наверное, двадцать шестой визит он попал в ту минуту, когда меня за что-то ругала мама. «Ты мне надоела, — возмущалась она, — хоть бы кто-нибудь тебя замуж взял». — «Можно я возьму?» — прошептал Витя. Маме сразу стало плохо, а папа всю ночь не спал и почему-то страшно возмущался Витиным поведением. Это потом он стал считать Витю лучшим в мире зятем.

После принятия такого важного решения я уехала в Австралию на тридцать пять дней. Перед отъездом мы пришли в загс, но заявление у нас брать отказались. По правилам загса заявление подавать полагалось за три недели вперед, а не за два месяца. Присылать в Москву заявление из Австралии? Подобное никто еще не делал... И в это время теннисистов пригласили в Моссовет. Там нас принимает зампред исполкома Пегов, с которым я ездила в Америку. Ничто так не сближает советских людей, как совместное пребывание за рубежом с суточными, которые, по-моему, ниже прожиточного уровня безработных. «Анатолий Михайлович, — сказала я, — у меня не берут заявление во Дворце бракосочетания». — «Кто у тебя не берет заявление, Олечка? Когда ты хочешь расписаться?» — «Двадцать пятого февраля». — «Да ты что, ты же армейка, надо двадцать третьего, в День Советской Армии». Я подумала, спорить здесь не буду, а во дворце поменяю, как хочу. Он тут же позвонил директору дворца и сообщил, что Морозова придет двадцать третьего и в этот день надо зарегистрировать ее брак. Когда мы с Витей пришли заполнять бланки, я заикнулась по поводу двадцать пятого. В ответ: «Нам сказали из Моссовета — двадцать третьего», и таким

тоном, что стало ясно, обсуждению решение Моссовета насчет моей собственной свадьбы не подлежит. Так мы и поженились в День Советской Армии, как сказал Пегов.

II. В КОМПАНИИ ЛУЧШИХ

Каждый из последующих рассказов, о ком бы он ни был, — это, простите, все же рассказ обо мне. Лучшие годы моих спортивных выступлений связаны с героями этой главы, вот почему, когда я говорю о них, я говорю и о себе. Я играла против и играла в паре со многими хорошими спортсменами. Каждый из них в моей памяти. Но для своей книги я выбрала лишь несколько имен тех, кто оказал наиболее сильное влияние на мою спортивную судьбу.

АННА ДМИТРИЕВА

Аня — начало моего тенниса. У нас с ней был один тренер, значит — один жизненный стержень, то есть одинаковая цель, да и линия достижения этой цели (не только спортивной) оказалась похожей. Я считаю, именно воспитание Нины Сергеевны держит нас вместе. Были и сложности в наших отношениях, и расходились мы, но в итоге снова оказывались рядом, и должна сказать, что очень дорожу дружбой Ани и берегу ее. Дмитриева не только была выдающейся спортсменкой, она и замечательный человек, в любой ситуации всегда держалась достойно, не терялась. Никто, как Аня, не способен найти время, чтобы помочь тебе, когда в твоей жизни наступают тяжелые дни.

Первый раз я увидела Дмитриеву, когда Нина Сергеевна разрешила нам, одиннадцатилетним, присутствовать на ее тренировке. В то время Ане уже помогал и Сергей Сергеевич Андреев. На деревянной лав-

ке у динамовских земляных кортов мы сидели замре-рев. То, что я не шевелилась, глядя, как играет Дмитриева, я хорошо помню. Как-то на тренировку к Дмитриевой не пришел кто-то из спарринг-партнеров, и нас, шмакодявок, отправили на другую сторону корта принимать, а точнее, бегать и подавать ей, отрабатывающей подачу, мячи. В группе «помощников» Дмитриевой оказался весь будущий цвет советского тенниса: Марина Чувырина, Таня Чалко и я. Можно представить, с каким чувством мы выходили против чемпионской подачи! Аня била, а мы счастливо вздыхали: «А-ах!» Позже мне Аня рассказывала, что она обратила внимание на то, что никто из девочек ее подачу не принимал, кроме одной маленькой и черненькой. Так и она меня запомнила.

Мой папа знал спорт, как большинство мужчин, хорошо. Поскольку мы жили у стадиона «Динамо», папа болел за динамовские команды. Футбол, русский хоккей, потом хоккей с шайбой — самые интересные для него виды спорта. На динамовском катке папа научил меня кататься на коньках. Думаю, что моя спортивность — это от папы. Однажды он пришел ко мне на тренировку и увидел, как на первом корте играет Дмитриева. Он восторженно заявил мне: «Если у тебя будут такие горящие глаза, как у нее, ты будешь хорошо играть!»

Потом, когда мои спортивные успехи пошли вверх, я стала чаще ее видеть. Но никакого внимания на меня она не обращала. Даже тогда, когда я стала участвовать во взрослых соревнованиях. Даже тогда, когда Аню попросили сыграть со мной в паре на кубке Москвы, она сыграла одну игру, но все равно ее внимания я не удостоилась. Или она делала вид, что меня не замечает?

Но когда я попала на свой первый сбор, в первую команду страны, присматривала за мной, шестнадцатилетней, Дмитриева. Нина Сергеевна поехать не могла и доверила меня ей.

Как только я вошла в состав сборной, сразу одержала две победы: над Бакшеевой и Дмитриевой, первой и второй ракетками страны. Аня видела, что я как спортсменка расту, появление соперника ни у одного лидера, естественно, никогда удовольствия не вызывало. А здесь мало того, что девчонка твой конкурент, ты еще ее и воспитывай. Аня умом понимала, что теннисисткой я обещаю стать неплохой, но есть же еще и сердце.

После игры в финале Уимблдона в 1974 году в сборной СССР только два человека меня не поздравили — Володя Коротков и Галя Бакшеева. Было ужасно неприятно и тогда, неприятно вспоминать это и сейчас. Аня же при встрече сказала: «Когда я узнала, что ты вышла в финал, мне было тяжело. Почему этого не сделала я? Но я себе же и ответила: «Аня, ты должна быть выше своих чувств, ты сама виновата, что этого с тобой не произошло». Я ее понимаю. Тем не менее, когда я вернулась домой с турнира, одна из первых поздравительных телеграмм пришла из Коктебеля, где Аня тогда отдыхала.

Я помню, как звонила из Лондона: «Я выиграла еще один матч!» Витя только удивленно промолвил: «Да?» Было неясно, чему он удивляется — то ли моей победе, то ли звонку из Лондона, в то время звонок выглядел почти такой же неожиданностью, как и мои победы. Долгое время Москва была единственным пунктом, дозвониться до которого из любой точки мира проблема. Первый раз я позвонила домой, когда обыграла Гулагонг в финале Куинс-клуба, накануне Уимблдона 1973 года. Я сказала телефонистке: «Я обыграла Гулагонг и хочу сообщить об этом мужу». — «Ах, это вы обыграли Гулагонг?!» И Москву мне дали через минуту.

В Лондоне гастролировал Большой театр. Композитор Кирилл Владимирович Молчанов, отчим Ани, в то время директор Большого театра, пригласил нас с Аликом Метревели на спектакль. «Спартак» Хачату-

ряна я впервые увидела в Лондоне. Когда я вошла в финал и моя фотография красовалась во всех газетах, Кирилл Владимирович «сокрушался»: «Оля, о тебе пишут больше, чем о Большом театре». Мы, в свою очередь, пригласили Кирилла Владимировича и Владимира Васильева, теннисных фанатов, на Уимблдон, но прийти они не смогли — Михаил Барышников, «сбежав», улетел в Америку, поэтому они дальше своей гостиницы выходить уже «не желали»...

В 1968 году Аня родила второго ребенка, маленького Митю. Она звала меня, к большой моей гордости, купать Митю, поскольку одна не управлялась. Старший Митя, папа младшего, отбывал воинскую повинность. Хотя служил он актером в Театре Советской Армии, домой его отпускали редко. Аня звонила, назначала время, и я приходила поливать трехмесячного Митю из большого кувшина. Мне казалось, я помогала Ане воспитывать ребенка.

Я никогда в жизни не курила. Ни разу в моей жизни не было случая, заставившего бы меня взять сигарету. Аня курила всегда, даже в годы активных занятий спортом. «Оля, пойдем курнем!» Призыв означал, что она будет курить, я — сидеть рядом, потому что в эти минуты Аня любила поговорить, а я внимательно ее слушать.

Первые шаги на Уимблдоне мне ставила Дмитриева. Она рассказывала мне о лучших теннисистах, учила правильно смотреть теннис. Она говорила мне: «Когда ты смотришь какой-либо матч, ты должна смотреть не только на красоту игры как специалист, ты должна смотреть на технику, постановку ударов, выяснить, чем различаются школы, как это можно использовать, и уж потом наслаждаться остроумными комбинациями, но все, все оставлять в памяти». Спустя годы я с благодарностью вспоминала эти уроки, которые помогали мне в свое время как игроку, а потом уже и как тренеру.

Мне было интересно с Аней, и я ей всегда немного

завидовала. Когда Аня говорила о новых стихах, о которых я, как и все, слышала, но не читала, я отбивалась приблизительно так: «Конечно, Евтушенко запросто приходит к тебе домой и читает свои стихи, а мне его книжку еще достать надо». Круг друзей Ани всегда был необыкновенно широк и интересен. Ее отец — известный театральный художник, мама — замечательная актриса, отчим, после смерти отца, композитор Кирилл Молчанов. Аня выросла в артистической среде и дышала в ней легко и просто. Со знаменитой балериной Екатериной Максимовой она писала вместе диктанты. Аня рассказывала о своих друзьях детства, ставших международными знаменитостями, с такой простотой, что невольно становилось завидно. Я встречала в своей жизни много детей знаменитых родителей, но в отличие от них Аня никогда этим не кичилась. Более того, она относилась к своей, как казалось мне, необычной жизни как к вполне рядовой, стремясь в ней выразить себя, доказать свое «я». Аня сумела дважды это сделать: и в спорте, и после спорта.

Я сталкивалась и с таким отношением к себе, когда мне указывали, иногда и не очень деликатно, что я из рабочей семьи, следовательно, мы стоим на разных ступенях общественной иерархии. Я обычно жалею таких людей. Они, как правило, занимают в жизни не свое место. У Ани даже приблизительно ничего подобного в характере не водилось. Конечно, сыграли свою роль и воспитание, и глубина ее души, и ее ум.

Я уже говорила об Аниной черте приходить на помощь в решающий момент. Я не собиралась после рождения ребенка оставлять спорт, решила, что буду восстанавливать форму и какое-то время еще поиграю. Когда кто-то из спортсменок делает подобное, я восторгаюсь, преодолеть этот порог совсем не просто.

Самое страшное, что после рождения ребенка ты вдруг видишь, что никому не нужна. Я не говорю о родственниках и близких. Ты не нужна тем, кто играл с тобой в одной команде, с кем делила радость побед и

горе поражений, и тренер забывает твой номер телефона. Ты уже в спорте не существуешь, ты все должна доказывать заново. Ситуация невероятно тяжелая, тем более что ты полностью обезоружена отсутствием формы. Аня прошла этот путь дважды и успокаивала меня, обещая поддержку. Со дня рождения Кати она звонила мне каждый вечер и рассказывала, что и как надо делать с ребенком. Тередила Аня меня не случайно, потому что я вернулась из роддома с такими мыслями: «Ну все, я родила, а остальное меня не касается». Но вскоре поняла, что Витя боится даже дышать в сторону ребенка, мама за тридцать лет опыт растеряла, и получилось, что все заботы лежат на мне, деваться некуда. Мама потом мне говорила, что я носилась по квартире с таким суровым лицом, что она боялась подойти не только к ребенку, но и ко мне. К тому же мама заболела, тяжело и надолго, через несколько дней после того, как я вернулась из роддома. Каким-то образом Аня почувствовала, что творится у нас дома.

Аня звонила и спрашивала, как у Катеньки животик, как она спала, плакала ли? Обычные жизненные заботы, обычные слова, но они успокаивали. Она находила на них время, а у кого-то не нашлось.

Когда Кате исполнилось три месяца, Аня сказала: «Все, ты должна восстанавливаться». Да и я понимала, наступил предел, еще чуть-чуть, и мне уже прежнюю форму не вернуть. Но каким образом попасть на площадку? Я же кормила Катю. И тогда Аня обсудила с моей мамой вопрос о выделении времени для моих тренировок. Кстати, мама с того времени полностью попала под Анино влияние. Позже, когда у меня случались сложности во взаимоотношениях с мамой, — ей казалось, что теннис я люблю больше, чем дочь, — их урегулировала Аня. Она объясняла маме нашу цель, не забывая отметить, как далеко мы еще от нее находимся. Аня говорила маме: «Знаете, Анна Илларионовна, если Оля сейчас не начнет играть в теннис,

ей будет потом очень трудно, а может быть, вообще про спорт надо будет забыть». Мама гнула свое: «Как же Катя, ведь ее надо кормить?» — «Не волнуйтесь, я буду привозить Олю точно к кормлению». Аня приезжала на своей машине, я заканчивала утреннее кормление дочки, одевала тренировочный костюм, и мы ехали на ЦСКА, где она выводила меня на корт. Я играла максимум полчаса, еле-еле перебивала мяч, принимала душ и приезжала к следующему кормлению. Аня уже не выступала, и свое подвижничество объясняла желанием похудеть. Вроде бы она и не занималась мною специально. Но я знала, что свое время тратила она ради меня. Похудеть она могла совершенно спокойно, играя с кем-нибудь другим, кто бы еще и сам возил ее на тренировки.

Летом 1978 года в Аргентине проходил чемпионат мира по футболу. И хотя не могу сказать, что я страстная болельщица, но сидела у телевизора, получая удовольствие от артистичной игры бразильцев. Как грациозно, как красиво они бегут! Я глядела и думала: «Боже мой, как легко они двигаются. Неужели и ко мне вернется прежняя легкость». И тут же начала рядом с Катиной кроваткой делать разминку для пресса, чтобы поскорей ощутить радость того состояния, когда мышцы полностью тебе подчиняются, когда можешь доставать любые мячи.

Когда дело дошло до серьезных тренировок, Вите пришлось взять отпуск. Но с началом интенсивных занятий Катя сразу отказалась от моего молока. Точнее, после первой же серьезной тренировки она отвернулась от материнской груди.

Катя родилась 25 мая, а в декабре в Австралии должен был начаться Кубок мира, командное первенство мира среди женщин. Я спросила у старшего тренера сборной — тогда им был Шамиль Тарпищев, — буду ли я играть за команду? Если меня не собираются брать, я и торопиться не стану с возвращением формы. Шамиль сказал, что сборная на меня рассчитыва-

ет. Я немного удивилась, но в то же время мне было приятно услышать, что он в меня еще верит. В конце концов, я оказалась в Австралии, причем первым номером, поскольку мой авторитет в мире держался по-прежнему высоко. В то время правила были другие, и моя классификация, несмотря на перерыв, осталась прежней.

Эстафету у Ани приняли Кирилл Владимирович Молчанов и Володя Васильев, они оба регулярно ходили играть в теннис на ЦСКА. Стоял октябрь. Конец сезона, все игроки разъехались на отдых, теннисная жизнь начиналась с середины ноября. Утреннее время, когда нет занятий с детьми, самое свободное, поэтому директора и солиста Большого театра пускали на крытый корт ЦСКА. И Кирилл Владимирович и Володя, конечно, знали, что я только что родила, но они не понимали, как мне трудно играть.

Пропущен был всего лишь год. Год я не играла. Как только после первенства СССР 1977 года я вернулась в Москву и мне сказали, что я беременна, врачи сразу запретили мне играть. Сейчас, по-моему, советуют активно двигаться, буквально до последнего дня перед родами. Я считалась, как говорят, старороженицей, и меня берегли. Я очень хотела иметь ребенка и поэтому внимательно прислушивалась к любому совету врача. Приходила на тренировки, помогала молодым. Должна сказать, что дни беременности были самыми спокойными и счастливыми днями в моей жизни. Я чувствовала себя прекрасно, я наконец была хозяйкой в доме, готовила обеды мужу (ему такая жизнь тоже нравилась), ходила в музей, в театр... в Москве гастролировал балет Бежара, я с мужем пересмотрела все его постановки. На первом спектакле Витя очень нервничал, на втором уже немного успокоился, а после третьего ему даже стало нравиться ходить на балет. Я посещала все выставки, помня о примете, что в моем положении надо смотреть только на красивое. Я твердо следовала этому правилу.

...Наконец заговорил и мой характер. Обычно я играла в паре или с Володей, или с Кириллом Владимировичем, Витя становился против меня, так невольно они меня разбегали. Мои партнеры, естественно, оставляли для меня большую часть площадки, вроде бы заслуженный мастер спорта, к тому же Морозова могла бы взять на себя игру. Я уступать не привыкла, приходилось бегать за каждым мячом. Витя, конечно, развлекался как мог. Любая Витина свеча моему партнеру казалась необыкновенно сложной, а я должна была эту свечу, где бы ни стояла, достать. Каждое ускорение смертельно мучило меня, но я заставляла себя его делать, при этом еще и старалась показать, что мне совершенно не тяжело. Смешно говорить, но благодаря своим партнерам из Большого театра я вновь почувствовала, что могу двигаться.

К середине ноября я вошла в ритм своих обычных тренировок, к моим занятиям подключился тренер сборной. Теперь я уже целенаправленно готовилась к Кубку Федерации.

Я испытывала огромную радость, что снова в команде. Пусть подумают обо мне нехорошо, но по дороге в Австралию я надеялась хорошо выспаться. Катеньке тогда шел шестой месяц, и она никак не хотела спать по ночам. И хотя муж вставал к ней регулярно, я все равно просыпалась. Наступило трудное время, ведь я уже начала работать с полной нагрузкой и должна была иметь нормальный сон. Тем не менее никак не получалось проспать целиком всю ночь. Можно отдать Катеньку на ночь к бабушке, но тогда бабушка днем будет валиться с ног.

Витин отпуск прошел, второго, понятно, ему никто не дал, и жизнь моя становилась с каждым днем все ужаснее. Мне говорили: «Как ты хорошо подготовилась к Кубку Федерации!» А как я готовилась? Утром вставала ни свет ни заря (Вите завтраки я уже не готовлю, это ясно), готовила еду Кате. Кормила ее кашей, мыла, убирала и заворачивала. Пока кормила, го-

товила новую порцию каши. В это время приходил Витин папа. Катечка, уже укутанная в одеяло, выезжала на прогулку. Огромная, тоже укутанная, бутылка с кашей ожидала ее возвращения. Пока Катя с бабушкой гуляли, я садилась в машину и отправлялась на тренировку. К половине десятого выскакивала на корт. До половины двенадцатого тренировалась. Пятнадцать минут душ, к двенадцати я вылетала из зала. До часа я должна была купить продукты для дома, для Кати, для мамы и тети, которые лежали в больнице. Мама и тетя Катя попали в соседние больницы — это единственное везенье, что они друг от друга неподалеку расположились. Я возвращалась домой с полными сумками, а бабушка привозил с прогулки Катю. Кормила ее, вновь перепеленывала. Катя не засыпала после второго кормления, мы с ней общались, разговаривали, а я попутно готовила обеды — для дома и двух больных. К шести часам возвращался с работы Витя. Катя, как почетный приз, передавалась ему, а я уезжала к маме и тете. Конечно, мне помогала семья брата, сына тети Кати, поэтому я моталась по больницам не каждый вечер, но через два дня на третий обязательно. Утренняя часть моей жизни не менялась полгода, вечерняя разнообразилась, но последние месяцы перед выездом тренировки проходили уже и вечером.

Вот почему, летя на командное первенство мира, я эгоистично мечтала отдохнуть и отоспаться. Но как только я села в самолет, меня стало грызть беспокойство, такого щемящего чувства я не знала никогда: страх за ребенка. Что с ним? Ему ведь шесть месяцев, а ты его оставила! Пусть даже с самыми близкими людьми — мужем и мамой, но оставила! Весь долгий перелет я себя уговаривала, что могу выспаться, никто ведь не кричит, не мурлычет, не курлычет. Я требовала от себя: засни! Но заснуть не могла, хотя всегда хорошо спала в самолете.

В Австралии, когда мы вышли из самолета, нас

встретила 35-градусная жара. У Лены Елисеенко даже лопнули сосуды на ногах. Синяк был размером в маленькую дыню. Первый матч со сборной Швейцарии. Как играла, не помню, но чувство, что умереть могу прямо на корте, в памяти осталось. Я бежала за мячом с таким ощущением, что ташу за собой привязанную к ноге гирию. Ноги не слушались, руки не слушались, но выиграла.

Второй матч был со сборной Румынии. Я играла с Ружечи, которая входила в десятку мира, да и команда Румынии считалась тогда сильной. Выиграла я первый сет, во втором мне стало ясно — сейчас лягу на корт, а встать уже не смогу. Тарпищев на переходах обдувал меня, обмахивал полотенцем, лил на голову воду, какие только процедуры он не проделывал, все казалось бесполезным. Какими-то дикими усилиями, при счете 3:3, я выигрываю подачу Ружечи. Я сажусь и думаю: «Оля, тебе осталось выиграть два гейма, надо сделать это сейчас, иначе ты помрешь на площадке, если игра затянется до третьего сета». А Ружечи отказалась играть дальше, она повредила колено. Прежде я всегда ее обыгрывала, и до того, как она вошла в десятку, и после. Мне показалось, что Ружечи побоялась продолжения матча. Она только что победила на турнире в Японии, где отлично сыграла, и, видно, не хотела получать отрицательные эмоции. Таким образом, в нашем активе было второе очко. Я обычно играла после Наташи Чмыревой, а она в своем матче победила.

В третьем матче мы встретились с командой Югославии. Моей соперницей оказалась Мима Яшовец, тоже входящая в десятку мира, и ее я обыграла в двух партиях. Так мы вышли в полуфинал, где встречались со сборной Австралии. Чмырева проиграла свою встречу, и в финал мы не попали, так как проиграли пару, но я победила в трех партиях Турнбул, также представительницу первой десятки. Крис Эверт и вся американская команда болели за меня. Поддержка американок меня буквально потрясла.

Когда мы вернулись в Москву, в ЦСКА проходил зимний международный турнир, я и на нем сыграла. После турнира комплексная научная группа сборной СССР по теннису проводила обследование. И, по ее данным, выходило, что мне нельзя было играть в теннис, а тем более невозможно было обыграть четырех спортсменок из первой десятки. Анна Петровна Скородумова, которая много лет работала в КНГ, говорила мне, что она никак не могла понять, как можно в таком состоянии вообще двигаться на корте. Я смеялась, шутила, что измерения они провели неправильно, а скорее всего, я настолько талантлива, что и в таком состоянии способна обыгрывать представителей первой десятки. Рассуждая серьезно, должна признать, что своим возвращением в спорт обязана Ане Дмитриевой.

Дмитриеву я никогда не называла Анной Владимировной, всегда Аней, но никогда не говорила ей «ты». Равенство возникло позже, когда Аня оставила спорт.

Многие теннисисты обижались на то, как Дмитриева комментирует их матчи. Я полагаю, что, великолепно зная теннис, она заслужила право на личное мнение. А тот, кто не согласен с ней, пусть ее опровергает. Часто меня упрекали в том, что наши мнения совпадают. Я не видела в этом ничего плохого. Я, как и Дмитриева, считала, что советский теннис может достичь больших успехов. Конечно, ее комментарии не для пятидесяти тысяч человек, профессионально разбирающихся в теннисе, а для миллионов, не знающих, что такое кросс или дропшот. Многие впервые знакомятся с теннисом, и лишний рассказ об Уимблдоне не должен раздражать тех, кто про него уже знает.

Слишком большая эмоциональность Ани, когда она ведет репортаж с теннисных соревнований, оттого, что она любит свой родной вид спорта и очень хочет ему помочь.

Немногие знают, что Аня замечательная хозяйка и кулинарка. На любом домашнем дне рождения она

накрывала стол не только обильный, но и изысканный. Аня как-то в шутку мне сказала, что ей надо было открыть кооперативный ресторан. Она считала обычным делом приготовить какие-то розетки с куропатками. Причем она говорит: «Что тут особенного, купила куропаток, пощипала...» Когда я вспоминаю, что в каждой куропатке граммов сто мяса, я замираю от восхищения перед ее терпением. Для меня же два часа, проведенные на кухне, непозволительно потерянное время. Она и ест так же аппетитно, как и готовит. Я очень любила обедать с Аней, потому что вместе с ней не питаешься, а наслаждаешься этим действием.

С Аней всегда интересно. В 1987 году она ездила с нами в Канаду, на Кубок Федерации, и все мои девчонки сидели и слушали ее рассказы разинув рты, как в свое время слушала ее я. Она им сообщала: «Вы на своего тренера внимания не обращайтесь, она синий чулок. Я ей говорила: «Курнем, Оля?», а она не соглашалась. Я ей еще что-нибудь увлекательное предлагаю, она опять отказывается. Но такого стержневого характера у нее тогда еще не было». Девчонкам подобные рассуждения, конечно, нравились, а меня устраивала та дружеская обстановка, что складывалась не без участия Ани. Я к тому же была обеспечена прекрасными ужинами, так как мы жили с Аней в номере с огромной кухней, и первое, что мы сделали, приехав в Канаду, отправились закупать продукты, соусы, приправу.

Мне кажется, что у нас с Аней всегда складывались интересные матчи. Она любила активную игру: подачу с выходом к сетке, хотя ее нельзя было назвать быстрым игроком. Первые мои значительные победы связаны с именем Дмитриевой, так как были победы в поединках с ней. У меня приличный кросс (диагональный удар справа), а она прекрасно играла слева. И мой кросс шел под ее бэкхэнд, которым она владела слабее. Нина Сергеевна хорошо знала особенно-

сти своей бывшей ученицы и давала мне точный план на игру.

И хотя Нина Сергеевна всегда страшно болела за Аню, даже после того, как та ушла от нее, она жаждала, чтобы кто-нибудь из ее учениц обыграл «изменницу». И я оказалась той самой девочкой, которая начала побеждать Дмитриеву. Впервые я обыграла ее на первенстве Москвы в 1965 году. Принципиальным получился матч осенью 1967 года в Тбилиси, мы играли с ней финал международного турнира. Зрители падали с деревьев: мест на стадионе не хватало. Аня обыграла в полуфинале Вопичкову из Чехословакии, а я — Бакшееву. Мы жили в одной гостинице, и Аня просила, чтобы я ее разминала, да и мне самой нравилось с ней разминаться. Под присмотром Сергея Сергеевича Андреева мы тренировались. Ходили вместе завтракать и, в общем, почти не разлучались. Но вот в последний день турнира Аня подходит ко мне и спрашивает: «Оля, ты будешь со мной разминаться перед финалом?» Я в ответ: «Если ты не против, то да». И у нее произошел, как мне кажется, легкий стресс, видимо, она не сомневалась, что я скажу «нет», что Нина Сергеевна мне не разрешит... Немного обескураженная, Аня спрашивает: «А завтракать пойдем вместе?» — «Конечно». Идем утром вдвоем завтракать, мне проще, я малоизвестная теннисистка, а она чемпионка, которая должна отстаивать свое преимущество. «Яичницу будешь?» — «Буду». — «А помидоры?» — «Буду». — «А мацони?» — «Буду». Надо сказать, что своим уверенным «буду» и тем, что я все съела, я, наверное, ее еще больше расстроила. Так, во всяком случае, мне кажется.

Мы размялись. После разминки, за пятнадцать—двадцать минут до матча, я любила побыть одна, сесть где-нибудь в сторонке и ни с кем не разговаривать. Как бы собрать воедино всю свою энергию и, выйдя на корт, тратить ее уже на площадке. Я понимала, что психологически не должна уступить Ане, иначе мне

будет худо... Прошел дождь. Смотрю, Аня меня избегает. В ожидании, когда подсохнут лужи, она начала разминаться с Сергеем Сергеевичем. Я сразу успокоилась. Уже немного искушенная в психологической борьбе, понимала, что Аня нервничает куда больше, чем я. Я выиграла у нее финал. Сергей Сергеевич сел рядом с Ниной Сергеевной, чтобы она мне не подсказывала, но та все равно подсказывала. У меня сохранилась фотография с этого матча, где они сидят рядышком.

Аня со мной после матча держала себя так, будто ничего не случилось. Кстати, так же вела себя и Марина Крошина. А вот Бакшеева ко мне не подходила, та проигрывать не умела.

Если по спортивным результатам я Аню обошла, то в обычной жизни она меня вела за собой. Она была и старше и умнее, ведь разница между нами девять лет. Когда мы приезжали за рубеж, она всегда брала на себя роль распорядителя — куда пойти, где купить, что посмотреть. В Париже благодаря ее друзьям я испытала однажды чувство настоящего революционера на баррикадах. В 1968 году на Кубок Федерации мы прилетели последним самолетом, потому что в Париже началась всеобщая забастовка. (Я уже рассказывала об этом раньше.)

Так вот, в один из вечеров в маленькой гостинице, где остановилась сборная, мы готовили чай с помощью кипятильника, как это делали, наверно, все советские командировочные в любом уголке мира. Вдруг к нам в номер вошел человек, высокий, с седой бородой, с трубкой, вылитый Хемингуэй. С порога «Хемингуэй» заявил: «Вы, советские люди, сидите здесь, чай распиваете, когда в Париже идет революция!» Я замерла. За спиной «Хемингуэя» я даже не сразу заметила второго гостя. Это были друзья Ани, студенты Сорбонны. Они, москвичи, учились во Франции по обмену. Аня, конечно, завелась с полуоборота: «Что мы должны делать?» — «Выйдем на

баррикады!» Семена Павловича Белиц-Геймана, руководителя нашей делегации, мы беспокоить не стали и потихоньку ушли на баррикады. Отправились на бульвар Сен-Мишель, как говорят парижане, «бульсанмиш», в студенческий район.

Второй наш спутник, более спокойный, предлагает «Хемингуэю»: «Все же с нами девочки, может, пойдем в кафе?» Благоразумие победило. Зашли в маленькое кафе, а на улице буйствовала толпа. На наших глазах перевернули машину. И парижские студентки, длинноволосые, в белых джинсах, разбирают мостовую, вынимают из нее булыжники и выкладывают их вокруг перевернутой машины. Ощущение, будто все это видишь в кино, — настолько все нереально. Я вижу, как с другой стороны высаживаются из машин полицейские в касках, со щитами. Более спокойный наш спутник встревожился, особенно после того, как хозяин кафе выключил свет и в темноте обратился ко всем: «Дамы и господа, просим всех выйти через черный ход».

Хозяин предупредил, что в предстоящей стычке скорее всего полетят стекла, но может произойти что-нибудь и серьезнее. «Если хотите, вы, конечно, можете погибнуть, но мне бы не хотелось за это отвечать», — приблизительно так прозвучала фраза, сказанная им. Тут наш «Хемингуэй» проявил норы и решил досмотреть до конца развернувшиеся события. Вмешалась Аня, она сказала, что надо уносить ноги. С оставшейся публикой мы двинулись к запасному выходу, там нас встретил запах гари и слезоточивого газа. Слезы, сирены, крики. Но мы уже переходили к Лувру по мосту Александра III. В тот майский вечер я на себе испытала действие слезоточивого газа. Был страх, было и волнение, но я вдруг ощутила себя участницей студенческих волнений в Париже.

Я преданно служила Ане, восхищаясь тем, какие у нее интересные друзья! Один из ее приятелей, например, собирал камни. Никто не поверит, но однажды из

Александрии и Каира мы тащили до Москвы огромную сумку, полную камней. Причем каждый имел бирку «с пирамиды Хеопса», «с лапы сфинкса», «с александрийской дороги».

АЛЕКСАНДР МЕТРЕВЕЛИ

Метревели — выдающаяся личность в советском теннисе. Его теннисный дар необыкновенно интересен. Каждый раз, когда я вспоминаю, как играл Метревели, и рассказываю о его теннисе, я прежде всего вижу перед собой удава, гипнотизирующего кролика, стоящего по ту сторону сетки.

Матч Метревели — Какулия в финале чемпионата страны 1978 года в Донецке. Матч — из пяти партий. Теймураз выигрывает в двух, ведет в третьей 5:2. Алик же мучается на корте. Он мучается, но ищет способы переломить игру. Зрителям, скорее всего, это было непонятно, но мне, пересмотревшей столько матчей Метревели (хотя именно этот, только родив Катеньку, наблюдала по телевизору), легко было прочесть скрытый подтекст. Чуть ли не в каждом гейме Алик пытается найти новую тактику, но Теймураз прекрасно знает каждый шаг своего постоянного соперника, спарринга и товарища. Что ни предлагает Алик, Теймураз сразу же разрушает. В тот день Какулия был в исключительной форме. Счет, мне кажется, 30:15 на подаче Какулии. Теймураз идет к сетке, Алик бросает свечу, высокую и крученую, Теймураз запутался — и все. Этот единственный мяч дал Алику зацепку, как выиграть матч. Дальше проблем для Метревели не существовало. Он выиграл мяч, а через полтора часа и встречу.

Метревели не мог признать ничьего преимущества. До смешного. Если у Алика новый костюм, он должен быть самым красивым. Если я выбираю платье себе и платье Нане, его жене, Алик спрашивает:

«Какое платье тебе больше нравится?» Я показываю какое, и Алик его забирает. Меня не существует, да я и не сопротивляюсь, женщина не должна сопротивляться.

У нас с Витей были «Жигули», а я хотела поменять их на «Волгу». Я сказала об этом Алику, мы в житейских делах всегда друг с другом советовались. Первое, что он ответил: «Морозова, зачем тебе она нужна?» — «Алик, как?» — «Тебе не нужна «Волга», тебе хорошо и на «Жигулях». Алик уже имел «Волгу», и получилось бы так, что мы вроде с ним наравне. Сперва я опешила, потом, конечно, рассмеялась.

Моя мама обожала Алика и Теймураза, они Витины друзья, я в прекрасных отношениях с их женами, и было обычным делом, что, возвращаясь из зарубежной поездки, Алик приезжал к нам, а не в гостиницу, и у нас оставался ночевать. Раз он приехал к ночи, через полтора дня снова должен был отправиться на турнир, и я ему посоветовала не летать в Тбилиси, а пожить у нас. Мы тогда купили стиральную машину, и я заверила Алика, что к поездке все его вещи перестираю не хуже Наны. Утром уже все было развешено, мы с Витей уехали на тренировку. Возвращаемся к обеду, Алика нет. Я думаю: что же он на себя надел? Наконец вечером появляется: «Слушай, Морозова (потом уже он начал называть меня Олей, а в то время только по фамилии), у тебя не пропали мужнины штаны, а рубашка, а свитер? А что денег нет, не заметила?» Он взял все перечисленное, хорошо хоть документы Витины оставил, и слетал в Тбилиси. Это в характере Метревели. Лег спать, чтобы нас не беспокоить, хотя для себя решил слетать домой. Проблемы с билетом у Алика не возникало. По-моему, взять с собой Метревели до Тбилиси считал для себя за честь любой экипаж гражданской авиации, не говоря уже о бортпроводниках.

Игра Метревели — это постоянное плетение кружев. У него были исключительно легкие ноги, что де-

лало его передвижения по корту совершенно незаметными. У легкоатлетов, например, сильная стопа, основная нагрузка, удар, приходится на пятки, а в теннисе шаг должен быть кошачьим, с носка. Вовремя остановиться и вовремя начать движение позволяют легкие и быстрые ноги, а правильное начало движения переходит в правильный удар по мячу. Если у игрока нет чувства равновесия, если он не дошел, а наткнулся на мяч, он никогда не попадет мячом в ту точку корта, в которую задумал. У Алика ноги работали идеально.

Метревели мог играть слева в любой квадратик на площадке, мне кажется, даже с закрытыми глазами. Обладая абсолютно выверенной точкой удара (место соприкосновения струнной поверхности ракетки с мячом), Алик, когда подходил к мячу, держал феноменальную паузу. Пауза в спорте, и в частности в теннисе, — это важнейший момент. Речь, конечно же, идет о теннисе высокого класса.

Алик уже стал первым номером в команде, когда я в нее попала. Честно говоря, оказаться в роли лидера мне никогда не хотелось. Играть хорошо — этого я себе желала. Но, кажется, Алик подозревал, что я собираюсь посягнуть на его права лучшего теннисиста страны, и поэтому держал меня в строгости.

С Аликом было и сложно и легко. Куда бы мы ни приезжали, он всегда точно знал, что надо делать. Обычно все происходило так: тоном, не терпящим возражений, он говорил: «Морозова, мы сейчас должны разложить вещи и идти в кино». Я не могла представить, что можно не подчиниться. Если Алик сказал: «В кино», — значит, шли в кино. Фильм выбирался тот, который нравился Метревели, он сам его искал по газетной рекламе. Мы оба более или менее знаем английский, фильм же идет на французском или итальянском. «Алик, мы же ни слова не поймем!» — «Зато фильм классный». Смотрим, бездарная картина. «Морозова, я же тебе говорил, что это плохой

фильм». Но, с другой стороны, когда приходилось принимать действительно важное решение, он брал всю ответственность на себя. Ничего не боялся. Значение такой черты характера я поняла, столкнувшись со следующим за нами поколением. Они, напротив, старались не отвечать ни за что.

Вот, например, разница между Метревели и Какулия. Приезжаем мы на первенство Франции. Я скрываю свое желание выйти в финал и выиграть первое место. Алик говорит, рассматривая сетку турнира: «Так: первый круг — голландец, его мы убираем в два счета. Кто второй — Кодеш? Этот вообще здесь играть не может. Кто следующий — Настасе? Что мы делаем послезавтра, в кино идем?» В общем, Алик уже в финале, мы спокойны.

Теймураз: «Ой, второй круг, и уже Настасе!» Какулия был реален в своих планах, Метревели — абсолютно нет, но эта нереальность и помогла ему быть Метревели. Все работало на его чемпионский образ. Я расскажу историю, которая за давностью лет уже не расстроит Нану, жену Алика. США. 1974 год. Счастливейший год для меня, я играла в финале Уимблдона. Думаю, что мои результаты тоже подстегивали Метревели. Никто, во всяком случае в нашей стране, не должен был играть лучше, чем он. Мы приезжаем на «Ю.С. опен» в Форест-Хилл. Алик играет блестяще. Мне кажется, именно этот турнир был в его спортивной биографии лучшим. Победное турне Метревели по Австралии случилось раньше, я видела финал, когда он стал победителем нескольких турниров в Австралии, продемонстрировав феноменальные волевые качества. Но «Ю.С. опен» — турнир более высокого уровня, и здесь Алику ужасно не повезло.

Надо сказать, что я еще выполняла роль «местного КГБ», так они меня называли. Когда Алик с Теймуразом уж очень расходились, я их призывала к порядку. Во всяком случае, возникала рядом в самый для них неподходящий момент. Перед игрой появляется на

стадионе Алик; Эш, Ньюкомб и другие звезды американского и австралийского тенниса буквально «падают с небосклона». Я сперва не понимаю, что же произвело на них такое ошеломляющее впечатление. Оказывается, Алик явился в сопровождении «Мисс Нью-Йорк». Я спрашиваю: «Алик, где ты ее нашел?» Он невинно отвечает: «Она просто пришла за меня поболеть». Человек, пришедший болеть за Метревели, тоже должен быть человеком экстра-класса. Дама действительно очень красивая, но, возможно, она и помешала Алику выиграть. Я подвернула перед турниром ногу и уехала, не дождавшись мужских полуфиналов. Какулия к этому времени из турнира выбыл и сопровождал меня, передвигающуюся на костылях. Не знаю, что творилось после моего отъезда, но подозреваю, что перед полуфинальным матчем с Коннорсом Алик поздно вернулся домой. Может быть, если бы я осталась, то смогла бы помешать Алику веселиться.

Метревели по праву считался волевым спортсменом. Притом, что он мог позволить себе спорить с судьями, в игре оставался предельно собранным. Матч Метревели с Орантосом в Кубке Дэвиса. Алик уступает в первых двух сетах, потом отыгрывается, в решающей пятой партии проигрывает — 4:1. Но в конце концов все же выиграл. Выцарапал. У Орантоса сводило руку, когда закончился матч. Алика же свело всего: пах, ноги, мышцы рук — его унесли с корта.

Во время своих матчей Алик со мной разговаривал. Если ему кажется, что мяч в ауте, я должна подтвердить: «Да, в ауте», хотя ясно видела, что он попал в площадку. Если не соглашаться с ним, он начнет волноваться, ведь Метревели любит всегда быть правым. Глупо подсказывать ему — играй влево. Он нуждался в другом: кто-то должен сидеть рядом, поддерживать его.

Тренерам запрещено подсказывать по ходу матча. Алик смотрит на меня, а я должна обязательно мах-

нуть головой: или «да», или «нет». Тренеры выработали для нас целую систему знаков, и я, сидя на трибуне, махала руками и подмигивала, хотя до сих пор сомневаюсь в целесообразности этих подсказок. Но если спортсмен во время состязаний нуждается в контакте, он должен его иметь.

Однажды в Каире, когда закончился матч, он сел на корт и сказал: «Играть больше не буду. Ты посмотри на мои ноги, — и начал срывать с них куски кожи, — разве можно с такими ногами играть, завтра я проиграю шесть — ноль. Шесть — ноль». Я начала упрашивать: «Ну, Алик, давай попробуем как-то залечить твои ноги, давай вызовем врача...» На следующий день он на тренировке, разминаясь, кричал: «Разве это тапочки?! Выкинуть их к чертовой матери, я играть в них не могу!» Я снова: «Ну, Алик, ну, пожалуйста. Выйдешь, попробуешь, можешь играть или нет». Вечером он выходит на матч, и не было момента, чтобы он не побежал за каким-нибудь мячом, чтобы он не боролся. Он продолжал играть с дикой болью в ногах, с больным коленом, потому что операцию ему сделали неудачно и в суставе собиралась жидкость, которую полагалось все время откачивать. Колено разбухало, Алик сам его массировал.

Его воля действовала на всех советских теннисистов, без исключения. Я играю финал первенства Европы с венгеркой Сабо. Она соперницей для меня никогда не была, первый сет я выигрываю 6:0. Потом я распускаюсь, проигрываю второй сет. В третьем, решающем, я начала волноваться, у меня жуткий мандраж.

Происходит какая-то глупистика. Я хныкаю, мне кажется, меня засуживают, потому что судья венгр. И тут же мне действительно засуживают мяч. Я начинаю спорить. Алик, который сидит у корта, командует: «Морозова, подойди сюда». Тогда это еще разрешалось. Я подхожу. «Ты сейчас уступишь этот мяч, прекратишь ругаться и выиграешь». Я не могла даже

подумать, что можно нарушить приказ Метревели. Я выиграла матч и стала чемпионкой Европы. Не успела я тогда сказать Алику спасибо, ведь он нашел единственные слова, приведшие меня в чувство.

Когда я стала что-то собой представлять, начала проявлять свой характер в миксте. Мне надоела постоянная ругань Алика, тем более в тех ситуациях, в которых я не была виновата. Мы играли на Уимблдоне, и он на меня кричал: «Ты можешь принять кроссом?..» Я отбивала кроссом и слышала: «Как ты принимаешь, надо же свечку кинуть!» Я уже настолько задергана, что плохо соображаю, что делаю. Я кидала свечу по центру, он кричал: «Что ты делаешь, надо свечу по линии». Наконец, я взорвалась: «Что ты безобразничаешь? В конце концов, посмотри, как сам играешь». Я сказала эту фразу, и сет кончился через десять минут нашим поражением. Во время перехода я поняла, что мы проиграли сет в полуфинале Уимблдонского турнира из-за меня, здесь не следует проявлять свой характер, а лучше подумать о том, как войти в финал. Я сказала: «Алик, я не права, исправлюсь». И мы выиграли следующий сет. Потом выиграли матч и второй раз вошли в финал.

Или другой случай. Мы играем в Тбилиси, на центральном корте. Надо ли говорить, что такое теннис в Тбилиси, когда в городе играет Метревели. Алик — герой, я рядом с ним, на нашем счету уже много побед. В Тбилиси от нас ждут только выигрыша. Выходим против молодых Лены Гранатуровой и Саши Богомолова. Саша — левша, Лена безошибочно бьет справа. Игра у нас с Аликом не идет. Алик зудит под каждый мяч. Я уже плачу, он начинает ругаться. Причем ругаться так, что мне неудобно рядом с ним стоять на корте, возраст у меня уже не девичий, я заслуженный мастер спорта, а он меня несет и несет. Я на Витю, своего мужа, смотрю, он мне показывает жестами: «Терпи, не обращай внимания». Слезы стоят в глазах. Еле-еле, невероятными усилиями мы выигры-

ваем этот матч. С корта уходим в разные стороны. Я подхожу к мужу и говорю: «Витя, я больше с ним играть не буду, я больше не могу». Он мне: «Ну, что ты, Оля, не хочешь, не играй».

В Тбилиси корт как бы в чаше, мы сидим внизу, на самом дне. Только успела сказать, что играть никогда не буду, как Метревели сверху кричит: «Морозова, я столик заказал, идем ужинать!» Витя говорит: «Оля, ну что тут сделаешь, это же Алик!»

В команде конца шестидесятых я была младшей по возрасту и, конечно, надо мной все время подшучивали. Вместе с Метревели и Сережей Лихачевым мы отправились в Мексику, на предолимпийскую неделю. Метревели назначили руководителем делегации, Сережа Лихачев — комсорг, я — «массы». В то время Витя ухаживал за мной, писал мне открытки, которые они у меня выкрадывали. «Вот Витюшка тебе написал то-то и то-то. А ты что ответила?» Такое издевательство над несчастной влюбленной девочкой совершенно добивало. Я плакала, но на них ничего не действовало. Иногда они отвлекались от меня и сталкивались друг с другом. Однажды Мэтр (так называли ребята Алика) забыл в раздевалке, в шкафчике, который открывался заколкой, все наши деньги, билеты и паспорта. Мы занервничали: «Алик, ты должен пойти и все забрать». Он: «Не пойду». — «Твой же ящик, иди!» — «Не пойду». В конце концов за деньгами пошел комсорг. Их выводило из себя то, что в поездке я учила английский язык. У меня был с собой знаменитый учебник Бонка, они же не взяли даже словаря.

Нас принимала мексиканская федерация, днем всех кормили одинаковыми обедами, а вечерами мы могли сами себе заказать ужин. Наша команда просила принести томаты, понимая, что это помидоры, и еще знала, что бифштекс — «стейк». На третий день официанты помидоры и бифштекс ставили на стол, как только нас видели. И тут я использую Бонка. За столом я, конечно, право голоса имею последняя. Они

только для приличия спрашивали: «Морозова, тебе что?» Но как-то раз, когда рядом со мной оказался официант, я успела до заказа помидоров и мяса сказать: «Хав чикенс» — то есть полцыпленка. Приносят порцию размером с пол-индюшки. Но по молодости аппетит у меня был хороший, и хотя Лихачев все время спрашивал: «Неужели ты способна все съесть?» — я со своим цыпленком справилась. Такого они простить мне не могли.

Алик старше меня почти на пять лет, успех он узнал раньше. Его подъем — победы над Кодешем, Бунгертом, Сантаной — пришелся на вторую половину шестидесятых. Мои же победы начались в семидесятых годах. Поэтому встретились мы с ним в миксте, казалось, совершенно случайно. Партнерша Метревели Аня Дмитриева готовилась родить второго ребенка. С Аней он играл не один год. Дмитриева старше Алика, поэтому таких жутких сцен, которые впоследствии он устраивал мне, у них не происходило. Дмитриеву Алик уважал и приказывать ей, как мне, конечно, не мог. Галя Бакшеева отказалась становиться в пару с Аликом, она всегда играла с Лейусом. И вышло, что, кроме меня, выбирать было уже не из кого. Но у нас получилась хорошая пара. Мне — девятнадцать, ему — двадцать четыре. Разница существенная. Я в то время уже прилично играла, у меня была сильная подача и хороший выход к сетке, а в миксте это очень важно. К тому же я уже имела опыт игры в паре со Славой Егоровым.

Первый матч мы играли вместе на Уимблдоне в 1968 году против английской пары. Сразу на Уимблдоне, почти без тренировки. Я уже говорила об этом, но нас ставили вместе, когда мне было лет шестнадцать. В памяти осталось лишь то, что Метревели меня взглядами изрезал на куски. Я не могла попасть по мячу, такие рядом сверкали молнии из его глаз. «Ну как с этой можно играть, — словно вопрошал безмолвно Метревели, — она ведь совсем по мячу не попадает!»

Но к 1968 году я уже имела кое-какое представление об игре и в паре и на траве. Я ведь приехала на свой третий Уимблдон. Первая встреча — английский дуэт, соперник средний, но англичане всегда хорошо играют на траве, тем более парные комбинации. Правда, выиграли мы довольно легко, Алик совсем не раздражался. Моя подача сильнее, чем у Ани, я была резче, атлетичнее. Выросло новое поколение в женском теннисе, к которому относилась и я, — физически сильное, более близкое по игре к мужскому. На занятиях по физподготовке Аня просила: «Оля, не убегай от меня, я одна не добегу». Я два раза туда, обратно. «Ну, Аня, побежали!» У нее была своеобразная одышка «а-ах», я слышала ее и успокаивалась, Аня за спиной, не потерялась.

После первого нашего с Аликом матча на Уимблдоне Бетти Стове из Голландии, такая важная и все на свете знающая Бетти, проходя мимо меня, спросила: «Как сыграла?» — «Выиграла». — «У кого?» — «У Мэтьюза и Шоу» (Мэтьюз — сын знаменитого футболиста). Теперь нас ожидала встреча с Оккер и Ричи. Рич — вторая ракетка в женском теннисе США, Оккер — первый у голландцев. Оккер агрессивный, хороший тактик, но в миксте не опасен, потому что вторая подача у него слабая, не так страшна для женщин. И хотя он ее закручивал, эту подачу я принимала. А когда женщина принимает в миксте мужскую подачу, ее соперница, стоящая на противоположной стороне корта, начинает волноваться при своем розыгрыше. В принципе микст выигрывается на женских подачах. Короче, худо-бедно, но мы их обыграли. Вновь подходит Бетти Стове: «Проиграли?» — «Нет. Выиграли».

Следующие наши соперники Казалс — Гонзалес. Гонзалес — живая книга, по которой мы учились теннису. Сергей Сергеевич Андреев показывал нам на тренировках кинограммы ударов Гонзалеса. И вышло, что мне предстоит играть против «учебника»,

который я только что изучала. И Гонзалес и Казалс с испанскими корнями, поэтому и темперамент у них соответствующий. Казалс хороший парный игрок, но мы с Аликом играли здорово, на него буквально сошло вдохновение.

Моя задача заключалась в одном: принять подачу Казалс так, чтобы Алик мог перехватить ответный удар и выиграть очко, потому что в миксте мужчины завершают комбинацию. Нина Сергеевна говорила: «Три четверти площадки принадлежит мужчине. Он держит центр, ты же берешь свою половину и не должна ему мешать». Конечно, вся атака идет на женщину, но правильные действия ее партнера, правильные перехват, правильное направление подачи снимают давление на партнершу. Микст интересная игра, но отмирающая. Кроме турниров Большого шлема, нигде уже нет смешанных комбинаций. Оттого и тренируются сейчас в миксте меньше, турниры разделились, и контакт у женского и мужского тенниса другой, мы почти не встречаемся. Но смотреть микст — большое удовольствие.

Алик играл так вдохновенно, что не смазал ни одного мяча. Я возвращаюсь в раздевалку, там никого нет, кроме Стове. Она будто кого-то ждет. «Ну что, теперь проиграли?» — «Нет. Опять выиграли». Я думала, ее удар хватит.

Следующий матч против Фрэда Столли и Энн Джонс. Энн на следующий год стала чемпионкой Уимблдона. Позже она делила первое-второе места в Англии с Вирджинией Уэйд, но в то время была первой, без конкурентов. Причем Энн к тому же носила и звание чемпионки мира по настольному теннису. Австралиец Фрэд Столли входил в команду, которая постоянно выигрывала Кубок Дэвиса. Золотая компания — Лейвер, Розуолл, Ньюкомб, Столли и Эмерсон — не только австралийцам, но и теннисистам всего мира дала пример классической техники и атлетизма. И вот передо мной Фрэд Столли — обладатель ве-

ликолепной подачи. Фрэд много раз играл на Уимблдоне в финале одиночного разряда, но ни разу не выиграл. Над каждым висит свой рок. Розуолл тоже ни разу победить на Уимблдоне не сумел, как в свое время и Лендл, первая ракетка мира.

Энн Джонс — левша, следовательно, неудобная соперница. Мяч, посланный левшой на траве, как бы закручивается в другую сторону, и этот непривычный отскок сильно затрудняет прием. Наконец, я первый раз играла на центральном корте, а это обстоятельство приводит теннисистов в совершенно особое состояние. Тот, кто не любит играть на центральном корте Уимблдона, тот не может стать чемпионом, и не должен.

Матч начинается с подачи Столли после долгой торжественной процедуры: «Готовы, мистер, мисс? Первая подача мистера Столли». Мистер Столли бьет, и я с закрытыми от ужаса глазами ободом отбиваю его подачу насквозь (то есть соперники получили неотразимый ответ). Столли даже не двинулся. Ни один человек в мире после удара ободом не может угадать, куда полетит мяч. Столли разводит руками, мол, «какая замечательная девочка, как она хорошо сыграла». Он подает Алику. Алик отвечает блестяще, справа, обратным кроссом — 0:30. Чувствуется, человек настроен. Фрэд вновь подает мне в то же место, что и первый раз, я тем же самым дураком вновь отбиваю мяч — 0:40. Столли со словами, что в такой теннис играть он больше не намерен, бросает ракетку. Так мы начали полуфинал Уимблдона.

Я рассмеялась про себя: вслух нельзя, страшно подумать, что было бы, если б Андреев увидел, как я хихикаю в полуфинале Уимблдона. Алик отбил последнюю подачу, и, выиграв гейм, мы повели 0:1 — а это означает, что если мы удержим свою подачу, то сет останется за нами. Вообще, я не люблю такого начала. Соперник вынужден рисковать, твоя подача, как мы говорим, провисает, не та интрига. Игра должна идти

по восходящей, когда сюжет завязывается на счете 4:3, 5:4. Здесь должна быть концентрация воли, здесь надо выигрывать чужую подачу, завершать сет, здесь начинается нервотрепка.

Я хорошо сыграла свою подачу. А Джонс — безобразно, наверное, она разволновалась, видя мои акробатические приемы. Еще и публика нам подыграла. Требуя победы от своей спортсменки, зрители заставили ее волноваться еще больше. Мы выигрываем второй сет и выходим в финал Уимблдонского турнира. В раздевалке меня встречает Бетти: «Нет, — стонет она, — это невозможно!»

Перед финалом мы справляли день рождения Галины Бакшеевой, она родилась в начале июля. Устроили общий ужин и пригласили на него австралийцев Ньюкомба и Роча, которые вышли в финал пар. Всем дали немного вина, Сергей Сергеевич внимательно следил, чтобы мне и Алику наливали только кока-колу, хотя нам и самим не пришла бы мысль выпить перед финалом.

В финале игра у нас не сложилась. В первом сете я очень волновалась. Второй уже играла нормально, но Маргарет Корт — теннисистка без эмоций. Уступив ей вначале, вернуть инициативу чрезвычайно трудно. Ее партнер Кен Флетчер входил в плеяду замечательных игроков. За Корт и Флетчер уже числилась победа в Большом шлеме.

За весь турнир Алик не сделал мне ни одного замечания. Вначале присутствовала настороженность, потом она сменилась уверенностью в себе и в партнерше, никаких особых претензий он мне не предъявлял, считая меня маленькой девочкой. Но уже с финала началось! Он стал от меня требовать больше, чем я могла сделать. Наверное, замечания Метревели подстегивали меня, но на нервную систему они действовали не лучшим образом.

И тем не менее мы вернулись в Москву героями — финалисты Уимблдона! Правда, заслуженного масте-

ра спорта мне дали лишь спустя три года за второй выход в финал Уимблдона.

Теперь от нас ждали только побед. Однако на следующий год мы не повторили успех, проиграв молодым австралийцам, которые нам, конечно, не соперники. Я ушла с корта без слез. Я, как всегда, вела себя правильно. Выполнила всю необходимую работу, что полагалось провести после матча, постучала мячом об стенку, побегала, выполнила несколько ускорений, приняла душ. По дороге домой меня нагоняет Сергей Сергеевич: «Оля, иди работать к стенке». — «В чем дело?» — интересуюсь я. «Алик сказал, что ты плохо принимала». — «Кто плохо принимал? Я?! Если он почитает все то, что сам не принял, то именно ему и надо идти к стенке!» — характер у меня уже прорезался. Возможно, Алик на меня и не жаловался, но у Сергея Сергеевича не было сомнений в том, кто виноват. Сам Алик никогда не обвинял меня в поражении, но уж так между нами повелось, что в проигрышах виновата всегда была я. Мне, конечно, хотелось иногда оправдаться, но я считала неприличным что-то доказывать.

Я уже говорила, что все победы советского тенниса 60—70-х годов связаны с именем Метревели. На своих плечах он тащил огромный груз. В Кубке Дэвиса Метревели должен был играть две одиночные встречи и обязательно их выиграть. Кроме того, он еще сражался в паре, казалось, без него команда не могла выиграть ни одной встречи.

Совершенно сумасшедший матч на Спартакиаде народов СССР в Таллинне, когда Метревели десять часов не уходил с корта. Пять сетов одиночных соревнований, пять сетов парных, потом мы с ним играли еще два сета микста. Алик стал победителем во всех трех разрядах, но похудел на шесть килограммов.

В 1973 году он не одолел всего одной ступени, отдавшей его от всемирной славы. Метревели вышел в

финал Уимблдона, где его соперником был чехословацкий теннисист Ян Кодеш!

Обычно Кодешу Алик не уступал, побеждал его на всех покрытиях. Обыгрывал Яна даже в Праге. За год до финала он разбил Кодеша, как мы говорим, в «одну кассу», на том же Уимблдоне, в первом же круге. Никто не сомневался в победе Метревели.

Я обедала с Кодешем перед финалом. Он не мог просунуть сквозь зубы кусок мяса и был совершенно зеленого цвета. Алик вообще не пришел есть. Матч получился слишком нервный и неинтересный. Кодеш, который имел опыт нескольких финалов почти такого же уровня, быстрее пришел в себя. Мы так волновались, так хотели, чтобы Алик выиграл, но, увы, не свершилось. Шанс стать победителем Уимблдона Алик упустил. В тот год 92 теннисиста бойкотировали Уимблдон. Кодеш остался в истории как победитель знаменитого турнира, а Метревели, как и я, только его финалистом.

Перед финалом одна дама, супермиллионерша, поклонница Алика, у меня спросила: «Я знаю, приметы играют огромную роль, что я завтра должна надеть?» Я отвечаю: «Наденьте то, в чем были вчера, когда он выиграл полуфинал». Она мне в ответ: «Но я же не надеваю два раза подряд одно и то же».

По окончании Уимблдона дается бал, на него нужно прийти или в смокинге, или в специальном праздничном костюме, а дамам — в бальных платьях. Костюм Алику мы выбрали заранее. Бархатный, а к нему красивую черную шелковую «бабочку» в мелкую-мелкую крапинку и белоснежную шелковую рубашку. Лайковые туфли Алик купил в самом дорогом магазине. Когда он устроил примерку, мы не сказали, мы выдохнули: «Алик!» Метревели не был суператлетом, но у него была красивая фигура, и этим он очень гордился. Однако новый костюм Метревели в Лондоне так и не надел. Проиграв в финале Уимблдона чехословацкому теннисисту, он на бал не пошел, поси-

дел только на банкете, а наряжаться, не будучи королем бала, ему уже было неинтересно.

Метревели мог не только в теннисе, но и в любом другом деле добиться многого, если бы его энергия, его ум не расходовались на легкий блеск, который так любят на Кавказе и который ждали от него в Тбилиси. Публика хотела видеть у своего любимца и чемпиона красивую иностранную машину, самые красивые туалеты на его жене, самые модные костюмы на нем самом. Алик на это шел. И, как мне кажется, на этот блеск Алик немного себя перерасходовал.

Какой блестящий банкет устроил нам Метревели на даче после турнира в Тбилиси в 1967 году, на котором мы прыгали вокруг огромных тортов, а когда я просила винограда, мне говорили: «Подними руку и сорви». Сказочная осень в Грузии. Из рук в руки все время переходил двухмесячный Иракий, мы спрашивали что-то вроде его именин.

Дача в двадцати минутах езды от города, но уже в горах, принадлежала отцу Наны, жены Алика. Столы накрыты и в доме и в саду. Для меня, московской девочки, все было необычно и все очень нравилось. Друзья Алика шефствовали над Аней, потом через несколько лет их опека по наследству перешла на меня. Аня говорила: «Мне нужен стакан молока». Они отвечали: «Стакан не можем, можем флягу». Ту, что на сто литров. Для меня такое ухаживание казалось совершенно восхитительным и необыкновенно оригинальным.

А как-то мы с Аликом пришли на тбилисский базар, и я, как типичная московская женщина, хочу выбрать побольше и подешевле, а Метревели, истинный житель Кавказа, мне все время напоминает: «Не волнуйся, бери что хочешь». — «Я буду платить сама», — предупреждаю я его. «Конечно», — подозрительно легко соглашается Алик. Наконец я выбрала помидоры, Алик по-грузински спрашивает у продавца цену, и я вижу, что тот его узнает. Я строго уточняю:

«Адик, сколько стоят помидоры?» Он сказал: «Сколько дашь...» Я знаю, цена их на рынке два рубля. А вдруг за рубль, нет, вдруг по полтиннику отдаст? Азарт невероятный. Пока я мучилась в расчетах, Метревели успел заплатить, сколько, я так и не знаю.

Он был героем, и родная республика его любила. Мое имя благодаря тому, что стояло рядом с именем Метревели, сделалось также популярно в Грузии. Поэтому я никогда не проводила там тренировочных сборов. Они предполагают углубленную работу, а здесь столько друзей, разве можно кого-то обидеть и отказаться пойти в его хлебосольный дом?

Была и вторая причина: необходимо попасть в ЦК или Совмин, чтобы кормили команду. На уровнях чуть ниже никто ничего не решает и ни за что не отвечает. В принципе это одна из самых больших сложностей в работе старшего тренера любой из сборных, когда невольно приходится в большей или меньшей степени заниматься делами, никакого отношения к твоей профессии не имеющими.

Я всегда завидовала Тихонову и Лобановскому, мне казалось, что вот они-то заняты только своим непосредственным делом, а не билетами на самолет или местами в гостинице. Я же организовывала все, что только надо организовать для проведения сбора, турнира. Сколько уроков я не сумела дать из-за того, что времени на них не хватило. Тем более что найти упражнение на корте для конкретного спортсмена мне было куда легче, чем организовать гостиницу.

В конце концов выпускник факультета журналистики Тбилисского университета Александр Метревели стал зампредом Спорткомитета Грузии. Думаю, мы были не готовы к работе подобного рода. Чтобы стать чиновником, надо начинать с того, с чего начали все они, с долгой лестницы карьеры и всех связанных с ней отношений, — это единственный способ говорить со своими подчиненными на одном языке.

Другое дело, если бы система управления спортом

существенно изменилась еще тогда и им бы начали руководить спортсмены, тут-то Метревели оказался бы на месте. Но в те годы в спорте распоряжались люди, которые его не знали и не понимали. Знающих можно было по пальцам пересчитать. Только тот, кто сам прошел через большие турниры, может ответить на вопрос: что нужно спортсмену?

Невозможно забыть последний день нашей карьеры, поскольку из тенниса мы ушли одновременно. Выиграли на прощание в Ташкенте чемпионат СССР. У Алика был прекрасный матч с Костей Пугаевым.

В Ташкенте 36-летний Алик последний раз в спортивной карьере доказал, что он — Метревели. Не играя весь сезон, тренируясь всего пару месяцев, он решил показать, что соперников в стране у него по-прежнему нет. Метревели жил в «Зеравшане», — я должна объяснить, что это за гостиница. При наличии в Ташкенте чуть ли не лучших земляных кортов, теннисистам жить в городе было негде, условия в гостиницах ужасные. Алик отказался от каких-либо привилегий, он чувствовал себя оскорбленным. Он поехал со своим массажистом в «Зеравшан», в гостиницу, куда я, честно говоря, боялась зайти, и гордо готовился к первенству СССР. В финале он выиграл в трех сетах. Возможно, не одолей он Костю, который младше на десять лет, в трех сетах, сил у Алика на пять могло бы и не хватить. Третий сет, подача Метревели. Счет геймов по четыре и 15:30 в пятом на подаче Алика. Кто знает, если бы счет стал 15:40 и Метревели проиграл бы подачу, он проиграл бы сет, и тогда, наверное, проиграл бы и финал. Я вижу, как будто это было вчера, как Костя у сетки играет Алику под левую руку, а у Метревели — слева самый красивый — самый четкий, самый уверенный удар. Алик после паузы бьет глубоко, в «девятку». Он выжидал. Удав. Пауза Метревели длилась недолго, долю секунды, но по теннисным часам это вечность. Он ждал ровно столько, сколько надо было, чтобы Костя дрогнул. Пу-

гаев пошел в одну сторону, Алик ударил в другую и красиво-красиво, чисто-чисто положил мяч в самый угол площадки. Этим ударом он «убил» Костю. Счет стал по тридцати, но уже все было ясно. Как в свое время при счете 5:2 Алик стал бросать свечки Какулии, так и сейчас, нащупав слабость Пугаева, он Костю не «выпустил». Алик выиграл гейм и выиграл свой последний матч.

БИЛЛИ-ДЖИН КИНГ

Лучшей теннисисткой 60-х и 70-х годов Билли-Джин Кинг я восхищалась даже тогда, когда она, необъятно толстая, брала в руки ракетку. Мне всегда нравился стиль ее игры. Она не только великий игрок, Билли-Джин — настоящий лидер и организатор, это человек, который сделал женский теннис профессиональным.

В 1987 году перед финалом в «Мэдисон-сквер Гарден», то есть перед матчем Сабатини — Граф, вышли на корт бывшие чемпионы. С одной стороны пара Гулагонг — Буэно, с другой — Казалс — Кинг. Все были в юбочках, кроме Кинг, на нее юбку уже нельзя надеть. Она играла в белых штанах. Я замирала от восторга, когда видела ее коронные удары.

Почему она так растолстела — понятно. Билли-Джин страстно любила мороженое и пиво. Она каждый раз зарекалась, что есть мороженое не будет, пиво пить не будет, потому что начала толстеть, но всегда старалась устроить себе послабление — вот выиграю Уимблдон, выпью столько-то банок пива и съем столько-то килограммов мороженого. Мы играли в турнире «Уорлд тим-теннис». Билли-Джин выиграла турнир, и наша переводчица по моей просьбе купила бадью, которая вмещала килограмма полтора мороженого и упаковку (это двенадцать банок) пива. На пресс-конференции я вручила Кинг мороженое и

пиво. Глаза у Билли-Джин загорелись, как у ребенка. Она хотела все съесть сразу, но... пресс-конференция. Однако и отказать себе в таком удовольствии Кинг было трудно, и она во время беседы с журналистами потихоньку скребла ложкой по мороженому, запивая его пивом! К концу пресс-конференции она съела все мороженое и выпила почти все пиво.

Кинг для меня всегда чудо, хотя мы уже знакомы бог знает сколько лет.

Кинг не могла допустить, чтобы мое появление в раздевалке «высшего света» Уимблдона, куда в конце концов попала и я, осталось незамеченным. Она всегда боролась за права игрока, «знамя справедливости» Билли-Джин крепко держала в своих руках. Она знала, что если я уезжаю с турнира, то уезжаю на полгода, и когда возвращаюсь, то начинаю все сначала. Другие, набрав какой-то опыт, продолжали к нему от турнира к турниру прибавлять, я же, вернувшись домой, его теряла. Как я потом поняла, не без влияния Кинг игроки мне помогали, зная, что мне куда сложнее приехать на турнир, чем им. И предложение не возвращаться в Москву, которое однажды мне сделала Кинг, вытекало исключительно из спортивных, а никак не из-за политических расчетов.

Позже, вспоминая то время, я понимала, что первой в мире я вряд ли могла стать, даже оставшись на Западе, как Навратилова, но то, что оказалась бы в клубе миллионеров, — это несомненно. В компанию супербогатых теннисисток попала Турнбул, которую я не раз обыгрывала 6:0, Ружечи, которую я тоже побеждала без проблем, миллионерша, живет в Париже. Впрочем, я и ведущим трепала нервы систематически.

А все же — кто его знает, — может, какое-то время походила бы и в первых номерах?

Но для меня всегда был важен мой дом. Отдавая себя теннису, я тем не менее мыслями оставалась дома. Не могла я включиться в этот цирк, вести жизнь на чемоданах, когда одиннадцать месяцев в году ты

вне семьи. Даже по прошествии двух десятков лет с тех пор, как я перестала играть, я по-прежнему не могу выдержать долгое пребывание вне дома.

Непосредственное общение с теннисной элитой началось с того дня, когда я вошла в главную раздевалку Уимблдона. Нельзя сказать, что английский был у меня на высоте, но выразить свою мысль я могла, меня понимали. Да и Кинг меня опекала. В чем это выразалось? Я спрашивала ее мнение по поводу какого-нибудь тактического элемента, и она мне все подробно объясняла. Я уже обыграла саму Кинг, а она все продолжала мне рассказывать, как надо обыгрывать сильнейших.

В теннисной практике, бывает, дают такие советы, которые противоположны истинному положению вещей. Например, девочки из сборной не доверяли болгаркам Мануэле и Кате Малеевым (с их мамой я играла в конце шестидесятых). Сестры Малеевы попали в общество сильнейших раньше нас, и сколько раз мы у них ни спрашивали о тактике игры кого-то из новых для нас соперников, правдивой информации мы не получали. Лариса Савченко как-то сказала: «Ольга Васильевна, не спрашивайте, мы уже десять раз проверяли, они все наоборот говорят». Число сильнейших теннисисток на то время определялось цифрой двести, и почти каждая из них вначале для нас была загадкой. Через пару лет я уже знала всех и имела на любую из них карточку в собственной картотеке. Но на первых порах нам так важна была хоть одна победа, будто от нее зависело, жить нам или не жить (в общем-то речь шла действительно о жизни, но о жизни в высшем теннисном обществе), и я собирала любую информацию. Выяснилось, я могу спросить, как надо играть с той или иной теннисисткой, у Бетти Стове, у Мандликовой, у любой американки, которая меня знает.

Билли-Джин Кинг никогда не хранила от меня теннисных секретов. Она, смеясь над собой, рисовала карикатуры, на которых ей семьдесят пять лет, а она все

бьет справа об стенку и ищет новый удар. Постепенно она стала меня просвещать и в других делах, не относящихся к теннису. Конечно, Кинг не уговаривала напрямую, чтобы я осталась в США. Она мне начала рассказывать о своей жизни, о своей стране вдруг в непривычных для нее восторженных тонах. На что я отвечала тем же самым, расписывая свою жизнь и свою страну... У нас тут же возникал спор до хрипоты. Вся раздевалка смотрела на нас с удивлением, мы обе красные, мокрые, нам уже не надо разминаться, поговорили — и можно на площадку.

В конце концов Кинг после долгих дискуссий сказала: «Ну хорошо, ты не собираешься переехать в Штаты, но если ты хочешь бороться за какие-то права у себя, в Союзе, ты должна стать коммунисткой». Я опешила: мне посоветовала стать членом КПСС Кинг!

Позже я вступила в партию, следуя именно этому принципу. Хотя немало оказалось и таких, кто не имеет вообще принципов. Их они заменили красивой фразой. И бороться с этими людьми, не будучи членом партии, трудно, бороться мог только человек, имевший с ними равный голос.

В тот год, когда я впервые попала на Уимблдон, Кинг считалась восходящей звездой. Звание «первой ракетки» носила Маргарет Корт, за ней шла Буэно, затем Тернер. Эти лидеры до царствования Кинг казались мне чопорными дамами. Зато Билли-Джин, обладательница острого и задорного характера, с бьющим через край темпераментом, была человеком моего поколения. В советском теннисе моим кумиром была Дмитриева, в мировом — Кинг.

Билли-Джин всегда отличалась тем, что успевала выполнить все, что задумывала. Она выросла в простой семье. Отец — пожарник, мама не работала, брат играл в американский футбол. Типичная средняя американская семья. Билли-Джин научилась теннису на бесплатных кортах, в семье и речи быть не могло оп-

лачивать ей тренера. Уже после того как Билли-Джин заиграла, родители купили ей приличную ракетку. Увидев, как играют мужчины, маленькая Билли-Джин решила, что будет играть точно так же, то есть постоянно выходя к сетке, принимая мяч с лета. В то время женщины показывали подобный теннис лишь эпизодически. До эпохи Кинг женский теннис — это спокойная игра на задней линии с редкими выходами вперед. Правда, Маргарет Корт начала ломать эти традиции. Ее предшественница Ленглен тоже пыталась играть у сетки, но выглядела в острых моментах, когда реакция позволяет ответить молниеносно, слишком по-женски, играя плавно и мягко. Узнав, что на свете есть Уимблдон, Кинг заявила: «Я его выиграю». Такой характер у Билли-Джин. И она действительно в семнадцать лет вместе с Сасман победила в паре на Уимблдоне. Кинг вошла в историю этого турнира, так как она обладает двадцатью высшими титулами Уимблдона! Интересно, что в тот день, когда Кинг по числу побед обошла Райян, чей рекорд продержался тридцать пять лет, старая чемпионка Уимблдона умерла. Умерла непобежденной.

Билли-Джин на Уимблдоне десять раз выигрывала парную комбинацию с Рози Казалс. Если посмотреть десятку того времени, я играла в паре со всеми, с Казалс, Корт, Гулагонг, Уэйд, Бетти Стове, Эверт. Со всеми, кроме Кинг. Не сложилось. Меня предупреждали, что Кинг тяжелый партнер, потому что сама играет почти без провалов и того же требует от своего партнера. Но сейчас я понимаю, что играть с Кинг мне было бы совсем не трудно, так как у Метревели был точно такой же характер, как у Кинг, он постоянно требовал, чтобы я играла с ним на равных. К тому же Билли-Джин отличало еще и чувство старшего товарища, ответственного за младших.

...Мой опыт показал, что за рубежом хорошо игралось только первые три турнира, уже четвертый у советского человека, оторванного от дома, вызывал лег-

кую нервозность. Я плохо спала, у меня начинались истерики, мне казалось, я не могу попасть по мячу. Надо сказать, что у моих девчонок в сборной происходила та же реакция. Однажды на турнире в Токио Кинг зовет меня к себе. С нами в тим-теннис ездила девочка, технический работник, русская по происхождению, хорошо говорящая по-русски. Кинг мне говорит: «Тебе, Ольга, надо поговорить на своем родном языке, а ты все время с нами болтаешь...» Билли-Джин набирает номер телефона этой девочки и передает мне трубку: «Говори». Я поболтала о том о сем, и этот разговор в какой-то степени помог мне дотянуть до конца турнира. Доброту Билли-Джин и ее понимание психологии спортсмена забыть нельзя. Когда надо, она сама могла подолгу и подробно рассказывать свои жизненные истории, самые разные, но всегда поучительные.

Жизнь Кинг в теннисе складывалась достаточно успешно. Она быстро сменила австралийку Маргарет Корт в роли лидера женского мирового тенниса. На площадке Маргарет была не так интересна, как Билли-Джин. Кинг создавала необычные комбинации, к тому же с эмоциональной приправой; Корт, напротив, педант. Она была физически самой сильной и, пожалуй, первая ввела понятие «атлетизм в женском теннисе». Корт раньше других начала специальную подготовку с тренером по легкой атлетике, занималась со штангой и, когда она выходила на площадку, это производило впечатление. Огромный рост, длинные мощные руки.

Маргарет сначала носила фамилию Смит, затем стала Корт, потом Смит-Корт и, наконец, просто Корт. Под этой фамилией она и осталась в истории тенниса.

Впервые я вышла против Корт в финале микста в Уимблдоне. Метревели, который вечно держал меня под напряжением, приказывал: «Играй на женщину». Но на площадке я сразу сориентироваться не смогла,

куда следует бить, поскольку Маргарет была на голову выше своего партнера Кена Флетчера, знаменитого австралийского теннисиста тех лет, и выглядела куда мощнее, чем он. Первый сет мы проиграли, не успев оглянуться. Во втором у нас появились шансы спасти матч. Но я не поленилась — отбила мяч из огромного аута. Не сделай я этой глупости, мы бы выиграли сет. Что было бы в третьем, решающем, так мы и не узнали. Метревели убежден, что нам до победы оставалось всего ничего, и он, думаю, как всегда, был прав.

У женщин розыгрыш мяча пока еще видимый для рядового зрителя. И он интереснее, когда игроки разноплановые, когда одна теннисистка активно выходит к сетке, а другая точно играет на задней линии. Наверное, поэтому матчи Корт и Кинг всегда имели интригу и всегда были очень нервными.

В игре Кинг даже неспециалисты видели не только физически одаренного, но и очень умного игрока. Правильно действуют на корте многие, но большинство из них интуитивно. Они не знают, предположим, почему в данный момент надо играть под левую руку соперника, но интуитивно, «от нутра», а не от головы посылают мяч именно туда, куда нужно. Кинг при феноменальном таланте имела глубокое теннисное мышление. Но главное, у нее характер такой силы, что она могла заставить себя играть в самый трудный момент по строгому тактическому плану. Нет ничего сложнее и важнее в теннисе, чем это умение. Мало достать и отбить мяч. Надо отбить его в ту точку, которая будет наиболее неудобной для твоего соперника. Надо так все рассчитать, чтобы на твой мяч или серию ударов соперник в конце концов ответил именно тем ударом, которого ты ждешь, к которому ты готов, после которого ты уже можешь произвести атаку — такая тактика игры.

Зрители далеко не всегда понимают замыслы игроков, не все могут распознать тактические ходы. Крис Эверт могла специально проиграть первый сет, чтобы

победить во втором и третьем. Билли-Джин имела свои тактические ловушки, которые она по ходу матча так расставляла, что чувствовала себя охотником, проверяющим капканы на звериной тропе. Кинг умела создавать на корте ту игровую ситуацию, которая оказывалась неудобной для конкретной соперницы, загоняя несчастную на «тропу». Когда ты не только играешь на равных, но и выигрываешь у спортсменки, которую журналисты сравнивают с ЭВМ, ты понимаешь, что и сама чего-то стоишь в теннисе.

Билли-Джин по нынешним меркам маленькая, в мое время считалась женщиной среднего роста, что-то около 166 — 168 сантиметров. Сильные ноги давали ей возможность выпрыгивать не только высоко, но и в сторону. Полноватая — лишний вес всегда был ее проблемой — Кинг придумала для себя систему тренировок. Думаю, она первая в женском теннисе начала заниматься аутотренингом перед турниром. На мой вопрос, как она это делает, Билли-Джин отвечала: «Каждый день, не менее чем на тридцать минут, я закрываю глаза и мысленно представляю по очереди всех своих основных соперниц и все сложные ситуации, в которые они меня могут завести на турнире. И мысленно ищу, как я должна им ответить. Поэтому, начиная турнир, я почти избавлена от неожиданностей. Если против меня изобрели что-то новенькое, это становится пищей для обдумывания к следующему турниру».

Ни у Казалс, ни у Гулагонг, по-моему, и мысли никогда не возникло заниматься чем-то подобным. Они играли в теннис, как гениальный самоучка-виртуоз на скрипке. А Кинг, будучи суперталантом в движении, совершенно по-другому относилась к любой встрече, потому и лидером была она, а не кто-то другой.

В теннисе всегда существовали подпольные деньги. В «доисторические» времена, хотя австралийцы, например, покидали свои дома почти на год, все считались любителями. Но турниров проходило меньше,

чем сейчас, следовательно, в перерывах игрокам полагось самим себя содержать. Многим помогли национальные федерации, выискивались и другие возможности. Маргарет Корт в своей книге рассказывала, что ей на Ролан Гаррос федерация оплачивала билет Мельбурн — Париж — Мельбурн, но после турнира в Париже она переезжала в Ниццу, получая билет Мельбурн — Ницца — Мельбурн. Обратные билеты, а стоимость у них приличная, сдавались в кассу, и таким образом почти законно федерация поддерживала игрока высокого класса.

Хорошо устраивались те, у кого ловкие тренеры или менеджеры, и те, у кого хорошие отношения с директорами турниров. Важно было обеспечить себя необходимым числом приглашений. Никакой системы не существовало. Кто как мог устраивался на турнирах, причем иногда решающими оказывались совсем не спортивные, а другие таланты. Глория Батлер много лет проводила турнир в Монте-Карло, который всегда заканчивался концертом. Его давали сами игроки, и участвовали в этом шоу чуть ли не все тогдашние знаменитости. Рич, Ньюкомб и Розуолл, выдающаяся команда австралийцев, исполняли «Танец маленьких лебедей». Сейчас мне кажется, что турнир проводился ради этого шоу, похожего на наши капустники. Отец Глории — совладелец знаменитого казино, и она могла себе позволить такое удовольствие, как теннисный турнир. В Монте-Карло отбирали не столько по классификации спортивной, сколько по актерским или голосовым данным, правда, теннисных звезд это не касалось. Звезды нужны всегда и всем. Сейчас бездушный компьютер всех расписывает по турнирам.

Поскольку речь зашла о шоу в Монте-Карло, мне вспоминается подобный праздник в Штатах. Игроки одного поколения обычно дружны между собой и всегда придумывают для себя какое-нибудь развлечение. Мы иногда после крупных турниров в США устраивали представления. Инициатором, сценаристом и кос-

тюмером этих сборищ была Роза Казалс. Каждому в нем она расписала роль. Я участвовала в двух представлениях, чем очень горжусь. Например, в первом, в Лос-Анджелесе, игроки разделились на две команды. Я со Стиве была выбрана тренером одной команды, а Эверт и Кинг — тренерами другой. На турнире работали два тур-директора — Пичи Келмайер и Вики Бернс. Вики в свое время была игроком первого-второго круга Уимблдона, а Пичи любительница, слабая теннисистка. Но именно они после финала турнира играли свой матч. Вирджиния Уэйд судила его на вышке, Гулагонг подавала мячи. Мартина Навратилова изображала девчущку из тех, что беснуются в Штатах с опахалами и флагами во время футбольных и баскетбольных матчей. Всю неделю Мартина из газет резала себе и юбку и опахало. По-моему, она к финалу Уимблдона так не готовилась, как к этой роли. Гулагонг в середине матча переметнулась к Мартине, и эти две толстушки (тогда Мартина была пухленькая) прыгали как сумасшедшие. Игроки на переходах пили не только освежающие напитки, а еще водку и пиво. Водку привезла из Москвы я, пиво выдавали на турнире журналистам бесплатно, мы у них его и позаимствовали. Вики к концу «матча» была просто пьяна, но все равно не могла проиграть Пичи. Не помогало ей даже то, что ее бешено засуживали. Кинг изображала из себя серьезного тренера, надела майку, сделанную для всех Казалс, с надписью «Олга-сан». Я натянула на себя красные штаны, а на голову накрутила чалму.

Жила я в Беверли-Хиллз, самом престижном районе Лос-Анджелеса. Вирджиния на своей машине заезжала, мы много тренировались. Предстоял турнир в Японии, где мы собирались играть пару. «Оля, давай тоже что-нибудь придумаем, но только с русским колоритом», — предложила как-то утром Мэри, подруга Вирджинии. И в течение недели я разучивала с ней «Очи черные». Актриса из Мэри так себе, но нам многого и не требовалось, мы готовили

сюрприз. Уэйд как судья в перерыве нас объявила, мы схватились за микрофоны и заголосили на двадцатипятитысячный зал, где не меньше пятой части зрителей после финала задержалось. Мы пели «Очи черные», стоя в обнимку, и в конце рухнули на пол. Сидя на корте, мы хохотали с Мэри так, что остановиться не могли. Зал смеялся вместе с нами.

Кинг ходила с шапкой вдоль трибун, делая сборы. Она хотела надеть на представление туфли на огромных каблуках. Я в то время уже носила такие, воображая, что это очень женственно. «Оля, — спросила Кинг, — я возьму твои туфли?» В этих туфлях, черных чулках и черной фуфайке хоккейной команды «Филадельфия флайерс», под объявление: «Тренер Пичи Келмайер, неоднократная чемпионка Уимблдонского турнира...» — Кинг шествовала по площадке.

В эти безоблачные времена патриархального тенниса у Билли-Джин начало расти возмущение по поводу женского неравноправия. В теннисе оно выражалось в значительно меньших суммах призов, чем у мужчин. Кинг считала, что создание женского теннисного профсоюза положит конец мужской монополии на большие деньги. Кстати, когда точно начался женский профессиональный теннис? Роза Казалс утверждала, что была профессионалом с детства, то есть уже тогда она играла за деньги. Роза, как и Билли-Джин, начинала на публичных кортах. Папа одной богатой девочки, которая играла намного хуже, оплачивал Роза все поездки на соревнования при условии, что она будет выступать в паре с его дочкой.

Становление Кинг как общественного лидера совпало с ее высказываниями о том, что женский теннис должен стать профессиональным. Если шахматисты называют Фишера председателем своего профсоюза, то, я думаю, такое же звание заслужила и Кинг. Она считала, что тот, кто отдает теннису большую часть своего времени, должен получать за это деньги. В теннисе существовал подпольный тотализатор, и,

еще не став профессиональным видом спорта, он уже приносил огромные деньги. Плюс еще и высокая посещаемость зрителей, чем не каждый вид спорта может похвастаться.

Почему у теннисистов никогда не было официального чемпионата мира? Потому что и Уимблдон, и Открытое первенство США «Ю.С. опен», и Ролан Гаррос приносят огромную прибыль, и организаторы этих соревнований не могли допустить возникновения турнира, который бы нарушил сложившееся положение. Я убеждена: кто бы ни старался, все равно чемпионата мира в теннисе никогда не будет. Существуют финалы Гран-при у мужчин и «Вирджинии слимз» (название сигарет фирмы «Филип Моррис») у женщин, считающиеся личными чемпионатами мира у профессионалов. В них разыгрывались самые большие призы — у женщин, например, миллион долларов на шестнадцать участниц финала, но отбор на эти соревнования нельзя было назвать чисто спортивным.

Борьба Кинг за женское равноправие в теннисе развивалась у меня на глазах. В 1968-69 году американки Кинг, Энн Джонс, Казалс и Френки Дюр были первыми теннисистами, которые отправились на гастроли в составе так называемого цирка Крамера, собравшего самых разных спортсменов. Но Крамер, моему, женоненавистник, жизни им не давал. Тогда Кинг решила поменять систему всего женского тенниса. Она встретила с женой крупного промышленника Хелдмана, директора турнира «Ю.С. опен», и Гледис Хелдман, издатель журнала «Уорлд теннис», через мужа вышла на «Филип Моррис», крупнейшую табачную компанию, с которой четверка теннисисток подписала долларовый контракт, чтобы юридически оформить сделку. То есть каждый игрок получил один доллар вознаграждения, а фирма «Филип Моррис» взялась финансировать турниры женского тенниса. Таким образом, они начали проходить отдельно от мужского. На организацию суверенного женского

тенниса пошли энергия Кинг, ее знание рынка тенниса, ее огромные организаторские способности. Сквозь множество проблем и препятствий Кинг добилась, чтобы Международная федерация тенниса признала новый союз. Теперь этот союз — WTA (ассоциация женского тенниса) не только защищает права спортсменок, но и сам способен платить призы и организовывать турниры. WTA, огромная организация с приличным бюджетом, своему рождению обязан упорству и трудолюбию Билли-Джин Кинг.

Создание женской ассоциации под эгидой «Вирджинии слимз» (на какое-то время финансирование турниров взяла на себя парфюмерная фирма «Эвон») Кинг показалось мало. Она решила организовать новые соревнования. Кинг всегда привлекал дух командной борьбы. Поэтому она с мужем Ларри, невзирая на материальные потери (любые идеи стоят денег, а чем они грандиознее, тем дороже), придумала такой турнир: одна одиночная встреча женская, одна мужская, одна мужская парная, одна женская парная и смешанная комбинация. Билли-Джин и Ларри назвали его «Уорлд тим-теннис». Каждый матч проходит всего в один сет, и побеждает та команда, которая набрала больше очков, причем считались они по геймам. Соревнования получились очень зрелищными и азартными. В 1976 году Кинг привезла американскую команду в Москву, что вызвало необыкновенный бум. Заодно она не забыла прислать к турниру и ковер искусственного корта. Попасть во Дворец спорта Лужники было просто невозможно. Синтетический корт постелили прямо на лед (во Дворце спорта проходил чемпионат страны по хоккею), но, как выяснилось, в нем остались выемки, и мяч, ударившись в эту точку, уже не поднимался. Если бы не первый приезд в СССР «Уорлд тим-тенниса», Кинг убила бы любого, кто попался бы ей под руку за такую площадку.

Накануне матча у меня разыгрался радикулит, и мне было сказано, что на три месяца я должна забыть

о теннисе. Яков Михайлович Коц, врач из физкультурного диспансера, поставил за три дня меня на ноги. Но за пару дней до соревнований опять приступ. Мне вкололи такое количество витамина В₁₂, что, казалось, я в состоянии перевернуть танк. Возможно, за три дня я получила норму трех месяцев, но зато чувствовала себя перед игрой прекрасно. Когда я вышла на корт (а еще вчера Витя на руках носил меня по квартире), мои «доброжелатели» оказались неприятно удивлены. Им говорили, что Морозова не двигается.

Я вела во встрече с Кинг 5:2, но проиграла сет. В решающем гейме веду 30:15... и меня зажимают наши же судьи! Я бью и попадаю в угол площадки, Кинг на всякий случай становится в позу: судья, впервые видя знаменитость такого масштаба, тут же объявляет: «Аут!» Вместо того чтобы получить двойной матч-бол, счет сравнивается — 30:30. Я задыхаюсь от несправедливости и, естественно, теряю всякий контроль над игрой. После матча Кинг шепнула: «Оля, у вас замечательные судьи! — и пожала мне руку. — Я таких ни в одной стране не видела». Через полчаса, уже в раздевалке, Кинг мне сказала: «Играю и думаю: «Я, Кинг, неоднократная чемпионка Уимблдона, первый раз в России... и проигрываю. Неважно, что тебе. Проигрываю! На такую роскошь я не имела права». После седьмого гейма и я почувствовала, что она не уступит. Кинг заиграла феноменально. Мысль и характер в ней нерасторжимы.

Кинг сделала женскому теннису сумасшедшую рекламу, сыграв матч с Боби Рисом, великим теннисистом, но яростным женоненавистником. Маргарет Корт перед матчем он подарил соски и пеленки, давая понять, что заниматься ей надо не теннисом, а материнством, после чего Маргарет вообще не смогла с ним играть. Тогда он заявил: «Маргарет Корт хотя и чемпионка Уимблдона, но справиться с 55-летним Бобом не может, я вызываю Кинг». Они встретились в

Хьюстоне на стадионе, куда пришло тридцать тысяч зрителей, а телевидение, транслируя матч по всему миру, собрало многомиллионную аудиторию. Боб и Билли-Джин играли пятисетовый матч. Кинг так «пахала», что, когда кончился матч, ее унесли на кресле, встать она не могла. Перед матчем Боб подарил ей букетик, она же ему вручила глиняную свинью. Кинг выиграла у Боба, довоенного чемпиона Уимблдона, подняв престиж женского тенниса. Может быть, этот результат был «спланирован», думаю я сейчас? Может быть, спонсоры специально устроили грандиозный шум на весь мир, приписав женоненавистничество несчастному Бобу Рису. Я не видела матча, но помню, что каждая женщина страстно желала победы Кинг.

Боб Рис — игрок в высшем понятии этого слова. Однажды Боб заключил пари с приятелем: «Если хочешь, можем поспорить на тысячу; я стану чемпионом Уимблдона». Боб входил в десятку мира, так что пари не казалось авантюрным. «Но я выиграю и одиночку, и пару», — добавил Боб. «Ставлю пять, ты этого сделать не сможешь». — «А если микст, пару и одиночку?» — «Ставлю десять против одной». Боб выиграл и пару, и микст, и одиночку.

Ньюкомб рассказывал, что перед финалом Уимблдона к нему во время разминки подошел человек и предложил сыграть на деньги, более того, заявив, что надеется победить. И это перед тем, как Ньюкомбу надо доказать, что он лучший в мире! Нахал был Ньюкомбу неизвестен. Боб, а это был он, уже находился в том возрасте, который принято называть ветеранским. Незнакомец начинает Ньюкомба заводить, они приступают к игре, и, уже проигрывая, Ньюкомб вспоминает, что ему предстоит через несколько часов финал Уимблдона.

Мне Боб предлагал сыграть в Москве и согласен был заключить пари на рубли. Надо сказать, что Боб всегда был в хорошей спортивной форме, к тому же

женский теннис нельзя сравнивать с мужским. Разговоры о том, что Мартина Навратилова в расцвете сил могла бы обыграть, например, молодого Чеснокова, смешны и нелепы. Ни одна девушка из первой десятки не способна обыграть теннисиста, стоящего даже в конце второй сотни мировой таблицы о рангах. Реакция, сила, мощь удара, быстрота передвижения на корте у мужчины и женщины несопоставимы, как и скорость женщин и мужчин в беге или плавании. Я в свое время могла с большим трудом выиграть сет у своего мужа, но Витя носил звание мастера спорта СССР, а не чемпиона Уимблдонского турнира.

Кинг была не только нашей соперницей или партнером. Она была наставником для любой из нас. Я помню, как она нас учила общению с прессой. Она первая поняла, что это необходимо каждой из нас, следовательно, полезно общему делу. Пресса может сделать имя игрока белым, может черным. Пресса может помочь стать чемпионом, а может сделать так, что ты никогда им не станешь. Пресс-конференции Кинг — это спектакли. Она всегда была игроком и всегда победителем. Победителем даже тогда, когда проигрывала.

В середине 1974 года в Техасе, в городке Остин мы играли турнир четырех на теннисном стадионе Ламара Ханта, одного из богатейших людей Америки. Папа Хант, отписывая состояние сыну, часть его передал через теннис. Ламар Хант, страстный любитель тенниса, к полученному стадиону и клубу прикупил и мужской тур из турнира «Уорлд чемпион шип». И он пригласил в Остин четырех сильнейших женщин. Билет на любую из наших встреч стоил полторы тысячи долларов для тех, кто хотел наблюдать за игрой из ресторана. Сам стадион, по-моему, больше двух тысяч зрителей не вмещал.

...Я часто сталкивалась с таким фактом: идет тренировка сборной, приезжают на корты люди, занимающие высокие посты, и нам говорят: «Оля, надо бы

девочкам заканчивать занятия. Эти люди должны поиграть». Понимая, что никаким образом изменить положение невозможно, мы оставляем корты и уходим. Были среди этих людей и те, кто нам помогал, и те, кто не помогал, но корты все равно приходилось освобождать. Я же наблюдала, как не нашлось корта для Ламара Ханта в его собственном клубе. Как бы мне хотелось, чтобы иногда наши начальники видели, как в таких случаях поступают «ихние начальники»...

Итак, Ивон Гулагонг, Крис Эверт, Билли-Джин Кинг и я составили лучшую четверку мира, которую Хант пригласил в свой клуб. В финале играли Эверт и Кинг. Крис уже наступала на пятки Билли-Джин, но решающего преимущества еще не достигла, они как бы делили первое-второе места. Психологически Кинг все так обставляла, что казалось, Крис боится занять место Билли-Джин. Кинг гениальна во всем. Она давила на соперниц поведением, прессой, отношением. Но уже Кинг избегала играть с Эверт на земле, здесь Крис была заметно сильнее. Поэтому они играли на таком покрытии, которое было удобно Кинг, к тому же та выбирала и такой календарь, который ей подходит. Кинг доказывала, какая она великая, но уже при благоприятных для нее обстоятельствах.

Турнир начинался в субботу. Всем нам объявили, что мы обязаны собраться в четверг и провести пресс-конференцию. Естественно, все являются, как приказано, и делают то, что велено. Нет только одной Кинг. Мы разминаемся, тренируемся. Кинг нет. Начинается легкая суматоха и беготня. Вызывают молодую Навратилу, чтобы она, на всякий случай, сидела в запасе. Дергаются уже все: и организаторы, и игроки, и публика. Ходят слухи, что Кинг едет, но где она и откуда едет, никто не знает. Журналисты теперь заняты только маршрутом Кинг. Закручивается невероятная интрига, как потом выясняется, хорошо подготовленная. Наконец, когда у нас, особенно у тех, кто должен с ней играть в субботу, начинается легкая паника, в

пятницу поздно вечером является Кинг, которая где-то рядышком, в полном спокойствии тренировалась с двумя спарринг-партнерами.

Еще одна пресс-конференция, теперь в субботу утром, накануне матчей. Мы сидим за столом — все четверо. Но нам-то уже вопросы задавали в четверг, журналисты разговаривают только с Кинг. Мы трое: любимица Австралии Гулагонг, любимица Америки Эверт и я чувствуем себя придворными дамами при Королеве. Я-то в глубине души довольна: английский у меня еще не так хорош, чем меньше мне задают вопросов, тем легче.

Билли-Джин играла с Крис три сета очень сложного и очень интересного матча. В решающей партии Кинг на своей подаче сообщает судьям, что Эверт допустила ошибку, мяч в ауте. Я сижу около боковой линии и вижу, что ошибки не было. Но Кинг, у которой силы уже на исходе, начинает проявлять талант уже артистический. С одной стороны, это противно, с другой, ты восхищаешься, как она это делает. Начинается дискуссия с судьей. На трибунах крик, визг, судья меняет решение. В конце концов Кинг проигрывает этот гейм, затем матч и уходит с площадки. После встречи игроков награждают прямо на корте, и для спонсора самое главное показать огромные, нарисованные на картоне чеки победителя и участника финала — это традиция. Чек в двадцать пять тысяч (в то время это были очень большие деньги) дожидается Кинг перед камерой, но ее нет. Организаторы нервничают, телевидение ждать не может. Наконец Эверт демонстрирует свой картонный чек с выигранными ею пятьюдесятью тысячами и все расходятся. На следующий день пресса целиком занята не тем, что Эверт выиграла, а тем, что Кинг не явилась на награждение.

Играла Кинг в теннис, как говорят, до седых волос. В сорок лет она сумела, правда в паре, войти в финал Уимблдона! Когда на первые роли вышла Мартина Навратилова, Кинг уже в основном играла в паре:

бизнес есть бизнес, а теннис приносил ей немалый доход. Но очередная травма колена уже не позволила ей восстановиться. Мне кажется, Билли-Джин ждала, чтобы ее пригласили работать в американскую команду. Но в сборной США ей не нашли должности, похожей на мою, у Билли-Джин ничего с национальной командой не получилось. И тогда Кинг занялась пропагандой своего тим-тенниса.

2000 год — Кинг — капитан команды «Кубка Федерации» и Олимпийской.

ВИРДЖИНИЯ УЭЙД

У Вирджинии Уэйд существовала целая теория о неверности мужчин после сорока, когда те достигают успеха, а жены, целиком посвятившие себя семье, им уже не нужны. По-моему, она срисовала портрет родного брата, которого очень любила. Возможно, все это отвернуло ее от мужского общества. Вирджинию замужество никогда не прельщало. Семья Уэйдов была с достатком и строгих правил. Отец Вирджинии много лет был пастором в Южной Африке. Она там родилась, потом с родителями вернулась в Англию, поступила в хороший колледж. К тому моменту, когда Вирджиния вышла в число сильнейших, Англия уже теряла свои лидирующие позиции в мировом теннисе, но Уэйд выиграла Уимблдон. Это был последний успех хозяев самого престижного турнира в мире. Кстати, эту победу я ей предсказала. После финала Вирджиния позвонила в Москву. «Оля, ты оказалась права. Я сейчас праздную!» Она очень любила черную икру, и я ей повезла в подарок — тогда еще можно было и везти и достать — килограммовую банку.

Было приятно, что не только Вирджиния, почти все звезды того времени не забывали меня. Когда родилась дочка, они звонили, поздравляли. Если б не сложные времена нашей политики, мы держались бы на-

много ближе друг другу. Советскому человеку было нелегко завести друзей на Западе, тому есть много причин, и не только идеологических, но все же теннисистам пусть даже из разных миров общаться друг с другом несколько проще.

Однажды я попала в гости к Уэйд. Мы играли с ней пару в финале популярного турнира в Исборне. Пока шел турнир, его организаторы оплачивали игрокам гостиницу от понедельника до полудня субботы, но финал мы не закончили: пошел дождь и матч перенесли на воскресенье. Руководитель нашей делегации Владимир Алексеевич Голенко столкнулся с проблемой: куда меня деть? Вся команда отправлялась в Лондон. Что же делать со мной? Не везти же меня из Лондона рано утром обратно в Исборн. И когда Вирджиния пригласила меня на воскресенье к себе в гости, Голенко, вздохнув с облегчением, разрешил мне остаться у нее. Так после матча я попала не в гостиницу, а в особняк семнадцатого века с интерьерами, сделанными под тринадцатый. Невозможно описать, как в особняке была обустроена библиотека, не говоря уже об убранстве других комнат. Вирджиния объяснила, что купила замок в то время, когда маленькие дома стоили чуть ли не наравне с большими. Правда, они с отцом вложили в него все свои средства. На лужайке за домом Вирджиния устроила собственный корт. Думаю, сейчас эта обитель чемпионки Уимблдона имеет совершенно другую цену.

До той ночи я себе представить не могла, что можно жить в историческом памятнике. Трепет внушало одно то, что возраст ванны в моей спальне исчислялся веками.

Тетушка Вирджинии жила рядом в саду, в домике, который предназначался то ли охотнику, то ли садовнику. Скорее последнему, потому что сад Уэйдам достался большим и ухоженным. Все соответствовало историческому духу дома, даже «кидни пай» — пирог с почками, который на ужин подала нам мама Вирджи-

нии. Этот пирог готовится шесть или семь часов и обычно для гостей, то есть в этот день для меня. А утром на завтрак нам приготовили омлет из яиц, которые только что снесла в домашнем курятнике курица, и, наверное, кефир был сделан из молока их собственной коровы. Мы с английской теннисисткой Лизи Бимен, которая помогала тренироваться Уэйд, с субботы до понедельника без усталости вертели головами, разглядывая реликвии этого имения. Бимен только начала заниматься с Уэйд, позже она стала постоянным спаррингом Вирджинии. Не только мне, девочке с Масловки, но и Лизи такая жизнь была в диковинку.

Во время игры при неудачном приеме я обычно бурчала: «Какой кошмар!» Вирджиния ко мне пристала: «Ольга, что ты все время говоришь?» Я попыталась перевести, и получилось по смыслу: «Ужас, который наступает ночью». Это слово Вирджинии безумно понравилось. Она не уставала повторять: «Кошмар, кошмар!»

Светочка Пархоменко в первых наших поездках жила со мной в одном номере и сообщала своим тихим, нежным голосом: «Ольга Васильевна, вам звонила Кинг. Звали Олгу-сан». Так меня зовет только Билли-Джин. Или: «Вам звонила Вирджиния Уэйд». — «Откуда ты знаешь?» — «Она спросила: «Кошмар дома?» — И хотя Света тогда еще языком не владела, но всегда точно передавала не только кто мне звонил, но даже, что просили передать...

Наконец мы покинули роскошный замок и отправились в Лондон на машине Вирджинии в ее городскую квартиру.

Всю дорогу Вирджиния и Лизи играли в игру, приблизительно напоминавшую нашу «в великих людей». Вдруг у дороги мы увидели щит: «Чай на ферме». «Давайте попьем чаю», — предложила Вирджиния. Мы заворачиваем — и я попадаю в сказку. Маленький, чистенький домик с садиком: типичная английская лужайка, грядочки с цветами. Посреди лужайки —

стол, на нем одна корзиночка с яйцами, другая с клубникой — это все на продажу, совершенно свежее. Нас провели в комнатушку с четырьмя столами, покрытыми клетчатыми скатерками, на столах букетики цветов. Подали чай с бисквитами, со взбитыми сливками и с клубничным вареньем. Прошло столько лет, а я забыть не могу этого чая, сливок и джема. И где — в деревне, посреди дороги!

В Англии, как нигде за рубежом, ты чувствуешь себя свободно. Ничто на тебя не давит. Правда, Лондон сейчас изменился, стал слишком разноцветный. Массы новых людей внесли свой колорит, что отразилось на патриархальном облике города. Но остались, конечно, лондонские улицы, вдоль которых стоят одинаковые дома с садиками, а в них обязательно розы. В то время я пыталась у себя на даче повторить английский садик, но ничего не получилось, хотя я даже семена травы привезла из Лондона.

Я впервые попала в Англию в 1965 году. Мы гуляли с Дмитриевой по Бэкнуэму, и она показывала мне великих теннисистов, которые здесь собирались. Мы прошли мимо террасы, на которой в кресле сидела черноволосая девушка (Вирджиния старше меня на пять лет) с красной лентой в пучке — пучок был, как у солидной дамы, — и читала книгу. Вирджиния постриглась только в 1977 году, в год победы на Уимблдоне, а до этого носила прекрасные длинные волосы. На первый взгляд она совсем не похожа на спортсменку: этакая интеллектуалка, которая пришла посмотреть теннис, но увлеклась чтением. Аня сказала: «Это Вирджиния Уэйд — будущая звезда английского тенниса». Аня прочла мне тут же маленькую лекцию, как она делала всегда, знакомя с кем-то или с чем-то, и я хорошо помню по рассказу Дмитриевой, что Уэйд училась в одном из привилегированных колледжей Англии, куда девушкам поступить нелегко, причем на математическом факультете. Мне кажется, что университетский диплом Вирджинии стоит немногим

больше диплома авиационного инженера знаменитого и уважаемого мною хоккеиста Вячеслава Старшинова. Думаю, что играть профессионально в теннис или в хоккей и учиться в Кембридже или в МАИ, даже в мои времена, когда тренировки по сравнению с нынешними выглядели разминкой, одинаково сложно как в Лондоне, так и в Москве. Это доказывает и дальнейшая карьера обоих. Старшинов посвятил себя тренерской работе, жизнь Уэйд с математикой, насколько мне известно, совершенно не связана.

Мы очень долго с Уэйд не играли друг против друга. Думаю, что впервые мы вышли на один корт году в 69-м, когда уже были хорошо знакомы. И опять же в Бэкнеме, на турнире накануне Уимблдона. Из-за того, что турнир в Бэкнеме проходил в сроки открытого первенства Франции, его результаты не попадали на компьютер, и турнир собирал только тех, кто приехал состязаться на траве накануне главного соревнования. Но когда мы познакомились с Уэйд, турнир в Бэкнеме был еще популярен. Нас попросили сыграть в традиционном для Бэкнема показательном матче: «мир» против Великобритании. Тогда у англичан собиралась сильная команда: Энн Джонс, Трумэн, обе из десятки мира, подходила к ней уже и Вирджиния. Я проиграла Уэйд в решающей партии, но по ходу дела поняла, что играть с ней все же могу.

После учебы Вирджиния занялась только теннисом, и жизнь показала, что она не ошиблась. Уэйд стала первой, кто выиграл открытое первенство США для профессиональных теннисисток. Уэйд побеждала во всех турнирах Большого шлема, кроме первенства Франции. Она не любила из-за активного и нестабильного характера играть на грунте. Вирджиния играла агрессивно, при этом имела хорошую для того времени подачу. Отличная игра с лета, прекрасный удар справа, — слева был намного слабее, — приличные физические данные позволяли Вирджинии, одной из немногих, побеждать американку Крис Эверт,

лидера сборной США, пришедшей на смену Билли-Джин Кинг. Кстати, Крис, на мой взгляд, всегда играла с трудом против тех, кто не имел в матче четкой линии. Вирджиния в течение нескольких секунд могла нанести и суперобводящий удар, и тут же сыграть очень слабо. Надо только учесть, что слова «очень слабо» применительно к игроку высочайшей квалификации имеют относительный характер. А вот суперобводящие удары Вирджиния проводила на таком уровне, что дух захватывало. Сравнимы они были лишь с ударами в мужском теннисе.

Так как в Англии почти поголовно все поклоняются теннису и, естественно, желают видеть в своей стране знаменитых игроков, способных бороться за победу на Уимблдоне, то Вирджиния сразу же стала всеобщей любимицей. Но пользовалась поклонением Уэйд не только на родине. Филипп Шатрие, по-моему, восхищался Уэйд с первых же дней ее появления на корте. Запомнился мне банкет в 1987 году в Ванкувере, после очередного Кубка Федерации, куда Шатрие пригласил всех знаменитостей прошлых лет. Окружив плотным кольцом президента, они набросились на него каждая с какими-то своими проблемами. Джу-ди Тэгерт, ровесница Дмитриевой, бывшая финалистка Уимблдона, долго доказывала Шатрие, чем ей не нравится современный теннис, и требовала его изменить. Молчала только Уэйд. К ее-то словам как раз президент прислушивался всегда внимательней, чем к мнению любого другого.

Вирджиния благодаря поклонению Шатрие имела чуть больше рекламы, чем другие, к тому же ее обожатель был и совладельцем журнала «Теннис де Франс». Когда Вирджиния заиграла в полную силу, с ней много носились, надо признать, что и облик ее к прославлению располагал. Как бы критически ни относиться к университетским дипломам спортсменов, но Вирджиния получила настоящее образование и могла говорить не только на языке тенниса.

В конце концов мы сошлись с Уэйд в паре. Сперва играть вместе мне предложила Крис Эверт, до этого я играла с Гулагонг, потом с Маргарет Корт. В общем, долгий путь пришлось проделать, пока мы вышли вместе с Вирджинией на корт. Первый общий турнир — это было первенство Италии — мы сразу же выиграли. На этом турнире она меня буквально обескуражила. Вирджиния Уэйд — звезда английского тенниса! Естественно, мое отношение к ней строилось на том, что это классная спортсменка, и вдруг открывается, что и у нее есть слабости, о чем я и не подозревала. Так оказалось, что, когда Вирджиния впадает в мандраж, она уже ничего не может с собой поделать — это своего рода психоз.

В финале первенства против нас вышла пара Навратилова — Томанова. Вирджиния должна бить подачу и у меня, русской девочки, которая имеет куда меньше титулов и опыта, чем она, спрашивает: «Как подавать, Оля?» Я говорю: «По центру, ты же видишь, Томанова слева косой принимает лучше». Для меня этот вопрос оказался столь неожиданным, что я сперва на корте на него не обратила внимания, но дома, анализируя игру, подумала: «С ней такое ведь может случиться и в одиночной встрече?» Кстати, Вирджиния любила, чтобы ее поддерживали друзья. Если она видит тебя на трибуне и знает, что ты за нее болеешь, ей игралось легче.

Вирджиния старалась разминаться с игроками, которые были пусть ненамного, но ниже ее по классу. Она всегда подбирала партнеров для тренировок из тех, кого могла обыграть, или ей подбрасывал мужчина. Со мной она тренировалась только в тех случаях, когда мы готовились к парному турниру. Мне кажется, она играла со мной пару всегда с удовольствием, и число совместных приключений у нас, как говорят, энное количество. Вирджинии принадлежала роль организатора походов в рестораны или выездов на пикник. Далекое не всегда я могла себе позволить уча-

ствовать на равных в этих вылазках. В те времена нам и части призов не оставляли, только экономия суточных позволяла набрать хоть какую-то сумму.

Вирджиния несколько раз была в СССР и довольно успешно у нас играла. Но при всем ее хорошем ко мне отношении она обязательно должна сказать какую-нибудь гадость. Например: «У вас прекрасное шампанское и шоколад, но рецепт шоколада вы содрали у швейцарцев, когда во время войны вывезли их завод». Я отвечаю: «Вирджиния, это невозможно, мы со Швейцарией не воевали...» — «Да, — говорит Уэйд, — но завод вы все же стащили...» Наверное, и шампанское мы стащили у французов. По Вирджинии, если у нас есть что-нибудь хорошее, то мы его где-нибудь да уперли.

Возможно, став тренерами, мы оказались ближе друг другу: как боль, которую приносят тебе твои ученики, так и радость, они у всех тренеров одинаковые. И у англичанки и у русской. Но работу Вирджинии нельзя сравнить с моей в должности старшего тренера советской сборной. На Западе профессиональный игрок заключает с тренером контракт, причем к каким-то турнирам его готовит один тренер, а к каким-то другой. Я думаю, у Уэйд не было острой необходимости зарабатывать деньги большим тренерским потом, потому что она была довольно состоятельной леди, к тому же за приличный гонорар ее приглашали иногда телекомментатором на крупные турниры.

При всей славе Вирджинии мне казалось, что как игрок я не слабее ее. Когда мы встретились в полуфинале Уимблдона, меня не покидало ощущение, что она побаивается меня (в «восьмерке» я обыграла Кинг). Шел 1974 год, вся британская пресса писала только о том, что их любимица вот-вот должна выйти в финал Уимблдона, а так как она не раз побеждала Крис Эверт, то, возможно, станет чемпионкой Уимблдона. Страна поддерживала Уэйд и готовилась торжественно отметить ее победу. Готовилась и я, правда, к мат-

чу. Перед вызовом на корт в раздевалке я смотрела телевизор — до начала соревнований обычно давали интервью с бывшими теннисистами. Спрашивают их прогнозы, какие они сделали ставки на тотализаторе. И вот Фрэд Перри, которого у нас в стране знают, поскольку он был первым из великих игроков, кто приехал к нам после войны показать, какого уровня достиг в мире теннис, говорит: «Да, конечно, у нашей умной, замечательной, красивой Вирджинии шансов больше...» Обращаются к статистике, вспоминая матчи Вирджинии, оказывается, ни одного официального матча до этого мы с ней не играли...

Надо сказать, Перри меня подзадорил. Правда, одну хорошую фразу в мой адрес он произнес: «Эта советская умеет бегать, и потом, вы знаете, от русских всегда можно ожидать сюрприза». Я подумала: «Вот я тебе его и преподнесу». Накануне Кинг меня успокоила: «Ольга, не бойся, ты сейчас в форме, как играть против Уэйд знаешь». — «Знаю, — отвечаю я, — под левую руку». — «Но если ты еще пару раз дашь ей мяч на хавкорт, — говорит Кинг, — и она пару раз сыграет «в забор» (то есть в аут), она так и будет два сета играть «в забор». Пусть замечания Билли-Джин по тактике были не самые глубокие, но то, что они совпадали с моими мыслями, а главное, уверенность Кинг, что я смогу их выполнить, меня психологически поддерживало.

Сидим с Вирджинией наверху в раздевалке, ждем звонка, приглашающего в комнату ожидания: мы играли первыми на центральном корте. Внизу, у входа на корт, мы уже побывали, костюмы наши проверили, и после команды «вперед», провожающей на площадку, начался дождь. Сидим час, два, я закрыла глаза и выгляжу спокойной, хотя ситуация у меня хуже, чем у соперницы. Никого ко мне в раздевалку не пускают, поскольку единственный, кто приехал со мной, — старший тренер сборной Шамиль Тарпищев, ему в женскую раздевалку вход закрыт. Да и что он мог мне

сказать, чем помочь? Ему тогда было 26 лет, мне 25. Тарпищев вообще оказался в сложной ситуации. Лидеры команды Морозова и Метревели с характерами, прямо скажу, непростыми, к тому же его ровесники, поэтому и относились к нему не как к тренеру, а как к товарищу. Ему было тяжело, но он выдержал. Спустя годы мне порой казалось, что это совсем другой человек, а не Шама, наш с Витей свидетель на свадьбе...

При неуравновешенном характере Вирджинии трудно выдержать бесконечное сидение в раздевалке. Она стала искать, чем себя занять. Принялась играть с кем-то в какие-то игры, было видно, что развлечения эти натуженные, неестественные. Нас вызывали раза три. Нервная энергия уже на нуле, а главное, раз пятнадцать уже разминались, так что сил уже не осталось, но злость еще была. Я поела, и тут нас вызывают на корт. Первый сет продолжался десять минут. Я только ходила и отмечала: «Ага, линия, ага, линия, ага, подача насквозь! Сколько же это может продолжаться? Сколько она может так идеально попадать — это же ненормальная игра». Знаю, что все делаю хорошо, но изменить ничего не могу. Счет сета — 6:1. Вторая партия — 4:1 в пользу Уэйд. Тут-то все и началось. Я отыграла гейм, отыграла второй. Наступил решающий момент — 15:30, на подачи Вирджинии я бросила хорошую свечу, выиграла очко, затем гейм, за ним и сет. Третью партию она отдала без борьбы. Этот матч у меня есть в видеозаписи, после него я стала звездой. Я вышла в финал Уимблдона.

Вирджиния реабилитировала себя в глазах соотечественников, выиграв финал в 1977-м, в год столетия Уимблдона. Она удивительно умела вовремя расставить акценты. У нее не сложилось таких ровных отношений со всеми, как у меня. Виногато в этом ее постоянное стремление к лидерству.

У Уэйда всегда прослеживалась четкая линия в жизни, и она ее аккуратно вела, ни в чем себя не ущемляя. Если Вирджиния рекламировала пальто, то только

норковое, если шла в Нью-Йорке в клуб, то только в «Клуб-21» — один из самых престижных и консервативных в мире. Когда я играла в турнире четырех, меня принимали в этом клубе. Мне, конечно, было все равно, что «21», что «42». Оказывается, я была первой советской спортсменкой, а может и последней, которая давала пресс-конференцию в этом клубе. В Англии есть элитный клуб, в котором Вирджиния единственная женщина — почетный член. Если Вирджиния в гостях на фирме, то встречать ее должен президент фирмы. Если Вирджиния покупала машину, то пусть не последнюю модель, но только ту, которая престижна. Не надо забывать, что мировое лидерство не только слава, но и деньги. Считали, что Уэйд умнее всех делает свои дела, что тоже всех раздражало, никто даже в пионерском лагере не любит соседа, который ест сливки, когда ты пьешь молоко.

Она всегда красиво одета, никогда не броско, но очень дорого. Она любительница балета и классической музыки. Вирджиния сейчас совершенно седая, но такая же красивая, как и тогда, когда я увидела ее с книжкой в кресле на террасе Бэкнема.

Она и сейчас много работает в теннисе, но всегда чуть-чуть преувеличивает свои заслуги. Во всяком случае, каждый должен знать, что это сделано ею, Вирджинией Уэйд.

КРИС ЭВЕРТ

Крис Эверт родилась в 1954 году, и когда о ней стали говорить, ей только исполнилось шестнадцать. Играя на турнирах в Америке, Крис побеждала всех своих ровесниц и побеждала очень легко. И хотя она выступала только в Штатах, мы знали, что там появилась талантливая девочка. Маленькая Крис не ездила в Европу, ее мама следила за тем, чтобы она хорошо училась в школе и не пропускала уроки.

Я увидела Крис в деле, когда сама приехала в Америку. Первый матч и получился у нас с ней самым интересным. Мы встретились в 1971 году во время первенства США, Эверт уже считалась в Штатах восходящей звездой. Тогда будущий «Ю.С. опен» проходил на травяных кортах и назывался он Форест-Хилл. Наверное, каждый турнир получает название по тому месту, где проводится. И вот в этом маленьком городке мы с Крис «столкнулись» на центральном корте. В том году впервые были применены новые правила, и сет уже не играли, как прежде, до преимущества из двух геймов. При счете 6:6 результат в сете определялся по тайбреку.

Но если позже для победы в тайбреке надо было выиграть шесть мячей, то тогда — восемь. Причем при моей подаче соперник выбирал квадрат, где он хотел ее принимать. Такое дикое правило просуществовало год. Тайбрек сложно входил в теннисную структуру, но, когда прижился, выглядел так, будто встроен был в нее всегда.

Матч с Крис получился нервным. Хорошо помню, что, когда мы с ней стартовали, я в общем-то себя чувствовала удобно — первый сет выиграла, вела во втором, кажется, 3:0. В конце концов Крис проиграла и вторую партию. Мне даже показалось: что-то легковато для меня складывается матч. Эверт, конечно, тогда была совсем молоденькой, но очень старательной...

Что меня безумно раздражало в игре Крис и потом мучило каждый раз, когда мы встречались, — ее потрясающее предвидение, она всегда знала, куда попадет мяч, еще до того, как я по нему ударю. Никакими сверхъестественными физическими качествами Крис не отличалась. Они стали у нее гораздо лучше спустя лет десять, наверно с годами она больше занималась физической подготовкой. А вот стабильная нервная система ее отличала от многих женщин-теннисисток... Третий сет уже проиграла я. В решающей партии тоже проигрывала 2:5. Публика грохотала.

Я сделала невероятное усилие над собой — счет 6:5 в мою пользу. Остался всего лишь шаг... Победа на траве против Крис Эверт даже тогда, в 1971-м, считалась сенсацией. На переходе думаю, сейчас я должна выдохнуть, потом как следует набрать снова воздуха и пойти ее добивать... Ну, выдохнула. На этом все закончилось. Я проиграла свою подачу. Счет стал по шести. И уже на тайбреках я уступила 5:3. Наш матч был назван самым интересным матчем чемпионата. Нам вручили специальный денежный приз, который, естественно, у меня в Москве отобрали. По тем временам это была приличная сумма денег. Но бог с ними, с деньгами, зато матч вошел в историю тенниса. Так я познакомилась с Крис Эверт. Мы играли с ней часто, но так никогда я Крис Эверт и не обыграла. Еще не один матч складывался для меня, почти как первый, то есть я находилась в шаге от победы, но сделать его так и не смогла. Эверт единственная заставила меня играть в такой теннис, в какой я никогда не играла. Мое преимущество заключалось в том, что я при любой возможности шла к сетке и, в отличие от многих, чувствовала себя там замечательно. Крис вынудила меня отказаться от этих выходов, потому что ее свечи по точности получались идеальными. Они буквально травмировали мою нервную систему. Но, наверное, не так сильно, потому что с Крис мы стали хорошими друзьями. Был год, когда мы с ней встретились во всех крупных финалах. Правда, я везде проиграла. Что для меня стало полной неожиданностью, так это то, когда она предложила мне сыграть пару. Ее мама Колет, замечательная женщина, я еще о ней расскажу, восприняла мое согласие как большой подарок для Крис. Я потом поняла почему. Эверт, очень сильный игрок-одиночник, в паре выглядела слабее. Что в ее парной игре устраивало меня — она никогда не мазала прием, она вообще никогда и ничего не мазала. Плюс к этому Крис отдавала мне инициативу на завершение комбинации. Когда мы играли вместе, я очень уставала, по-

тому что должна была брать на себя три четверти корта. Но выходить на площадку вместе с Крис все равно было приятно, потому что мы всегда сохраняли с ней хорошие отношения и никогда не выясняли, кто виноват в пропущенном мяче. По своему характеру я не могла действовать хуже партнера. Мы часто вместе тренировались, и это тоже сближало.

Признаюсь, что тренировки с Крис Эверт в общем-то получались довольно противные. Например, перебрасываемся с задней линии. Если я попадаю в аут, в двух сантиметрах за линию, она мяч останавливает. А эта нарочитая остановка страшно злит. Но в то же время, раз Крис остановила мяч, значит, я ошиблась. Тем самым она заводит разминку на соревновательный уровень. Так что ты уже на тренировке попадаешь на некое соревнование, причем с большим игроком. Игроком, который находится в десятке мира. Крис ведь сразу вошла в десятку. Ее восход, восход суперзвезды женского тенниса напоминал взлет мощного, но легкого самолета.

Почему она так знаменита в Америке по сей день? Крис Эверт много сделала для женского тенниса и вообще для спорта в США, как ни странно, своей внешностью, своей женственностью. Многолетний лидер женского тенниса Билли-Джин Кинг — тигр на площадке, боец, женщина, которая подражала мужской манере игры. Кинг всегда агрессивна, Кинг ругалась. Она создала себе образ бойца и борца за дело женского тенниса. Крис Эверт, наоборот, дарлинг, милашка. Маленькая девушка-статуэточка с изумительно нежными передвижениями по корту. Крис одновременно и спортивная суперзвезда, и необыкновенно женственная теннисистка. Глядя на нее, все мамы захотели видеть на корте своих дочерей. Крис Эверт показала, что и обладая суперженственностью можно победить на открытом первенстве США. Но это только первая ее заслуга перед страной. Есть еще и вторая, собственно та, которая и сделала ее звездой Америки.

Эверт — воплощенная в жизнь американская мечта: каждый может стать миллионером. Какой советский фильм в те годы получил «Оскара» — «Москва слезам не верит»! Американцы увидели ту картинку, которую они любят разглядывать: женщина, которой жить поначалу негде, стала директором фабрики. Они тоже плакали на этом фильме, как и мы, правда, слезы у них другие.

Крис Эверт — девочка из простой католической семьи, где чтят христианские законы, где каждую неделю, по воскресеньям, вся семья ходит в церковь, где обязательно много детей. У Крис три брата и две сестры. Папа — тренер, который давал уроки тенниса на публичных кортах, то есть там, где каждый мог бесплатно играть. Папа — человек редких качеств. Он долгие годы был тренером, и когда Крис, его ученица, стала звездой, не поднял цены на свои уроки. Мама — наседка, которая выпестовала всю эту теннисную семью, поскольку в ней все теннисисты. Старший брат помогал Крис тренироваться. Младшая сестра Крис неплохо начинала, но не стала суперзвездой. Говорили, что у нее способностей больше, чем у Крис, но характер мягче. Она тоже занималась тренерской работой.

Третья дочь Эвертов, Клея, самая младшая сестра Крис, очаровательная и избалованная. У меня дома лежат фотографии, как мы тренируемся вместе с Крис в Форест-Хилле, а с нами маленькая Клея, совсем крохотуля. А в конце восьмидесятых Клея, уже взрослая девушка, приезжала с Крис на Уимблдон. Приезжала как зритель, хотя Крис сделала все возможное, чтобы сестра заиграла, тем более пресса писала, что младшая Эверт суперталантлива. Маленькая Клея даже вошла в финал детского «Оранж бола», играла, если я не ошибаюсь, против болгарки Кати Малеевой и победила, но взрослым игроком так и не стала. Мне кажется, что Крис создала ей такую замеча-

тельную жизнь, в которой трудно вырастить спортсмена.

Ее мама Колет тоже играла в теннис. Каждый раз при встрече первое, что она у меня спрашивала, — как моя дочка? Колет истинная женщина, которую больше всего волнуют не призы, а внуки. Она переживает за Крис, потому что жизнь у старшей дочери идет не как у обычной женщины, и это Колет, как мне кажется, немножко даже угнетает.

Колет стройна и элегантна. Однажды она вспоминала, что, когда была беременной Крис, размер платья носила тот же самый, что до беременности. Этим она очень гордилась. Мы всегда говорили: «Крис, у тебя такая талия, потому что ты в Колет». А она отвечала: «Ну куда мне до мамы! Мама до сих пор носит мои сарафаны, которые я одевала в четырнадцать лет».

На одну из встреч Колет принесла мне свои домашние фотографии, продемонстрировала всех своих внуков. Мне кажется, нас должны были удалить с трибуны, поскольку показ внуков происходил на матче Наташи Зверевой, и на каждом переходе она мне рассказывала, что вытворил ее очередной внук. Переход — когда меняются стороной — полторы минуты. Колет сидела внизу, я повыше, она поворачивалась ко мне. Матч возобновлялся, но в такой короткий срок она со своим рассказом не укладывалась и заканчивала его в полной тишине. Колет взяла на память фотографию моей Кати. Тут же сказала: «Крис начала в шесть, так что смотри, не пропусти».

Папа Эверт — строгий, спокойный, уравновешенный, правдивый человек. Никогда не будет лстить. Мы играли турнир четырех — Гулагонг, Кинг, я и Крис Эверт. Я проиграла Кинг из трех партий, а Крис обыграла Гулагонг. Финал — Эверт с Кинг. Перед финалом я ее разминала. Тут же рядом стоял папа. Крис уже тогда была сильнее Кинг, но победила в страшной борьбе, хотя могла довольствоваться и меньшими затратами. Отец после матча разбирал с ней игру. И ког-

да я вставляла свои замечания, он подчеркивал: «Видишь, у Ольги такое же мнение. Она твой конкурент, а думает так же, как я». Отец — ее стрелец. Крис, по-моему, даже немного его побаивалась. Первый телефонный звонок, который она делала после каждого матча, неважно проиграла или выиграла, — отцу.

Первые годы чаще всего именно он находился рядом с ней. Он вел ее финансовые дела, позже она официально назвала его своим менеджером.

Крис мне рассказывала, что, когда она выиграла первенство США среди детей, фирма «Уилсон» подарила ей две ракетки. Большой-большой праздник. Позже, когда мы стали выдавать шесть ракеток детям, это считалось нормальным явлением. А тогда даже в Америке, даже для Крис Эверт такой подарок казался счастьем. Только после того, как она выиграла свой первый взрослый турнир, «Уилсон» стал ее официальным спонсором.

Про Крис Эверт говорили так: она делала любое упражнение всегда на десять минут дольше, после того как папа говорил «достаточно». Мне это ой как знакомо. Когда Нина Сергеевна нам говорила, сделайте десять «пистолетиков», я всегда делала двенадцать. Это — черта характера. Не каждый может себя заставить сделать чуть-чуть больше, чем надо. Я увеличивала число заданных упражнений не из-за того, что мне хотелось выделиться, нет, иначе я не могла, и, думаю, то же самое чувство жило и в Крис. Она, конечно, невероятно талантлива, но работоспособность у нее тоже выдающаяся. Вот один из примеров, подтверждающих мои слова.

1975 год, Уимблдон. До него мы уже сыграли вместе с Крис не одно парное состязание. Она попросила меня помочь ей в разминке перед матчем с Кинг. Билли-Джин знает, как надо играть с Крис на траве, но и Эверт легко себе представляет, как будет Кинг играть против нее. Нельзя сказать, что полностью, но в чем-то структуру моего тенниса по агрессивности напо-

минают действия Кинг. Физически я была сильнее Билли-Джин, но технически, конечно, отставала. Крис отрабатывала со мной одну и ту же комбинацию. При второй подаче, если я оставалась на месте, она играла укороченный мяч, я его догоняла, тогда она через меня кидала свечу. Она бросала свечку раз сто, я уже не сомневалась, что умру на корте. Я просила после двадцать пятого раза: «Крис, хватит, у тебя уже хорошо получается», она отвечала: «Нет, я еще должна раз попробовать». И это за полчаса до матча! Крис сделала все, чтобы ее сердце успокоилось, а мое остановилось. Я смотрю матч. Крис повторяет эту комбинацию всю первую партию, даже проигрывая после нее, но в конце концов она так физически измотала Кинг, что второй и тем более третий сеты достались ей почти что даром.

Проклятые свечи Эверт довели меня до того, что я боялась к сетке выходить, встречаясь с ней даже на разминке. То же самое случилось и с Кинг, но в матче. У Крис все было продумано до мелочей.

Долгое время ее главной соперницей после Кинг была Навратилова. Поначалу Мартина со своим стилем активной игры постоянно проигрывала Крис. Атакующие теннисисты дольше набирают мастерство, на первых порах в их игре слишком много брака. Правда, та же Навратилова стала одной из первых, кто регулярно начал обыгрывать Эверт. Игра Навратиловой удачно накладывается на действия Эверт. У Мартины арсенал ударов больше, она выходит к сетке, она может «убить» подачу, в конце концов она левша. Это тоже преимущество. Если в игре не нарушалась стабильность — встреча, как правило, для Мартины кончалась хорошо. Но первое время, которое растянулось не на один год, Мартина проигрывала Крис. Два матча выиграет, шесть — проиграет. Потом Мартина начала набирать, набирать, стала выигрывать Уимблдон за Уимблдоном, ситуация полнос-

тью перевернулась. В конце концов Мартина уже выигрывала у Крис десять партий из десяти.

В то время, когда их конкуренция уже перевалила пик, до меня дошло интересное сообщение, что нежная Крис Эверт начала заниматься со штангой, на всевозможных тренажерах, взяла себе тренера по ОФП — только для того, чтобы обыграть Мартину. На такое Крис сподвигнул совершенно жуткий матч финала «Вирджинии слимс», где Мартина ее обыграла 6:0, 6:1. После такого поражения жить невозможно. Эверт, победительница сотен турниров, недавний лидер в женском теннисе, проигрывает 6:0, 6:1. Я сидела на этом матче и видела, как Мартина играет одну и ту же комбинацию и делает из Крис девочку, не понимающую, что происходит. И тогда эта девочка собирает все свои силы только для того, чтобы хоть раз обыграть Мартину. Ради одной победы она включилась в дикую работу. Конечно, такое возможно только при наличии редкого по стойкости характера. Спустя пару лет Крис обыграла Мартину, причем сделала это не один раз.

Когда меня из-за дурацкого советского бойкота ЮАР довольно долго не отпускали за рубеж, дабы я, не дай бог, не столкнулась на турнире с теннисисткой из «страны расистов», мои западные подруги предполагали, что я жива, но соединиться со мной не пытались. Спустя пять лет нас с Шамилем Тарпищевым, двух тренеров сборной, послали на Уимблдон смотреть, как далеко ушел вперед мировой теннис. Девочки, увидев меня, ошарашенно восклицали: «Оля? Ну зайди, поговорим». Я явилась в женскую раздевалку и поняла, что меня пригласили из чистой любезности, потому что все они заняты Уимблдоном, и им куда важнее сыграть на нем хорошо, чем тратить силы на пустые разговоры со мной. Я пришла, будто к каким-то стеклянным людям, они говорили, улыбались, но совершенно не вдавались в смысл беседы, они думали только о том, что им предстоит выходить на корт. Это

понятно и не обидно. Я же приехала не играть, а, как им казалось, поболтать. И тогда я поняла очень важную вещь. Я поняла, что нас теперь разделяет: при них, но уже без меня теннис настолько стал популярен в мире, что они стали суперзвездами, и суперзначимость чувствовалась в каждом их движении. Когда я с ними простилась, уехала, перестала играть, исчезла в далекой России, они были такими же теннисистками, как я. А теперь казалось, что, если Эверт закончит играть, разорвутся дипломатические отношения США со всеми странами. Конечно, я преувеличиваю, но Крис вела себя так, что позволяло думать именно о таком уровне своего влияния в мире. Потом, когда появилась Граф, появилась Сабатини, Крис стала попроще. Суперзвездность у Мартины так не проявлялась, как у Эверт.

Позволю высказать свое субъективное мнение, но мне представляется, что Крис, став «дарлинг Америки», сама себя обвела золотой рамочкой. Слишком сильно она вошла в образ девушки, принадлежащей нации. И в этой роли должна была уже соответствовать всему тому, что дальше с ней происходило.

Первый роман Крис начался с Джимми Коннорсом, как раз в тот год, когда мы с ней играли в финале Уимблдонского турнира, а до этого в паре победили на первенстве Франции. Неожиданно Крис стала у меня выпрашивать, как я вела себя с мамой моего будущего мужа, и я понимала, что жизнь везде одинаковая. Крис интересовалась: «Ты сейчас с ними или ваши дома далеко друг от друга?» Я объясняла: «Крис, у нас домов нет, у нас квартиры, но живем мы в разных и далеко друг от друга. И тебе советую жить отдельно». Она: «Правда? А мама Джимми мне ставит условие, чтобы наши дома находились рядом. Я ей говорю, что замуж выхожу за него, а не за нее». Но у Джимми очень близкие отношения с его матерью Глорией, которая к тому же его и тренировала. Тем не менее закружило ребят сильно, Крис на турнирах от родителей

убегала, и когда Колет у меня спрашивала, где дочь, я врала, что не знаю.

Когда Крис стала превращаться в суперзвезду, она начала вести себя с мамой, как маленький диктатор. Мы отправляемся вместе в Исборн из Парижа. Садимся в поезд. Колет под впечатлением путешествия, ей нравится Франция, ей хочется в Лондон. Она покупает всякую ерунду, какие-то крекеры, орехи... И тут девятнадцатилетняя Крис голосом леди: «Мама, разве можно есть это дерьмо? Это же гадость, это плохо для здоровья, для желудка!»

Колет, родившая пятерых детей и при этом имевшая осиную талию, не понимала, о чем говорит ее дочь? Но так как она ее уже боялась, то отложила в сторону вкусные орешки, которые мне тоже так хотелось попробовать.

А с Коннорсом так ничего у нее и не сложилось, возможно не родилась настоящая любовь, хотя со стороны их отношения выглядели очень красиво.

Тогда, в 1974 году, все только и говорили, что Крис Эверт, выиграв Уимблдон, ждет официального предложения. Победил на турнире и Коннорс, и когда закончился Уимблдон, он держал свой кубок, она стояла рядом, подняв свою уимблдонскую тарелку, и каждый из нас знал — это жених и невеста. Оставалось дожидаться, когда они станут мужем и женой. Все так хотели это увидеть: впервые в истории два чемпиона Уимблдона свяжут себя семейными узами! Теннисных браков много, но чтобы такие суперзвезды соединились! А между тем потихонечку роман закончился, постепенно прекратились и разговоры. Крис разрыв переживала. Я думаю, что и у него на сердце скребло. Но, может быть, все к лучшему, потому что и у нее и у него сложилась долгая спортивная жизнь. Без сомнения, будучи мужем и женой, кто-нибудь из них должен был бы оставить большой спорт. Мне еще долго казалось, что Крис неравнодушна к Джимми, что есть

между ними какая-то интрига, есть ниточка. Они остались хорошими друзьями.

Позже Коннорс женился. Его жена красовалась на обложке, кажется, «Плэйбой», очень красивая женщина. У них двое детей.

Австралия, 1978 год. Я вернулась в теннис после рождения дочери. Играем Кубок Федерации. Объявляют: «Капитан Шамиль Тарпищев, первый номер — Ольга Морозова, второй номер — Наталья Чмырева, третий — Елена Елисеенко». А Ленку тогда никто не знал. Она была такая толстوشечка, такая пышечка. Самая большая, самая добрая и самая незнаменитая в Кубке Федерации. Крис Эверт, проходя мимо Лены, спокойно говорит Трейси Остин, новой пятнадцатилетней американской звезде — «это Никита Хрущев». Трейси отвечает: «В жизни не слышала про такую теннисистку». Трейси вся в теннисе, ее ничего больше не интересует, она уже обыграла Кинг, пощипывала Эверт и, естественно, никогда не слышала ни о Никите Хрущеве, ни о Ленке Елисеенко. С легкой руки Эверт американки стали звать Елисеенко Никитой. Я рассказываю шутку Крис Лене и предлагаю: «Надо дальше разыграть Остин. Ты должна подойти к ней и сказать: «Трейси, хеллоу, ай эм Никита. Вери глэд ту мит ю». У меня с Елисеенко два дня ушло на обучение этим двум фразам. Советская и американская раздевалки рядом, Трейси расположилась в своей, тут заходит Елисеенко и говорит: «Хай, Трейси. Ай эм Никита». И обе раздевалки «рухнули».

В том же 1978 году у Крис начался роман с Джоном Ллойдом. Джон первый номер Великобритании и один из самых красивых теннисистов, игравших на Уимблдонском турнире. Англичанин, красавец — все это вписывалось в золотую рамочку Крис. Ллойд тоже считался любимцем страны, потому что в Великобритании уже тогда был дефицит на хороших теннисистов. Талантливый спортсмен, но этакий мальчик-шалунишка, любимец прессы и кумир девочек, да и в об-

щем-то любили его все без исключения, одним словом, баловень судьбы.

Я думаю, Крис пришлось потрудиться, чтобы этот брак состоялся. Тэд Тинлинг мечтал сделать ей подвенечный наряд, а она обещала, что именно ему закажет платье на свадьбу. И знаменитый английский теннисный дизайнер и портной сшил ей шикарнейшее венчалное платье. Свадебные фотографии Эверт и Ллойда обошли страницы не только спортивных газет.

Иногда в прессе появлялись маленькие заметочки о молодоженах, но в конце концов сама Крис начала рассказывать о муже вещи, которые никак не укладывались в представление обыкновенной американки о мужчине, каким в действительности оказался Ллойд. Например, он не водил машину. Для американца не водить машину — это что-то за гранью реального. Потом выяснилось, что любимое занятие ее мужа — смотреть фильмы ужасов, причем с какими-то совершенно невозможными зверствами. Крис жалуется: «Я не могу это терпеть». Другими словами, Эверт испытывала чувство, знакомое каждой жене. Ллойд требовал, чтобы служанка, которая у них в Лондоне работала, записывала все футбольные матчи британской высшей лиги и пересылала их в Америку, он не хотел пропустить ни одного. Крис, конечно, причуды мужа нервировали страшно. Их обычное занятие, как она сама рассказывала, — дома смотреть телевизор. В ее голове не укладывалось, как это Крис с ее характером, с желанием блистать в светской жизни, и вдруг — сидение перед телевизором каждый день. Мало того, что он без конца смотрел ужастики дома, даже во время турниров Ллойд арендовал видеосистемы и продолжал любимое дело в гостиничных номерах. Крис готовилась к очередному матчу, а он наблюдал за очередным распиливанием на части человеческого тела.

Как американку ее угнетало, что муж не имел своего дела. Она нашла для него тренера, устраивала ему заявки с турниров, просила, чтобы его включали в соревнования, и в конце концов вывела Ллойда на довольно высокие рубежи. Она пыталась в нем развить хоть какой-то инстинкт мужчины — главы семьи, но ничего из этого не получалось. Мне кажется, брак ей не приносил счастья. Она оказалась намного сильнее, чем он... Ах, Ллойд такой красивый, такой солнечный мальчик. Крис придумала себе картинку, за это и пострадала. Несколько раз они разъезжались и жили отдельно. Потом случилось то, что и должно было случиться, в один прекрасный день они вновь разъехались, а съезжаться не стали.

Внешний блеск очень прельщал Крис, хотя справедливости ради замечу, что, скорее всего, он прельщает если не всех, то многих. О Крис написала книгу дочь премьер-министра Англии, а паблисити книги делала сама Маргарет Тэтчер (а кому же еще можно было это доверить?) — все это Эверт, естественно, льстило.

Ведущих теннисисток принимал в Белом доме президент Форд. Единственными из нас, с кем американский президент перекинулся парой слов, оказались я и Наташа Чмырева. Президент вспомнил, как недавно встречался с Брежневым во Владивостоке. Мы вежливо помалкивали, так как добавить к его воспоминаниям ничего не могли, мы с генеральным секретарем ни разу не виделись. Наша «беседа» с президентом осталась в тайне от советской прессы. А Крис Эверт в этот момент познакомилась с сыном Форда, он ее ввел в их дом, и потом американские газеты взахлеб описывали, как она с президентом ужинала. Может быть, мне не ведомы подобные чувства, со мной не встречались на таком уровне, но, мне кажется, Крис Эверт в своей книге излишне подробно рассказывала о том, как был сервирован стол, как за ней прислали лимузин из Бе-

лого дома. Возможно, она так и не изжила в себе девочки, выросшей в простой семье.

Крис вышла замуж, и, насколько мне известно, удачно. Ее муж — спортсмен-горнолыжник, олимпиец, сам добился в жизни успеха. Крис Эверт не слишком образована, но в последующие годы она стала интересным собеседником. А в те далекие времена, когда мы с ней вместе играли, она смотрела только журналы мод.

Турнир в Чикаго. Потренировались, едем в гостиницу. Сидим в лимузине, машина большая, и с нами еще одна девочка — американка, антисемитка и одновременно жуткая антисоветчица. Она кричит про угнетение евреев, про то, как им трудно выехать из СССР, и в то же время ругает их последними словами за то, что они захватили все банки в США. Крис Эверт тихо слушает. Я спрашиваю: «Что ты так разбуянилась?» Она: «А почему вы людей не выпускаете?» А тогда на каждой странице газет Щаранский: отпустите Щаранского, свободу Щаранскому. И тут Крис вдруг говорит: «Оля, а что, у вас евреи есть?» Тут мы с этой сумасшедшей спорщицей упали. Взять, к примеру, Кинг. Я могу вспомнить, что Билли-Джин знала Плисецкую, знала русский балет, знала Анну Павлову и даже дом, где та жила в Париже. Кинг ходила в музей. Рассказывала мне о Рахманинове. При том, что в Штатах обычно не знают знаменитостей из других стран, она могла говорить со мной о русских классиках. Или Бетти Стоув. С той вообще нельзя было ничего обсуждать, не подготовясь. Если я говорила о Солженицыне, то должна быть уверена в истине произнесенного, а не в повторении тогдашней советской пропаганды, потому что Бетти тебя ловила на каждом шагу. Ни о чем подобном Крис Эверт и не слышала. И никто с ней на эти темы не разговаривал. Одно время она повторяла только то, что говорила Навратилова. Крис спрашивала: «Мартина, как ты считаешь?»

Мартина отвечает: «Я считаю так». — «Я думаю, что ты считаешь правильно», — утверждала Крис Эверт.

Они оставались близкими подругами, несмотря на такое долгое соперничество на корте. Лично я приветствую такие отношения. Обе прекрасно понимали, что корт — это их работа, не более того. С будущим мужем Крис Эверт познакомилась таким образом: Мартина пригласила Крис справлять Новый год в Аспин, там в центре американского горнолыжного курорта у Навратиловой свой дом. Ночью они отправились в какой-то клуб, где гулял и этот парень — чемпион-горнолыжник. Так что ее роман начался в горах, в некотором роде под покровительством Мартины.

Люди, пораженные дизайном и дороговизной нарядов, не выходили прежде на теннисный корт. А потом появились две суперзвезды, Эверт и Навратилова, носившие эксклюзивные туалеты. На всех пресс-конференциях они были экстравагантно одеты, всегда в бриллиантах, зимой в дорогих шубах. У Мартины это получается как бы само собой, у Крис с некоторой натугой. Однажды она появилась на пресс-конференции в кожаном мини-платье с эполетами, а-ля Майкл Джексон. Кожа выделки тончайшей, почти шелковая. Потом Мартина пришла в белом костюме, тоже кожаном, с огромными плечами. На следующем турнире Крис появляется в замшевом костюме. Он зеленый, какой-то необыкновенно бархатный, к тому же еще и в горошек. Все ахнули. «О!!!» Мы же женщины и обсуждаем каждую с головы до ног.

Ну, это все мелочи, а теперь о главном. Крис Эверт привлекла к теннису огромное количество девушек. Тех, что боялись за свои фигуры, тех, что хотели оставаться женственными. Крис Эверт начала новую эру в теннисе — удары двумя руками слева, потом так заиграли почти все. Хотя получился неоднозначный эффект. Как у любого элемента, у этого удара есть свои преимущества и свои недостатки. «За» — точность попадания, двумя руками она достигается легче. Удар

двумя руками заставляет игрока подходить хорошо к мячу, иначе ничего не получится. При таком ударе так поворачиваются плечи, что противник, находясь у сетки, не может отгадать, куда будет направлен мяч. «Против» — такой удар ограничивает передвижение по площадке. Держа ракетку двумя руками, нелегко бегать и, естественно, труднее достать сложный мяч. Далеко не у всех так развит дар предвидения, как у Крис Эверт.

Сейчас тренеру легче научить ребенка играть двумя руками слева. Родители пристально следят за тем, как обучают их детей. Если тренер начинает ставить удар двумя руками, то результат налицо через два дня. Трудно научиться играть одной рукой. Моя дочь, начавшая заниматься теннисом в шесть лет, уже много лет играет слева одной рукой. Мне хотелось, чтобы основной удар слева был у нее поставлен на одну руку. Кстати, в десятке мира большинство играет слева одной рукой. Наконец, сама Крис Эверт сказала, что игра двумя руками — это невеликое преимущество. Только потому, что она в теннисе гений, у нее и удар этот гениален.

Наверное, из-за того, что Крис начала тренироваться очень маленькой, она взяла ракетку двумя руками. А вся Америка, весь мир принялись ее копировать, потому что она всех побеждала.

Эверт и Борг — эти два человека приблизительно в одно время заставили весь мир играть в другой теннис, самое интересное, в пассивный. Позже родился новый стиль, агрессивный. Каждое поколение имеет свои преимущества, свои положительные и отрицательные примеры, но все равно теннис идет вперед. Крис Эверт перевернула в его истории новую страницу — такое удел единиц. Получился, на мой взгляд, некий парадокс — Крис одновременно подняла теннис на новую высоту и в то же время сделала шаг назад, потому что удар двумя руками ограничивает красоту тенниса. Это мое субъективное мнение.

ЕЩЕ ТРИ ИМЕНИ...

В моей спортивной жизни друзей было очень много, я же как могла рассказала только о самых близких, о тех, чья теннисная судьба повлияла на мою или переплелась с моей собственной судьбой. Но невозможно не назвать еще три имени — Теймураза Какулии, Марины Крошиной и австралийки Ивон Гулагонг.

ТЕЙМУРАЗ КАКУЛИЯ

Со временем ко мне приходило понимание того, что только среди тех, с кем пройдена длинная дорога в спорте, есть истинные друзья. Знакомых миллионы. Приятелей тысячи. Но я говорю о настоящих друзьях. Я приезжала в Ленинград, звонила Ане Красько (Еремеевой): «Аня, я в Ленинграде...» И знала, первое, что услышу в ответ: «Приезжай». А ведь я не поздравляла ее с днем рождения, с 8 Марта, может, раз в год разговаривали по телефону. Я могла позвать в любое время Алика, Тимурика, Анну Дмитриеву, и они приходили без лишних вопросов. Мы никогда не писали друг другу писем, но всегда друг о друге помнили. В жизни каждого из нас был кусочек судьбы другого. Тимурик, Алик и я в молодые годы ходили вместе, как знаменитая компания мушкетеров. Тимур в нашей тройке был бесконечно предан Алику, как Портос Арамису у Дюма. Алик постарше, но Тимур относился к нему не только как к бесспорному лидеру, но и как к герою, хотя, по моему мнению, Алик слишком много себе позволял. Они сыграли десятки невероятных по интриге матчей, но всегда с предсказуемым концом. У меня была своя теория по поводу их личных встреч. Алик по таланту выше, что он и доказал на корте, но в спорте вечных побед не бывает. Кстати, на всесоюзных турнирах неожиданности случались постоянно, так как любой успешно действующий за рубежом теннисист, а главное, постоянно туда мотающийся,

для своих соотечественников являлся слишком большим раздражителем. Потом наступали и моменты, когда Алик находился не в лучшей форме, кому как не Тимурику это было лучше всех известно? Точно так же, как Марина Крошина все знала о моем состоянии. Число побед над ней у меня значительно больше, чем поражений, но все же я ей проигрывала, а Алик Тимур — никогда. Было время, когда только они выходили в финал любого крупного всесоюзного турнира и за день до него начинали отмечать первое место Алика и второе Тимурика. Их друзья поднимали тосты за лидирующую роль Грузии в советском мужском теннисе, но с обязательной последовательностью: сперва за Метревели, потом за Какулию. В тот единственный день, когда Алик проиграл Тимурику на первенстве Европы в Чехословакии, я ушла со стадиона, не дождавшись конца их драматического спора. Алик постоянно обращался ко мне, сидящей на трибуне, с просьбой поддержать против несправедливости судей. Но я не могла этого сделать. Если бы дело касалось Ричи или Тейлора, то тогда собственные высказывания против своей совести я смогла бы оправдать, а в матче против Тимурика я не могла сказать о мяче, улетевшем в аут, что он попал в площадку.

В сложившемся тандеме Тимурик в своей роли «дублера» виноват сам, он поставил себе задачу быть вторым, и эта «должность» его вполне устраивала. Он не только искренне любил Алика, но и по характеру относился к числу ведомых...

У любого человека наступает время перелома, так и ребята много лет находились в плохих отношениях. Алик в свое время не понял, что мы растем, что мы уже не девочки и мальчики, а взрослые люди с семьями и детьми, с ответственностью к своим близким, и перед чужими глазами мы должны ставить друг друга высоко. Если мы всеми своими действиями высказывали уважение к Алику, то он, порой в присутствии малознакомых людей, вел порой себя недопустимо.

В глубине души я тем не менее уверена, что как и прежде нет у Метревели друга ближе, чем Какулия, а у Какулии ближе, чем Метревели.

Человек проверяется годами. Какулия остался преданным теннису, чего нельзя сказать о многих, кто поднимался в нем так же высоко, как и он. Тимурик без конца мог говорить о нашем общем деле. Мы с ним спорили часами о тех или иных комбинациях или ударах. Став тренером сборной, я ни на минуту не сомневалась, что, если мне будет трудно, Тимур всегда поможет. Если я на тренировке сомневалась в каком-нибудь техническом приеме, я с ним советовалась, но не всегда соглашалась. Я думаю, нас связывало с Тимуриком еще и то, что мы для себя решили — теннис в нашей жизни главное. А вот Алик решил жить вне тенниса, вначале даже над теннисом. Были моменты, когда он из-за своей гордости не то чтобы делал Тимуру плохо, он не делал для него вообще ничего, что, наверное, еще хуже.

Какулия со временем стал замечательным тренером, что получается далеко не у всех известных спортсменов. Мы выбрали с Тимуриком общий принцип — в своей работе идти к современному элементу через классический теннис. Дальше наши методы различались, из-за чего мы часто ругались. Он готовил свою лучшую ученицу Лейлу Месхи по-своему, но, бесконечно уважая его, я часто не соглашалась с его принципами.

МАРИНА КРОШИНА

Как только на турнирах появилась Марина Крошина, Нина Сергеевна сразу ее заметила и влюбилась. Меня это ужасно раздражало, ведь Крошина считалась самым трудным для меня соперником в Советском Союзе. Позже появилась Наташа Чмырева, тоже непростой конкурент. Но когда тебя сильнее только физически, это не так страшно, а вот если умеют чи-

тать твою игру и каждый раз надо находить новые комбинации, чтобы сбить с толку соперника — это куда тяжелее. Марине предстоял еще долгий путь в сборную, еще не скоро она сумеет обыгрывать меня, но Нина Сергеевна уже к ней присматривалась.

Я впервые увидела Крошину на турнире в Таллинне. В столице Эстонии шли детские соревнования, куда ее привезли совсем маленькую из Алма-Аты, и все ходили смотреть на новую звездочку. Передо мной стояла красивая девочка, младше меня на четыре года, легкая, как пушинка. Марина до конца спортивной карьеры осталась очень привлекательной, во всяком случае корреспонденты ее очень любили. Еще ребенком она казалась наполненной необыкновенной женственностью.

За все время совместных выступлений у нас ни разу не испортились отношения. Марина всегда относилась ко мне как к старшему товарищу. Она никогда не уступала мне на корте, но вне его всегда отдавала лидерство. Как и Какулия, она по характеру ведомая. Ее не интересовали сопутствующие лидерству детали и атрибуты. Натура у Марины — романтическая. Она писала стихи, рисовала (я, например, ни разу даже не подумала зарифмовать хотя бы пару строк), во всем мы были абсолютными противоположностями. Марина рассеянна, все забывающая, со мной такого не случалось никогда. Марина могла оставить на корте свои вещи, твои вещи, деньги, ракетки. При этом обижалась до слез не только от грубых слов, но даже от косо-го взгляда.

Крошина первый раз приехала в Лондон играть юношеское первенство на Уимблдоне. Как и всем нормальным женщинам, купить нам прежде всего хочется косметику. В этом желании Маринка ничем не отличается от других. Но она одна отправилась за покупками, а когда вернулась, мы сразу поняли: что-то произошло. Крошина попала в самый дорогой магазин, где умудрилась забыть взять сдачу в пять фунтов.

Тени, которые купила Марина, стоили тогда тоже фунтов пять, другими словами, она за пару часов истратила трехдневные суточные, других денег мы тогда не имели...

Когда Алик впервые затеял разговор о лицемерности нашего заграничного существования, то на президиуме федерации встал один из старейших ее членов и сказал: «Товарищи, о чем разговор, ведь Метревели опять едет в Америку!» И вопрос тут же закрыли. Сама по себе поездка в Америку расценивалась как огромный подарок власти и судьбы, обесценивать его разговором о деньгах тем, кто никуда никогда не выезжал, казалось верхом неприличия...

Но вернемся к злоключениям Марины, которая не только забыла сдачу, но в придачу оставила в магазине свою ракетку «Данлоп». Импортные ракетки нам тогда выдавались так же торжественно, как, наверное, музыканту, выезжающему на международный конкурс, скрипка Страдивари.

Уимблдон 1974 года остался в теннисной истории как один из самых дождливых. Женщинам полагалось стартовать во вторник, но мы во вторник не только не начали, еще и среду пропустили. Обстановка нервозная. Складываешь вещи: трусики, юбочка, маечка, повязка на руки, полотенце, свитер. Я, когда выхожу из дому, весь этот порядок в уме просчитывала, не дай бог что-нибудь забыть. Так как Марина постоянно что-то оставляла в гостинице, я каждый раз спрашивала: «Ты носки взяла?», «Ты повязку взяла?». У каждого есть свои приметы, но есть у всех общая — не возвращаться. Вот почему из-за сбивок в расписании мы брали два-три комплекта формы. Один для одиночных соревнований, один для парных и еще для тренировок. Каждый раз, когда выезжали из «Куинс-клуба», где тренировалась сборная, Лихачев по заведенному порядку всегда интересовался: «Марина, ты юбку не забыла?» — «Я так и знала!» — начинала

причитать Марина, которая действительно что-то забыла, нередко и юбку тоже. Однажды она потеряла пропуск на Уимблдон. К счастью, его нашла я. Такой проступок карался очень строго: от большого штрафа до пожизненной дисквалификации.

Мы часто жили с Мариной в одном номере. Я совершенно спокойно в восемь вечера после двух матчей могу отправиться в кино. Марина должна лежать, восстанавливаться. Энергия, которая помогает сразу переключиться на другое дело, у нее отсутствовала. Но она обладала двумя незаменимыми для классного игрока данными — чувством мяча и предвидением. Физические и скоростные данные у Марины были средние. Но, как Крис Эверт, которая, казалось, еще до замаха соперника определяла, куда полетит мяч, так и Марина: я еще не ударила ракеткой, а она уже стоит там, где должен отскочить мяч. За счет этих долей секунды, что ей дарила собственная интуиция, она доставала любой мяч. И даже некоторые проблемы с подачей и с ударом справа (у нее был отличный удар слева) не мешали ей собрать неплохой урожай прекрасных побед. Играть пару с Мариной я любила. Она хорошо готовила комбинации, никогда, как Крис, не ошибалась, а я забивала, добивала, перехватывала свечи.

Наши дружеские отношения немножко стали портиться на исходе нашей спортивной жизни, когда она пыталась добиться победы любой ценой. Я не любила играть против Марины в Донецке, где она в то время жила. Неприятно было видеть на ужине, накануне матча, ее мужа, сидящего за одним столом чуть ли не со всеми судьями. И так понимаешь, что встреча будет нелегкой, а тут еще невольно примешивается мысль, будет ли она честной?

За человека у нас почему-то считают только того, кто первый, но бесталанного второго я ни в одной сборной не встречала. Безусловно, большим теннис-

ным даром обладала и Марина. Найти и предсказать чемпиона невозможно. Ошиблись с авансами в свое время и в адрес Мариночки. Она брала другим, была красива и так женственно играла, что большинство зрителей именно за это ее и любили. Никто от нее не ждал ни мощи, ни темперамента. И никаких суперпобед от нее тоже не ждали, и, как мне кажется, в конце концов это и Марину вполне устраивало. Но в то же время она хотела ездить за рубеж, выступать на больших соревнованиях, а не побеждать на любительских чемпионатах Европы, где соперники, как правило, не доставляли ей больших проблем. Но для того чтобы прилично сыграть на открытом первенстве Франции или Уимблдоне, тут приходилось покорячиться, а на это Марины, как мне кажется, немного не хватало.

Как бы то ни было, мне с ней жилось интересно, и хотя некоторые ее привычки в быту меня раздражали, спустя годы это все казалось ерундой. Мне импонировало то, что теннис у Марины ничем не похож на мой, а мне всегда хотелось уметь и знать немножко больше, чем я умела и знала. В 1974 году, накануне Уимблдона, через два дня после тренировок она мне заявила: «Оля, ты должна выиграть Уимблдон». Я думаю, что спортсмену, который сам приехал за победой, сказать подобное другому очень нелегко. Во всяком случае за все время в большом спорте Марина единственная из соперниц, кто сказал такую фразу.

Человеческие качества спортсмена открываются в тот момент, когда он уже дальше идти не может, но желает удачи недавнему сопернику. Какулия за меня болел так, что во время полуфинала с Вирджинией Уэйд у него от напряжения свело ноги. Меня такая преданность смешила, и я ему говорила: «Тимурик, в том, что я проиграла, твоя вина, ты в таком мандраже меня разминал, что я не могла попасть на другую сторону». Марина в этом была похожа на Теймураза.

ИВОН ГУЛАГОНГ

Эта странная на слух фамилия принадлежит семье австралийских аборигенов. Сейчас точно не помню, но, по-моему, в переводе это означает «невысокие деревья над тихой водой». История Гулагонг — интереснейшая история жизни и становления мировой теннисной звезды. Ее нашел Вик Эдварс, хороший австралийский тренер, ставший вместе с ней знаменитым. Как он обнаружил Ивон, мне не ведомо, но знаю, что аборигены, папа и мама, остались жить в австралийском буше, а девочка переехала в семью к Эдварсу, ставшему для нее вторым отцом.

Кстати, ее родители никогда не видели, как она играет в теннис. После победы на Уимблдоне она купила отцу машину, и на этой машине он разбился.

Ивон выиграла Уимблдон в 1971-м, а всего за год до этого мы играли с ней в утешительном круге. В тот день я вышла на корт без сверхзадач, так как мне предстоял полуфинал микста, и Андреев относился к «утешиловке» с плохо скрываемым раздражением. Зато Лейус предупредил: «Оля, эта девочка из тех, на кого надо обратить внимание». Но тогда Гулагонг поразила меня только своей легкостью.

Спустя много лет, давая маленькое интервью для ежегодника Уимблдона, я вспомнила такой момент. Когда тебя обводят — это всегда противно. Тебя злит, что ты неправильно сыграла, что неправильно подготовила выход вперед, что тебя обманули, но обвинять во всем этом надо только себя самого. Когда же играешь против Гулагонг — и она тебя обводит, то думаешь: боже, как красиво! Во всяком случае у меня было именно такое ощущение. В 1973 году я обыграла Ивон в финале Куинс-клуба в двух партиях легко и просто. У нее тогда еще были слабые места в технике, чем я и воспользовалась.

Ивон очень пластична, с удивительно расслабленной и в то же время такой естественной походкой. Со-

вершено невероятная мягкость движений, при том, что от природы она атлет. Кстати, я никогда не видела Ивон на каблуках. Я играла против всех сильнейших и могу рассказывать о каждой. Гулагонг и Казалс, объединившись в пару (первая очень способная, вторая очень активная), вместе перекрывали весь корт. Эти маленькие девушки с такой изысканностью по нему передвигались, будто две большие кошки резвятся на площадке. Но в то же время это не существа, которых взяли из африканской деревни, и они побежали марафон,гнулись и тянулись два хорошо технически выученных мастера.

В парной игре существует масса комбинаций, но если тебе выпадает жребий в такой-то день играть не лучшим образом, твой партнер попадает в ужасную ситуацию. Подобное случается с каждым из нас, и не однажды. В такой вот невезучий день я противнику «на нос» выкидываю свечку, все четверо у сетки, гиблый номер, тебя просто «убивают». Я уже внутренне сделала выдох «а-ах», после которого начинается легкое расслабление и ты уже настраиваешься на следующее очко. И вдруг рядом со мной летит мяч на противоположную сторону. Это Гулагонг достала мяч оттуда, откуда они не достаются.

Конечно, если б не Эдварс, мир бы не узнал Гулагонг. Он поставил ей технику, дал возможность ей путешествовать, а потом стал просто ее владельцем. Гулагонг начала общаться с нами только после того, как вышла замуж. Эдварс строго следил за ее свободным временем. Мы видели Ивон или на соревнованиях, или на тренировке. Ее держали чуть ли не взаперти в гостиничном номере. Мы не понимали, что происходит, нам казалось такое поведение тренера и теннисистки, по меньшей мере, странным. Нам казалось, что за всем этим скрывается какая-то ужасная тайна. А оказалось, весь секрет заключался в том, что Эдварс был просто деспотом. С ним еще ездила молодая секретарша, которой отводилась обязанность называться

подругой Гулагонг. Иногда Ивон сопровождала жена Эдварса, которая точно так же, как и ее муж, не отпускала от себя Гулагонг ни на шаг. Гулагонг после матча никогда не принимала душ, переодевала майку и уезжала. Необыкновенно скромная, она на пресс-конференциях всегда выступала мягко, без тени злобленности. Когда Ивон проигрывала, она уступала с большим достоинством. Никто не видел у Ивон ни злости, ни слез. Публика ее обожала. Пресса, которая больше всего любит сравнения, писала о Гулагонг через призму Эверт, они были почти одногодки.

Впервые Гулагонг приехала играть в Америку зимой, где первый раз увидела снег. Снегопад в Чикаго совпал с нашим матчем, и писали о том, что на корте встретились австралийка, впервые увидевшая снег, и русская, выросшая в снегах, что в общем-то не выглядело таким уж враньем, если вспомнить наши зимние игры во дворе. На Ивон надели пальто из кенгуру, да и меня для интервью нарядили в меха.

Гулагонг интересный соперник, но я всегда чувствовала, что Ивон не «твердый орешек», в отличие от Кинг, не говоря уж об Эверт, которую не взять никаким отбойным молотком. Гулагонг относится к тем натурам, из которых все время можно что-то лепить. Конечно, имели значение и ее физическая форма, и ее общее состояние, но порой ее «безразличие» раздражало, так как всегда хочется чувствовать реакцию соперника на твою игру. Тогда ты знаешь, где надо нажать, а где отпустить. А у Ивон во время встречи все всегда спокойно и мило, и только по тому, как она мазала или не мазала, я могла определить ее состояние. Матчи Гулагонг с Эверт — ее называли холодной машиной — наблюдать было очень интересно. Крис четко исполняла все комбинации, но никто не знал, чем ответит Ивон, так как та легко могла подрезать, подкрутить, выйти к сетке или сыграть на задней линии. Ивон подарок для публики, но ей не дано было стать

великой чемпионкой, такой, как в свое время Кинг или Эверт, а позже Навратилова.

Потом наступило время большого заговора против Вика Эдварса, так как у Гулагонг начался роман с отличным английским теннисистом Ричардом Коули. В Ричарде есть русская кровь, поэтому он всегда подходил ко мне со словами «Иисус воскрес», я отвечала «Воистину воскресе», и на том мы расходились, кроме этих двух слов Ричард по-русски больше ничего не знает. Естественно, когда они поженились, Коули, став менеджером и тренером своей жены, снял с нее цепи Эдварса, несмотря на то, что тот был вне себя.

Я уже говорила о том, что тренер не должен бояться, когда его ученик влюбляется в кого-то, и приводила в пример мудрую Нину Сергеевну. В самом деле, как можно лишить любви девушку из-за того, что она готовится к Олимпийским играм? Я, случалось, злилась на «своих» мужей, то есть мужей девочек из моей команды за их потребительское отношение к женам. Они хорошо усвоили, что жена — ядро семьи. И достаток есть, и семья знаменита. Но в теннис всю жизнь играть невозможно, так будь любезен, дорогой, помоги своей жене, не раздражай ее, а, наоборот, сделай все, чтобы она была спокойной. У больших игроков жена или муж должны быть теми людьми, которые определенный период своей жизни посвящают им. Но никогда не должны делать это полностью, потому что рано или поздно заканчивается даже самая знаменитая спортивная жизнь супруга или супруги, семейная же продолжается.

Гулагонг уже исполнилось двадцать, а Эдварс не пускал ее даже пойти потанцевать. Наконец этот диктат увидели не только игроки, его заметила и пресса, которая специально затягивала интервью с Эдварсом, чтобы Ивон могла повидаться с любимым на полчаса больше. Когда она принимает решение выйти замуж и объявляет о нем тренеру, происходит страшный скандал, но она не отступает. В итоге все получается

очень мило. Ивон единственная теннисистка, которая после рождения ребенка выиграла Уимблдон (в 1976 году победив Эверт). Не знаю точно, но, по-моему, за рекламу детского молока она, благодаря этой победе, заработала миллион.

Ее походка, будто все суставы на шарнирах, до сих пор у меня перед глазами. Нельзя сказать, что Ивон обладала каким-то изысканным вкусом — этого, наверное, и трудно было от нее ожидать, но выглядела она, черноглазая, курчавая, с короткой стрижкой, всегда привлекательно. Первой у нее родилась девочка, потом мальчик.

В 1987 году произошла трогательная сцена, жаль никто ее не видел. На второй неделе открытого первенства США проводят турнир для женщин старше тридцати пяти. Для тех, кто успешно играл среди профессионалов, для бывших звезд. Всех своих девчонок я заставила пойти посмотреть на великих, посмотреть классический теннис. Пару раз приглашали в эту команду ветеранов и меня, но моя работа не давала мне возможности участвовать в подобных турнирах. Во всяком случае, я боялась даже заикнуться о своем желании поиграть: начальство просто сочло бы, что я сошла с ума.

Но прежде небольшой рассказ об одном американце по имени Майкл Бернс. У меня были хорошие отношения с Майклом — одним из директоров турнира «Ю.С. опен». Его расположение ко мне строилось на том, что в семидесятых годах наша федерация непонятно с чего поддержала американскую в борьбе против Кинг. Билли-Джин устроила «войну», так как считала, что федерация забирает слишком большую долю с призов, но мало что делает для игроков, тем более для женщин. Она в пику организовала свои женские турниры, а федерация, естественно, проводила свой тур. Маргарет Корт пошла против Билли-Джин. Вирджиния Уэйд тоже, у нее всегда были свои счета с Кинг. Гулагонг осталась в одном ряду с ними, как я

думаю, не из альтруизма. Пригласили участвовать на новые соревнования и нас с Мариночкой Крошиной, причем на следующих условиях: нам оплачивают билеты, гостиницу, а если мы выиграем больше, чем на нас потратили, то эта сумма делится поровну между федерациями тенниса СССР и США, нам премий не полагалось. Беспроигрышная лотерея для Спорткомитета: проигрываем — ничего не стоим, выигрываем — приносим прибыль. Мы с Мариночкой в тот год выиграли в паре чемпионат США, да и одиночные встречи я провела неплохо. Это был наш первый выезд на «Ю.С. опен», и он так понравился начальству, что на следующий год мы снова отправились в США.

Не прошло и нескольких месяцев, и всем стало ясно, как глупа эта война, если в конце концов вместо двух турниров можно проводить шесть. Те же спонсоры, что сражались не на жизнь, а на смерть, сложили деньги вместе. В итоге родились турниры «Вирджиния слимс серия», и их уже далеко не шесть, а проводятся они по всему миру.

Когда я приезжала на турниры в США, Майкл каждый раз меня радостно встречал. Наверное, тогда они на нас с Мариночкой все же неплохо заработали! О равнодушном отношении Майкла ко мне теннисисты знали. После трагедии с корейским самолетом сборная СССР играла в США, и он провел наши матчи так, что о них никто не знал, тем самым снял всяческий ажиотаж вокруг советской команды. Если мы попадали в Штатах в плохую гостиницу, я сразу звонила Майклу. В тот же день мы переезжали туда, где номера стоят раза в два дешевле, а отель — в два раза комфортабельнее. Всегда во время турнира сталкиваешься с тысячами мелочей. И в большинстве случаев их разрешал Майкл Бернс.

Например, такая нелепая ситуация. Так как мы играем в США профессиональные турниры, нам никто не заказывает гостиницу, мы должны это сделать сами, а делать не можем, так как для подобной опера-

ции в американском банке мы должны иметь счет. А счета у нас, сами понимаете, нет, следовательно, за резервировать нам отель должен или Майкл, или тот, кто поверит, что я верну деньги.

Однажды был случай, когда юношеская сборная приехала в Штаты, имея на руках телеграмму, где сообщалось, что ей оплачивают все пребывание в стране. На радостях никто не перевел заключающей фразы: «До вашей последней игры в турнире». Проиграли, дальше платите свои денежки. Получилось так, что наши ребята в финал не вошли, а спать и есть как-то нужно, самолет «Аэрофлота» летает раз в неделю. Ко мне приходит Толя Лепешин, тренер юношеской сборной: «Оля, нам не на что жить!» Конечно, я пошла к Майклу Бернсу. «Мы не оставим наших русских друзей», — сказал Майкл и выдал деньги на еду. Спокойно, без бумаг и телеграмм.

Именно Бернс попросил меня сыграть в турнире ветеранов, ему нужно было для рекламы собрать имена. Турнир — как вершина пирамиды. По всей Америке женщины, кому за 35, играют соревнования, где приз — два места в «сетке», рядом с фамилиями Кинг, Буэно, Казалс... Когда меня пригласили, Вирджиния подбивала: «Давай, сделай это для Майкла, он же хороший человек!» Я согласилась, так и быть, благо мои девочки уже закончили турнир. Но я предупредила Уэйд: «Вирджиния, учти, я с 1980 года не играю!» — «Ладно, — отвечает Вирджиния, — если ты даже тренироваться отказываешься, приходи, постоишь у сетки, бегать не будешь». — «И не кричи на меня, если будем проигрывать!» — «Ну что ты, Оля!» Мы выходим на корт, ладно проиграй я Гулагонг или Эверт, я бы еще себя простила, но когда на противоположной стороне я не вижу знакомых лиц, значит, напротив меня типичные любители. Но все же я Морозова, а рядом Уэйд — и мы начинаем корячиться. А те, черти, тренированные. Ужас. В конце концов в страшных конвульсиях мы с ней выигрываем этот матч. Причем

вся моя команда хором тянет: «Да, Ольга Васильевна, не добегаєте до сетки, не добегаєте...» — «Девочки, вы же понимаете!» — «Да, мы понимаем, но когда пару играешь, надо добегать... — укоряют меня моими же словами, да еще и с моей интонацией: — Нельзя играть парные комбинации, не проходя хавкорт при подаче...» — «Девочки, но не в моем же возрасте?» После этого матча на следующий день мы с Вирджинией вышли против Стоул и Дюр, экс-чемпионов Уимблдона.

В первой партии, проигрывая 2:5, берем сет. И во второй 2:5, берем сет. Моя команда аплодирует и кричит: «Ольга Васильевна, морально-волевые качества у вас потрясающие!» Вечером у меня отваливается спина, не ходят ноги. Наташа Рева мне делает массаж. Массаж нам тогда не оплачивали, и мы научились его делать друг другу сами. Мои ученицы мне объясняют: «В тренировочном процессе главное регулярность» — в общем, издевались, как могли. Мы уступили в финале Кинг и Казалс. Без сомнения, Кинг себе сказала: «Ну уж этим я не проиграю». Они тогда всю игру играли турниры ветеранов и заявили в шутку: «Тебя не имели права допускать, ты еще молодая!» Удовольствие я получила необыкновенное, во-первых, от всей обстановки, во-вторых, от того, что я еще могу играть.

Как и раньше, первое, что все говорят друг другу, приехав играть турнир «после 35», — это «привет» и «как дела». Но со следующей фразы каждая начинает рассказывать о своих детях. Каждая сует остальным фотографии отпрысков с комментариями такого типа: «Этот уже справа может, а этот уже с лета играет». Черт побери, а я фотографию, где Катя играет слева, забыла. Гулагонг года два назад расстроилась: «О, Оля, если бы я знала, что ты здесь, мы бы с тобой пару сыграли». Ричард, муж Ивон, тоже хорошо ко мне относится, все же русская кровь. Ивон после замужества стала не только лучше выступать, но стала и более общительной. Похоже, другая жизнь послужи-

ла для нее допингом. Мы мало общались, когда были молоды, и я не знаю, читала ли она какие-нибудь книги в своей комнате-клетке.

Они устроились с Ричардом в Южной Каролине, в местечке, которое называется Хилтон-Хет, в одном из таких городков Америки, которые существуют только для тенниса и гольфа, там Ивон купила домик. Для поднятия престижа клуб обычно берет играющим тренером, или, как они говорят, «про» спортсмена с большим именем. Берут не для картинка. Ивон должна проводить уроки как для группы людей определенного возраста, так и индивидуальные. Все зависит от контракта. Дом в подобных курортных городках для «про» стоит дешевле, а иногда клуб и сам его оплачивает. Позже в Хилтон-Хете купила дом и Керри Мелвил с мужем, тоже австралийка. Для них этот городок не курорт, а постоянная работа. Причем если ты действующий профессионал, тебе нужно еще и самому ежедневно по несколько часов тренироваться.

За корты везде нужно платить деньги. Но когда ты «про» в каком-то клубе, то тебе позволяют пользоваться ими бесплатно. Почти все игроки высокого класса имеют это звание. Например, Илия Настасе «про» в большом флоридском отеле. Жизнь так стремительно меняется, что трудно будет удивиться, если рано или поздно в число «про» попадут и советские игроки. Мама сестер Малеевых Юлия мне жаловалась, как ей тяжело тренировать третью дочь, ведь в Софии всего четыре крытых теннисных корта. Что же мне говорить, ведь у Малеевых есть бабушка и дедушка в Америке, а старшие сестры Катя и Мануэла заиграли благодаря демократичной болгарской федерации, которая не только не возражала, а помогала выезжать сестрам и маме на тренировки за рубеж.

Кстати, мама Малеева так была влюблена в своего будущего мужа, что вопреки воле семьи вернулась из США к любимому на родину. Она стала неоднократной чемпионкой Болгарии, я играла с ней на первен-

ствах Европы, и эти встречи приятными назвать не могу. Техника у Малеевой-старшей хромала, но она доставала любой мяч. Благодаря своему спортивному характеру Юля, по-моему, через две недели после рождения очередного ребенка оказывалась на корте.

Я спрашивала: «Юля, ты кормишь ребенка?» — «Нет, — отвечала она, — у нас очень хорошая простокваша из козьего молока, ею детей кормить полезно». На этой простокваше две ее дочки в свое время вошли в двадцатку мира. Я, увы, пропустила с Катей такую гарантию спортивного успеха. Дедушка и бабушка Малеевых из-за внучек-теннисисток переехали из Нью-Йорка во Флориду и купили там дом. На Тихоокеанском побережье много кортов, но мало хороших игроков, и единственный, кто знает теннис, — Галаксон, который входил в тридцатку мира. Мама Малеева платила Галаксону семьдесят долларов за полтора часа тренировки. Думаю, что я, которая входила в пятерку, «стоила», как тренер, столько же, то есть около двух тысяч в неделю. Это не постоянная цена. В Калифорнии тренеру платят больше, а в других районах меньше. Но знаменитые игроки редко зарабатывают деньги таким образом. Они делают учебные фильмы, участвуют в рекламе, комментируют крупные турниры и это при том, что никто из них уже не нуждается.

III. БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

Мир тенниса — сказочный, неповторимый мир. Теннис всегда был популярен. Но с каждым годом число его поклонников возрастает. Взрыв интереса к теннису в Советском Союзе произошел, мне кажется, тогда, когда начали передавать по телевидению Уимблдонский турнир. Наши зрители впервые увидели красоту игры в исполнении лучших мировых мастеров. Но как бы много, обстоятельно и широко ни показы-

вали матчи, телевидение не может передать атмосферы самих турниров. Зрителям интересно и то, что происходит там у них, за кулисами. Что ж, попытаюсь в какой-то степени возместить этот недостаток.

КЛУБНИКА УИМБЛДОНА

Весь мировой теннисный календарь строится вокруг четырех турниров: открытых первенств Австралии, США, Франции и турнира в Уимблдоне. Уимблдон — турнир номер один даже в этой великой четверке, получившей название Большой шлем.

Уимблдон — это традиция. Уимблдон — это уже больше ста лет поединков: начало их — в последнюю неделю июня, конец — в первую неделю июля. Что бы ни было: дождь, снег, град, засуха, ураган.

Никто и никогда не назовет Уимблдон открытым первенством Великобритании. Он был и останется только Уимблдоном, по названию небольшого лондонского предместья.

Для теннисистов Уимблдон — самый главный турнир и самый сложный. Игра на траве не всем дается. Хотя мне сразу понравилось не только играть на траве, но даже падать.

Мой первый шаг в большой теннис оказался поездкой на Уимблдон. Провожала меня в Англию мама. Такси мы не заказывали, наверное, тогда мы им и не очень-то пользовались. Мы прошли через весь динамовский парк к метро, где меня должен был захватить спорткомитетовский автобус. Не успели пройти и ста метров, как навстречу вышла женщина со здоровым молочным бидоном. Мама первым делом быстро взглянула, полон ли бидон? Он оказался залит по самую крышку. Я в приметы не верю, но должна заметить, что эта «счастливая» встреча положила начало моим победам в спорте.

Вторая добрая примета случилась уже в Лондоне.

Мы жили неподалеку от Гайд-парка, куда Сергей Сергеевич Андреев выводил нас утром на разминку. Накануне турнира, на утренней пробежке, я первая влетела в парк и тут же нашла деньги — два с половиной шиллинга, была тогда такая огромная монета. Аня Дмитриева сделала круглые глаза и сказала: «Ну, Ольга, есть примета: веди в ресторан». Я ничего не поняла, какая примета, но в ресторан мы пошли.

Первые впечатления от стадиона остались в памяти на всю жизнь. Уимблдон готовился к турниру. Слева расстилалась огромная зеленая лужайка. Она не была открытой насквозь, ограждающие сетки отделяли корты друг от друга, но все равно чувствовался простор. Потом, когда начались соревнования и были установлены зеленые фоны, картина изменилась. На некоторых кортах двигались фигурки. По традиции за неделю до турнира его участники имеют право тренироваться на кортах Уимблдона, но не более получаса.

Членами Всеанглийского теннисного клуба, которому принадлежат корты, могут стать только победители турнира и только те, кто играли в нем одиночный разряд. Можно себе представить, какая теннисная элита собралась в этом клубе! Почетные члены клуба — выдающиеся игроки, могут приглашать для тренировок любого, кого они захотят. Мне не терпелось увидеть и центральный, и первый корт, и раздевалки, и площадки, и, конечно, игроков, которых я знала только по фамилиям. Необычной была обстановка, без всякой суеты. Чувствуется, что идет подготовка, чувствуется, как нарастает напряжение, но нет той беготни и крика, которую наблюдаешь у нас накануне какого-нибудь важного события.

Мы подошли к площадкам, Дмитриева мне шепчет: «Посмотри, вон там Сантана, а это Розуолл тренируется. А это знаешь кто? Мария Буэно!» Мы ходили по стадиону, Аня с кем-то здоровалась, меня же не покидало ощущение, будто я попала в теннисный музей с живыми фигурами. Прошли годы, и я так же, как

меня когда-то Аня, водила по стадиону своих девочек. Ничего не изменилось за это время. Правда, многие помещения перестроили, сделав их более комфортабельными, но их расположение не поменялось.

На Уимблдоне три женские раздевалки на трех этажах, и все его участницы распределены по ним строго по спискам. У входа в каждую раздевалку стоит женщина-полицейский, которой надо предъявлять пропуск. Новичков турнира определяют в раздевалку, которая находится в самом низу, как бы в полуподвале. Потом, если игрок набрал силу, у него уже есть победы, его переводят в среднюю раздевалку. Наконец, когда теннисист попал в число сеяных, он оказывается наверху, в элитной раздевалке. Все те годы, что я входила в число сильнейших, обслуживала раздевалку, точнее сказать, была в ней нашей помощницей, одна и та же женщина, миссис Уилки. Она стирала наши платья и чистила наши тапочки. Мы играли в резиновых тапочках с парусиновым верхом и специальной белой пастой их красили (дома пользовались зубным порошком, разбавляя его в воде). Паста была лучшим сувениром для наших оставшихся дома товарищей, тапочки с ее помощью выглядели белоснежными. Во время матча от травы тапочки теряли свой девственный вид, выйти в грязных на следующий матч считалось недопустимым. По строгим негласным правилам Всеанглийского теннисного клуба тапочки чистились каждый день.

Миссис Уилки, казалось, появилась на Уимблдоне в год его основания, причем не одна, а с мужем. Мистер Уилки был граундмен, то есть главный, кто отвечал за состояние травы на площадках. Домик супругов Уилки, типично английский, весь в розах, находился прямо на территории Уимблдона, рядом с первым кортом. Давным-давно супруги ушли на пенсию, так исчезла еще одна из традиций Уимблдона. Думаю, никому не придет в голову снести домик Уилки, даже при дефиците земли, или приспособить его для других

целей, тем самым нарушить покой людей, которые так долго и так преданно служили турниру.

О миссис Уилки! Когда игрок расстроен, для него всегда находилась у вас чашечка кофе. Когда он пришел с матча, вы уже подготовили ванну. Ванна не только приятнее, чем душ, это еще и процедура восстановления. Миссис Уилки уже положила на табурет махровые голубые и розовые, ни в коем случае другого цвета, полотенца. Даже сейчас я помню ощущения, которые испытывала, растираясь после ванны этими полотенцами.

Если теннисистка выходила в финал, то к ней в раздевалку Всеанглийский клуб и его президент присылали два огромных букета. С ними ты выходишь на корт. Мужчинам-финалистам по традиции служащие выносили ракетки. В 1974 году перед финалом я загадала, что, если красный букет, стоящий в раздевалке, мой, я выиграю. Мне достался оранжево-желтый, Крис Эверт — красный.

Корты стригут каждые два дня, трава не должна превышать определенной высоты. Она как густая и очень упругая мочалка, невероятного переплетения, почти без пустот. Площадки украшаются цветами. Розы вьются по всем стенам. А вместе с ними, куда ни помотришь, огромные шапки нарциссов — розовые, сиреневые, белые. Уимблдонские тона — зеленый и фиолетовый, все цветы имеют фиолетовый оттенок.

В раздевалках многие годы работал один и тот же врач, один и тот же массажист. Почему-то приятно, когда тебя спрашивают: «Ольга, в этом году тебя спина не мучает?» Вроде бы ты приехала в Англию к своему врачу.

На Уимблдоне спортсмены питаются не в ресторане, а в кафе. Раньше была королевская кухня, королева выбирала меню. Спиртное только в баре, в подавляющем количестве оно уничтожается журналистами. В игровой день приезжаешь на стадион в двенадцать, уезжаешь в девять вечера. И обед и ужин обыч-

но проходили в этом кафе. Потом оно немного изменилось, но прежде я знала точно: во вторник будет курица в сметане с грибами в горшочке, в среду — мясное ассорти с любимыми мною жареными помидорами, такими, какими их делают только в Англии. Невозможно забыть и яблочное пюре, которое подается к свинине. Меню повторялось, но в том не было ничего плохого, наоборот, Уимблдон выглядел еще более основательным и незыблемым.

Главное блюдо — традиционная уимблдонская клубника. Я думаю, что выведен специальный сорт, который поспеваает к последней неделе июня. Я смотрела в Англии передачу, как выращивают, собирают и готовят клубнику к Уимблдону. Мимо розеточек с самой сладкой в мире клубникой пройти невозможно, один ее аромат чего стоит! Такого количества ягод я вообще нигде не видела. Для меня клубника и Уимблдон — одно целое.

Традиции традициями, но не зря Уимблдон всегда считался сильнейшим турниром в мире, потому что, как только в теннис вводились какие-то новшества, они принимались Уимблдоном. Например, в 1968 году начался «опен» теннис, Уимблдон стал открытым для всех — и любителей и профессионалов. Единственное, с чем Уимблдон не примирился, это цветная форма. Когда на телевидении начался теннисный бум, оно оказалось заинтересованным в том, чтобы теннисисты надели цветные рубашки, которые на экране смотрятся лучше. Все турниры ввели цветную форму, кроме Уимблдона. Правилами Уимблдона допускалось в белой форме не более тридцати процентов иного цвета, и только пастельных тонов. В одном из матчей у меня были телесного цвета складки на юбке. Такого же цвета и кружева на трусиках (раньше почти все теннисистки надевали трусики с кружевами). Игроков осматривали еще у раздевалки. Прежде всего организаторы проверяли туфли: не разрешается иметь на них шипы, портится трава. Проверили мои

туфли, потом спросили: «Извините, как у вас под юбкой?» Я сказала: «Что?» — «Извините, не что, а какого цвета?» — «Цвета подкладки моей юбки». Человек, который отвечает за форму, сказал: «Оля, я к тебе хорошо отношусь, но столько цветного — это в последний раз. Сейчас я не отправлю тебя переодеваться, но в будущем знай: трусики не белого цвета — нарушение наших правил». Розы Казалс судьбы не пощадили, отправили обратно в раздевалку с центрального корта. Была такая теннисистка Валерия Зигенфуз, она вышла на игру в платье, которое состояло из белого лифа, дальше тело было обнажено, затем белая юбка. Судьи сочли, что в костюме слишком много не белого цвета. Валерия бросилась переодеваться, боясь, что ей могут поставить в протоколе «отказ».

Однако когда ввели новый счет, тай-бреки, желтые мячи — эти новшества сразу же перекочевали на Уимблдон.

В годы, когда играла я, «сетка» Уимблдона состояла из 128 мужчин и 96 женщин. Позже количество стало равным, что явилось результатом борьбы женщин за свои права. Единственное, что мы не отстаивали, — это отбор. У женщин в нем принимают участие 64 теннисистки, у мужчин в два раза больше.

По классификации на турнир допускаются сто двенадцать игроков. Восемь мест дается Всеанглийскому клубу, то есть ими распоряжается директорат по своему усмотрению. Для чего это нужно? Например, Маккинрой не захотел играть, не заявился. Естественно, директорат уговаривает Джона до последнего дня. Незаполненная заявка позволяет включить его в последний момент.

Один из победителей Уимблдона австралиец Патрик Кэш из-за операции пропустил много турниров и не попал в классификационные списки, или, как мы говорим, «на компьютер». Организаторы в знак уважения к Кэшу, игроку мирового класса, включили его, используя уайлд-карт, в списки, не заставляя иг-

Юный
динамовец.

В верхнем ряду в центре — Н.С. Теплякова, в верхнем ряду справа — Н.Н. Озеров, между мною и им — Р. Исланова (мама М.Сафина), а внизу слева — Витя, мой будущий муж.

Нина Сергеевна
Теплякова
стала для меня
второй мамой.

Игра «с лета» всегда считалась
моим козырем.

«Аут совсем маленький!»

Это далеко
не все
мои награды.

Диснейленд —
обязательная
программа
для всех
приехавших в
Америку.

Молодожены.
Александр Метревели и Нана.

1974 г. Австралия.
В центре —
Наталья Чмырева.

Марина Крошина.

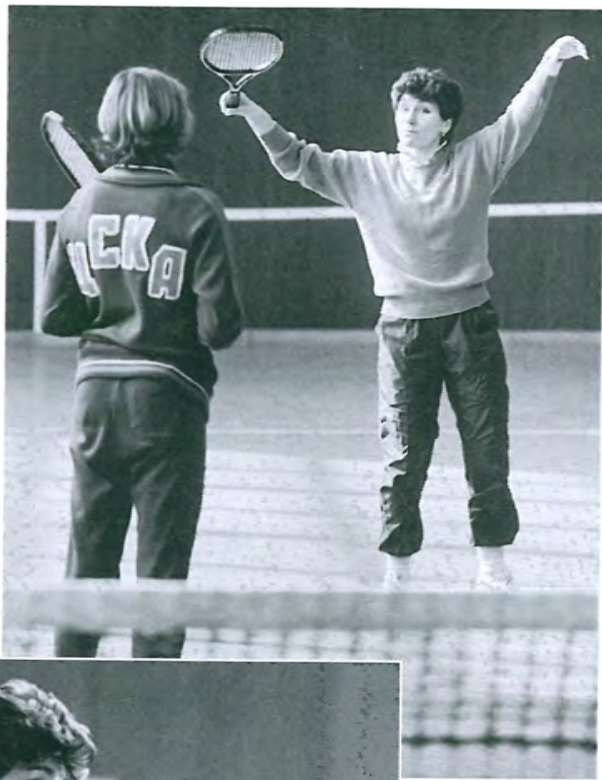

Уже знаменитые, но еще молодые.
Крис Эверт, я, Ивон Гулагонг и Билли-Джин Кинг.

После очередного турнира ветеранов меня поставили рядом
с женой Президента США Барбарой Буш.

Первые
тренировочные
шаги.

«При подаче
руки взлетают,
как у птицы
крылья!»

Ценные
указания.

1983 г. Юрмала.
Слева —
второй тренер
сборной СССР
Е. Поздняков,
справа —
Л.Д. Преображенская,
над нами —
А. Тетерин
(тренер Л. Савченко).

Светлана Пархоменко,
Натasha Зверева,
Андрей Чесноков,
Шамиль Тарпищев, я
и Сергей Леонюк.
Мы сделали теннис
в СССР популярным
видом спорта.

Моя команда:
Н. Зверева, Н. Быкова, Л. Месхи и С. Пархоменко.

Долгожданная Катя.

Я кормлю дочь.
Редкий кадр.

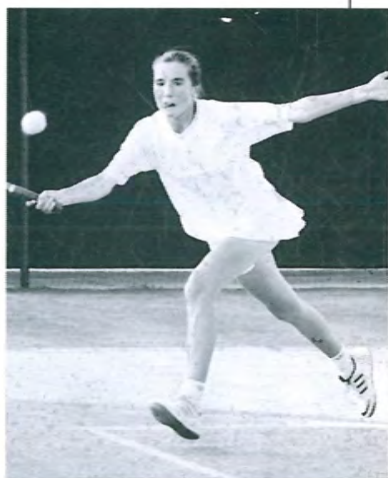
Двадцать лет
спустя.
Фотография
для английского
журнала.

Кате 9 лет и она уже довольно ловко управляет ракеткой.

1993 г. Уимблдон.
Мама играет за ветеранов...

...дочка за юниоров.

Вместе с Анной Дмитриевой

...такими
мы были...

...такими
стали.

Николай Николаевич Озеров трепетно относился к моему тренеру и это чувство перенес на меня.

1992 г. Иерусалим. Вместе с нашим другом журналистом Виталием Мелик-Карамовым (крайний слева). Он помог мне написать эту книгу.

1998 г.
С Витей
на пороге
английского
дома.

Бабушка
у нас в гостях.

Темза. Марлоу.
Бишем-Абби.
Райский уголок,
где мы поселились.

Дружный коллектив
преподавателей
и учеников центра
в Бишем-Абби.
Как видите —
я на высоте.

рать отборочные соревнования, победителям которых выделены следующие восемь мест.

Теперь Уимблдон вместе с отборочными соревнованиями длится не две, а три недели.

Традиционно Уимблдон проводит два бала: бал открытия и бал закрытия. Бал открытия Уимблдона 1965 года, первый бал в моей жизни, где я себя чувствовала Наташей Ростовской и Золушкой одновременно, проходил в огромном зале Роял-Гарднер отеля, недалеко от Гайд-парка. Дамы пришли в вечерних платьях с обнаженными спинами, в меховых накидках, в бриллиантах. Можно себе представить восхищение девочки с Верхней Масловки, которая по книжкам знала, что такое было и у нас в стране, но до революции.

Это потом уже теннис стал большим бизнесом, и ведущие игроки, не желая терять напрасно ни одного дня в жизни, ни одной минуты, наверное, поэтому перестали посещать эти балы. А раньше мы их очень любили.

За последние годы многое изменилось в ритуале турниров. В 1987 году Анна Дмитриева, приехав с нами на Кубок Федерации в Канаду и увидев перед гостиницей поданный белый лимузин, страшно удивилась: «Это для кого?» — «Это для нас», — спокойно ответили Савченко и Пархоменко. «Ольга Васильевна, позвоните отсюда». — Лариса так настойчиво предлагала мне в машине телефонную трубку, будто у нее во Львове во дворе стоит такой же кадиллак и швейцар в белых перчатках открывает перед ней дверцу. Между прочим, я заметила, что девочки совершенно по-разному ведут себя на Западе и дома. В Москве им в голову не приходит, что кто-то может перед ними распахнуть дверцу такси, они спокойно сами открывают багажник машины и засовывают туда свои сумки. Зато усвоили, что в Нью-Йорке багажник открывает швейцар, он же укладывает чемоданы, а твое дело разместиться на заднем сидении.

Советский человек был тем замечателен, что быстро приспособлялся и к плохому и к хорошему.

Но вернемся на бал. Первый торжественно открывал лорд-мэр вместе с президентом английской федерации тенниса, а последний начинался танцем новых чемпионов Уимблдона. Последний раз на балу я видела только совсем молодых спортсменов, которым все это еще интересно, и старых игроков, тех, кто живет воспоминаниями. И я помню легкое шуршание в зале — по какому-то тайному сигналу все официанты отходили и замирали вдоль стен, — в этот момент вносили какое-нибудь совершенно невообразимое яство. Например, холодный суп, который я терпеть не могла. Чем дороже ресторан, тем меньше порция. Я была еще ребенком и считала, сколько ягод мне положат. Если приносили клубнику, то на тарелке оказывалось четыре-пять штучек, если землянику — десять-двенадцать, но зато политых из серебряного кувшинчика сливками.

Первая, кто нарушил, на моей памяти, традицию бала закрытия, — Билли-Джин Кинг. В 1973 году из-за дождя финальный матч пар перенесли, и Ларри, муж Билли-Джин, сообщил, что Кинг хочет выиграть еще один финал, поэтому прийти не может. Ян Кодеш, победитель у мужчин, танцевал с женой президента федерации. Может, не Кинг была первой из чемпионов, кто не пришел на прощальный бал, но именно с нее эта традиция пошла на спад.

В субботу бал открытия, в воскресенье — между первой и второй неделями турнира — всех участников приглашали отдохнуть в аббатство, в двух часах езды от Лондона. В воскресенье перед Уимблдоном игроки отправлялись в богатый загородный клуб «Херлингем». Прием похож на парад теннисных мод. Как и сейчас, так и тогда любой более или менее заметный игрок — ходячая реклама теннисной продукции. Только сейчас получаешь деньги за то, что носишь рекламируемую форму, а раньше за форму платили игроки. В свое время на этом приеме нас пора-

жала Лия Перриколе из Италии своими платьями с перьями или сверхъестественными подкладками, заставляющими нас ахать, охать и плакать от зависти. В «Херлингеме» можно было пострелять из лука, покататься на каноэ, поиграть в крикет, гольф или футбол. Под огромным дубом играл духовой оркестр, рядом подавали чай.

На трех кортах разворачивались соревнования шутивных пар, совершенно не тех, которых увидят зрители через день, причем подбирали их так, чтобы партнеры оказались из разных стран. Метревели с Настасе всегда были зачинщиками футбольных баталий. Игроки общались и знакомились между собой и, кстати, могли потренироваться, так как корты в «Херлингеме» идеального качества. Там я научилась играть в мини-гольф.

Купить билеты на Уимблдонский турнир невозможно. Их можно только выиграть в лотерею, которая разыгрывается в феврале. Необходимо послать заранее заявку, и если ты человек счастливый, то у тебя есть шанс получить право выкупить билет. Это что касалось «сидячих» мест на центральном корте. Члены клуба имели преимущество в покупке билета — имела эту привилегию и я, если предварительно о своем желании сообщала письмом. За «стоячими» необходимо занять очередь в огромном хвосте, где настоящие болельщики проводят и ночи.

Когда в понедельник, в двенадцать, открывались ворота, надо было видеть, как вся огромная очередь летит сломя голову, чтобы занять хорошие места. Както раз я встретила в самолете знакомого, который возвращался из лондонской командировки домой. Он рассказывал, что, оказавшись в июне в Лондоне, не мог себе представить, что не попадет на Уимблдон. Билет на первую очередь он купить, конечно, не смог. Но спустя пять-шесть часов проник на стадион, поскольку часть людей уходит, и тогда запускают как бы

вторую очередь, продавая за фунт использованное место.

Билеты на Уимблдоне очень дорогие. У игроков есть специальные места, но пропускают на них после внимательной проверки пропуска («баджа»). В мою бытность игроком десять лет на контроле стояла одна и та же женщина-билетер (билетеров тоже, наверно, на Уимблдоне не меняют), которая знала всех игроков, как своих детей. И если я брала пропуск Дмитриевой, она легко могла определить, что я сижу по чужому пропуску. Передача своего пропуска другому все равно что добровольная дисквалификация, второго «баджа» уже не получишь, а на черном рынке он стоит баснословных денег, так как дает право на проход на все корты с ложами. Когда-то, очень давно, один польский теннисист продал свой «бадж» и был отлучен от Уимблдона на всю жизнь. Я не знаю фамилию того игрока, но его «страшной историей» мы всегда пугали наших спортсменов, впервые приехавших на Уимблдон. Мы не подозревали их в том, что они продадут свои пропуска, но очень боялись, что они их могут потерять.

Места теннисистов на трибуне находятся справа от королевской ложи. Не каждый раз там королева, но обычно кто-то из королевской семьи или приближенных присутствует на матче. Но в столетие Уимблдона, в 1977 году, сама королева награждала чемпионов. Обычно призы вручает ее муж, герцог Эдинбургский, или сестра королевы, принцесса Маргарита. Если турмен (человек, который выводит на корт и проверяет форму) тебе говорил, что надо сделать книксен, значит, в ложе кто-то из королевской семьи.

Помимо раздевалок, есть еще общая комната для мужчин и женщин — комната ожидания перед выходом на центральный и первый корты. Время простоя так дорого, что соперники сидят рядом в ожидании вызова. Ближе к концу предыдущего матча — а один только бог знает, когда он кончится, — следующую

пару приглашают в эту комнату, где иногда по часу приходится сидеть нос к носу со своим предстоящим противником. Не знаю, как сейчас, но в свое время в этой комнате стояли ужасно жесткие скамейки, а может, они только казались такими? На столиках лежала масса журналов, а на стене висели удивительные часы, стрелки которых буквально танцевали. Возможно, такое впечатление создавалось в результате волнения перед матчем.

Наверное, легче перечислить тех знаменитостей, кто не побывал на Уимблдоне, чем тех, кто на нем присутствовал. Политические деятели, артисты, гонимые, кинозвезды, генералы, писатели — сейчас все играют в теннис.

От метро до Уимблдона идти довольно долго, около получаса. Правда, курсируют специальные автобусы, маршрутные такси. Как только выходишь из метро и до ворот стадиона — черный рынок. И на нем — тоже своеобразная традиция Уимблдона — по-моему, уже много лет спекулируют билетами одни и те же люди. Стоимость билетов на черном рынке растет баснословно. Я помню как просили пятьсот фунтов за пару билетов на центральный корт, теперь цена, конечно же, поднялась.

Каждый игрок, выступающий на Уимблдоне, имел два пригласительных билета. Затем через день давали еще и пропуск на центральный корт с местом. То есть в первую неделю турнира ты располагал тремя билетами. Известно, как много людей окружают игрока на большом турнире, и с этим организаторы считаются. Если ты сам играешь на центральном или первом корте Уимблдона, тебе полагается еще четыре билета на трибуну, правда, не на весь день, а только на один, твой матч. Никто никого не выгоняет, но все знают правила и покидают места, освобождая их для тренеров и родителей следующей пары.

Когда играла я, участников турнира обслуживал королевский парк машин, мы ездили на «роллс-рой-

сах». Потом нас пересадили на «остины», в конце концов бизнес в теннисе вступил в свои права и нам предоставляет машины та фирма, с которой организаторы подписали контракт. Автомобилями управляют девушки, они проходят конкурс, затем специальную подготовку и получают униформу. Многие идут в шоферы Уимблдона ради того, чтобы пообщаться с игроками, поболтать с ними. Девушки сменили за рулем малоразговорчивых строгих мужчин в форменных фуражках и белых перчатках. Многим поклонникам понятна страсть не только смотреть за игрой, но и перекинуться парой слов со звездами, тем более что игроки не всегда бывают в плохом настроении. Русские теннисисты долгое время вызывали большое удивление, особенно если они говорили по-английски, будто в машине заговорил медведь.

Раньше, если нужно было поехать с Уимблдона не в отель, а в какое-нибудь другое место, садился в машину и отправлялся куда хочешь. Теперь ты можешь сказать: «На Пиккадилли», а тебе ответят: «Нет, миссис, только в отель». Если ты живешь в официальном отеле турнира, то там взад-вперед снуют микроавтобусы. Говорят, мир стал богаче. Наверное, ровно настолько, чтобы поменять «Роллс-ройс» из королевского гаража на микроавтобус.

Корты Уимблдона идеальные. Их вычищают, подстригают, чуть ли не пылесосят, в общем следят за ними куда внимательнее, чем за ковром в собственной гостиной. Играть на траве сложнее, чем на любом покрытии, отскок меняется из-за того, что трава чуть вытаптывается. В начале второй недели по бокам корта мяч скачет быстрее, чем в центре, центр уже утоптал. Отскок от живой травы сильно отличается от чуть подвявшей. Меняется он и после дождя, хотя корты и закрывают. Мяч на траве, вопреки мнению многих, не скачет быстро, он скачет низко. В течение недели приходится приспосабливаться совсем к другому стилю игры, к совершенно другой работе ног.

Если любое покрытие допускает какие-то шероховатости в технике, то трава Уимблдона не прощает даже малейшей ошибки.

Уимблдон полностью проверяет игрока. Здесь надо иметь сильную подачу, хорошо играть с лета и обладать прекрасным приемом мяча. Великие теннисисты те, кто побеждал на всех покрытиях.

Тому, кто любим на Уимблдоне прессой, обеспечена и любовь трибун. Игрок должен понравиться — это очень важно. Некоторые этого достигают легко и просто, другие думают, как это сделать? Мне кажется, молодые игроки, их психологи и тренеры высчитывают заранее первые шаги на долгой дороге теннисной карьеры. По вполне понятным причинам советские игроки шли по естественному пути. Наташа Зверева после матча в одной восьмой Уимблдона с Габриэлой Сабатини так провела свою пресс-конференцию, что она закончилась овацией. Обычно аплодисменты получают только победители Уимблдона. Наташа держала себя свободно, говорила искренне и очень просто-душно. Тогда ей только исполнилось шестнадцать, много было наивного, впрочем, от Наташи еще долго ходили без ума все английские корреспонденты, и, как бы она ни играла, ничего плохого они о ней не писали.

Мне кажется, что и Маккинрой специально взял для своего ребенка английскую няньку, чтобы навести какой-то мост с английской прессой. Маккинрой — выдающийся игрок, но с тяжелым характером, пресса его не жаловала. А это давит на психику, как бы ты ни был равнодушен к газетам. Крис Эверт любимица журналистов, Мартину Навратилкову они просто обожали. А вот у Кинг всегда возникали проблемы с прессой.

Забегі центрального корта Уимблдона огромнейшие, трибуны так далеко, что зрителей совершенно не видно, но ты ощущаешь их дыхание. Настоящий игрок не может быть безразличен к реакции публики.

Неправда, когда говорят об отключении от внешнего мира во время игры. Любой актер чувствует зал. Я, например, играла без зрителей хуже. Для чего тогда пять часов в день изматывать себя? Чтобы никто не видел результатов твоего труда? Я ждала и радовалась аплодисментам. Я не верю спортсменам, которые утверждают, что им все равно, как отреагирует публика на их игру. Другое дело, что волнения бывают разные.

Зритель Уимблдона необходим теннисисту так же, как артисту балета зритель Большого театра. Зрители здесь эрудированные, хорошо разбирающиеся во всех тонкостях и перипетиях игры. Обмануть английскую публику невозможно. Джо Дюри выиграла в 1987 году микст, но оставалась 85-й в мире: в конце первой сотни мира и первая в Англии — для британцев это, наверное, звучало ужасно.

Популярность Уимблдона все растет и растет. Уимблдон любит своих героев. На 100-летие турнира в 1977 году провели парад его победителей, участвовали Лакост, Баратра, Перри и другие. Рекордсменом по чемпионскому стажу тогда была Элизабет Райян, выигравшая девятнадцатый, и свой последний Уимблдон в 1934 году.

ОТКРЫТОЕ ПЕРВЕНСТВО США

«Ю.С. опен» — открытое первенство США — мое первое соревнование в Америке. В 1970 году меня взяли в команду, которая вновь после долгого перерыва участвовала в этом турнире. В те годы он проходил в Форест-Хилл — я уже об этом писала — и играли его на траве.

Турнир имел свои традиции, и американцы хотели если уж не обойти Уимблдон, то хотя бы сравняться с ним. Кое в чем они Уимблдон превзошли, став рекордсменами призового фонда. Если в то время на Уимбл-

доне он составлял миллион долларов, то на Форест-Хилле (или позже на Флешинг-Медоу) — полтора.

Наша команда была одной из немногих советских делегаций, что приезжали в те годы в США, поэтому к нам относились с определенным интересом, старались устроить нас получше. В дни предварительного турнира, накануне первенства, нас поселили в частных домах. Бассейн, кондиционер в доме — это еще можно было выдержать, но вентиляторы в саду!.. Самое невероятное, что владельцы дома от самого факта расселения советских спортсменов по их спальням были в восторге.

Хотя мы с Метревели и были партнерами, но иногда во мне поднималось возмущение вечной несправедливостью: «Ну почему Метревели опять все самое лучшее?» Перед поездкой в США Алик добился (как ему в те времена удалось, никто не знает), чтобы на турнир с ним поехала его жена. Американская федерация, которая нас пригласила на «Ю.С. опен», оплачивала нам не только жилье, но и дорогу, и питание. Дома каждого из нас на всю поездку снабдили семнадцатью с половиной долларами (!). Как-то Алика спросили журналисты, которые там все знают, что он будет делать, когда захочет пойти в кино с женой или выпить кока-колу. Алик прямо ответил, что в кино пойти не захочет, тем более пить кока-колу. Но в этой поездке я взяла маленький реванш.

Нас везли из аэропорта на трех машинах. Сперва мы подъехали к какому-то дому с колоннами. Выясняется, что здесь будет жить Метревели с женой. «А меня сейчас запихнут черт знает куда!» — подумала я с завистью. Подъезжаем к «нашему» дому. «Конечно, Алику всегда везет. У меня дом всего в один этаж и нет колонн». Входим — наш руководитель А.М.Пегов, Володя Коротков и мы с Мариной — и оказываемся сразу на третьем этаже. Дом стоит над обрывом. А когда я вошла в гостиную, то поняла, что нам повез-

ло больше, — через окно я увидела пруд, а в нем плавали лебеди.

Нас пригласили на завтрак и спросили, что мы хотим? Я, к тому времени уже неплохо зная английский и выпендриваясь перед командой, которая скромно просила «милк», заказала «блюберри». И мне выложили в миску чернику огромных размеров, чуть ли не в сливу. Володя Коротков спросил: «Морозова, тебе не кажется, что для тебя это многовато?» Столовая, где нас кормили, оказалась метров в шестьдесят, да еще с окном во всю стену. Все, начиная с салфеток и кончая рисунком на обоях, было выдержано в одних, видимо, любимых тонах хозяйки. Перед столовой устроен плавательный бассейн с подсветкой. Бассейн у Алика отсутствовал, он приезжал поплавать к нам.

Если бы мы с Мариной забыли все свои вещи в Москве, то в нашей комнате, затянутой в розовое, нашли бы все необходимое. Рубашки, носочки, купальники, шампуни, духи. Правда, от страха мы ничего не трогали. Нет, не зря нам подсунули такую роскошь, думала я, организаторы, должно быть, старались вызвать у нас моральный шок.

Сам стадион Форест-Хилл не оказался для меня большой неожиданностью. Я давно изучила его по картинкам в теннисных журналах и книжках. Когда я впервые на него попала и увидела небольшой деревянный домик с высокой черепичной крышей, с чашей трибун вдалеке, у меня возникло ощущение, что я здесь уже была. Позже, играя на центральном корте Форест-Хилл, я не ощущала того уюта, что существовал на Уимблдоне. На кортах росла плохая трава, над ними все время пролетали самолеты. Чаша трибун подкова, внутри нее три корта, их использовали поочередно. Форест-Хилл — единственный стадион, где на разминку отводили всего лишь пятнадцать-двадцать минут перед матчем. Тренировались в разных клубах под Нью-Йорком, где была трава, только не на стадионе. Вся прелесть Форест-Хилл для меня своди-

лась к старинному домику под черепицей — «Клаб-хаус». Хозяйки клуба заботливые женщины, делали вкусный чай, приносили пирожки и пирожные.

В 1971 году наш матч с Крис Эверт был признан лучшим на первенстве США. Тогда впервые ввели буллиты при совершенно сумасшедших правилах: принимающий указывал, в какой квадрат бить подачу, победить можно было и с разницей в одно очко. Крис выиграла у меня по буллитам 5:3. Тогда ей было восемнадцать лет, мне двадцать два. Именно в тот год великая Буэно предложила мне играть с ней пару.

Надо сказать, что тогда уровень «Ю.С. опен» по квалификации игроков был ниже уровня Уимблдона. Связано это прежде всего с тем, что слишком далекая дорога и не все сильнейшие приезжали на турнир. Оттого и первые два круга на «Ю.С. опен» обычно давались легко. Приезжало много австралийцев, которые любили траву, и мало европейцев, которые траву не любили. Я выступала на первенстве США всегда довольно удачно, но играть там тяжело. Влажность в Нью-Йорке большая, жара какая-то липкая, дышать трудно. Турнир проходит в последнюю неделю августа и первую неделю сентября. Всегда раздражала дорога на стадион с непредсказуемыми пробками и самолеты, летающие над головой. Позже первенство США тоже проходило не в суперусловиях, но все же по-другому.

Что же произошло с Форест-Хилл? Трава на нем с каждым годом все ухудшалась и ухудшалась. Потом появилась Крис Эверт, которая предпочитала играть на земле, возможно ради нее американцы решили стадион переделать. Они оставили совсем немного травяных кортов, а остальные заменили на земляные площадки с синтетической крошкой. Корт получили хорошие, но американцы-мужчины ничего не могли и на них выиграть. Как-то испанец Орантес просто «разорвал» Коннора в финале. Правда, Эверт

выходила победительницей, но престиж любой страны в теннисе определяется по игре мужчин.

После того как Коннорс еще пару раз проиграл, американцы начали строить новый стадион для «Ю.С. опен», тем более что претензии к Форест-Хилл росли все больше и больше. Американская теннисная федерация купила землю и возвела огромный стадион — национальный центр тенниса рядом с бывшей всемирной выставкой. На кортах национального центра в течение целого года играли обычные любители, за исключением тех двух недель, когда здесь проводилось открытое первенство США.

Я последний раз выступала на первенстве США еще в Форест-Хилл в 1977 году, правда, уже на новых кортах. Неудачно в одиночке, но дошла до полуфинала в парных состязаниях. Алик меня подбивал: «Проймай пару, полетим домой вместе». Я уже почти согласилась, но решила все-таки побороться. Метревели улетел в Москву один. В финал я вошла, что, кстати, потом мне давало право играть на «Ю.С. опен» в турнирах для тех, кому больше тридцати пяти.

«Ю.С. опен» создавал впечатление делового предприятия. Уимблдон тоже иногда так выглядел, но он солиднее, чопорнее. В Лондоне за мной мог следить болельщик лет двадцать, ничем себя не обнаруживая, а здесь могли запросто похлопать по плечу: «Привет, ты опять приехала!» Другой стиль жизни и другой стиль турнира. Игроки обычно ругают местоположение любого стадиона, Флешинг-Медоу не избежал этой участи. Рядом ведь «Ла гвардиа» — один из самых больших аэропортов Нью-Йорка. Но надо отметить, к чести Федерации тенниса США, что во время турнира над новым стадионом самолеты не летали. Как они договаривались о посадке на аэродром с другой стороны, не знаю. На первенствах США организаторы устраивали утренние и вечерние запуски зрителей, ведь был случай, когда Виландер играл с Перфорсом до часу ночи. Только суперделовые американцы

могли такое изобрести, англичане за сто лет Уимблдона не додумались. Все пущено в русло бизнеса. Одно время главным спонсором турнира была «Столичная», американская фирма, продающая нашу водку. Спортсменам на этом турнире бизнеса тяжело играть. Очень трудно уйти от шума и суеты, уйма зрителей, все грохочет, звенит, кружится. Пахнет жареным мясом, барбекю (что-то вроде нашего шашлыка), с криком разносят «колу». Масса стендов с рекламой. Ты не на теннисном стадионе, а словно в самом чреве бизнеса. Как настраиваются бедные спортсмены на игру, я не представляю. Раздевалки небольшие, правда, есть прачечная, но с такой очередью, что проще самому в номере постирать свою форму.

Герои «Ю.С. опен» только американские теннисисты. Следует запомнить, героями в США могут быть только американцы, в этом они очень похожи на нас. Так же, как и мы, они второе место за приличное не считают. Если есть пятьдесят пять завоеванных золотых олимпийских медалей, кого интересует восьмое место в Сеуле Савченко, даже если оно добыто в трудном и красивом матче со Штефи Граф?

ОТКРЫТОЕ ПЕРВЕНСТВО ФРАНЦИИ

Каждый спортсмен хранит воспоминания, связанные с теми стадионами, где он неоднократно и удачно выступал. Я, например, отлично помню то впечатление, какое на меня произвели корты Ролан Гарроса, когда я увидела их впервые. Ролан Гаррос — это самый большой теннисный стадион в Париже, на котором проходит открытое первенство Франции. Именно с этого турнира начинается летний сезон большого тенниса. Первенство Франции проводится в последнюю неделю мая, заканчивается в конце первой недели июня. Следующий — Уимбдон. Открытый чемпионат Франции еще считают неофициальным тен-

нисным чемпионатом мира на грунтовых площадках. На кортах Ролан Гарроса, как говорят англичане, «клей», то есть глина с песком, у нас принято называть такие площадки земляными, а в мире еще говорят — корты с медленным отскоком. Каждый земляной корт за рубежом у советского теннисиста невольно вызывал сравнение с ленинградскими кортами, когда-то лучшими в стране, но сильно уступающими площадкам Ролан Гарроса. Правда, в ту пору, когда я играла, два совершенно потрясающих корта были на террасе рядом со стадионом «Динамо». К началу Московской олимпиады их заасфальтировали и устроили стоянку машин.

Что такое хороший корт? Это прежде всего ровная площадка. А также окружающая обстановка, которая должна создавать уют. Во время игры необходимо быть предельно внимательным, и поэтому хороши те корты, которые ограждены и позволяют сосредоточить внимание внутри площадки.

Обычно используют синтетические материалы, позволяющие создать замкнутость пространства. Но, конечно, лучше всего, если они обвиты диким виноградом. Исчезнувшие динамовские корты имели именно такой фон. Правда, наши тренеры ненавидели дикий виноград, так как в его листьях исчезают мячи, которых всегда не хватало. После каждой тренировки мы забирались в виноградные дебри искать мячи. К концу лета, осенью, когда листья опадали, мячи лежали в переплетении виноградных лоз, как созревшие плоды.

Очень важно, чтобы корт не был скользким. Для этого на его поверхность кладут специальный состав. Я хорошо помню, как дядя Вася летом заливал водой динамовские корты на ночь. Заливал на какой-то одному ему ведомый уровень. Когда утром мы приходили на корт, на нем уже можно было играть, и в то же время он целый день держал влагу. За ночь вода просачивалась вниз — дренаж был хороший, — остава-

лась лишь подушка увлажненного корта. Это давало прекрасное сцепление ноги с покрытием, отсюда всегда успешный подход к мячу. А качественный подход — основа хорошего удара.

Необходимо, чтобы линии четко и ясно размечались. Для меня яркие белые полосы — это даже не чистота корта, а своего рода настрой на предстоящую игру.

Что бы мне ни говорила в свое время Аня Дмитриева, рассказывая о замечательных кортах Ролан Гарроса, я не предполагала, что покрытие, этот самый «клей», может иметь консистенцию пудры. Прессованной пудры из хорошей французской ланкомовской косметики. Ведь когда открываешь новую пудреницу, то видишь не блестящую поверхность, а матовую, с легкой шероховатостью. Точно такая же пудра на площадках Ролан Гарроса, с красно-терракотовым оттенком. Как и на кортах Ленинграда, она делается из старого битого кирпича. Потом эту толченую массу перемешивают с каким-нибудь составом, чаще с глиной, чтобы она не разлетелась, толстым слоем смесь укатывают на поверхность. Терракотовый корт с белыми линиями всегда создавал у меня на душе праздник.

Мячи на первенстве Франции совсем другие, чем на Уимблдоне. Если в Англии они жесткие, то здесь мячи как бы прилипающие к ракетке. На земляном корте четко виден след от мяча. У меня, игрока, этот легкий мазок на терракоте вызывал приятные ощущения: когда мяч удачно пробит, то такая длинная полоска тянется по поверхности корта, как след кометы.

До того как я первый раз вышла на корты Ролан Гарроса, я не представляла, что площадка может быть такой идеально ровной. Если на наших кортах три-четыре раза подряд мяч отскакивал правильно, ты считал себя счастливчиком, а если он постоянно отскакивает правильно, как на первенстве Франции, — этот факт тебя просто обескураживал. Я ни разу не видела

там площадки (всего их десятка два), не готовые к игре, хотя их обслуживают два-три мастера.

Ролан Гаррос, названный так в честь погибшего в Первую мировую войну французского летчика, один из самых уютных теннисных стадионов в мире. Даже домик для обслуживающего персонала выглядит очень мило, другого слова не подберешь. Что касается красок и цветов на стадионе, то о них можно не рассказывать, ведь турнир проходит на исходе весны.

Сразу после открытого первенства Франции, в оставшиеся две недели до Уимблдона, в Англии проходят два традиционных турнира — в Бэкнеме и Исборне. Они позволяют адаптироваться к траве. Выиграть подряд турниры сперва на Ролан Гарросе, а затем на Уимблдоне очень сложно, настолько разная требуется техника, настолько непохожая игра. Только выдающиеся теннисисты, обладающие классическим стилем игры, могут рассчитывать на такой успех. Удавалось это в мои времена Корт, Навратиловой, Эверт, Граф.

Когда Ролан Гаррос стал профессиональным состязанием, он сразу же обрел другой колорит: смешением языков и национальностей турнир больше напоминает вавилонское столпотворение, чем тихую уютную теннисную гавань, как это было когда-то.

Надо отметить, что, пожалуй, это единственный стадион в мире, который предоставляет возможность игрокам высокого класса тренироваться бесплатно, бесплатно пользоваться и мячами, причем во время всего сезона.

В середине 80-х Ролан Гаррос перестроили, появилась масса помещений, дающих возможность хорошо отдохнуть спортсмену во время соревнований. При реконструкции стадиона построили вторую трибуну, чаша вокруг главного корта теперь вмещает 16 тысяч зрителей. Французская публика очень эмоциональна, всегда болеет за своего, всегда требует, чтобы свой выиграл. В ложах Ролан Гарроса можно встретить

всех знаменитостей Франции. Публика здесь в основном та, что с капиталом. Мне кажется, раньше на Ролан Гарросе женский теннис не очень жаловали. Эмоциональную публику свечки и долгий розыгрыш мяча раздражали.

Когда игрок обводит противника — это красиво, это нравится, но не вызывает того восторга, как в случае обводки нед-болом, или, как мы говорим, дуриком. То есть мяч задевает за сетку и сразу падает или, наоборот, по непредсказуемой дуге перелетает через противника. Очко получается не за счет воли и мастерства, а за счет случая, удачи.

В 1969 году на открытом первенстве Франции я выиграла сет у Маргарет Корт, в тот год обладательницы Большого шлема, и была чуть ли не единственной, кому это удалось. Мы играли на центральном корте, трибуны там не маленькие, но зрителей собралось немало. Но когда я выиграла сет, практически весь стадион собрался у площадки, переживая за меня. Это естественно, болеют всегда за более слабого.

Я люблю жизнь. И от всего, что она мне посылает, стараюсь получить радость. Такая радость сразу приходила ко мне, когда я приезжала в Париж.

В 1983 году я впервые приехала в этот город как тренер, со мной была Лариса Савченко. Я решила повторить уроки Дмитриевой. Мы отправились на прогулку. Дошли до Елисейских Полей, вышли на авеню Фош. Погода не солнечная, но день стоял теплый. Мы шли сквозь легкую дымку с голубизной. Я начала рассказывать, каким мне показался Париж в первый раз. А у Ларисы Савченко в ушах черные кружки наушников и магнитофон висит сбоку на поясе. Она мне говорит: «Ольга Васильевна, новую кассету купила, обалдеть можно!» Я в растерянности. Возможно, следующее поколение стоит уже на новой ступеньке развития, когда одновременно воспринимается все вокруг. Но надо понимать своих учеников, я беру науш-

ники у Ларисы и начинаю оценивать теперь то, что предлагает мне она. Музыка действительно замечательная. Мы идем дальше, идем по Парижу, и я чувствую, что мне все больше и больше нравится эта музыка. И вдруг внутри как сигнал, резкий, отрезвляющий: «Боже мой, ведь я этими наушниками заблокировала себя от Парижа». И город уже не со мной, он проходит мимо меня. Он как за стеклом. Не говоря ни слова, я отдаю Ларисе наушники. Каждому свое, она наслаждается музыкой и Парижем, а я только Парижем.

Париж изменился. Он стал ярче, наряднее. Он стал похожим на елку с новогодними украшениями. И хотя все это очень современно и необычно, мне новый, разрисованный Париж не нравится. Может, уже дает о себе знать возраст? Мне нравятся каштаны, старые кафе, публика на Больших бульварах, одетая просто и элегантно, так, как одеваются только в Париже.

ОТКРЫТОЕ ПЕРВЕНСТВО АВСТРАЛИИ

Открытое первенство Австралии традиционно заключало серию турниров Большого шлема. Оно проходило в конце декабря, и так же традиционно каждый раз переживало кризис, так как во время Рождества трудно было заполучить на турнир лучших игроков. Рождество во всем мире — главный домашний праздник. Вся семья может год не встречаться, но в этот день старается собираться полностью. И хотя организаторы устраивали на открытом первенстве Австралии пышные приемы — большинство игроков не меняло на них домашние праздники. Организаторы постоянно были вынуждены упрашивать и улаживать игроков, да и сам турнир из-за всей этой кутерьмы все время блуждал по декабрю, порой даже цепляя Новый год.

Приезжать на другой конец света только ради первенства Австралии не было смысла — это слишком далеко и дорого. Тем более что в Австралии тяжело адаптироваться из-за необычного климата и разницы в часовом поясе. С годами многое изменилось. Если прежде на открытое первенство Австралии собирали игроков на личных контактах и те не могли отказаться, отдавая дань уважения стране, где теннис столь популярен, то, став профессиональным турниром и войдя в четверку Большого шлема, открытое первенство Австралии превратилось в один из самых дорогих и престижных турниров.

Когда я впервые играла на открытом первенстве Австралии, оно проводилось в Мельбурне на Куенге. Куенг — это старый и знаменитый теннисный клуб. Клуб типично английский, как бы из прошлого века. Все австралийские теннисные победы начинались с Куенга. Звездные годы легендарных австралийцев, Лейвера и Розуолла, триумфы австралийской команды в Кубке Дэвиса — все связано с огромным стадионом в Куенге. Знаменитые Столли, Ньюкомб, Рич — все они начинали здесь.

Первое мое впечатление от Куенга — плохая трава. Впрочем, траву Уимблдона повторить нигде не смогли. Климат для играющего на турнире тяжелый. В Мельбурне летом (декабрь — это в Австралии лето) может быть холодно до такой степени, что на улицу надо выходить в пальто. Страшный ветер. Австралийские игроки утверждали, что благодаря тренировкам на этих неровных кортах, при сильном ветре, при множестве мух и хорошем питании (мясо в Австралии замечательное) они вырастают сильными, здоровыми, да еще и с крепкими нервами. Сейчас при том же питании австралийцам ничего не помогает. Прежних побед у них нет. Возможно, мух стало меньше? В свое время нам выдавали специальный раствор. Игрок, выходя на корт, им себя поливал, иначе мухи залетали чуть ли не в уши, а уж рот открывать вообще не реко-

мендовалось. Той торжественности в обстановке соревнований, что присуща Уимблдону, первенству Франции и даже в какой-то степени первенству США, в Австралии никогда не было. Турнир всегда проходил спокойно. В мои спортивные годы у меня создавалось ощущение, будто ты попал в провинцию.

В Австралии я играла неплохо. Трижды выигрывала турнир в Аделаиде (предшествующий первенству Австралии, как Исборн Уимблдону), играла в финале открытого первенства в паре с Маргарет Корт. Было много счастливых минут, но суперответственность, та, которую испытываешь на Уимблдоне или на открытом первенстве США, в Австралии меня не посещала. Какая-то потусторонность присутствовала в турнире, проходящем на другом конце планеты.

Когда я первый раз добралась до зеленого континента, мне сообщили, что теннис в Австралии переживает упадок. «В чем это выражается?» — спросила я. «Ну как же, раньше у нас у каждого дома был корт, а теперь через два у третьего».

Отель, куда нас поселили, когда я последний раз выступала на первенстве Австралии, находился в центре города. Во дворе отеля бассейн, второй или третий этаж целиком занят комнатами для развлечений. Лена Елисеенко, второй номер сборной, играла во все игры, а в бильярд просто на самом высоком уровне. И, конечно, прекрасно в настольный теннис. Я тогда увлекалась нардами, и мы с Шамилем устраивали долгие сражения, а Лена рядом азартно билась в пинг-понг. Она настолько увлекалась, что, играя в паре с Уэйд, кричала: «Дура, куда бьешь!» Вирджиния ко мне: «Оля, что она сказала?» — «Перебей на ту сторону», — переводила я.

Нет теперь той прежней провинциальности, а с ней исчезла и в общем-то приятная патриархальность наших встреч. Прошло еще несколько лет, и снова первенство Австралии стало переживать невероятный бум. С него начинаются турниры Большого шле-

ма, так как открытие первенства приходится на третью неделю января. Всем теннисистам такие сроки удобны, все съезжаются после зимнего праздника и начинают летнюю жизнь. Австралийцы превзошли остальные турниры Большого шлема, построив невероятный теннисный стадион. Официально стадион стоил пятьдесят миллионов долларов, но, говорят, обошелся в полтора раза дороже. Над ним семидесяти-тонная крыша, которая легко раздвигается, когда нет дождя, и закрывает стадион от непогоды. Я сидела на трибуне и не слышала никаких звуков, когда она двигалась. Причем перекрытое двумя гигантскими скорлупами пространство так огромно, что самой крыши даже не замечаешь. Когда женская сборная СССР в конце 1988 года играла финал Кубка Федерации, организаторы спросили, не будем ли мы против, если во время дождя, не останавливая матч, они закроют стадион. И я и капитан чехословацкой команды, с которой мы играли финал, не возражали. Как потом сказали игроки, они даже не почувствовали, что корт стал закрытым. Лишь заметили, что над ними начала двигаться тень. Весь комплекс с отличными раздевалками и тренировочными кортами, с прекрасным пресс-центром — огромный шаг вперед, в двадцать первый теннисный век.

Как только выстроили новый стадион, первенство Австралии начали проводить не на траве, а на синтетике. В мире остался только Уимблдон, большой турнир на травяных площадках. За последние десятилетия построили стадионы для открытого первенства США, реконструировали Ролан Гаррос и теперь воздвигли стадион в Австралии — вот цена популярности Большого шлема. Что же касается призов, то они обычно всегда на одном уровне. Уимблдон в 1989 году «стоил» пять миллионов долларов, приблизительно столько же было объявлено и на остальных трех турнирах.

IV. ИЗ ИГРОКА СБОРНОЙ — В ТРЕНЕРЫ СБОРНОЙ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НА КОРТЕ

1976 год стал лучшим годом для нашего женского тенниса. Две советские спортсменки играли на центральном корте Уимблдона за выход в восьмерку сильнейших! С этого года начались «выяснения отношений» между мной и Натальей Чмыревой. Никто не сомневался, что Чмырева надолго станет теннисисткой высокого международного уровня. Когда я играла сама, то недооценивала ее. Но позже, пригласив Наташу на тренировки сборной команды, когда я смотрела на нее уже глазами тренера, я понимала, какой талант не смог раскрыться. Но Наташу, к сожалению, уже надолго не хватило. Я дала ей ракетки, современных она не имела. Стыдно, что наши выдающиеся теннисисты были лишены возможности купить ракетки высокого класса. В первую очередь, пусть не экипировочной формой сборной, но отличным теннисным инвентарем мы должны были бы обеспечить Чмыреву, Метревели, Какулию, Лихачева и других — их не так уж и много, составивших славу советского тенниса.

Во второй половине семидесятых я уже привыкла играть в финалах, не без оснований причисляла себя к мировой элите. Одним из признаков, по которому тогда определялось,ходишь ли ты в элиту: шьет для тебя теннисные платья Тинлинг? А Тэд предлагал мне новые модели регулярно. Тэд Тинлинг сам играл в теннис, во времена легендарной Сюзан Ленглен, то есть тогда, когда теннис считался королевским видом спорта, им увлекались и монархи, и вся придворная знать. У Тэда была невероятная память, любое событие, случившееся при нем, он мог пересказать со всеми подробностями: как на корт выходил шведский король или какие цветы дарили Ленглен в дни ее триум-

фа на первенстве Франции. Тэд, став дизайнером женского теннисного костюма, пытался вложить в него очарование игры слабого пола. Он считал: каждая женщина индивидуальна, следовательно, каждая теннисистка должна иметь собственную модель. Ах, как мы облизывались, глядя на платья красавицы австралийки Шахт, которая приезжала играть в СССР! Долгие годы, пока теннис носил любительский статус и вокруг него еще не организовалась суперпромышленность, самым престижным для теннисистки костюмом было платье от Тэда Тинлинга, его продукция продавалась в очень дорогих магазинах. Играть в новых платьях от Тэда могли либо очень богатые дилетанты, либо те, кто входил в число лучших, кто служил Тэду рекламой и кем он восхищался как спортсменкой.

Консервативная Англия, как он говорил, перегораживала ему путь к дальнейшему совершенству, и в середине семидесятых Тэд не вынес запрета Уимблдона на цветные платья и с помощью Кинг перебрался в Филадельфию.

Я помню, как все посмеивались над его страстью украшать платья Навратиловой яркими цветами, позже, однако, поняла, что в юности Мартина была довольно полновата, и этими цветами он каким-то образом разбивал ее пухлую фигурку. У Маргарет Корт платье украшали большие воротники, они отвлекали внимание от ее широких плеч. Мои юбки были всегда пышными. Раз Россия, значит, балет. Тинлинг признал меня в 1974 году, после того как я обыграла Кинг. Он подошел ко мне в Исборне: «Я бы хотел сшить вам платье. Вы будете играть в моих платьях?» Он нервничал, потому что впервые вступал в сделку с представительницей коммунистической страны. «Какой любимый ваш цветок?» — спросил он. У меня, может, и был любимый цветок, но по-английски из цветов я знала только «гвоздика».

И эмблемой моей теннисной формы на несколько

лет стала гвоздика, которая вышивалась на всех блузках. Цвет гвоздики зависел от фона нижней юбки. На Уимблдоне 1974 года он каждый день выдавал мне новое платье, практически одного фасона, но разных цветов. Белое, розовое, голубое, желтое. Модель так и осталась моей любимой и долгие годы принадлежала только мне одной. Но турнир, из суеверия, я играла только в платье с розовой подкладкой, несмотря на возмущение Тинлинга.

Первым сообщением для меня, как только я переступила порог вашингтонского отеля в 1977 году, был звонок от Тинлинга, который сказал, что два платья готовы, а три надо померить. Кто, кроме женщины, способен услышать музыку в этих словах — «а три надо померить». Ах, в какие красивые коробки, перевязанные роскошной ленточкой, Тэд укладывал и присылал мои теннисные обновки...

В Штатах Тэдом овладела новая идея, что каждое платье должно шиться, как вечернее, с блестками или другими украшениями, ведь матч — то же театральное представление! И я получила черное бархатное платье с золотом на малиновой подкладке! Сейчас подобные наряды на корте казались бы полной жутью, впрочем, как и любая ушедшая мода, но тогда они смотрелись прекрасно. Невероятно, но в платьях Тэда было очень удобно играть.

Тинлинг великолепно знал историю тенниса, был замечательный рассказчик и шутник. Каждая его примерка превращалась в небольшое шоу, на котором он, пародируя, пересказывал беседы с примерок других теннисисток. Наверно, со следующей «клиенткой» он обсуждал меня, скорее всего играя на моем русском акценте. От Тэда я узнавала не только светские теннисные новости. Появлялась новая теннисистка, и Тинлинг давал характеристику ее игры, профессионально совершенно точную.

Фигура Тэда даже в его восемьдесят с лишним лет сохранила импозантность: с бриллиантовой серьгой в

ухе, в невероятных по яркости костюмах. Тинлинг рассчитывал, что в Штатах его будет ждать невероятный успех... но вокруг тенниса началась большая коммерция, и такие гиганты, как Адидас, Найк, Элэсс, раздавили бедного Тэда.

1976 год закончился прекрасным соревнованием — «Уорлд тим-теннис» приехал в Москву. Тинлинг сшил нам красные платья-косоворотки. Пусть на синтетическом ковре-корте, который положили на лед Дворца спорта в Лужниках, образовались выемки, пусть мне зажали очко в матче с Кинг, пусть судьи мерзли из-за льда, пусть Витю как офицера Советской Армии не пустили на прекрасный прием в резиденцию американского посла, пусть... Зато в Москве был настоящий теннисный праздник. Сборная США против сборной СССР — переполненный зал! Билли-Джин с мужем Ларри мотались по советской столице, скупая какие-то немыслимые зимние шапки.

В 1977 году «Уорлд тим-теннис» отправился в Ленинград и Тбилиси. В Тбилиси Кинг повезли на коньячный завод, где она выпила хорошую порцию коньяка. Джин не знала, что такое кавказское хлебосольство. Под конец экскурсии Билли-Джин готова была танцевать лезгинку, а когда перед ней плясали маленькие джигиты из детского ансамбля, она кричала: «Их надо показать Америке!»

В Ленинграде я почувствовала, что не могу играть, просила Шамиля Тарпищева: «Отпусти меня!» Шамиль ни в какую: «Я тебя прошу, ну просто стой на корте». Я вышла постоять... и обыграла Кинг. А через пару недель выяснилось, что сделала это уже... вместе с Катей. Кинг потом смеялась: «Я знаю, что Катя у меня выиграла, но нечестно; когда двое против одного».

1978 год я пропустила, ушла в декретный отпуск, а уже в начале следующего, 1979-го, сыграла в Австралии на Кубке Федерации. В мае 1980 года мы поехали в Испанию, вновь на Кубок. Кроме меня, в команду

входили Наташа Чмырева и молодые — Ира Шевченко и Ольга Зайцева. В полуфинале мы проиграли американкам: Наташа — Трейси Остин, я — Крис Эверт. А в паре с Олей Зайцевой мы уступили Кинг — Казалс.

Брать с собой ребенка не то что на турнир, даже на сбор запрещалось. Я считаю этот запрет одним из самых идиотских. Как может мать спокойно тренироваться, если ее ребенка нет рядом? Почему наши правила подозревают всюду жуликов? Если Катя со мной на сборе и нам не хватает еды по моим талонам (хотя это невозможно), неужели кто-то всерьез думает, что я начну объедать Наташу Звереву?

Я уже говорила, что дети, если они не капризны и не дурно воспитаны, психологически разряжают команду, снимают стрессовое напряжение. Для Кати мои девчонки развешивали на деревьях конфеты, убеждая ее, что они там растут. Катя ползала за сладостями по-пластунски к столику Лены Елисеенко, которая ее «тайно» приманивала. У Кати всегда было огромное количество альбомов для раскрашивания картинок. Почти все мои спортсменки, а у каждой уже был жених, выстраивались в очередь, чтобы раскрасить картинки. Они могли забыть взять на сбор форму, но никогда не забывали прихватить фломастеры для раскрашивания Катиных картинок.

Раз речь зашла о Кате, а ребенок, играющий в теннис, присутствовал не только в моей семье, я отвлекусь от собственной биографии и расскажу о том, как дети вообще должны входить в теннис. Тем более что это сейчас сверхмодное явление.

ТЕННИС НА ПРИМЕРЕ КАТИ

Я начала заниматься теннисом в десять с половиной лет. И сейчас, при абсолютном омоложении спорта, считаю, что срок этот не поздний, даже если

ставится цель подняться на спортивные вершины. Только в десять лет человек начинает осознавать, что он делает. Возможно, нынешние дети развиваются быстрее, чем мы, их родители. Они крупнее, более сообразительные и координированные, но все равно осмысление собственных движений раньше, чем в восемь-девять лет, не приходит.

В шестнадцать я выиграла детский Уимблдон. Мне хватило до этого подъема пяти с половиной лет. Дмитриева и Метревели начали заниматься теннисом в двенадцать, чемпион Уимблдона 1987 года австралиец Кэш тоже в двенадцать, а входившая тогда в первую десятку Мандликова в десять. Конечно, начинать восхождение в двенадцать-четырнадцать слишком поздно. Уже не успеешь овладеть необходимым числом технических навыков. Говорят, кто рожден побеждать, приходит сам. А как можно в пять лет самому прийти? Ребенка приводят, не редко еще и заставляют заниматься, несмотря на его протест. Бывает, что со временем у малыша пробуждается страсть к теннису, тогда, можно сказать, всем повезло — и ребенку и родителям.

Я пришла сама, Метревели пришел сам, а Дмитриеву привели, Зверева вообще выросла на корте, потому что и папа и мама тренеры. Но что скрывать, у нас нет условий для того, чтобы прийти в теннис в десять и стать чемпионом. Чтобы девочка заиграла на уровне, на каком играла моя десятилетняя Катя (в этом возрасте она была чемпионкой Москвы), ей нужно дать корт. Но откуда его взять? И девочка, в лучшем случае, будет долбить мячом стенку. В мое время вся группа по году, по два тренировалась у стенки, прежде чем те, кто выдержат это испытание и останутся в секции, выйдут на корт. Оттого, что мы столько времени простояли у стенки, я считаю, большинство советских теннисистов опаздывали к удару справа. Стена отдает мяч очень быстро, и чаще всего ребенок успевает сыграть мяч за собой, а не перед собой. Тренер

же на корте бросает мяч перед учеником, и у ребенка вырабатываются нужные рефлексy, главное, правильный подход к мячу. Упражнения у стенки необходимы для работы над стабильностью, быстротой реакции, укрепления кисти, закрепления правильного движения. Но новичкам лучше начинать на корте с тренером, а не у стенки.

Я ежедневно, идя на тренировку и обратно, прыгала через забор, вроде бы с этого «упражнения» начали укрепляться мышцы ног, появилась прыгучесть. Конечно, я не призываю, чтобы детей таким образом учили прыгучести, но у меня есть опасения, что наши дети не так активны, как были мы, и физически развиваются плохо. Домашний образ жизни в большинстве семей лежачий или полулежачий у телевизора. Разница в том, что интеллигентная семья еще читает, неинтеллигентная спит. Выезд за город, как правило, на машине.

Пусть каждый из нас, родителей, вспомнит: сколько раз он со своим ребенком катался на лыжах или ходил на прогулку в лес? Играл летом с ним в волейбол? Родители тех пухлых детей, кого в большинстве приводят сейчас в теннисные секции, делают это из-за престижа.

Отношение к спорту за рубежом совершенно иное. Так, урок физкультуры у американских детей ежедневный. Каждый ребенок в школе занимается каким-либо видом спорта, и занимается серьезно. Например, как проходят уроки тенниса у тех ребят, которые записались в теннисную секцию в колледже. Утром, до занятий в школе, полуторачасовая тренировка. После занятий два, два с половиной часа играют в теннис те, которые выбрали его как факультатив. То же самое, если ты решил заниматься футболом или легкой атлетикой. Массаж всего лишь два раза в неделю, он считается дорогим удовольствием.

Да и обычная школа работает по-другому, чем у нас. Пара уроков пройдет, час беготни. У нас бегать

невозможно — не потому, что запрещают, даже разреши, так ребенок придет в класс вспотевшим и в мокрой майке и форме сядет за парту. Ведь в школах нет нормальных душевых. Разве можно сейчас представить человека, который после утренней пробежки надел на тренировочные трусы и майку костюм и отправился на работу.

Прежде необходимое ему количество движений ребенок получал на улице. А теперь нет ни тихих улиц, ни дворов, где лазили по деревьям. Плюс ко всему довольно странная школьная программа. Почему, когда Кате было десять-одиннадцать лет, одноклассники, почти не имея физической нагрузки, должны были выйти и пробежать километр? Почему зимой они должны пройти на лыжах дистанцию в три километра?

Дети приходят в Лужники записаться в секцию, их не берут: им уже двенадцать, а то и четырнадцать. Это же самый сложный возраст. И если дети хотят заниматься теннисом, они должны попасть на корт. Та улица, что помогала моему поколению, стала играть обратную роль. Ничего не хочу сказать плохого о ребятах-рокерах, но я не желала увидеть свою дочь с ними. Я их опасалась. Возможно, и там есть отличные ребята, с хорошими мозгами, но чтобы в их кругу оказалась моя дочь, не хочу. Мне больше нравится, когда она играет в теннис.

Итак, вашему ребенку повезло — он в теннисной секции. Первые год или два должны быть отданы самому элементарному. Правильно двигаться, правильно кидать мячи, получать удовольствие от движения. Ребенок не возмущается, что у него нет в руках ракетки, наоборот, все дети любят соревнования, эстафеты, игры. Ребенок должен развиваться гармонично, чтобы у него были хорошие плечи, сильные руки. Не надо два года только и делать, что бегать и прыгать, но в каждой тренировке эти элементы должны присутствовать. Впрочем, другого выхода и нет. Если девоч-

ку или мальчика не научить далеко бросать мяч, они никогда не будут иметь мощной подачи. Мальчишки же сейчас не умеют бросать камни.

Самое важное, чему надо научиться в детском теннисе — точному контакту мяча со струнами ракетки. Другими словами, найти правильную точку удара. В качестве образца я могу привести Наташу Звереву, которая творила чудеса на корте, физически уступая многим своим конкуренткам. Она чувствовала себя в игре легко и свободно. Она правильно делала замах, посылая мяч в любую точку корта. Каждый тренер должен уметь набросить ребенку мяч так, чтобы ребенок эту точку прочувствовал. Если ребенок с самого начал бьет мяч перед собой, этот рефлекс остается у него навсегда.

Все моменты становления должны проходить на корте. Нет ничего лучше, чем корзины с двумя сотнями мячей и столько же ударов подряд. В группе у каждого тренера обычно четырнадцать—восемнадцать ребят. Легко посчитать, сколько за час времени, который уходит на тренировку, он может отдать каждому. Техника в теннисе сложная, желательно, чтобы тренер работал с ребенком индивидуально. Единственное наше преимущество — индивидуальные уроки даются бесплатно. На Западе индивидуальный урок ребенок получает один раз в неделю, потому что редкий папа способен чаще платить. У нас хоть каждый день бери урок, но большая группа не позволяет. Я считаю, группа должна состоять из пяти-шести ребят, а в идеале из трех. Почему? Двое друг с другом играют, а тренер рядом с третьим. Шесть позволительно, когда много мячей. Можно составлять любые комбинации.

Учение обязательно должно проходить в игре. Как только у маленького человека появились первые навыки в технике, потихоньку начинает расширяться и кругозор игры. У каждого он индивидуален, один все знает от таланта, от рождения, другому надо объяснять. Например, если ты бьешь справа из центра кор-

та в правый от себя угол и выходишь к сетке, то ты перекрываешь весь корт. Если моя Катя бежала и била влево, я ей говорила: «Куда же ты бьешь, ты же линию открываешь, еще хорошо, когда у тебя соперник в центре, а если он в правом углу? Как же ты добежишь, чтобы защитить линию?» Подобных вариаций миллион, и изучение их проходит только в игре.

Движения прежде всего должны быть естественными. У каждого человека различные размеры рук, ног, разные физические возможности, но главное, у каждого свой характер, и он оказывает большое влияние на стиль игры. Тренер должен определить сильнейшие стороны своего ученика и на их основе развивать теннисную технику. Я всегда после подачи выходила к сетке. Таким же стилем обладала и Лариса Савченко, но как можно было заставлять так действовать Наташу Звереву? Она рождена другим игроком. Мне многие твердили, что Наташа пассивна, но разве можно с пассивной игрой входить в мировую десятку? Она распасовывает мячи сзади так незаметно, что даже специалисты не видят комбинации, а только отбой. Наташа долго выбирает точку для решающего, атакующего мяча. Постепенно плетет комбинацию, как сплетают сеть. Может ошибиться соперница, но стиль игры Наташи рассчитан не на ошибку противника, а на свой победный удар.

Все игры у ребенка, если он начал учиться теннису, должны проходить с теннисным мячом. Обращаться с ним ребенку полагается очень уверенно. Вот замечательная игра: один в кругу, а двое его вышибают. Хорошее упражнение для подачи выполняют те, которые вышибают, а тот, кто в кругу, развивает реакцию. Семилетнему ребенку занятия без игры быстро наскучат. Дети с каждым годом обязаны получать все больше удовольствия от тренировок, чтобы в двенадцать, когда тренировки уже труд, получать радость уже от самой игры.

Маленькому теннисисту нужно уметь плавать —

это упражнение хорошо для дыхания и очень полезно для позвоночника. У теннисиста, если он правша, больше развивается правая сторона туловища, а плавание помогает компенсировать односторонность. Особенно быстро искривление позвоночника происходит у маленьких детей.

Детям обязательно нужна облегченная ракетка. Ни в коем случае нельзя, чтобы ракетка была тяжелой. Кисть будет все время опускаться вниз, в дальнейшем это превратится в трудноразрешимую проблему. Ракетка — продолжение собственной руки, поэтому у малыша она должна быть легкой, как и мяч. Облегченные мячи бывают двух видов: мягкие губчатые и мячи для мини-тенниса.

Мини-теннис играется на половине настоящего корта, а сетка опускается ниже. Задняя линия тоже смещена вперед. Маленькому теннисисту тяжело владеть всей площадкой, а здесь и ракетки поменьше, и мячи слегка сдуты, они буквально прилипают к струнам, есть четкое ощущение проводки и контакта. Отправляя мяч на противоположную сторону площадки, малыш успевает еще и размыслить, повести ли ракетку в правый угол или в левый.

Если у малыша ракетка детская, то на пути к взрослой хорошо бы, чтобы у него оказалась в руках, как промежуточный вариант, юниорская. Не могу сказать с полной уверенностью, что с первых шагов лучше иметь ракетку с большой головкой. Есть и те, кто считает, что вначале надо, чтобы головка ракетки была маленькая, ребенку проще понять контакт мяча со струнами. «Пятно» удара меньше, и малыш приучается бить по мячу только центром ударной плоскости. Потом уже можно переходить на ракетку с большой головкой, но обязательно облегченную, с короткой ручкой. Ею ребенку будет легче посылать мяч на другую сторону, а рефлекс «центра» останется. И лишь затем поменять ракетку на стандартную, но самого легкого веса — речь идет уже о десятилетних. Боль-

шая головка нужна для того, чтобы маленький теннисист научился вращению мяча. Но еще большее значение для вращения имеет хват, то есть способы держания ракетки. Я никогда не умела играть кручеными мячами. У меня была континентальная хватка справа, вот почему для меня существовала проблема крученого удара справа с нужным направлением мяча. Хватка — самое главное для освоения разнообразных крученых ударов.

Ракетки рекламируются по своей ударной плоскости. Они бывают эллипсовидные, грушевидные, но не это имеет значение, ракетка — инструмент исключительно индивидуальный. Наташе Зверевой не подходил ни один вариант «Шлезингера», а Лариса Савченко долгое время не могла играть никакими другими ракетками, кроме как этой фирмы. И подбирается ракетка по ощущениям. Но это уже проблема классных игроков. Их отношение к ракетке, как у скрипача к своему инструменту.

Важно выбрать ребенку и обувь для тенниса. В неподходящей обуви быстро развивается плоскостопие. Наверно, мои китайские синенькие полукеды с белыми шнурочками оказались удачными, я избежала обычных для теннисистов неприятностей со стопой. Как только дети начинают бегать и прыгать, они должны быть обуты в удобные кроссовки с супинаторами.

Детям нельзя давать задания типа: «Сегодня всю тренировку отрабатываем удар слева». Они утомляются моментально. Слева сделали пару ударов — начали бить справа. Ни один, даже самый преданный теннису родитель не должен мучить своего ребенка: «Пойдем сейчас к стенке, будем работать!» При быстром утомлении и отсутствии концентрации у малыша сперва поднимается раздражение, затем пропадает интерес и, наконец, вырабатывается устойчивое отвращение к спорту. Одной тренировкой можно отбить желание у ребенка заниматься теннисом.

Самая деликатная тема — отношения между родителями и тренером. Очень важно, чтобы родители помогали тренеру, а не заменяли его. Большая заслуга моей мамы в моем становлении как игрока заключалась в том, что она совершенно не вмешивалась в тренировочный процесс. При любых знаниях родителями тенниса непозволительно вносить что-то свое в урок. Любой профессиональный тренер знает в теннисе больше, чем родители. Мои папа и мама, как выяснилось, оказались правильными родителями маленького спортсмена. Мама делала все возможное, чтобы дома меня не тревожили, не спрашивали о тренировках. Папа изначально хотел присутствовать на всех тренировках, но, к счастью, быстро устал не столько от хождений со мной, сколько от самой этой мысли. Я заслуженный мастер спорта СССР по теннису, но у моей дочери Кати был свой тренер, Валентина Михайловна Сазонова. Моя задача заключалась в том, чтобы помочь Валентине Михайловне. У нас могли быть разные мнения, но свою точку зрения объяснить и доказать ей надо без присутствия рядом ребенка. Если я права, то лучше будет не только моей Кате, но и всем остальным ученикам Вали. Если же я не права, то мне будет полезно узнать о своем заблуждении. Разница во мнениях может быть, но среди специалистов, а не дома. Потому что, если я начинала бы за завтраком рассуждать: «Валентина Михайловна делает все не так, делай, как я говорю...» — толку от этого ноль, даже хуже. Ребенок начнет искать лазейку между нами, рано или поздно ее найдет, а потом перенесет приобретенный опыт и в жизнь не только спортивную.

Ребенок до двенадцати лет должен дома отдыхать, а на тренировки ходить, как поиграть во дворе. Я не пропускала тренировок потому, что мне нравилось перебивать мяч на другую сторону и делать это лучше других. Чемпионами все быть не могут, это удел еди-

ниц, а охоту играть у детей можно отбить очень быстро.

В английском журнале я прочла слова, с которыми трудно не согласиться. Для будущего чемпиона страна должна создать такие условия, чтобы он обязательно появился, не потерялся. Чтобы тому, кому суждено стать победителем Уимблдона, невозможно было бы пройти мимо тенниса. В Америке 35 миллионов играют в теннис. И с кортами и с мячами там все в порядке. А вторую Крис Эверт найти не могут, да и Маккинроя второго нет. В Чехословакии население меньше, чем играющих в теннис в США, однако за Навратиловой подросли Мандликова, затем Сукова, теперь Навотна. За Лендлом — Мечирж. Массовость нужна большому спорту только для того, чтобы не потерять будущих звезд, сама по себе чемпионов она не рождает. Тут законов никаких нет, все от Бога.

Моя мама стала заниматься моим спортивным воспитанием, но выражалось оно в правильном отношении к моему режиму и прежде всего требованием, чтобы строжайше к нему относилась я сама. Папа своеобразно подошел к моим занятиям. В прессе тогда писали, что у меня плохая подача. «Что ж ты, — возмущался он, — не можешь подать посильнее?» Мне тогда шел шестнадцатый год. «Папа, пойдем!» — позвала я его. «Куда?» — заинтересовался папа. «Пойдем на корты, ты покажешь мне, как надо подавать». Мой поступок вряд ли можно назвать приличным, но надо было как-то оправдаться. Я протягиваю ему мяч и говорю: «Покажи, как надо». Он первый — мимо, второй — мимо, а также третий и четвертый. «Теперь ты понимаешь, как это нелегко?» Папа больше не делал мне замечаний. Мама же сняла с меня всю домашнюю нагрузку: обед приготовить или убрать — она все брала на себя. Мне говорила: «Успеешь. И щи научишься варить, и салат делать, все впереди». Мама очень верила Нине Сергеевне, и каждое слово тренера для мамы, как закон. Моменты моих сомнений от-

носительно Нины Сергеевны она умела снимать или помогала их преодолевать, понимая лучше меня, что нельзя предавать своего тренера. За двадцать лет я всего лишь два раза повздорила с Ниной Сергеевной на тренировке. Однажды я пришла домой хмурая и гордая. Мама: «Что произошло?» Я стала жаловаться на Нину Сергеевну. Мама слушала меня внимательно, не сказав ничего, кроме «конечно, конечно». Выслушав до конца мои обиды, она накормила меня. Я успокоилась: меня слушали, не ругали, вроде оправдали мои действия, и я спокойно легла спать. Утром мне мама говорит: «А теперь звони Нине Сергеевне, проси прощения». К тому времени и у меня голова остыла. Возможно, подобных воспитательных моментов было и много, я запомнила этот. Он для меня образцовый по простоте и правильности действий.

Если папа и мама хотят, чтобы у ребенка наладился хороший контакт с тренером — а это очень важно, — нужно полностью доверять педагогу. Самая большая помощь от бабушек и родителей — нормальная здоровая пища для маленьких спортсменов. Икра — это замечательно, но лучше каша, молодая картошка, овощи, кусок мяса. Как можно меньше фанты и пепси-колы. Ребенок должен получать не мороженое за хорошую тренировку, а красивый помидор, не фанту, а напиток шиповника. Вместо сахара утром лучше давать творог с медом, бутерброд должен быть с ограниченным количеством масла. Бутерброды с колбасой — ужасно. Если бутерброд, то с вареным мясом. Надо знать, что ребенок не только устает от затрат мышечной энергии, но и весь его организм действует с дополнительной нагрузкой, и нужно ему помогать правильно работать. Безобразие — обед из трех блюд сразу после тренировки. Разбивается у корта чуть ли не бивуак, и начинается кормление. После тренировки полагается всего одно яблоко, а кормить обедом надо уже дома.

Правильное теннисное воспитание не только помогает ребенку расти здоровым, но и переходит в дальнейшем вообще на правильное воспитание.

ПЕРЕХОД

В 1980 году мы с Метревели в последний раз сыграли на чемпионате СССР. Правда, я еще не знала, что это первенство для меня — прощание со спортом. Я готовилась к тому, что из сборной пора уходить, пора расставаться со спортом, но никаких сроков себе не назначала. Тем более что матчи на внутренних соревнованиях складывались для меня обычно легко, соперниц не было.

Чемпионат проходил в Ташкенте, жили мы там с Еленой Гранатуровой на военной даче, в довольно тихой обстановке. Эта дача считалась профилакторием для летчиков. Условия ужасные. Бедные наши авиаторы, которые отдыхали в этом профилактории между полетами. Что действительно там было хорошо, так это баня и совершенно потрясающий сад. Мы с Леной все удивлялись, вроде играем много, а поправляемся. Но когда ты в Ташкенте и когда там осень, — мед, виноград, дыни и арбузы и прочие красоты Алайского базара, то удивляться нечему.

На даче мы получили в свое полное распоряжение теннисный корт и площадку с различными самодельными тренажерами, дававшие возможность хорошо с утра размяться. Я люблю, когда все идет спокойно. Мы сыграли в теннис с командующим, он выделил нам автобус для поездок на стадион, где я старалась долго не задерживаться. Размеренная жизнь всегда приводила меня в хорошее соревновательное настроение. Вместе с Олей Зайцевой я выиграла в Ташкенте финал пар, сделав приятное Нине Сергеевне: еще одна ее ученица стала чемпионкой СССР.

В полуфинале одиночного разряда меня ожидал

матч с Галиной Бакшеевой. Когда-то Галя была моим главным соперником, но в восьмидесятые я уже не могла серьезно настроиться на встречу, так как забыла, когда ей проигрывала. Но матч для меня оказался трудным. Я даже проиграла сет. Я и сейчас представить себе не могу, как это случилось. Другой полуфинал выиграла Людмила Макарова — обычно я обыгрывала ее в двух сетах. Наступил день финала. И тут произошли два события, которые чуть не испортили благополучный конец моей спортивной карьеры. Я всегда внимательно следила за расписанием соревнований. После матча с Галей я подошла посмотреть расписание финалов и с удивлением отметила, что вопреки традициям начинать будут мужчины.

На матч я всегда приезжала заранее. Например, если он назначен в одиннадцать, я на стадионе уже в половине десятого. Минут сорок я разминаюсь, потом мне надо спокойно переодеться, принять душ. Я выехала с нашей военной дачи так, чтобы попасть на стадион к мужскому финалу. Красиво выехала, с командующим, на «Волге». До финального матча Метревели — Пугаев остается, по моим расчетам, пятнадцать минут, как вдруг ко мне подходит судья: «Оля, ты что, играть не будешь?» — «А в чем дело?» — «Ваш же матч первый!» Я в шоке. Но сразу себе говорю: «Спокойно, Оля, без паники... Что ты можешь сделать? Разминку? Нет, не успеешь. А что успеешь? Настроиться». Я прихожу в раздевалку, все во мне клочечет. Люда Макарова относится к тем людям, кто постоянно создает вокруг себя сумбур и дополнительную нервозность. Я пыталась сосредоточиться, сделала несколько упражнений, которые помогли мне не порвать в первых же геймах связки на руках и ногах.

Мы вышли на корт, и тут главный судья, изменивший расписание, не предупредив участников, уводит Макарову обратно в раздевалку: она надела не ту форму. «Господи, ведь успела бы размяться», — думаю я.

Начали играть. Я делаю разминку прямо в матче. Игра не ладится, никак решающее очко не выиграю, все время попадаю в аут. Макарова же играет, как никогда: обводит меня слева. С невероятными усилиями я выиграла второй сет. До этого дня я не знала, что означает, когда говорят «поплыл». Где только я не выступала, но ни разу не испытала этого ощущения. И вот в последнем своем матче на первенстве СССР я впервые «поплыла». Жара 27 градусов, мы играем часа два с половиной, я все время бегая к сетке — Макаровой удаются и свечи, и обводки, — а я все продолжаю идти вперед. Алик меня «за забором» подбадривает. Алик очень хотел, чтобы я выиграла. В конце концов, мы уходим из спорта вместе. И этот последний турнир еще раз доказал, что мы нуждаемся в поддержке друг друга.

На одном из переходов я села отдохнуть и вдруг внезапно почувствовала, как земля уходит из-под ног и вообще все куда-то уплывает, ноги и руки меня не слушаются. «Боже мой, — думаю я, — вот и все...» В этот момент я поворачиваюсь и вижу: Люда находится точно в таком же состоянии, это наблюдение дает мне сразу дополнительную энергию. Выливаю полграфина холодной воды себе на шею, остальное на колени — любимая процедура, она меня всегда бодрит. Я выигрываю сет со счетом то ли 7:5, то ли 9:7, а с ним и матч.

В Сопоте, на первенстве Европы, еще за год до Ташкента, Владимир Голенко, в то время теннисный начальник, несколько раз намекал мне, что пора переходить на тренерскую работу в сборную. Фыркала я или не фыркала в тот момент, не помню, но то, что мне предлагал гостренер, в голове задержалось. На первенстве Москвы я сыграла большой и интересный матч с Олей Зайцевой, а затем проиграла в финале Лене Елисеенко. Девчонки против меня сражались отчаянно, дерзко.

После матча с Олей Зайцевой Витя мне сказал:

«Ты выглядела странно, будто номер отбиваешь, бьешь, бегаешь, а выигрывать не хочешь...» Я сама чувствовала, что борюсь, потому что привыкла бороться, но интереса нет, он уходит. Раньше во мне все бурлило, а теперь внутри не то что спокойствие, скорее удовлетворенность. Бегаю хорошо, прыгаю хорошо, техника красивая, а вот огня и азарта, то, что самое главное в спорте, — нет. Исчез кураж. «Или ты играешь, — сказал Витя, — или заканчиваешь, дальше мучиться не стоит». Он оказался прав.

В Белграде я плакала, мне было стыдно, что я, взрослая, 30-летняя тетка, играю с девчонками, Олей Зайцевой, Юлией Сальниковой. Мне казалось уже позором играть в тысячный раз на первенстве Европы. Стыдно и горько, я вроде бы заслуживала другого, а не этого единственного выезда в Югославию за год. Почему один только выезд, я скажу чуть позже.

Вся наша пресса тех лет (меняться она стала позже) не уставала напоминать, что пора уходить, освобождать место молодым. Писали, что мы с Аликом сдерживаем рост юных талантов. Впрочем, то же самое говорили и про Родину, и про Борзова. Я понимала, что это чушь, но, честно говоря, читать намеки, что мы тормоз в развитии отечественного тенниса, было обидно.

Мысль о том, что пора уходить, во мне зародилась. После первенства Москвы я решила сыграть последний раз в Таллиннском турнире, где всегда выступала успешно. Я любила этот турнир, жили мы в Таллинне всегда в отличной гостинице «Виру». Любила кофе, который варят в «Виру», датские бутерброды и булочки... Эвальд Янович Крее, человек, стоявший у истоков Таллиннского турнира, придумывал замечательные вечера, банкеты, и все это не для «галочки»... Накануне отъезда в Таллинн у меня случился такой приступ радикулита, что я не могла поднять спортивную сумку. Вместо Таллинна я попала на два месяца в больницу. За эти два месяца я поняла, что не в силах,

да и не хочу восстанавливаться. И я позвонила в Спорткомитет в отдел тенниса: «Владимир Алексеевич, я готова взять женскую сборную». — «Ну, прекрасно, — ответил Голенко, — мы тебя ждем».

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС НАД КОРТОМ

Приглашение Голенко прозвучало в середине самого печального периода для отечественного тенниса.

В начале 1977 года мы, игроки сборной, совершенно точно знали, что советский теннис выпадает из международного календаря. Никто нам официально ничего не объявил, но мы догадывались, что за нашими спинами происходит странная игра.

Долгое время в советском спорте теннис занимал место где-то с краю. Поскольку он не был олимпийским видом, то мы никогда не знали, какие международные турниры нам «подарят» в наступающем сезоне. Теннис в СССР, можно сказать, был в загоне, хотя чуть ли не половина начальников в него играла. Казалось бы, если сильные мира сего играют в теннис, они должны и все для него делать. Но они-то уже играли, зачем же думать о других? Для начальства всегда освобождался корт, им всегда хватало мячей, и они имели неплохую экипировку. И, видимо, считали, если у них все есть, то и у остальных должно быть тоже. (Когда я одному из руководителей объясняла, что каждой спортсменке сборной СССР необходимо иметь не меньше шести ракеток, он отвечал: «А как же я играю одной ракеткой двадцать лет».) Я говорила, что во время матча иногда приходится перетягивать четыре ракетки, он удивлялся: «Почему? У меня вообще на ракетке струны не лопаются». Это понятно. Первая Катина ракетка долго переходила из рук в руки, и струны на ней не лопались — все зависит, кто и как бьет ими по мячу.

Если хотелось увеличить, предположим, борцам

число выездов за рубеж, а общее их количество выездов Спорткомитету строго определяли, то первыми теряли свою квоту теннисисты. Наш международный календарь раскачивался, как безногий стул. На международные турниры больше трех человек не попадало, команда собиралась только на Уимблдон. Если в ее рядах оказывались еще и юниоры — это уже считали событием. Только спустя годы женская часть команды состояла из семи или девяти спортсменок, а тогда такое невозможно было себе представить.

...Первый тревожный звонок прозвучал, когда нам объявили, что ни в коем случае мы не должны встречаться на корте со спортсменами из ЮАР. А чуть позже нам просто запретили ездить на Запад, чтобы мы, не дай бог, не столкнулись на каком-нибудь турнире с южноафриканцами. Уж не знаю, какими правдами или неправдами, скорее, конечно, неправдами, Семен Павлович Белиц-Гейман вырвал нам в конце 1977 года поездку в США. Но перед отъездом нас строго предупредили: если выпадет по жребию играть с южноафриканскими теннисистами, делайте что хотите, объявляйтесь больными, придумывайте что-то еще, но на корт не выходите. Отправили в турне троих: Светлану Алексеевну Севостьянову, ее дочь Наташу Чмыреву и меня. Но сперва еще в Москве мы три раза всей командой «попадали» в эпидемию гриппа и трижды выздоравливали, потому что нас то снимали с заявки (не едем!), то вновь заявляли (едем!). В конце концов, когда мы прилетели в Вашингтон, выяснилось, что о нашем последнем выздоровлении организаторы еще не знали, поэтому в сетке турнира наших фамилий нет. Ну, Морозову, благодаря ее заслугам, в турнир еще могли включить, а вот Чмыреву категорически отказывались. Я ходила, просила, кланчила, нас наконец включают в соревнование пар, и мы сразу — от судьбы не уйдешь, — как «Титаник» на айсберг, налетаем в первом круге на пару из ЮАР. И это после всех моих мытарств! Играть не имеем права. Посколь-

ку я все же участвую в соревновании одиночек, весь удар приходится на Наташу. Она во время тренировок изобразила конвульсии — «колики в животе». Мы ее «укладываем» в постель. У организаторов глаза на лоб, я трое суток уговаривала их, чтобы нас включили в турнир, после выздоровления от гриппа, и вновь такое несчастье. Лично у меня было ощущение, что нас поставили против ЮАР специально.

Наташе только исполнилось восемнадцать лет, она готова играть и сильна, как вырвавшаяся на волю тигрица. Энергия из нее бьет фонтаном. Наташа хочет тренироваться, но и тренироваться тоже нельзя: Чмырева считается заболевшей, иначе почему мы не играем пару? Бедная Наташа бегала в гостиничном номере, сотрудники из посольства, которые были в курсе дела, нашли ей местечко где-то у черта на рогах, чтобы она разминалась по ночам.

Следующую сетку делали на наших глазах, прямо в самолете, во время перелета из Вашингтона на второй турнир в Хьюстон. Собрались игроки, был и турдиректор, я пошла тянуть жребий и вытащила для Наташки... соперницу из ЮАР. Одна из причин, что мы потеряли Наташу как теннисистку и ее нервные срывы — это та ситуация, которую я сейчас описываю. Я занималась в полете тем, что подсчитывала, кому должна проиграть и в каком круге, только бы не встретиться с южноафриканкой.

Когда Наташа отказывается выходить на площадку второй раз, всем уже понятны причины «болезни», — нам устраивают пресс-конференцию. Наташа — молодец, по-английски она говорила лучше, чем я, но в решающие моменты заявляет: «Я ничего по-английски не понимаю, спросите у Морозовой». Все вопросы водопадом на меня: «Вы будете играть с ЮАР?» Я отвечаю: «Мы будем играть следующий круг соревнований». — «Если завтра на вас выйдет теннисистка из ЮАР, вы будете играть?» — «Я буду участвовать в соревнованиях и буду играть второй круг». Меня

трясли, как грушу, первые седые волосы наверняка появились после той пресс-конференции. Я жила в Хьюстоне, в номере размером больше моей квартиры, с огромной ванной, бесконечным холлом и кухней. Я заходила в эти хоромы, украшенные золотом и мрамором, и начинала рыдать от бессилия. А предстояла очередная пресс-конференция... Наташа, как застоявшаяся лошадь, бегала по своему номеру кругами, не зная, что делать. Полгода назад она была близка к победе над Эверт, в ту пору безусловным лидером в женском теннисе.

В течение следующего года Спорткомитет рассылал десятки телеграмм, объясняя отсутствие своих игроков в заявленных турнирах эпидемией гриппа, поразившей всю страну. Правду никто никогда не говорил, хотя все ее прекрасно знали, знали, что все советские теннисисты в прекрасной форме.

К счастью, мы не сгнули сразу, нам разрешили принять еще участие в турнире «Уорлд тим-теннис». Кинг сумела заинтересовать своим изобретением влиятельных людей и богатые компании, которые хорошо финансировали турнир. Чуть ли не впервые в теннисе появились большие призы. Знаменитости участвовали в соревнованиях, чтобы сделать деньги, хотя кое-кому организаторы их так ничего и не выплатили. Советская сборная, я могу сказать об этом с гордостью, тоже неплохо заработала, хотя ее игроки тоже ничего не получили. Правда, тогдашний председатель Спорткомитета Сергей Павлович Павлов использовал эти деньги для развития тенниса. Те корты из шеврона, что по сей день существуют в Москве на стадионе «Чайка» и рядом с Большой спортивной ареной в Лужниках и на «Спартаке», куплены на наши денежные призы. Долгое время корты служили верой и правдой не одному поколению теннисистов, считались единственными приличными площадками в Москве. Теперь они уже постарели, но все равно еще годятся для тренировок. Если бы так делалось всегда, то

сейчас мы бы имели в стране не менее тысячи отличных кортов.

Итак, наше исчезновение с мировых турниров было замаскировано иносказаниями и недомолвками. Ни одного сообщения в прессе, сплошной туман. К следующему, 1978 году у нас остались лишь внутренние соревнования... и чемпионат Европы, куда, естественно, из Африки никто играть не приезжал. Впрочем, не приезжал никто и из элиты, так как она проживала в Америке и Австралии. На чемпионаты Европы спортивным начальством делался главный акцент в отчетах об успехах советских теннисистов. Я, завоевав в общей сложности на них двадцать две золотые медали, считалась героем. Иногда нам позволяли выступать в небольших турнирах перед континентальным первенством, чтобы мы разыгрались, но на них мы попадали лишь после того, как точно выяснилось, что никто из ЮАР не заявлен. Допустим, команда едет в Швецию, поскольку там строгое отношение к апартеиду, но все равно высылается телеграмма с просьбой сообщить заранее список участников турнира.

Беда заключалась еще и в том, что наш уход совпал с рождением в теннисе нового, мощного течения — тенниса профессионального. Профессиональный теннис приносит огромный доход игрокам и федерациям. Например, первенство Франции — пожалуй, единственный турнир, который французская федерация проводила целиком без спонсоров, — давал ей прибыль, позволявшую открывать детские теннисные школы для десятилетних, двенадцатилетних и тех, кому больше четырнадцати лет. Далеко не все родители на Западе могут платить за ежедневные уроки. Но чтобы из способного малыша вырос мастер, ребенок должен индивидуально тренироваться каждый день. И французская федерация оплачивает уроки маленького таланта. И при этом у них нет Зверевой! Вот ценность супермастера, рождение которого непредсказу-

емо. Уйдя из международного тенниса, наша федерация упустила возможность проводить крупные турниры в СССР, следовательно, потеряла финансовую свободу, которая могла помочь в воспитании молодых героев. На Западе образовывались два больших профессиональных союза: мужской — АТР, женский — WTA, — но мы в них не входили. Союзы начинали разрабатывать всевозможные правила и законы — мы в этом не участвуем. Нет права голоса. Мы потеряли все, что имели.

Самое глупое в нашей собственной дискриминации — причины, ее вызвавшие: страх, что страны Африки будут бойкотировать Московскую Олимпиаду. Но со сборной ЮАР никакая теннисная команда тогда не играла. В командных турнирах не поднимался флаг этой страны, не исполнялся ее гимн. Но как можно запретить отдельным спортсменам, родившимся в ЮАР, зарабатывать себе на жизнь, ведь теннис их профессия. Тем не менее нашлась масса бюрократов, которые раздували этот вопрос, показывая свою бдительность и чутье при полном отсутствии настоящей работы.

Сейчас можно вспоминать совершенно уникальные факты. На юношеских соревнованиях спокойно играли между собой теннисисты СССР и ЮАР, но юношеские соревнования в расчет не брались или о них просто не знали. Конкретного зачинателя всей этой свистопляски найти невозможно. В подобных делах всегда коллективная «ответственность». Я не верила, что походами в ЦК можно что-то изменить. Проблемы тогда решались сами по себе, точнее, сами по себе умирали. В те годы в теннисе была сильная федерация, состоящая из влиятельных людей, но и они ничего изменить не могли.

Что же в итоге мы потеряли? Не только теннис стал другим за эти годы, но и тренировки. Качество теннисного урока в Союзе было не хуже, порой и лучше, чем за рубежом. Но вот прошло шесть лет, мы

приезжаем на Запад, а там уже не одинокий тренер мячи подкидывает, там с сильнейшими работают бригады, организованы теннисные центры. Мы среди зарубежных теннисистов, как провинциалы, впервые попавшие в столицу. А то, чего мы сумели добиться, я говорю о возвращении наших мест среди элиты, — это героизм. Героизм прежде всего личных тренеров теннисистов.

Но, став тренером, я ни дня не сомневалась: стену, отгораживающую наш теннис от мирового, пробьем. Меня не занимали южноафриканские проблемы, мое дело было восстановить то, что разрушили в собственном доме. Первая брешь в стене — решение сделать теннис олимпийским видом спорта — позволила нам кое-что отвоевать. В начале 1983 года в Москве проходил матч на Кубок Дэвиса, где наша сборная встречалась с командой Франции. В Москву приехали знаменитые французские игроки Лаконт, Ноа. Советская теннисная публика спустя годы увидела настоящий класс игры. На этой встрече присутствовал президент Международной теннисной федерации Филипп Шатрие. Филипп любил нас с Аликом, помнил наши матчи и всегда с симпатией относился к советскому теннису. Меня послали встретить его в гостинице «Космос» и привезти на переговоры в Спорткомитет к тогдашнему заместителю председателя Ивонину. По дороге Филипп все спрашивал: «Что же происходит? Вы же потеряли все позиции, которые завоевали». Я чисто-сердечно объяснила ему ситуацию: Олимпиада, бойкот и отсутствие денег. Филипп спросил: «Что я могу сделать?» Я попросила объяснить нашему руководству, что сейчас представляет собой мировой теннис, так как мои доводы — это одно, а его слова, переданные через переводчика, — другое. В своем отечестве, как известно, пророков нет. Потом нам как-то надо попасть на крупный турнир. А как? Теперь правила новые, нас нет в компьютере. «Я дам тебе две уайлд-карт, но не в основную, а в отборочную сетку первен-

ства Франции», — пообещал Филипп. У меня заколотилось сердце, я понимала, что получила первую зацепку. К тому же Филипп пообещал мне свою помощь, если я поеду в Нью-Йорк договариваться с WTA насчет уайлд-карт на открытое первенство США.

Я сказала, что, если он об этой трехдневной поездке поговорит с моим руководством, я буду ему благодарна. Все получилось очень хорошо, в Управлении спортивных игр нашлись деньги, чтобы послать меня на трое суток в Америку, а Филипп в несколько дней помог получить мне визу. Я отправилась в Нью-Йорк с трепетом, своих бывших соперниц и настоящий теннис я не видела уже несколько лет, я даже не знала, кто чем занимается в WTA. Но мне повезло, исполнительным директором WTA оказался Джерри Даймонд, который хорошо меня помнил, я в свое время даже останавливалась в его доме в Сан-Франциско. От решения WTA зависело, будем ли мы играть уже в том же году Уимблдон, в противном случае неизвестно, когда мы на него вообще попадем. К моему приезду Филипп всех уже подготовил. Энн Джонс, Бетти Стове были настроены меня поддержать как тренера, поскольку и они все уже были тренерами, и как старого боевого товарища. Теннисная семья — это теннисная семья.

Перед собранием зашла к Даймонду объяснить ситуацию и увидела, что он тоже взволнован: «Русские возвращаются в теннис». На собрании не было и половины тех, кого я знала, но меня еще помнили. Я высказала нашу просьбу, и когда замолчала, то увидела: наш вопрос пока в подвешенном состоянии. И тут Джерри Даймонд взял слово и сказал приблизительно следующее: «За все то, что сделали советские теннисистки Морозова, Крошина и Чмырева для развития женского тенниса в мире, можно вне правил, при отсутствии компьютера, дать две свободные карты сборной СССР на Уимблдонский турнир, первенство Франции и США».

Наши мужчины, идя другим путем, свои проблемы по возвращении в мировой теннис к тому времени уже решили. После того как я с помощью Джерри добилась и возвращения женщин, мне оставалась сущая ерунда: добыть в Москве квоты на выезд и деньги. Но отступать начальству некуда, Ивонин же связан словом с Филиппом Шатрие.

В любой комитет Международной федерации тенниса кому-либо, не имеющему имени в этом виде спорта, трудно попасть. Человека с улицы туда не возьмут, если даже он космонавт или солист Большого театра. Достаточно привести список советских звезд шестидесятых—семидесятых годов — Дмитриева, Бакшеева, Егоров, Крошина, Метревели, Коротков — и отметить, что никто из них не работал в большом теннисе, следовательно, не имел выхода и в международную жизнь. Разве это не расточительство? Остался в большом теннисе Теймураз Какулия, и, пожалуйста, результат — Лейла Месхи. Можно научить удару справа, но есть вещи, необъяснимые публике: как научить играть на Уимблдоне. Это могут сделать только те, кто сам там играл.

Бытует мнение, что игрок высокого класса не может быть таким же высококлассным тренером. Возможно, оно и верно, хотя я всегда это отрицала. Конечно, нормальный человек не может дважды пережить столь огромную нагрузку. Но ведь у каждого из бывших звезд теннисных знаний в тысячу раз больше, чем у того, кто окончил Институт физкультуры. Да, сил не хватает. Моя новая жизнь складывалась, как и та, первая, в спорте, в борьбе. Ежедневной борьбе. Хорошо, что у меня получилась такая дружная семья и, главное, мама, которая помогала в домашних делах. Но я чувствовала иногда, силы мои истекают. Не знала, на сколько меня еще хватит. Каждый раз, когда мои спортсмены чего-то добивались, мне говорили: «Ну и что, ничего особенного...» Я не знала, чего там было больше — непонимания или дипломатии.

С 1982 года я начала бороться за поездки команды на зарубежные турниры. В международном отделе Спорткомитета меня уверяли: «Вы не будете играть за рубежом, вы не будете встречаться со спортсменами из ЮАР!» Порой мне казалось, что Сергей Сергеевич Андреев, старший тренер сборной шестидесятых—семидесятых годов, при котором команда достигла наибольших успехов, был вполне доволен таким поворотом дела, при котором мы оставались во веки веков непревзойденными. Он и во мне искал союзника, полагая, что приятно сознавать: выше Морозовой никто не поднялся. Но у меня к своему прошлому нет зависти. Когда девочки из сборной СССР побеждали сильнейших, я получала огромное удовольствие. Я никогда не расстраивалась, что Наташа Зверева за пару лет зарабатывала больше, чем я получила за всю свою спортивную карьеру. Тот путь, который я прошла, я выбрала сама. Я верила, что когда мы сдавали в Спорткомитет все свои призы и ни о каких премиях речи быть не могло, то так оно и должно было быть. Мне говорили серьезные люди, которых я уважала, что эти деньги нужны стране. Я не знала, на что уходят заработанные мною десятки тысяч долларов, я считала, что их используют на нужное дело. Я переезжала границу, попадала на Запад, выходила на парижские корты — ровные корты, как приятно было играть на них, но знала, что через две недели буду в Москве, что на кортах в Лужниках у меня будут разъезжаться ноги, и все равно доказывала, что лучшие в мире корты на стадионе имени Ленина. Я покупала пальто в Лондоне, а говорила, что в ГУМе. Мне было стыдно, что я не могу купить его в московском универмаге. Я делала свое дело на мировом уровне, в отличие от тех, кто шил пальто. Потом, спустя годы, Зверевой и Чеснокову было сложно верить в то, во что много лет верила я, рано или поздно наступает предел.

Наконец, шестнадцатилетние Лариса Савченко и Наташа Быкова поехали на открытое первенство

Франции. Они проиграли в первом круге, но я ничего не могла им сказать, поскольку видела, в какое состояние они попали: первый взрослый турнир, и сразу же такой знаменитый!

До отъезда у нас оставалось десять свободных дней: обратные билеты я взяла из расчета — вдруг прилично сыграем. Просто сидеть и смотреть соревнования я считала бессмысленным. Во Франции всегда в это время проходят еще несколько турниров, я отправилась к Жаку Дорфману, главному судье чемпионата, который еще судил мои встречи на Кубке Суабо, поэтому помнил меня игроком, и попросила его помочь с турниром. Русские — это в общем-то реклама, и Дорфман в предместье Парижа нашел мне турнир, где девочки могли поиграть, а не сидеть на трибунах. Лариса выиграла этот маленький турнир без призового фонда. Зато получила кубок, тем более что мы возвращались в Москву вместе со сборной по футболу, которая тоже везла кубок, правда, в три раза больше, чем у нас. Но и мы летели не с пустыми руками.

Я — ТРЕНЕР

Когда ты спортсмен, ты многого не понимаешь. Наступил трудный момент, я оказалась в новой роли служащего в отделе тенниса Спорткомитета. Все, кто там находились, когда-то были моими тренерами, но с того дня, как я вышла на работу, наши права сравнивались, мы стали коллегами. Думаю, что своим появлением большой радости новым сослуживцам я не доставила, отдел тенниса получил меня как бы в нагрузку.

В комитет я пришла игроком, привыкшим, что все «мелочи жизни», от покупки билетов на самолет до аренды кортов на тренировочном сборе, кто-то делает за тебя. А еще надо получать и струны, и талоны, со-

брать на каждую бумажку по десять подписей. Я сразу почувствовала, как все, за исключением Голенко, наслаждались моими промахами. Я страдала.

Я приходила к волейболистам, баскетболистам, и там мне объясняли, как писать служебные бумаги, в какой отдел, по какому поводу полагается обращаться. Надо было изучить оформление смет, этому ни в одном институте не учат.

Раздражала я, скорее всего, тем, что уровень моих результатов до сих пор остается самым высоким в стране. Еще спортсменкой я много читала за рубежом специальной литературы, покупала ее, и, в конце концов, у меня сложилось свое представление о том, как надо тренировать спортсменов на высшем теннисном уровне. И то, что моя сборная добилась каких-то результатов, — все это только подтверждало правильность нашего пути. Но Шамилю Тарпищеву, старшему тренеру и мужской и женской сборной, тогда было не до теоретических споров.

У нас в команде играла общая любимица Оля Зайцева — вот ей-то, как мне кажется, и помешала эта всеобщая любовь. Оля ездила на все соревнования, приглашалась на все сборы, но ни разу не показала результата выше, чем Юлия Сальникова. Если тебе на протяжении пяти лет говорят, что ты самая умная, самая талантливая, самая красивая и тренируешься у лучшего тренера в Советском Союзе, а в этот момент появляется девочка, которая один раз тебя легко обыграла, второй, то в такой ситуации даже самый психологически устойчивый игрок, как правило, не выдерживает.

Шамиль видел будущее в Оле, я — в Юлии Сальниковой. Ошиблись мы оба. Появились Лариса Савченко и Наташа Зверева.

Моя теория подготовки шла вразрез с методикой подготовки мужской сборной, а я была окружена в отделе одними мужчинами, поэтому вольно или невольно это тоже откладывало свой отпечаток на наши от-

ношения. Отрицательную роль играла и моя дружба с Аней Дмитриевой. Любой ее критический комментарий каждый раз воспринимался, как лично моя критика. Считалось, что я о любых недостатках в технике того или иного игрока тут же сообщаю на Центральное телевидение. Все замечания Метревели в адрес работников отдела тенниса воспринимались как мои, которые я внушила податливому Алику. Сейчас я понимаю, что одним из раздражителей было мое неумение что-то сделать и привычка игрока ждать, что еще за тебя это сделают другие. Но все же должна была проявиться какая-то доброжелательность. Ну год потерпели, ну два, потом бы выкинули к черту, никому же из них ничего плохого я не сделала.

Вначале я испугалась и решила спрятаться за спину Шамиля. Пусть он отвечает, как и прежде, за две сборные. Но через некоторое время заявила: «Нет. Разделяйте!» Тут началось такое! В чем меня только не упрекали, и в конце концов сняли у меня все сборы. Даже на обязательный базовый — это подготовка к новому сезону — у меня, как выяснилось, нет ни копейки денег. Я, предполагая, что мне должны объяснить, как получить деньги, получаю вместо них, мягко говоря, по носу. Но я не захотела оставаться униженной. Я не забыла, что я Морозова и то, что председатель Спорткомитета Павлов помнит меня в лицо. Я пошла к нему на прием, нарушив все аппаратные правила, не воспользовавшись иерархической лестницей — от одного кабинета к другому, чего я, кстати, тоже не знала. Поэтому я написала докладную и пошла с ней прямо к председателю. Он решил, что я сейчас начну просить квартиру, машину... но когда узнал, что мне нужны деньги на сборы, радостно сказал: «Олечка, сколько тебе надо?» — «Десять тысяч». — «Десять?» Павлов, наверно, не привык иметь дело со столь мизерными суммами. Он подписал мне докладную, зная, что в конце года в Спорткомитете всегда есть резерв, причем большой. Заодно я выпросила и

ставку второго тренера сборной, им стал Женя Поздняков. Женю я знала с тех пор, как себя помню в теннисе. Я считала: мы оба молодые, оба начинающие, у нас все получится.

Сперва я доверилась Сергею Сергеевичу Андрееву. Если Нина Сергеевна, как я говорила, работала чисто интуитивно, действия Сергея Сергеевича основывались на знаниях. Когда я играла, мне очень нравилось, как он объясняет, но всегда хотелось, чтобы он поскорее ушел, чтобы попробовать новый элемент в движении, потому что вопреки его требованиям я ничего не могла делать стоя на месте. Я очень хотела, чтобы мы в сборной работали вместе, тем более случилось так, что от Сергея Сергеевича все отказались. Но в конце концов отказалась и я. Получилось это так. Сергей Сергеевич должен был вести занятия с молодым резервом сборной, и вдруг на тренировке я увидела, что человек, который так много знает, заслуженный тренер страны, чья обязанность отдавать свои знания, держит их под спудом и выдает по крохам, только самое необходимое.

С нами на сбор приехала Катя Крючкова, тогда молодой тренер. «Катя, — попросила я ее, ничего не делай, только ходи за Сергеем Сергеевичем и слушай, потом расскажешь, как он урок дает, как он ставит удар, — это надо знать». А Катя вечером мне сообщает: «Представляешь, Оля, как только я к нему подхожу, он замолкает».

В 1981 году осенью меня посылают с командой на Кубок Федерации в Японию. Первый год моей тренерской работы. Накануне соревнований я везу девочек на тренировочный сбор в Ташкент. В нашей команде: Сальникова, Елисеенко, Зайцева и Чернева. Они и отправятся на Кубок. Я капитан и тренер. Карты и погода в Ташкенте идеальные. Днем 24 — 25 градусов, а вечером прохлада, и спать хорошо. Я привезла книги о Японии. Каждый день мы изучаем японские нравы и обычаи. Елисеенко, наверно впервые в

жизни, сделала доклад. Володя Камельзон, тренер Елисеенко, играл в это время на бильярде и попутно объяснял мне, что Черневу в сборную брать не стоит. Позже Светочка Чернева, выйдя замуж, станет Пархоменко и в паре с Ларисой Савченко выйдет в полуфинал Уимблдона.

На Кубке Федерации мы обыграли чехословацкую сборную. Мандликова, которая уже завоевала звание чемпионки Франции, победила Елисеенко, зато Сальникова, как говорится, в одни ворота Томанову, вторую ракетку Чехословакии. А потом Зайцева и Чернева обыгрывают Мандликову и Томанову в паре. Девочки превзошли вторую сеяную команду! На следующий день в матче с командой Великобритании Юля Сальникова берет верх над Вирджинией Уэйд, а Лена Елисеенко с матч-болов проигрывает Баккер, входившей тогда в десятку мира! Полшага до выхода в полуфинал. И это дебют, начало моей карьеры.

Первая фраза, которую я услышала, когда вошла в Спорткомитет: «Ну, Оля, ты и начинаешь!» — это сказал Игорь Тер-Ованесян.

Каждый день отныне — пусть маленькая, но ступенька вверх.

Попав на Уимблдон в 1983 году уже в роли тренера, я побила все рекорды передвижения на электричке в течение двух недель. Я возила Савченко на детские соревнования в пригород Теймз-дитен, а затем вместе с Пархоменко — в Лондон на отборочные. В восемь утра я садилась в поезд, в десять вечера за смертью падала на постель. Я развлекала Ларису в пути, рассказывала ей теннисные истории, читала ей гороскопы из английских журналов. Я знала, что пока она не набьет определенное число ударов, серьезного уровня ей не достичь.

В отличие от первенства Франции, где Савченко и Быкова вылетели в первом круге, на Уимблдоне, пусть в отборочном, Лариса уже добралась до третьего. А пара Савченко — Пархоменко вошла в число вось-

ми сильнейших! В первом круге на первом корте они обыграли Гулагонг с Баккер. Суперсенсация. Во втором круге Света и Лариса обыграли вторую сеяную пару — Роз Фейербанк и Кэнди Рейндольс. Страшная разгорелась борьба, я подсказывала девочкам, меня потом вызывали к организаторам, и Рейндольс не разговаривала какое-то время со мной. Но удержаться не было сил.

«Вот как хорошо, — сказали мне в Спорткомитете, — сразу в восьмерку вошли, обошлись же без турниров за рубежом». Весь 1984 год Лариса Савченко и Наташа Зверева играли отборочные детские соревнования, чтобы попасть на неофициальный олимпийский турнир в Лос-Анджелесе. Самое интересное, что они сумели войти в число олимпийцев, хотя в Лос-Анджелес не поехали. Лариса и Наташа начали с «сателлитов» — самая первая ступень на пути в компьютерные списки лучших, после чего им полагалось отправиться в Штаты, чтобы подняться на следующую ступеньку, сыграв турниры как бы второй категории. Но поездку в Америку сняли, и девочки потеряли все набранные очки. В 1985-м мы начали все сначала. Но теперь советских теннисисток уже знали, и поэтому наш путь наверх уже не выглядел сенсацией.

Большие надежды связывались с Викторией Мильвидской, которая в 1984-м выиграла первенство СССР, но теннисисткой экстра-класса она не стала. Мне кажется, с самого начала не разгадали ее характер. Та техника, с которой она выросла, не соответствовала тому, как она хотела играть. Была еще одна причина: мышцы не всегда подчиняются разуму. Нельзя в игре досконально обдумывать, как головка твоей ракетки приходит к мячу, как действует предплечье, плечо... Чем больше ты анализируешь, тем хуже в итоге движение. Вика при хорошем ощущении мяча все переживала через мысль. Вот почему при сильном темпераменте и мудрой голове технически она оказалась оснащена

беднее. И физические возможности Вики не соответствовали игроку суперкласса.

В 1985 году начала восходить новая звезда — Наташа Зверева.

Наташа познакомилась с теннисом в семь лет. Ее отец, Марат Зверев, неоднократный чемпион Белоруссии, к тому времени уже достаточно известный тренер. Мама тоже спортсменка, волейболистка. Обычно теннисисты своих детей отдают другим тренерам. Начальное обучение, если в ребенке видны способности и цель ставится высокая, требуют безжалостности, не все родители на нее способны. Зверев свою дочь не доверял никому и практически с ней не разлучался. Он считался в компании теннисистов чудачком со странными идеями. Наташа много играла в бадминтон, волейбол, занималась специальными упражнениями, придуманными отцом, и начала показывать такой теннис, в какой никто из ее сверстниц не играл. Десятилетняя Наташа на корте не выглядела вундеркиндом, но имела своеобразную технику. Она феноменально укорачивала мячи и легко бросала сверхкрученые свечи. У меня не только как у тренера, но и как у игрока вызывало восторг, когда Наташа во время матча совершенно спокойно с восходящего мяча бросает крученую свечу. Я, честно говоря, никогда этого не могла сделать. А для нее этот «топсин» — привычное дело, которому отец научил ее с детства.

Прошло несколько лет, и я поняла, что для осуществления своей программы нуждаюсь еще в одном тренере; надо создавать вторую сборную. Нам вдвоем с Женей не справиться, мы кого-то упустили или могли упустить, способную девочку отметить нетрудно, проследить за ее подготовкой куда сложнее. Никого не хочу обидеть, но у тренеров на периферии не было ни условий, ни знаний. Нельзя воспитать игрока на темпе 36 ударов в минуту, если ему на тренировку не давали больше трех мячей.

В Мукачеве жила подающая надежды девочка, и тренер у нее был хороший, но из-за отсутствия там закрытого корта девочка ездила два раза в неделю в Ужгород, тратя на дорогу три с половиной часа: в субботу и воскресенье. Остальные дни она ходила в школу. Самое поразительное — при таких условиях наши маленькие девочки играли не хуже своих западных сверстниц.

За эти годы у нас сложилась и своя тренерская команда. Я опиралась на Сашу Богомолова, Теймураза Какулию, Анатолия Волкова, Рамиза Ахмерова, Анатолия Тетерина. Ахмеров до сумасшествия преданный теннису человек, способный безостановочно «пахать» по пять-шесть часов в день. Рамиз выходил на корт с горящими глазами, а ведь такой партнер поднимает настроение. Если я видела, что у кого-то из девочек начинается спад, я ставила на тренировку против нее Рамиза. Толя Волков, напротив, спокоен. Но если ему скажешь: надо делать с игроком такие-то упражнения, он будет их делать идеально. Если надо начать занятие в пять утра, без четверти пять Толя уже на корте. С Теймуразом мы могли сутки проспорить над техникой удара. Толе Тетерину, приведенному в сборную Савченко, наверное, было нелегко, когда он попал в нашу компанию. Толя полюбил теннис поздно. Он работал тренером по легкой атлетике. Но сумел изучить новый вид спорта так, как его не знают многие профессионалы. Свою прежнюю специальность он не забывает и такие кроссы устраивает девочкам! Я бегала за ними, подстегивая себя: «Оля, если ты эту гору не пройдешь, они проиграют в ближайшем турнире». Я бежала, умирая на ходу, а Наташка Зверева плакала от страха, что я где-то потерялась.

В теннисе трудно оставаться незамеченным. Как только игрок из юношеских турниров переходит во взрослые, на него сразу обращают внимание. Оно удваивается, а то и утраивается в зависимости от талан-

та новичка. Игроку в теннисном мире трудно потеться. Если кто-то играл с Коннорсом хорошо в первом или втором круге — это сразу становилось достоинством остальных. Каждый на собственный компьютер заносит новый результат. Или какая-то девочка из Флориды обыграла кого-то из первой десятки. Это означает, что остальные девять уже запомнили ее фамилию. Ведь общество профессионалов ограничено двумя сотнями игроков у женщин и трехстами у мужчин.

Бывают ситуации, когда игрок ведет себя недружественно. Вот типичный пример подобного поведения на туре. Тренировочное время распределяет тур-директор, и это всегда было головной болью. Часто обстоятельства складываются так, что игроку необходимо дополнительное время: самолет мог поздно прилететь, предыдущая тренировка сорвалась. Можно попросить полкорта у тех, кто уже разминается. Есть те, которые кортом делятся, есть те, к которым и не подойдешь. Существует джентльменское правило: с подобной просьбой можно обратиться только в самом крайнем случае. Однако находятся и такие, которые просят поделить площадкой изо дня в день, никто их к себе на корт не пускает. Действия в ущерб кому-то не прощаются. Никакая нечестность на туре не может быть скрыта, все становится известным. Так же, как и характер любого игрока.

Я думаю, теннисисту-профессионалу, который относится к своему сопернику прежде всего как к человеку, стремящемуся делать свое дело хорошо, легче и проще живется в теннисном мире. Если же он каждый раз перед матчем вызывает в себе ненависть к сопернику, он быстро сгорает, его теннисная жизнь намного короче.

Любой выдающийся игрок — это индивидуальность, а роль тренера — как можно раньше найти эту особенность, которая его отличает от других, и дать возможность выразить ее на самом высоком уровне. В истории нашего тенниса был период, когда главные

специалисты решили, что все теннисисты должны играть одинаково, даже выпустили рекомендации, которые обязывали всех выходить к сетке. Не могу утверждать, что это неправильно, но считаю, что такие действия могут быть только вынужденными. Время нас рассудит. Кое-кто уверяет, что благодаря таким рекомендациям появились Морозова и Метревели. Но я знаю, что это не так. Все равно я «качала». Наверное, все должны пройти через такую игру. Теннисист, который не может держать на задней линии мяч в игре, малыш, который не борется и не кидает свечки, профессионалом не станет. В большом спорте главное темперамент и характер бойца. Темперамент проявляется не только в атаке, но и в защите.

Казалось, у Крис Эверт большое сходство в игре с Мариной Крошиной, но Марина игрок нетемпераментный, неактивный, она терпеливо ждала ошибок своего противника. А Крис Эверт набирала очки, заставляя противника ошибаться. Марина редчайший стратег, она феноменально чувствовала мяч и красиво обводила и вынуждала атаковать, иначе матч при такой же спокойной игре соперницы выглядел просто неприлично. Марина любила чужие атаки, они ей давали возможность обводки, сама же практически никогда не атаковала, хотя наступать можно отовсюду — и с задней линии, и с хавкорта, и с лета. Совершенно необязательно после розыгрыша каждого мяча как сумасшедшей бежать к сетке, я презираю такой теннис. Надо действовать так, как необходимо против конкретного противника. У одного игра строится на сильной подаче, у другого — на активном розыгрыше мяча на задней линии. Моя задача как тренера сборной — не заставлять всех держать ракетку, как держала ее я, чтобы все играли с лета, как играла я.

Возможно, в 50—60-е годы австралийские центры выглядели не столь профессионально, как сейчас, где игра Штефи Граф с детства заложена в компьютер. Уже есть ответ, какими данными должен обладать

«новый Беккер». Это не значит, что можно смоделировать нового чемпиона Уимблдона, но создана для такого опыта база. В то время мы только-только подходили к подобному моделированию, попытке вложить в компьютерную память все данные о спортсмене: его тренировках, скорости, ударах, результатах. Любую девочку десяти лет можно проверять на этом условном эталоне. Американцы начали такую же работу, и, как выяснилось, ею занимаются и шведы и французы. Американцы не любят уступать лидерство. А при том числе кортов, что у них есть, им не составит большого труда создать не один центр.

Обычно они одинаковые по набору удобств, и уровень их членов определяется по моделям машин, стоящих у клуба. Владеют клубами только очень состоятельные люди, все они без исключения поклонники тенниса. Как выглядит американский частный клуб, я могу рассказать.

Ламар Хант, миллиардер из Техаса, приобрел теннисный клуб в Лейк-Уэй под Остином, я там играла турнир. Даже бассейн в клубе сделан в форме теннисной ракетки.

Квалификация тренера определяется только одним — уровнем его учеников. Себя не обманешь. Тем более не обманешь общество. Если рождаются знаменитые музыканты, артисты, ученые, то, наверное, рождаются и теннисные тренеры. Положение тренера сборной всегда сложное. Я, например, не могу не учитывать мнение личного тренера игрока. Но личный тренер не знает того, что знаю я, а если приходят победы, он не хочет признавать, что в них есть и доля моего труда. К счастью, я спокойно относилась к тренерской славе. Я работала только для собственного удовольствия, хотя все друзья и родственники меня уверяли, что я не смогу жить без славы. Мне приходилось постоянно их убеждать в обратном. Я получала удовлетворение, когда видела, что мама и тренер сестер Малеевых повторяют мои манипуляции с календа-

рем. Я знала, что после разговора с менеджером английской команды, когда я рассказываю ей о своем тренере по легкой атлетике, прочту в ее интервью о том, что она подписала контракт с легкоатлетом. Я осознавала свой тренерский уровень и в том, что со мной советовался Куки, известный тренер из Японии. В свое время игроки моей нынешней команды и его ученица Минора Ицуку начинали одновременно. Куки по шесть месяцев держал Минору в Штатах, а она все хуже и хуже играла. Как национальный тренер, я, конечно, не должна была давать советы, но у меня другая точка зрения на тренерскую этику. Я тогда сказала Куки: «Ицуку в Америке сходит с ума. Она же не собирается сюда переезжать. Ты вспомни, как ты чувствовал себя в этой стране после трех недель турниров?» Он начинает говорить, что ему и сейчас тяжело без японской пищи, без японских песен и японского языка.

«Посмотри, сколько турниров она держит, — сказала я ему, — а потом увози ее обратно домой». Куки меняет график, и с восьмидесятого места Ицуку поднимается до тридцатого. Наверно, я ненормальная, но я получаю от этого удовлетворение. Марат Николаевич Зверев упрекает меня в том, что я вмешиваюсь в его тренировочный процесс, хотя на протяжении четырех лет он делал все, что я ему говорила. И пока еще ничего не сработало наоборот. В 1988 году он ругался со мной, требовал поездки в Японию, а я отправляла их во Францию, уверенная в том, что на Ролан Гарросе Наташа должна сыграть лучше. Наташа вошла в финал, но Марат Николаевич первое, что сказал мне в «Шереметьеве» после возвращения: «Все равно надо было ехать в Японию».

Марат Николаевич продолжал высказывать недовольство по поводу замены Японии на Францию, а я думала: «Прошло всего лишь двадцать лет, а как все в нашем теннисе изменилось. Перед первой моей поездкой на Уимблдон меня пригласил к себе Виктор Вла-

димирович Колегорский, начальник отдела тенниса. Он строго сказал: «Оля, ты знаешь, что едешь на Уимблдон?» Будто гром над головой грянул. Я обомлела. «Нет!» — «Как?» — удивился Колегорский. «Не знаю!» Он весело повторил: «Ты едешь на детский турнир Уимблдона». Мои тогдашние шестнадцать — это не нынешние шестнадцать. Я встала по стойке «смирно». Остановила дыхание, задумавшись, как мне реагировать на окружающий мир. «У тебя форма есть?» — спросил Колегорский. Я с гордостью сказала: «Да». — «Тапочки есть?» — «Есть!» Под тапочками подразумевались советские полукеды за пять шестьдесят на каучуковой подошве. «Носки есть?» Носки связаны Ниной Сергеевной, и еще пара, купленная в Таллинне. «Есть!» — сказала я. «Юбка есть?» Юбка сшита мною лично. «Есть!» — отрапортовала я. «А майка?» Майка с буквой «Д» на груди, предмет зависти ровесников. Я сказала, что у меня все есть. Виктор Владимирович обомлел. Я не сразу поняла, о чем меня спрашивал начальник отдела тенниса. Самострочная юбка и белая майка с голубой буквой «Д» мне казались верхом теннисной элегантности. Юбки с фирменным значком Фрэд Перри — зеленый веночек — на Ире Рязановой нами, девчонками, подающими мячи, рассматривались, как наряд манекенщицы. Мы сшили точно такие же, с тройными складками.

Когда мне перед поездкой в Лондон выдали синий, из чистой шерсти костюм с надписью «СССР», я легла в нем спать — так не хотелось его с себя снимать. Чувство приподнятости от качественной одежды или ракеток есть у каждого теннисиста. Сколько ракеток было мною получено! Для себя, для спортсменок, для Вити, для Кати. Но каждый раз, когда я расчехляю ракетку и раскручиваю целлофан с ее ручки, у меня тот же трепет, как от синего костюмчика.

В Англии Аня Дмитриева дала мне в руки «Шлезингер» и спросила: «Оля, тебе нравится эта ракетка?» Что я могла ответить? С придыханием я сказала:

«Конечно». — «Ты хочешь играть такими ракетками?» Совершенно не обязательно было отвечать на этот вопрос: хочу я или не хочу было написано на моем лице.

Через неделю мне принесли две ракетки. Как я сейчас понимаю, принадлежали они Ане, но она решила за мое хорошее выступление на детском Уимблдоне поделить ими со мной! «Шлезингер», и как у Дмитриевой! Даже сейчас я помню, как их опробовала. Желтые натуральные струны, на них кошечка нарисована, черная нитка перетягивает струны, чтобы они не двигались. Прозрачный целлофановый чехольчик и золотой чехол сверху. Белая сумка с кошкой. Сносу ей не было, через двадцать три года я отдала ее папе.

Часть II

*ДЕСЯТЬ
ЛЕТ СПУСТЯ*

1870

1871

1872

I. АНГЛИЙСКИЙ ТРЕНЕР

ОТЪЕЗД

Конец восьмидесятых для меня, как для тренера сборной СССР, складывался более чем удачно. Начался невероятный расцвет женского тенниса в стране. Наташа Зверева играла блестяще, Лариса Савченко играла очень хорошо. У всех появились надежды, у меня тем более, — очень скоро к ним придут самые большие победы. Более того, за моими девочками, входящими в сборную, поднималась плеяда молодых игроков. Так оно и получилось, потому что, например, лидер сборной России Елена Лиховцева — одна из тех, кто сегодня наиболее заметна, тогда как раз оказалась на подходе, ей было тринадцать-четырнадцать лет. Однажды мой муж Витя позвал меня к себе на тренировку на Ширяево поле, где он занимался с группой детей, а в ней начинала играть семилетняя Аня Курникова. Возникла цепочка, когда один тянет другого, тот третьего и все они поднимаются на высокий уровень. Такая цепочка и есть система, а система — самое главное для развития любого вида спорта. Ее еще можно назвать преемственностью.

И тут, когда казалось, что все в сборной уже стабильно поднимается, у меня начался стресс. Теннис действительно наладился, зато все остальное в стране разваливалось, включая и саму страну. Стали возникать вопросы, которых раньше избегали, так как ответов на них никто не давал. Система подготовки игрока еще существовала и работала. Но сложившаяся ситуация и эту систему начала расшатывать. Я понимала, что ту должность, которую я занимаю — старший тренер сборной СССР, — теперь надо называть по-другому. Выходило, что я и менеджер и тренер в одном лице. Прежде об этом никто не задумывался, а теперь такое положение вещей меня напрягало, потому что в нормальных странах это абсолютно разные

профессии. А я занималась, получая одну зарплату, одновременно двумя делами, но в общем-то справлялась и с первым и со вторым. Надо сказать, что моя власть в сборной стала постепенно таять, причем с каждым днем все быстрее и быстрее, так как начали исчезать привычные рычаги управления. Добившись получения настоящих гонораров, мои знаменитые девочки приобрели своеобразный психологический настрой. Никто из них не думал о том, как нужно тренироваться. Зверева и Савченко желали только одного — получить наконец причитающиеся им деньги, и чихать они на всех хотели. Сами они уже играли в лучших турнирах, они уже входили в компанию звезд, а то что рвется «цепочка», кого это волновало?

К тому же вокруг них еще и накручивались страсти не без участия их личных тренеров и новой свободной прессы. Мужья, мамы, папы твердили: «На кой черт нам нужна советская система подготовки, мы сами все можем, сами найдем кого хотим...» Результаты поспешного развода со сборной налицо. Зверева, которая, как я считала и считаю, десятилетие должна была провести в первой тройке мира, так туда и не попала. Мое же положение с каждым днем становилось все более и более невыносимым. И морально и материально. Игроки получали все свои западные призовые деньги, моя же зарплата оставалась прежней, советской, и разница наших жизненных уровней становилась не просто все больше и больше, а катастрофической. Они уже получали какие-то невероятные по советским понятиям гонорары, а я приезжала с ними на турниры и жила на суточные командировочного за границей. Это выглядело совершенно унижительно. Они действительно были звездами, талантливыми девочками, но до моих спортивных результатов им еще предстояло расти и расти, а я, находясь рядом, превращалась из Ольги Морозовой, которую знал и уважал весь теннисный мир, в бедную родственницу.

И тогда я тоже подумала: а ради чего мне все это нужно терпеть и испытывать? Так у меня родилась и постепенно развивалась некая задумка о том, что пора уже и мне что-то в своей жизни менять. Как раз в это время моя дочь Катя переходила от детского тенниса к настоящему, с серьезными, ежедневными тренировками, и я не без оснований предполагала, что, уехав из Москвы, где, кстати, ребенка с каждым днем было все труднее и труднее хорошо покормить, я каким-то образом помогу ей в ее теннисном становлении. Как позже выяснилось, тут сказала моя неопытность, потому что я никогда не занималась детским спортом, и тот период, в котором находилась Катя со своим теннисом, для меня, естественно, оказался полностью неизвестным.

Поэтому я выпустила из своих предположений одну простую вещь: в принципе, для подготовки высококлассного спортсмена, как я всегда говорила, нужна соответствующая среда и нужна соответствующая система. А лучшая система оказалась та, которая в нашей стране уже была отработана, как часы-хронометр, и, как потом выяснилось, совершенно отсутствующая в Англии. Но это, к сожалению, выяснилось не сразу.

Почему я уехала — понятно. Пресс, который давил на меня, становился нетерпимым, но все равно на первое место в этом решении я ставлю волнение за судьбу дочки. Я искренне полагала, что жизнь в стране, которая своими теннисными традициями куда богаче чем наша, позволит мне сделать из Кати хорошую теннисистку. Но вернемся ненадолго к тому, что в любом деле очень важно иметь отработанную систему. Система — это то, что ты делаешь каждый день. Пишешь ли ты каждый день статью, ежедневно ли занимаешься теннисом, или каждое утро едешь на телевидение, ты уже создаешь систему. Ежедневная работа — ее основа. И вот как раз эта основа, которую я считаю правильной и необходимой, в английском тен-

нисе для детей отсутствовала почти полностью. И поэтому я свою дочь как бы из системы правильной переездила в систему неправильную.

Первые несколько лет все шло хорошо. Катя легко побеждала своих сверстниц, в пятнадцать выиграла национальный чемпионат среди восемнадцатилетних. Но позже, когда девочки подросли и стали девушками и тут должна была начаться страшная конкуренция, которая всегда присутствовала у нас в стране, причем не только на соревнованиях, но даже и на тренировках, в Англии она и близко не наблюдалась. И тогда Катя немножко надломилась. Точнее, в ней проявилась раздвоенность. Она, будучи русским ребенком, так и не стала ребенком английским. Но желание оказаться частью той жизни, в которую ее окунули, желание быть равной среди своих подружек, которые были не лучше и не умнее ее, но жили у себя в стране, не позволило ей стать сильной спортивной личностью. Наконец, ее замучили травмы. Сначала в 15 лет ей удалили часть мениска, а после этого и до сих пор ее мучают незаживаемые трещины в стопе.

Почему я выбрала именно Англию, а не в Швейцарию, Америку или Италию? Все очень просто. У меня было три предложения для будущей работы. Первое — из Германии, второе — из Австралии и третье — из Великобритании. То есть мне предлагали на выбор три приличных контракта. Надо сказать, каждый из трех контрактов был по-своему хорош. Но Австралия ужасно как далеко, а мама моя оставалась в Москве — поэтому зеленый континент отпадал сразу. Германия для меня казалась страной недоступной, я не знала и трех слов по-немецки. С другой стороны, я свободно говорила по-английски, да и Катя училась в английской спецшколе. И потом, Англия — это Уимблдон. Это страна, про которую я наивно думала, что все знаю.

Мне казалось, что там я больше, чем где-либо, смогу себя проявить. Я выбрала для себя самую тяжелую

по возрасту группу детей — тринадцать лет, исходя из того, что он близок к Кате, следовательно, и дочь будет рядом. Но это возраст, когда наступает созревание — пьюбети, как говорят англичане, — и дети в это время становятся трудноуправляемыми.

Только на себе можно испытать, что чувствует иностранец, работающий в чужом государстве. Очень точную статью написал Марк Маккормик, основатель знаменитой фирмы «IMG» (агентство, занимающееся адвокатскими услугами для спортивных звезд). Марк объяснял в ней, что когда он открывает в некоей стране офис, то сколько бы там не работало людей из его центральной конторы, обязательно начальник должен быть из аборигенов (как раньше у нас в республиках, первый секретарь — представитель коренной нации). Таким образом Маккормик всегда знал все подводные камни в местных взаимоотношениях. Я же, попав в Англию, даже отдаленно не представляла, как там работает английский теннис. Я предполагала, играя в свое время на Уимблдоне или на турнире в графстве Кент, или тренируясь в каком-нибудь клубе, что в Англии существует и, наверное, неплохо действует клубная система. Но что она собой представляет, а главное — ради чего в Великобритании занимаются спортом, я понятия не имела.

Подведем итог. Во-первых, я уехала из-за Кати — это было главное.

Во-вторых, и это тоже немаловажная причина, появилась возможность, пусть уже не в молодые годы, но пожить, имея такой заработок, о котором я, будучи долгие годы первой ракеткой советского женского тенниса, мечтать не могла.

Я выбрала Англию, потому что она располагалась ближе всего к моей маме. Я знала в Англии всех игроков, мне было легче налаживать там жизнь, так как многие из них стали, как и я, тренерами, то есть мы оставались коллегами. Здесь, в Англии, жизнь, конечно, спокойная. И на фоне этого спокойствия невольно

возникла третья причина моего отъезда — развал страны и от этого мое психологическое состояние. Я же не просто так была старшим тренером сборной Советского Союза. Для меня честь флага — не пустые слова, как и для моей соседки по московскому дому Иры Родниной. Мы не раз с ней вспоминали то время, конец восьмидесятых. Для нас все, что произошло — ужасный удар. Реакция у многих была возбужденной, у нас — нулевая. Я не хотела унижаться, а чувствовала унижение. Я хотела себя уважать, а уважение уходило.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В АНГЛИИ

Теннис, он, как говорится, и в Англии теннис. Различия были в другом и большие. Самым приятным вначале оказалось то, что мне не надо дергаться, что, в какую смету и сколько закладывать. Все упрощено и организовано. С самого начала — полное доверие. Я очутилась в сказке. Я впервые ездила по соревнованиям и не записывала каждую копейку в специальную графу.

И как полный контраст — наши сборы в Ташкенте. Мы жили на даче Совета Министров, в правительственной резиденции! Но в то же время неожиданно исчезал автобус, пропадал бензин, отсутствовали полагающиеся продукты... И вдруг все эти проблемы уходят. Я почему-то быстро забыла советскую жизнь, когда полагалось яйца покупать не меньше чем тридцать штук, рискованно брать всего лишь десяток. Непозволительное разгильдяйство купить одну курицу — если их продавали, надо хватать как минимум три. Сколько можешь впихнуть еды в холодильник, столько ее и покупали. И вдруг это продовольственное напряжение исчезло. Я приносила свежие продукты, которые таяли во рту. Я могла приготовить любой обед, какой я хотела. Двенадцатилетняя Катя хо-

дила с широко открытыми глазами, а рот у нее постоянно был занят бананами, в то время большой редкостью в Москве (смешно сейчас это звучит!). Везде чисто, везде аккуратно, никто на тебя не орет, все спокойно отвечают, продавцы в магазине мило пытаются убедить тебя, что нужно у них что-то обязательно купить. В один прекрасный день я поняла, что у меня успокаивается нервная система.

Но в то же время я ощущала себя маленьким необразованным ребенком. Бензин и продукты продавались сколько хочешь и повсюду, автобусы ходили точно по расписанию, но зато в моей жизни появилась налоговая система, которая меня пугала, как бездонный черный лес. Первое письмо, что упало на ковер у двери в моем английском доме — извещение из налоговой инспекции: я должна заполнить какие-то бумаги и сообщить о своих гонорах. Я пришла в паническое состояние. Какие бумаги, какие гонорары?! Как раньше дома было удобно, столько-то процентов из зарплаты вычитали и никто ни о чем не думал (правда, никто ничего и не зарабатывал). Платить налоги: такое только с молоком матери в себя впитываешь. А когда это делаешь впервые, да еще в сорок лет, страх ужасный. Но, слава тебе господи, рядом со мной оказались люди, которые мне помогали и, кстати, до сих пор помогают, потому что в английской жизни я уже более или менее разобралась, а в налогах по-прежнему — нет. Но мои британские друзья взяли заполнение моей декларации на себя, и пока у меня проблем нет, никогда не было и, надеюсь, уже не будет.

Мне нравится Англия. Мне кажется, что это самая красивая страна в мире. Мне нравится, что традиции, о которых я прежде читала, сохранены, и не в музейном состоянии, а в обиходе. В идеальном порядке старинные дома, невероятные по красоте желтые поля люцерны и страстная борьба за то, чтобы где-то через них дорогу не прокладывали. Для меня, привыкшей,

что все вопросы решают в райкоме партии, оказалось каким-то чудом — митинги, собрания, демонстрации — если нужно общественное одобрение на то, чтобы дорогу провести через лес или пустошь. Но, возможно, благодаря такой борьбе страна сохранена в удивительной чистоте. Едешь на машине, а в окне: изумрудные луга, на них кудрявые барашки, упитанные и чистые лошади — пастораль, картинка из книжки. А потом въезжаешь в замок, который совершенно не изменился за последние семьсот лет, и все в нем, начиная от стула и кончая чашкой, все с того же XIII века. Как один раз купили, так ничего и не разбили! Революционные матросы в этих замках никогда, во всяком случае те же семьсот лет, не ночевали. Рядом с моим домом выросший в землю паб, который тоже сохранен в неприкосновенности с тех же веков. Для того чтобы на нем крышу переложить, необходимо получить чуть ли не решение правительства, но таким образом и сохраняются все эти достопримечательности. У нас в Бишеме прежде, чем спилить старинный дуб, комиссия чуть ли не из Лондона приезжала, поскольку, говорят, все старинные дубы посчитаны. Обсуждали они, жив ли дуб или нет, очень долго. Наконец решили спилить. Когда спилили, выяснили, что он еще мог пожить лет двести. Горе небывалое.

Городок Марлоу, где мы живем, в Англии хорошо известный: старинный, тихий и дорогой. Несколько лет тому назад звезды кино и эстрады решили обосноваться в нашем районе, Мадонна задумала здесь купить себе дом, Майкл Джексон, говорят, купил дом неподалеку. Они собираются учить своих детей в Англии. Плюс к этому наверное, понимают, что английская традиционность настолько сама по себе уникальна, что хочется в ней иногда и пожить.

Через Марлоу протекает Темза, это то место на реке, где проводятся знаменитые Хейнленские регаты. Марлоу еще знаменит тем, что писательница

Мэри-Шелли именно здесь сочинила своего доктора Франкенштейна. Но самое главное достоинство нашего городка, что в его округе разворачивались невероятные приключения трех джентльменов в лодке, не считая их собаки.

К нам езды сорок минут от Лондона, мимо аэропорта Хитроу и Виндзорского замка. Район аристократов. Если ты хочешь с ними общаться, они будут с тобой общаться, если не хочешь — не надо. Например, мои соседи мне всегда улыбаются, всегда со мной очень милы, но в гости мы друг к другу не ходим. К тому же они часто меняются. Наше местечко очень удобное для молодых семей, где папы набирают финансовую мощь, плацдарм миллионеров. Их бизнес уже выходит на международный уровень, а рядом не только Хитроу, но и две самые главные английские дороги — четвертая и сороковая, — что пересекают всю страну с севера на юг. При этом мы живем в полной тишине, не считая пения птиц. Вокруг нас помимо молодых бизнесменов люди в возрасте, как правило, работающие в Хитроу, чаще всего — это летчики. Много семей спортивных, с маленькими детьми, а через дорогу наш спортивный центр. Можно поиграть в теннис, можно позаниматься в зале аэробикой.

Бишем-Абби, старинное аббатство, где мы с Витей работаем, не только теннисный центр. Здесь и футбольные поля, и поля для гольфа. Бишем-Абби стоит прямо на берегу Темзы — это старинный замок, с клубными гостиницами, столовой, спальней для ребят и обязательно со своим привидением. Конечно же, это дама, убившая в замке своего мужа. Витя утверждает, что он ее видел. Корты на все вкусы: и трава, и грунт, и бетон. Тут же построили и новый корпус, где гостиница, залы гимнастики и атлетизма, четыре крытых корта. Говорить, что все утопает в зелени и цветах, бессмысленно. В Англии все так утопает. Бишем-Абби английская теннисная федерация арендует для тренировок юношеской национальной команды. Соб-

ственно говоря, на руководство ею я и была приглашена. Но в Бишеме проводит свои сборы и национальная футбольная команда.

Спонсор юношеского тенниса в Англии автомобильный концерн «Ровер». Поэтому мы ходим в его фирменных майках, и не реже, чем в полгода, нам «Ровер» меняет новую машину на еще более новую. Правда, курить в машине мы с Витей не имеем права. Но мы и так не курим.

Английская федерация приобрела для нас и домик через дорогу от работы. Типичный английский, очень уютный, небольшой, с низкими потолками, скрипучими полами, тремя спальнями наверху, с камином внизу и небольшим садиком во дворе. Кто только не сидел под нашими цветами! Были и Алла Пугачева с Кристиной, тогда еще беременной на последнем месяце, как потом выяснилось, Никитой. В доме курить нам разрешалось, но зато мы не могли держать в нем домашних животных. Но мы и так из-за наших бесконечных разъездов их никогда не держали даже в Москве.

Если посмотреть, какие машины стоят у нас в общем дворике перед домами, то видно, что наши соседи — люди из высшего среднего класса. Меня потом стало раздражать, что район наш такой дорогой, потому что мне трудно купить здесь дом на те деньги, которые я могу себе позволить на него истратить. Цены примерно такие же, как в центре Лондона. Но зато они в то же время дают тебе гарантию, что ты живешь в спокойном районе. Исходя из собственного опыта, я знаю, что беспокойные районы это те, куда можно доехать на метро или на автобусе. Те же, которые достигаются только машинами, они не то чтобы абсолютно свободны от уличных неприятностей, но в общем-то здесь они случаются значительно реже.

Моя жизнь не предполагает чисто английского общения. Я все время в дороге. Поэтому традиционных английских посиделок на лужайке по два часа в уик-

здесь я не могу себе позволить. Впрочем, я не могу на них потратить и получаса за эти два дня. А потом, если сказать честно, я больше получаю удовольствия, когда общаюсь с русскими людьми. Может, тому виной мой возраст, но когда ты шутишь, твой юмор понятен только русским, твои беды понятны только русским. У меня много друзей-англичан, я чудесно с ними провожу время, я могу с ними пойти в театр, могу посидеть в ресторане. Но поговорить по душам и от души посмеяться я могу только с русскими. И, как ни странно, у меня в Англии свободные вечера проходят в русской компании.

ФИЛ ДЕ ПЕЧИОТТО

Мой адвокат Фил Де Печиотто; он же адвокат и Ани Курниковой. Я не могу не вспомнить о Филе, потому что это тот человек, который дал мне возможность встать на ноги в нелегкое для меня время. Фил Де Печиотто американец, и тем не менее ведет мои дела в Англии. В спортивной менеджментской фирме «Эдвантэйдж Интэрнешнл», где он один из президентов, есть отделения в самых разных странах, в том числе и в Англии.

Филу я доверяю абсолютно, наш союз проверен временем. Но и мне самой приходится много знать, самой полагается кое-что изучить, чтобы наши отношения складывались еще лучше. Только тогда ты четко понимаешь, когда тебе объясняют: это реально, а это — нереально. А уже потом твой адвокат пытается из реального сделать чуть больше.

Впервые Фил подошел ко мне поговорить в 1987 году. Естественно, никто из советских спортсменов тогда не мог даже задумываться о том, чтобы подписать с «Эдвантеч» контракт! Тем не менее он спросил: «Вы подпишете с нами контракт?» К тому времени у меня встреча с западным адвокатом, ведущим бизнес

спортсменов, была уже не первой. Когда я в 1973 году выиграла турнир в Филадельфии, ко мне обратился один из представителей IMG с предложением вести мои дела. Я спросила, что он имеет в виду, поскольку советский человек твердо знал, что адвокат нужен только в суде. Он сказал: «Вы будете играть, а мы будем вам помогать зарабатывать деньги». Я прямо в лоб: «А сколько же вы будете за это брать?» — «Мы будем брать пятьдесят процентов ваших призовых». Я ответила: «Поскольку у меня забирают все сто процентов призовых, меня этот вопрос особо не волнует. Обратитесь, пожалуйста, в Спорткомитет СССР». Я поняла: разницы мало, что здесь пятьдесят, что у нас сто, все равно грабеж. Но я не успокоилась, подошла к Бетти Стове, спросила, сколько берут с нее? Она мучительно: «Оля, это секрет, но с меня берут двадцать». Возможно, вести дела русской казалось им очень сложным, поэтому они решили остановиться на половине. Все, на что я тогда могла рассчитывать — семнадцать долларов суточных. Если бы я согласилась на половину от семнадцати долларов, я бы, наверное, умерла вместе с этим адвокатом с голоду.

Так произошло мое первое знакомство со спортивным менеджментом. Поэтому, когда с тем же вопросом спустя пятнадцать лет ко мне подошел Филипп Де Печиотто, я уже знала, что от этих адвокатов можно ждать, так как у меня имелся совершенно потрясающий первый опыт. Короче говоря, я его просто отшила. Он потом признавался: «Ты была так негативно ко мне настроена». А ко всему прочему, у меня только кончился тот период, когда я считалась невыездной, наконец первый раз вновь выехала за рубеж, и любой мой контакт, не говоря уже о контракте, мог для меня закончиться печально.

Ох, как не хочется вспоминать ту историю, такую гнусную и такую типичную для советских времен.

Большая часть неприятностей, когда нас по сути дела подставил хороший знакомый, свалилась на

Витю. Ему пришлось испытать исключение из партии, увольнение из армии, естественно и из военной академии, где он преподавал. Претензии к нам со стороны Прокуратуры были так надуманны, что вскоре там перед нами извинились. Казалось, инцидент исчерпан, Витю всюду восстановили, но больше он свою форму подполковника так и не надел. Не захотел. Обиделся.

Прошло несколько лет, и вдруг Прокуратура разразилась письмом (истинного его автора так и не нашли), где вновь пересказывалась та уже забытая история. Интересно, что письмо прислали в ЦСКА, где я уже несколько лет не работала, а Володя Васильев, старший тренер клуба, не сказав мне ни единого слова, передал его в Госкомспорт.

Тут интересная реакция окружающих. Все, кто знали меня много-много лет, замерли! Меня расстроила больше всего такая же реакция и Жени Позднякова, которого я сама привела в сборную и только-только с трудом решила его выездные дела. Начальник Управления спортивных игр Владимир Портнов, то есть мой непосредственный руководитель, дал мне понять, что он относится ко всему, как к редкой глупости.

Наверное, Портнов или лукавил, или забыл, в какой стране мы живем. Все только начиналось. Создали комиссию. Начались проверки. Виктор Янчук, начальник отдела тенниса, не знал, выдавать ли мне форму на первенство Европы. Шел 1986 год, гласность только делала свои первые робкие шаги, но «закопать» меня уже не представлялось легким делом.

Я, та, кто одна, без сопровождающих, объездила весь мир, причем в те годы, когда никого в одиночку даже в Югославию не пускали, оказалась «запертой» дома. Наконец после очередной проверки меня милостиво вновь приняли в клан обладателей служебных синих заграничных паспортов. По советским правилам возвращение в общество допущенных к запад-

ным ценностям, то есть к магазинам, приходилось начинать с контрольной поездки в соцстрану. Но тут произошла накладка — там турниров не предвиделось. И Морозова, старший тренер сборной страны, выполняя общие идиотские правила, поехала на детские соревнования в Венгрию.

Меня спасло от вранья западным игрокам и тренерам — почему я вдруг исчезла? — то, что у меня «оторвался ахилл». Операцию мне идеально сделал Сергей Миронов, старый мой приятель, позже ставший личным врачом Президента Ельцина. Операция почти без шва, а у Кэша, при той же травме, шрам от пятки и чуть ли не до колена.

Страшный тогда у меня случился год. Сразу стало ясно, кто мои настоящие друзья. Надя Рокоссовская-Урбан не оставляла меня ни на один день. Моя подруга Марина Сидорова и ее муж Алик Масюков опекали меня. Потом, когда мы уехали в Англию, их опека перешла на мою маму. Их помощь я никогда не забуду.

Но вернусь к Филу. Теперь вам понятно, почему я, выслушав его, первым делом подумала, что мне только этих проблем не хватает. Спустя два года я к нему подошла сама и сказала: «Хорошо, так и быть, с вами я подпишу контракт». Я понимала, что пришло время, когда нужно иметь хотя бы какой-нибудь крючок, который помог бы мне в крайнем случае каким-то образом зацепиться за работу на Западе. К концу восьмидесятых не я одна, многие понимали, что рано или поздно это может случиться. Но в то время я ничем себя не связывала, да я и не могла ничего платить. От меня требовалось подписать контракт о взаимных намерениях, а не о финансовых обязательствах. Пока и Фил ничего не мог для меня сделать, но стали появляться какие-то возможности, советская хватка с каждым днем слабела, а ему, наверное, казалось большой удачей, что у него первого появилась русская.

Тогда на нас, советских, была большая мода, а тут он наконец получил одну, причем не самую плохую.

Для меня же это соглашение с Филом оказалось счастливым билетом в будущую жизнь, так как контракт с английской федерацией составил Фил, и я ему бесконечно благодарна. Мы же ничего не знали о западных законах, а он готовил мне контракт, как готовил бы его американке или француженке. Причем, на мой взгляд, даже лучше, чем американке, не говоря уже о француженке. Естественно, я должна была ему платить с контракта проценты, но у меня крохи переживаний на этот счет не возникало. Детали первого моего западного контракта Фил обсуждал несколько месяцев, даже сейчас последнее мое соглашение уже после восьми лет работы в Англии рассматривалось Филом, мне кажется, не меньше трех месяцев. Строчка туда, строчка сюда. Кстати, мне помогло серьезное, западное отношение к контрактам в одном забавном случае. Когда меня доставала с тайм-шером тетка в ГУМе, я ей сказала: «Дайте контракт, я покажу его своему адвокату». Ко мне сразу потеряли интерес.

Фил ненамного младше меня, но выглядит очень молодо. Мы его пригласили на заре нашего знакомства к нам домой, представили его моей маме, которая кормила моего будущего адвоката такими пирожками, что он их до сих пор забыть не может.

Фил, узнав, что мы с Ирой Родниной соседи, хотел подписать контракт и с ней. Попутно он, наверное, решил, что все знаменитые советские спортсмены живут в одном доме на улице Рылеева, 6. Пришлось его разочаровать: «В этом доме из спортсменов живут только я и Роднина». Фил спрашивает: «А кто еще здесь живет?» Тут я его сразила: «Здесь живут большие генералы». Пришлось рассказать ему всю историю моего получения квартиры. Он долго не мог понять, что дом, квартиру не выбирают, какая подходит, а берут ту, какую дают.

Сию я у себя в Бишеме, вдруг звонок, Фил: «Оля, я хочу тебя удивить!» И передает трубку... Родниной: «Оля! Привет!» Выясняется, что они летели вместе в

самолете и у них случайно оказались рядом кресла. Ира каким-то образом увидела в его бумагах фамилию Морозова. Она удивленно на него уставилась, а он повернулся к ней и говорит: «Некрасиво, миссис, смотреть в чужие бумаги». Она в ответ: «А я знаю Морозову». Но тут и он ее узнал: «Да, а я могу назвать ваш адрес. Улица Рылеева, дом шесть. Я даже знаю, куда у вас выходят окна». Тут Ира задергалась: «Как это?» — «Потому что я адвокат Морозовой, был в гостях у нее дома». Они долго смеялись. У Фила прекрасная память, он стал ей рассказывать, что наши дети Катя и Саша ходили вместе в школу. Но адвокатом Иры он не стал. Довольствуется из русских помимо меня еще и Курниковой.

Фил живет в Америке, в Вашингтоне. Но, как у любого западного человека, у него весь мир — родной дом. У «Эдвантеч» офисы в Токио, в Лос-Анджелесе, в Лондоне, в Париже. В 1998 году Фил приехал в Москву на женский турнир Кубка Кремля, отправился вечером в Большой театр, опоздал и потом долго удивлялся: «Оля, у меня же был дорогой билет, но меня посадили на самый последний ряд». Я же сидела, благодаря подруге Тане Голиковой, бывшей солистке балета Большого, практически на сцене. Я ему объясняю: «Фил, по Москве надо ходить со мной». Потом его все же пересадили в амфитеатр. Билет в Большой Де Печиотто устроила Аня Курникова. Владимир Васильев всегда хорошие места придерживает для теннисистов.

АНГЛИЙСКИЙ СПОРТ, ИЛИ ПОЛЯНКА С БУТЕРБРОДАМИ

Англия на всю жизнь останется в моей памяти как страна, которая обожает любительский спорт.

Психологический настрой каждого британца — быть любителем. Другими словами, главное — учас-

тие. Ребенка, рожденного в Англии, никогда не растят чемпионом. Но внушают, что он должен быть участником. Речь, конечно, не идет о футболе — это отдельный остров, отдельная жизнь, национальная примета. Футбол — особое явление. Но все, что следует дальше, полностью попадает под мое определение. Например, крикет, в него играют три дня. Игроки, их родители и друзья приходят на стадион, который представляет собой большую поляну, приходят обязательно с бутербродами. У каждого игрока для бутербродов огромная сумка. У обычного зрителя сумка в два раза больше. Разложились, поговорили, пообщались, выпили, позагорали. Что там на поляне, то есть на стадионе — неизвестно и как бы не очень публику волнует. Приходишь на Уимблдон, почти то же самое. Какую главную традицию сохранили в Уимблдоне? Поляну. Пришел англичанин, сел на свою лужайку, раскатал свой плед, разложил на нем свои собственные, ни в коем случае не покупные, бутерброды... Наверное, молодежь уже покупает готовые сэндвичи, но не беспокойтесь, станут чуть постарше, забудут ошибки молодости, и дома начнут стругать свои собственные бутерброды. И так — каждый уик-энд. Поло — тоже игра, и на нее тоже приходят на целый день. Там публика особая, элитная, но смысл соревнований в том же — не победить, а участвовать. И таких видов спорта в этой стране множество, и англичане любят их обставлять семейно-пикниковым праздником. Пикник — это вершина наслаждения в английском спорте.

В Англии, если приедешь на национальный чемпионат Великобритании по теннису, можешь наблюдать, как многие родители живут в палатках, но главное, все они ходят с бутербродными сумками и с кофейниками. Это входит в их понятие об отпуске. Они обожают ходить в походы любой сложности, лишь бы не забыть с собой взять бутерброды. Я каждый раз, глядя на этот английский лужок, вспоминала, как ез-

дила в детстве на соревнования из Москвы в Ленинград и все в купе сидели с жареной размякшей картошкой в поллитровой банке и вареными яйцами. Поезд — это российский вариант английской поляны.

В нашей стране малые дети, а также бабушки, дедушки, то есть население самое молодое и самое пожилое, считаются главными людьми. Входишь в вагон метро, там написано: «Места для детей и инвалидов». В Англии не увидишь, чтобы специально выделили места для детей (для инвалидов есть), тем более для пенсионеров. Мы же воспитаны на уважении к детям и старикам. Что получается от разницы в традициях? Может наш человек представить, что ребенка не пустят на корт? В моем детстве с двенадцати до семи — время, когда площадку занимала только детская спортивная школа. Везде, на каждом стадионе, будь то футбол, гимнастика или плавание — днем занимались только детские спортивные школы. Дети — наша радость, наше будущее!

В Англии, когда выходит на корт член клуба и видит бегающих вокруг малышей в белых штанах, он говорит: «Убрать их, они меня раздражают, они кричат». То есть он платит деньги не для того, чтобы видеть рядом этого гаврика, он платит деньги для того, чтобы спокойно играть в теннис. Ему хватает своего партнера. В понедельник в клубе играют только мужские пары, это «джентльмен дей», потом «ледис дей», потом еще какой-то «дей». Ребенка, который наберется наглости и обыграет джентльмена, потом вообще на корт не пустят.

Когда я только приехала в Англию, мне предложили прийти в некий клуб по соседству и торжественно что-то там открыть. Что же я открывала, как вы думаете? Душевые кабинки! Душевую я открывала в клубе, который находится около нашего дома. Но зато какой район! У каждого дома по два «роллс-ройса».

Где-то открывали в клубе освещение. В Англии, в клубе не было света на теннисном корте! В моем сознании подобное не укладывается.

Мы уехали из Союза под новый 91-й год, а Катя первый раз поехала в Англию на турнир в феврале 1991 года. Они возвращаются с Витей в совершенно диком состоянии, глаза огромные, Катя говорит: «Мама, я на улице играла, прямо на холоде». Это значит, что в Англии детские соревнования проходили на улице в феврале месяце! Такое ни одному, даже ненормальному, советскому тренеру в голову бы не пришло. Издалека, из Москвы, казалось, что там у них какие-то невероятные прозрачные крыши, какие-то невозможные подсветки кортов и всюду кондиционеры. Ничего похожего я поначалу нигде найти не могла, правда, за последние десять лет всего перечисленного стало значительно больше, потому что теннисный магнат Дэвид Ллойд многое взял в свои руки. Он строит огромные теннисные дворцы и все у него получается правильно и с выгодой. Но той работы с детьми, какая принята у нас в стране, в английском клубе нет, и никто по этому поводу не тоскует. Традиции заложены в нацию генетически. Расположение к любительству выдавить из детей невозможно. Справедливости ради надо сказать, что все последние годы английские специалисты пытаются что-то в своем спортивном хозяйстве перестраивать.

Я абсолютно не знала системы английского школьного образования. Элементарный пример. Школьные уроки заканчиваются в Англии в половине четвертого. Чем с ним, пока он поест и переоденется, можно после шести заниматься? Наверное, только книжку почитать. Более того, в Англии в пять во всех клубах начинается время, когда приезжают «ледис энд джентльмен», и ребенка к корту не пускают. В тринадцать лет способных к спорту детей здесь определяют в специальные школы, — у нас в таких занимаются с семи. И получается, что «система подготовки» в клубах лю-

бительская, а психологический настрой родителей несколько иной, чем у наших пап и мам, и особенно бабушек. Вот и выходит, что, если ты даже будешь заниматься с ребенком круглосуточно, толку от этого почти никакого.

Чтобы вместо школы или хотя бы части уроков заниматься теннисом, такое представить себе невозможно. Все крутится вокруг школы. Я взяла себе девочку в таком возрасте, потому что знала, с тринадцати до шестнадцати они должны сделать некий маршбросок в своей спортивной карьере. Но я просчиталась, я надеялась, что мне дадут уже подготовленных детей, а я получила игроков, сделавших шаг, недалеко уводящий их от новичков. В тринадцать лет у нас девочка технически и тактически лучше или хуже, но уже оснащенная. А в Англии в тринадцать лет девочка только начинает играть. И когда их у меня собрали, оказалось, что я никогда таких неумеющих детей не тренировала. Мне досталась, на мой взгляд, крайне слабая группа — и по физическим данным, и по таланту. При этом они почти никому не проигрывали в стране!

Возможно, в Англии жили другие талантливые дети, но ко мне они не попали. Однажды на национальное зимнее первенство я не послала девочку, а их у меня в тот момент было в группе шесть. Подходит ко мне менеджер команды: «Олга, почему эта девочка не участвует в таком важном соревновании?» Я ему: «Ричард, они заняли первое, второе, третье, четвертое места. Ты хотел, чтобы они заняли еще и пятое и шестое?» В общем, мне можно было не ездить на соревнования по этой возрастной группе, я их могла разыгрывать у себя в Бишеме. Меня недолюбливали родители других детей, правда, они меня уважали. Своих я все-таки заставляла тренироваться и тренироваться много, вот они всех и обыгрывали.

В любом деле везение стоит не на последнем месте. Я показала английской федерации, как нужно про-

фессионально тренировать в этом возрасте детей, но они не могли собрать для меня нужный контингент и желаемый мною бросок вперед, увы, международного уровня не достиг. Например, шьешь платье из ситца и оно, как бы не был красив дизайн, все равно ситцевое. Я часто повторяю: какой бы ты не была искусной швеей, но если материал плохой, все равно платье по фигуре сидеть не будет. То же самое и в спорте, что бы ты не придумал, каким бы гениальным тренером ты бы не был, но если у тебя нет материала, из которого можно сделать суперигрока, ты его никогда не сделаешь.

Я не могу сказать, что девочки — это вечная проблема английского тенниса. Вместе со мной играли выдающиеся женщины — Вирджиния Уэйд, Энн Джонс, Джо Дюри, но сейчас пошли одни мужчины. Не пересчитать, столько талантливых мальчиков в Англии, но будут ли они большими игроками, неизвестно. Пока назвать можно только одного состоявшегося — Тома Хенемана. Но у него совершенно другой, в отличие от общества, настрой, он по своему страстному желанию побеждать настоящий чемпион. Хенеман истинный фанат спорта. Он уже в десятилетнем возрасте заявил: «Я буду игроком, не знаю, в теннисе или в гольфе, но обязательно добьюсь большой победы». Хенеман сам руководит своими тренировками. Везде же есть талантливые люди, которые вырываются вопреки всему.

Очень хороший мальчик тренировался у нас в Бишеме, я считаю, что таланта у него было не меньше, чем у Сафина. Но Сафин уже играет в Кубке Дэвиса, в турнирах Большого шлема, а тот еще близко к таким соревнованиям не подходил. А по таланту, повторяю, равен. По физическим данным — вообще лось. Ноги такие же, как у Сафина, но он еще выше ростом, чувство мяча феноменальное. Я смотрю на него и восторгаюсь: вот природа наградила! Но полное отсутствие

воли, он совершенно не готов к большим нагрузкам. Мы с одним тренером смотрели, смотрели на этого парня, а потом друг у друга спрашивали: «Как же он может, имея такие физические данные, не работать ногами?» Это все равно, что хорошо знать грамматику, а писать с ошибками. Такое происходит только потому, что он ленивый и равнодушный. В нем нет этого: «Хочу быть первым».

Все-таки в теннисе, да и вообще в спорте должна быть какая-то сумасшествинка, которая заставляет работать на сверхвысоких нагрузках, а если еще есть желание стать первым, то тогда оно помогает подняться. Хингис мне сказала: «Когда вижу фотографию Курниковой на журнальной обложке, тут же звоню своему менеджеру и говорю: «И я хочу такую же». Казалось бы, зачем ей это нужно? Она же и так уже Хингис, суперзвезда, у нее супермиллионы, но она по-прежнему хочет быть первой. Первой во всем и всегда. Она сказала: «Напрасно вы думаете, что, если я вижу, что Курникова подписала какой-то рекламный контракт, а у меня его нет, я спокойно к этому отношусь. Я ставлю вопрос перед своей менеджерской группой, чтобы мне контракт сделали еще лучше. Она получила один контракт на рекламу парфюмерии, а вы мне принесите два».

Такого настроения у моих игроков не наблюдается даже в бинокль. Смешно, но прежде всего именно к этому я оказалась не готова. Потому что в Москве приходит ко мне чей-то папа: «Ольга Васильевна, почему моя дочь тренируется только три раза в неделю? Она что — бездарная?» А в Англии мне говорят так: «Она, может быть, за неделю и приедет один или два раза потренироваться, но чтобы три-четыре, что вы, это нереально». Ну конечно же, девочка ведь должна пойти в школу на занятия по прихлопам и притопам, то есть какую-то чечетку отработать, потом ей обязательно нужно попасть на урок классического балета,

потом ей необходимо посетить кулинарные курсы. А как пропустить «митинг», то есть собрание, в школе?!

У нас с англичанами разный менталитет. Наши — еще, еще и еще. Наши знают, что спорт — это тяжелейший труд. Мы нашим английским ученикам с утра до вечера рассказываем, как надо тяжело работать, чтобы быть первым. А в Англии — неприлично быть первым, но не стыдно стать четвертым. И вот к этому менталитету я оказалась не готова. Мне их специалисты объясняют: «Русский спортивный менталитет строится на том, что вы голодные». Я спрашиваю: «А что делать с испанцами, они тоже голодают?»

Может быть, у англичан такой любительский настрой только там, где у них нет чемпионов. Но когда фигуристы-чемпионы Торвилл и Дин выступали на Олимпийских играх, вся Англия смотрела передачу из Сараево. Если английская сборная играет в футбол... Впрочем, футбол — это особая статья, я уже его поставила за скобки — это суперспорт. Если футбольный день, то можно спокойно доехать куда хочешь, редко какую машину встретишь на дороге. Обычно в пятницу вечером невозможно из дому выехать, такие пробки, но если играет сборная, на дороге абсолютно пусто, все смотрят своих любимцев.

Все равно внутри любой нации это есть: мы самые сильные.

Если я где-то слышу — есть хорошая девочка, я не задумываюсь, сможет ли она научиться играть в теннис? Я думаю о том, будет ли она играть в десятке? То есть ниже мировой десятки я не вижу ничего, у меня такой настрой. В Англии подобной страсти ни у кого нет, во всяком случае внешне и на словах. Может быть, внутри что-то и бурлит, но кажется, что никто не нацелен на то, чтобы ребенок, если он хорошо играет в теннис, рано или поздно обязан выиграть чемпионат мира, а если не выиграл — не дошел до цели.

В Москве мама приводит ко мне десятилетнюю девочку и уверяет, что она без пяти минут чемпионка мира. «Вы посмотрите, как она бежит, посмотрите, как она прыгает! Ольга Васильевна! Вы посмотрите, ведь она же прыгает лучше всех в школе». Значит, по мнению мамы, ее дочь играть уж точно будет лучше, чем какая-то Штефи Граф.

Когда я начала работать в Англии с тринадцатилетними, к тому же неподготовленными детьми, получилось, что я, специалист, имевшая учеников на уровне первой десятки мира, должна теперь начинать занятия чуть ли не с азов. Конечно, я оказалась в некотором недоумении. Меня поддерживала лишь надежда, что у Кати все будет складываться хорошо. Но не совпало. Не совпало.

* * *

Еще несколько слов об английском спортивном профессионализме. Я впала в легкий шок после того, как выяснила, что у меня нет тренера по ОФП, нет массажиста, нет врача. А тут и вовсе остолбенела. Если наши профессиональные тренеры прочтут эти строчки, то легко поймут мое состояние. Начинаясь в 1991 году, ни одна из английских теннисисток не входила не то что в мировую десятку, никто не наблюдался и в тридцатке. Я уезжала из Москвы с большими амбициями и, зная результаты английских теннисисток, думала, что могу помочь им подняться. Я называлась тренером национальной молодежной сборной, а у меня не было в команде массажиста! Не было и постоянного врача, кстати, его до сих пор нет. Есть консультант. Благодаря моим усилиям, во-первых, сразу же появился тренер по ОФП, который, собственно, потом и Хенеману помог, тот стал заниматься с ним общей подготовкой не самостоятельно, а профессионально. Мой тренер по ОФП побывал на Олимпийских играх в Москве запасным английской легкоатлетической сборной. Он отлично знал систему подго-

товки в легкой атлетике, а англичане в этом виде спорта хорошо и правильно тренируются.

Если у какой-то из моих девочек из сборной Союза случалась травма, то на следующий день она видела перед собой лучшего специалиста страны. Здесь я должна была везти спортсмена в JP (Дженерал Практишен), а до этого ждать назначенной консультации два дня, после которой мне обычно говорили, что игрок три дня должен отдыхать. Я никак не могла понять, как это возможно, чтобы человек, который занимался профессиональным спортом, порой неделями ждал консультации у врача! Это до сих пор в моей голове не уместается. Как можно травму лечить не сразу? Летом 1998-го я отвела Катю в диспансер ЦСКА. Первое, что мне сказал наш знаменитый врач Олег Белаковский — быстренько к врачу-специалисту. В Англии к травматологу не ходишь, там ходишь к физиотерапевту.

Когда Катя восстанавливалась после травмы, я допустила невероятную ошибку — доверилась местному врачу. Ему полагалось дать мне инструкции, какие процедуры я должна с ребенком делать, а он мне ничего не сказал. В сборной Союза доктор Юлия Ивановна Глухова ежедневно мне сообщала, как себя чувствует та или иная девочка. А в Англии такого нет, и я долго от такой свободы от медицины опомниться не могла. Сейчас, правда, многое изменилось в положительную сторону.

Я расспрашивала своих друзей, которые, как и я, уехали работать тренерами за границу, и выяснила, что мы все в общем-то прошли через одно и то же. Мы оказались совершенно не готовы к иной системе подготовки профессиональных спортсменов, причем значительно уступающей прежней советской. Сказали бы мне о таком раньше, я бы решила, что это пропаганда.

На Западе спортивные таланты могут «выстре-

лить» скорее вопреки, чем благодаря. Это прежде всего те ребята, на которых папа с мамой потратили большие деньги. Может, не во всех видах, но в теннисе и фигурном катании — совершенно точно.

Теперь я знаю, что, когда едешь работать тренером по контракту в другую страну, необходимо поинтересоваться, как там организована структура спорта. Сейчас происходят большие изменения в английской теннисной жизни, и мне кажется, что любому, кого они еще пригласят из иностранцев, я могу дать подробную консультацию: как надо себя вести и какие неожиданности его подстерегают на новой работе. У нас в стране в тренеры шли и идут те люди, которые, как правило, сами прошли через большой спорт. Другие варианты — редкость. Раньше назначали номенклатурного работника, например Павлова, министром спорта, но рядом с ним все равно были те, которые знали спорт, а он, будучи в общем-то сообразительным человеком, прислушивался к словам авторитетных людей, а порой даже учитывал мнение действующих спортсменов. Система подготовки спортсменов в СССР все время улучшалась и, как я сейчас понимаю, была одной из лучших в мире. В Англии вроде бы существует такое же правило, на места спортивных руководителей назначаются тоже бывшие спортсмены, но большинство из них не прошли через крупные турниры и победы, которые, как бы это не звучало банально, куют крепкие характеры. Поэтому им не кажется большим грехом что-то недоделать, свалить ответственность на другого, забыть о своем обещании.

Я, например, не знала такой «мелочи», что в Англии никогда не было детской спортивной школы. Мы с Витей сейчас пытаемся создать некое ее подобие. Но если ты сам играл на среднем уровне, то не очень понимаешь, зачем она нужна. Подобное несоответ-

ствие создает ситуацию, которую я, мягко говоря, называю сложной. Английской федерации нужны специалисты, досконально знающие английский теннис, знающие чуть ли не со дня своего рождения, но в то же время еще и понимающие, как дойти до мировой вершины. Найдутся ли, в конце концов, такие люди, мне неизвестно. Очевидно, что поиски затянулись, вот английская федерация и приглашает на работу иностранцев.

Сейчас у меня в группе совсем маленькие дети, и с ними куча сложностей. Но я их обожаю, моих крохотных спортсменов. Я теперь так часто вспоминаю слова своего тренера, Нины Сергеевны. Она говорила: «Я же вас ненавидела, когда вы приходили, противные девки, со своими накрашенными глазами и все время мне возражали. А когда ко мне приходит девочка с косичками и с бантиками, смотрит на меня голубыми глазками и делает все, что я ей говорю, она мне жизнь продлевает». Так вот, я сейчас работаю исключительно с «голубыми глазками», которые пишут нам с Витей открытки, в основном, конечно, Вите, они его безумно любят. Мы пытаемся каким-то образом настроить родителей этих маленьких десятилетних игроков на профессиональное отношение к занятиям детей. Что невероятно трудно в самой старой в мире капиталистической стране и что родители в России делают, когда их ребенка нет и шести.

Я как-то летом, находясь в Москве, прошлась по кортам ЦСКА и увидела, как маленькая девочка, крохотуля просто, бьет по мячу, но у нее уже поставлены удары! Часть из них, допустим, неправильные, я вижу, техника неточная, но качество работы уже профессиональное. А ей восемь, ну, может, десять лет. Такое редко увидишь в Англии, потому что это же дорого стоит, за такие удары родители должны раскошелиться. И в Москве теперь папа с мамой платят, но в Англии все равно каждый удар стоит дороже.

II. БОЛЬШОЙ ШЛЕМ — ШАГ ВПЕРЕД...

В 1974 году я играла решающий матч на центральном корте Всеанглийского теннисного клуба, но за прошедшие четверть века ни одна российская теннисистка так до финала в Уимблдоне не дошла. Мой рекорд пока остается непобитым. Я смотрю на статистику, которую мне дал наш известный теннисный энциклопедист Борис Фоменко, и думаю, сколько же всего матчей я выиграла? И не стесняюсь себе признаться: все-таки так я здорово выступала. В большинстве международных турниров, где я участвовала, я или побеждала, или добиралась до финала, в худшем случае до полуфинала. Может быть, в те годы уровень соревнований, выпадавших на мою долю, был не всегда самым высоким? Но и победа в первенстве Европы тоже придавала уверенность. Когда ты выигрываешь очередной турнир, это всегда утверждение себя. Если же проигрываешь, но хотя бы в полуфинале, то и этот результат поднимает тебя в собственных глазах.

Ни к нынешним нашим девочкам, ни к той будущей российской теннисистке, которая превзойдет мои результаты, ревности у меня нет никакой. Наоборот, когда хороший игрок выходит на корт, когда на него смотришь или, того больше, ведешь репортаж с его матча, ловишь себя на том, что смотришь на героя или героиню корта как на красивую картинку, а не как на главное дело своей жизни. Это все, конечно, твое, но уже из-за стекла. Когда я сама выходила на корт, ощущения от жизни у меня были совершенно иные.

В те дни, поднимаясь по ступенькам из раздевалки на центральный корт Уимблдонского турнира, даже не на матч, просто травку погладить, я чувствовала, как в организме начинает работать адреналин. Возник эмоциональный подъем, даже какая-то перевоз-

ность. А сейчас я веду репортаж с того же центрального корта и не замечаю даже отдаленно того вдохновения. И лишь однажды, когда Аня Дмитриева во время прямой трансляции неожиданно спросила, не помню ли я свои мысли при выходе в финал, я вдруг ощутила ускоренное сердцебиение.

За последние десять лет с того времени, которым я закончила первую часть моей книги, многое изменилось даже в неприступных традициях Уимблдона. Если раньше я указывала на бесконечные превращения «Ю.С. опен», то теперь и Уимблдон становится все более и более ориентирован на бизнес. Уимблдон разрастается исключительно для того, чтобы зарабатывать как можно больше денег. Построен новый теннисный корт с трибунами, вмещающими больше зрителей, чем центральный, но справедливости ради надо сказать: не англичане первыми начали эту гонку.

У каждой эпохи свое лицо. Мы свидетели нового строительного витка Большого шлема, и начался он с открытого первенства Австралии. Старый привычный стадион Куенг, который уже не годился для такого уровня соревнований, заменили на новый — Флинпарк. Австралийцы соорудили суперстадион с крышей, которая за восемнадцать минут закрывает поле во время дождя. Эта крыша оказалась «первой ласточкой» строительного бума. Действительно, австралийцы выиграли от перемены стадионов, потому что среди зрителей начался ажиотаж, да и больше звезд стало приезжать в далекую Австралию. Турнир совершил резкий рывок.

Следующими, кто продолжил подобное начинание, стали, конечно же, французы. Они построили новый корт «Сюзан Ленглен» — отныне так на Ролан Гарросе называется главная площадка турнира. Остался центральный корт, но есть теперь и корт «Сюзан Ленглен», и прежний первый корт — все элитные, все с большими трибунами. Французы устроили прекрасную «площадь мушкетеров» со скульптурами

Коше, Баратра, Лакоста, Брюньона. Федерация тенниса Франции купила для нового корта кусок земли в Париже! Звучит фантастически, денег это стоит немислимых! Возможно, они получили от властей большие скидки, потому после турнира на корты приходят обычные люди, на Ролан Гарросе играют дети. Есть специальный день, когда двери открыты только для юных.

Затем увлечение строительством новых кортов с большими трибунами перекинулось на первенство США, там тоже появился новый стадион. В конце концов этот бум докатился до Уимблдонского турнира. В 1998 году здесь открыли новый первый корт. Конечно, Уимблдонский турнир не может уйти от традиции, центральный корт есть центральный корт. И королевская ложа на нем останется на своем месте на все то время, пока в Великобритании будет существовать монархия. А может, даже дольше.

Я купила скамейку со старых, разбираемых трибун Уимблдона и поставила ее в садике нашего дома в Бишеме. Скамейка как скамейка, ничего особенного. Когда стали перестраивать первый корт, кому-то пришла идея продать скамейки с трибун. Естественно, первые, кто имели право их купить, были члены Уимблдонского клуба. Я совершенно случайно узнала, что Патрик Кэш отхватил себе такую, заволновалась, позвонила Роджеру, распорядителю клуба. Меня поставили в очередь, потому что я не член клуба. Наконец позвонили: «Можешь прийти, но выбор уже хуже». Не знаю, чем выбор оказался хуже, но на моей скамейке есть номер 12, а это счастливая цифра для меня. Заплатила я за скамейку 130 или 140 фунтов, то есть больше двухсот долларов, и теперь должна привести ее в порядок, немного отреставрировать. В скамейке со старой трибуны нет ничего необычного, но мне она дорога хотя бы тем, что она простояла на первом корте десятилетия, что при ней я выиграла юношеский Уимблдонский турнир. На этом же первом

корте мы с Аликом обыграли легенду тенниса Панчо Гонзалеса с Рози Казалс, на этом же корте я обыграла Билли-Джин Кинг. Все мои сенсационные победы на Уимблдоне связаны с первым кортом. Приятные о них воспоминания, конечно, и так останутся в памяти, но теперь у меня дома есть пусть немой, но свидетель тех побед.

Я пока не член Уимблдонского клуба, я стою в очереди на членство. Там со вступлением все очень не просто, не знаю, может быть, мою рязанскую родословную проверяют, а может, выясняют, была ли я агентом КГБ. Нужно сверхъестественное деяние совершить, например выиграть одиночный разряд Уимблдона, чтобы сразу стать членом AELTC — всеанглийского лаун-теннис клуба, — иначе говоря, войти в круг всего лишь трехсот теннисных небожителей. Кто-то должен умереть, чтобы первый стоящий в очереди занял его место. С другой стороны, певца Клифа Ричарда без таких трагических особенностей недавно приняли в клуб. Правда, я не знаю, сколько он передал денег на развитие тенниса в Англии, но догадываюсь, что много. К тому же он каждый год устраивает во время турнира свои вечера. Клиф даже пел на центральном корте, заполняя паузу во время дождя.

В Англии, чтобы стать членом престижного клуба, нужно так же долго жить, как и в России, чтобы стать известным при жизни. Вот мнение Джерми Бейтса, который до Тима Хенмена долго считался первым номером Великобритании, а сейчас национальный тренер мужской сборной. Естественно, вся сборная команда Великобритании является членами Уимблдонского клуба. Джерми точно охарактеризовал клубменов, которые играют в Уимблдоне в течение года. «За исключением двух недель турнира, корты в их распоряжении. Четыре человека, — говорит Бейтс, — выходят на площадки, три уходят сами, одного увозят в карете «скорой помощи». Но, — говорит Джерми, — как ни странно, на следующий день их снова четверо,

тот, кого увезли, опять приходит играть, такие они живучие». Подобное происходит там каждый божий день. Поэтому своей очереди на членство мне, скорее всего, не дожждаться.

Я уже говорила, что в обязательном порядке членами клуба становятся победители Уимблдона. Но если б я в тот день, когда вошла в одиночный финал, вдруг захотела стать членом клуба, наверное, меня бы приняли, потому что Бетти Стове это сделала. С другой стороны, великий Лендл хотя и сразу объявил о своем желании, однако так и не стал членом клуба, при том, что он несколько раз выходил в финал, но так и не смог выиграть Уимблдон. С какими-то дикими натяжками год или два назад его протащили в клуб. А Ян Кодеш, чьи результаты не сравнятся с Лендлом (в 1974-м он выиграл финал у Метревели), — полноправный член уже четверть века, у Яна синий значок, где маленькими золотыми буквами написано: AELTC. И благодаря этим золотым буквам можно во время турнира идти куда хочешь, стоять где хочешь, в том числе и на особом балконе. Сказка. Значок дает много самых разных приятных привилегий.

Каждый член клуба имеет право купить несколько билетов на Уимблдонский турнир. Не отхватить их бесплатно, как на Кубок Кремля, а именно «право купить блок билетов». И еще два места на трибуне центрального корта получить для себя на протяжении всего своего членства, с первого в нем шага и до конца жизни. Причем одни и те же места, например пятый ряд, двенадцатое и тринадцатое места. Выдают эти два как подарок, и еще за двумя ты уже встаешь в привилегированную очередь. Ты имеешь право на них пригласить только своих друзей, продавать «свои» билеты — боже упаси. Даже звезды и те не переступают этих границ. Со своим постоянным местом ты всегда на виду. И если вдруг распорядители заметят в престижных рядах даже не сомнительную, а

просто постороннюю личность, то мгновенно выяснят, на чьих креслах она расположилась.

В прошлом году у моей приятельницы, члена клуба AELTC, случилась страшная история. Она отдыхала на курорте, в дорогом и очень красивом месте, и чтобы отблагодарить человека, который пригласил ее, как я понимаю, бесплатно погостить, решила подарить ему билеты на Уимблдон. Позже выяснилось, что этот человек передал билеты своему сыну, ну а сын билеты «толкнул» или отдал приятелю, который и произвел столь простую, но очень выгодную операцию. Но пока это выяснилось... Наступает турнир, и моя приятельница не понимает, в чем дело, почему никто ей не звонит? Обычно, когда ты посылаешь кому-то билеты, тебе все-таки говорят спасибо. В Англии принято или написать записку, или позвонить и поблагодарить за внимание. «Но тут, — говорит моя подруга, — никакого ответа нет, я заволновалась, подумала, может быть, он не получил билеты?» Все это происходило в течение одного дня. Она спустилась в офис, где оставила конверт, спросила, взял ли ее гость билеты? Там проверили: да, забрал. Когда закончился Уимблдонский турнир, ее вызывают в офис дирекции и говорят: «Вы должны объяснить, кто сидел на ваших местах такого-то числа?» Она отвечает: такой-то. Они возражают: нет, такой-то там не сидел, потому что там оказались два человека арабского происхождения. Она сразу вспотела: «Этого не может быть, я должна сама все выяснить... У меня записано, что в этот день такому-то человеку я подарила билеты». Она звонит, выясняет... дальше уже все известно.

И у меня такая же история случилась, правда, на первенстве США. Моя близкая подруга Таня Наумко — тренер Чеснокова — и ее муж Коля пытались достать билеты на какой-то вечерний сумасшедший матч. Мне долго в дирекции чемпионата объясняли, что билетов нет, но в конце концов позвонили и сказали, что кто-то отказался от двух мест и я могу их вы-

купить. Время у матча позднее, у меня другие планы, но я помнила, что Татьяна с Колей хотели приехать на стадион. Звоню Коле, он: «Конечно, пойдем, никому билеты не отдавай». Оставляю их в офисе и спокойно уезжаю в город. На следующий день меня вызывают в дирекцию: «Оля, за сколько ты продала японцам билеты?» Я чуть не падаю: «Какие японцы?» Мне говорят: «На твоих местах сидели японцы». Я звоню Коле и выясняется, что он подарил их своим клиентам, а они — японцы.

В Уимблдоне есть люди, которые специально проверяют, кто сидит на привилегированных местах. Я хотела заранее купить у моей приятельницы, работающей в офисе Уимблдона, билеты, потому что ко мне такое количество людей из Москвы приезжает, что не хватает причитающихся для меня мест. Она говорит: «Оля, я могу лично тебе вручить билеты, но я должна знать, кто будет на этих местах сидеть». И когда меня москвичи спрашивают: «Оля, неужели ты не можешь договориться с кем надо?», я отвечаю: «На Уимблдоне договориться невозможно, потому что клуб за счет билетов живет». А так как он сам делает на них деньги, тебе такой же возможности он никогда не даст. И опять я ловлю себя на том, что коммерции в турнирах Большого шлема становится все больше и больше.

Повторю, что в своей статье Маккормик, основатель IMG, говорил, насколько важно, чтобы директором его отделения в разных странах обязательно назначался человек из местных, знающий специфику нации. Дополню, что и директором турнира может быть только выходец из той страны, где турнир проводится. Обратите внимание, во время первенства Франции, в часы ланча, трибуны пустые. Потому что для французов вовремя поесть — это святое. Кто бы в этот момент ни играл на корте, они все равно переместятся за столики. К тому же там еще и очень вкусно готовят. В Англии такого нет. Ланч ланчем, а трибуны

все равно не освобождаются. В Италии, на открытом первенстве страны, — важно, кто во что одет. Главное, чтобы видели, какой на тебе красивый туалет. На «Ю.С. опен» все по-другому, там главное — зрелище, азарт, темперамент. К чему я клоню, в чем именно прав Маккормик — директора стараются каким-то образом сохранять образ турнира. В Уимблдоне с появлением нового корта на стадионе стало заметно, что вокруг слишком много бетона, а бетон это уже не Англия. Я волновалась, когда шло строительство, даже мне почему-то такое не по душе. Но напрасны были мои тревоги. Все конструкции тут же покрасили в темно-зеленый цвет, и сразу новый стадион приобрел старинный оттенок. К тому же насыпали холм, где образовалась маленькая, но лужайка. Может быть, ее могли бы сделать и побольше, но и этой хватает, чтобы ты, как полагается настоящему англичанину, пришел со своим пикничком и расселся на траве со своей бутербродной сумочкой, разложив клетчатые салфетки. И конечно же, обязательный термос с чаем.

Есть на стадионе и ресторан, куда, правда, невозможно попасть. Я пришла с друзьями, мне говорят: «Что вы, у нас забронированы все места до конца Уимблдонского турнира». Ресторан устроен под трибуной нового первого корта, раньше рестораны на Уимблдоне не наблюдались. Всегда были «марки», шатры, которые снимала какая-нибудь фирма, куда приглашали ее гостей на обед. Существовала еще и сказочная обжиральня, но она предназначалась только игрокам. Теперь закусовых стало много — для прессы, для спонсоров, еще для кого-то. А пресс-центр такой огромный, что создается впечатление, будто на Уимблдоне проводят Олимпийские игры. Еще более грандиозное сооружение для прессы на «Ю.С. опен». Но что в Англии за двадцать лет так и не смогли улучшить — это комментаторские кабины. Может оттого, что главные события по-прежнему проходят на центральном корте, а он как был старин-

ный, так им и остался. Центральный корт, подчеркну, — это традиция.

А в Англии нет ничего важнее традиций.

Главное в Уимблдоне — лужайки и розы. Очень много роз. Все-таки англичане всегда останутся англичанами. Да, европейцы, но другие. Там и пицца продается, и все остальные радости быстрой еды, но антураж, свою прелесть они всегда сохраняют. Еще одна отличительная особенность Уимблдона, я о ней уже упоминала, — марки. Это цветной, чаще полосатый тент, который ставят на воздухе, на одной из лужаек рядом со стадионом. Очередь на право установить такой тент в Уимблдоне расписана на восемь лет вперед, впрочем, в Америке на «Ю.С. опен» то же самое с ложами. Сразу место себе «в высшем обществе» там купить невозможно. Во Франции бывают свободные места в секторе VIP, казалось бы, их можно продать, заработать деньги, но организаторы ими не торгуют, говорят, нам денег не нужно, мы и так имеем столько, что трудно истратить.

Для чего же все эти ложи и марки? Обычно крупная фирма или компания предпочитает принимать своих гостей в неформальной обстановке, но с учетом местных достопримечательностей, к числу которых, без сомнения, относятся турниры Большого шлема. Какое впечатление можно произвести, накрыв столы рядом с трибунами, говорить не стоит. Предположим, идут важные переговоры, а потом руководители компании приглашают делегацию партнеров посмотреть пару матчей в заранее снятой ложе, потом они выходят в марки на ланч, потом смотрят еще пару матчей, а после, как мне кажется, намного легче подписать желаемый контракт. Есть в кулуарах такая легенда, будто Маккормик, который помогает вести дела Уимблдона, пригласил представителей «Ролекс» в главную ложу на хороший матч и между прочим спросил: «А вы не хотите разместить здесь свое название?» На

следующий год на зеленых тентах появилось название знаменитой часовой фирмы.

В конце концов, считается престижным пригласить друзей на Уимблдонский турнир или на первенство Франции. Я не знаю, сколько стоят марки в Уимблдоне, но знаю, что двухэтажная ложа (в ней свой бар, комната отдыха) на новом центральном корте «Ю.С. опен» продается на две недели турнира за сто пятьдесят тысяч долларов. Примечательно, что за год до того, как стадион был построен, все ложи уже оказались проданными.

Последнее сооружение, введенное после реконструкции для турниров Большого шлема — это центральный корт на «Ю.С. опен», его запустили в 1997 году. Во Флешинг-мидоу старый центральный корт сделали ниже, как бы дали преимущество новому, и он возвышается большой шапкой, такой могущественный и заметный. А тот, что прежде считался центральным, теперь выглядит довольно уютно.

Почему теннисисты любят первенство Франции и Уимблдон? Потому что они проходят в клубах. Первенство Австралии и США — это пусть очень красивые, но стадионы. А Ролан Гаррос и Уимблдон — это клубы, где проводят турниры. Американцы, живо все чувствующие, пытаются превратить первенство США в некий огромный американский теннисный клуб. Сейчас, когдаходишь на стадион в парке Флешинг-мидоу, уже ощущаешь, что вошел в клуб, правда, в клуб невероятных размеров. Может, в этом тоже свой смысл? Наверное, в Америке все должно быть большим, в том числе и теннисный клуб. Грустно, когда там на турнире мало народа, потому что это слишком заметно при таком невероятном числе мест. Такое колоссальное пространство не может существовать без людей. А между кортами на «Ю.С. опен» большие площадки, где продается еда, спортивная и теннисная одежда, где стоят информационные щиты. Во Фле-

шинг-мидоу люди друг друга не толкают, кроме как у площадки, где идет интересный матч.

В чем прелесть Исборна — турнира накануне Уимблдона? Там смотришь на игрока и чувствуешь его буквально плечом, так как стоишь рядом с кортом. И на «Ю.С. опен» то же самое. Если на одном из разминочных кортов тренируется Пит Сампрас, готовясь к выходу на главную площадку, то можно спокойно пойти, постоять рядом и посмотреть, как тренируется первая ракетка мира. И получается, что зрители вроде бы участвуют в жизни игрока. На Уимблдоне такое невозможно, там, куда ни ступишь, игровая трава, никого к ней близко не подпустят.

Не могу утверждать: то ли когда турниры стали по-настоящему большими, появилось много коммерции, то ли, наоборот, коммерция сделала турниры огромными. Но зато в один момент везде сразу изменилось отношение к телевизионной трансляции. На первенстве Франции уже вводится цифровое телевидение, то есть любой зритель, оплатив специальный канал, может, сидя дома, заказать себе матч с того корта, где играет его любимец. Поэтому у каждой площадки располагается собственный комментатор, который любому подключившемуся расскажет о том, что на ней происходит, даже если зритель окажется всего один. То же самое вскоре произойдет и на Уимблдоне. Мне сообщали уже совсем невероятные вещи, которые ожидаются в ближайшем будущем на турнире во Всеанглийском клубе лаун-тенниса. Судя по грядущим изменениям, он будет приносить денег в два-три раза больше, чем сейчас.

Уимблдон — единственный турнир Большого шлема, который не продает рекламу. Только еле-еле проглядывает на зеленых фонах центрального корта — мячи марки «Шлезингер», и то их толком не видишь, да еще есть надпись «Ролекс» — время и счет отмеряется на табло этой фирмы. Другой рекламы нет. На первенстве Франции везде и «Лакост», и «Босс», и

чего там только нет. А уж о первенстве США и говорить нечего, там Сити-банк, Манхэттен-банк, еще какой-то банк... Но теперь подразумевается, что, покупая трансляцию с Уимблдона по диджиталу, то есть цифровой видеосвязи, фирма, работающая в Москве, может сама в нее ставить рекламу, все это уже прелести нового телевидения. Естественно, Уимблдон, продавая свои права, но не занимаясь впрямую рекламой, будет получать немалые деньги, сам ничего не рекламируя. Значит, они будут и дальше обогащаться, на что я очень надеюсь, так как спонсор английской федерации — Уимблдон, и моя зарплата начисляется из денег, что заработал самый знаменитый теннисный турнир в мире.

Десять лет назад я называла Маккинроя антигероем Уимблдона. Все же, несмотря на традиции, кое-что в жизни изменилось. Его теперь безумно любят в Англии, ему даже доверяют, неслыханное дело, комментировать турнир по английскому телевидению. Маккинрой был самым хулиганистым игроком, но и самым любимым, а теперь он один из лучших комментаторов в мире. Я с удовольствием слушаю Джона, у него неподражаемый шарм, у него свой стиль, у него, что неудивительно, огромное знание тенниса. Кстати, Алик Метревели как-то во время Ролан Гарроса брал у Джона интервью, и случайно разговор зашел о футболе. Все-таки футбол и Америка — довольно полусные понятия, но Маккинрой все знал даже о футболе. Из чего я делаю вывод, что он интересуется спортом основательно. Они с Аликом с удовольствием побеседовали о европейском футболе, и у Джона даже оказалось свое видение этой темы. Но прежде всего, конечно, он имеет свой взгляд на теннис. Маккинрой предельно объективен, у него необычный подход к каждому матчу, и даже критические оценки у Джона отличаются от тех, что дают другие. Есть у него любимцы на корте или нет, непонятно.

Когда Маккинрой рассуждает об игре Сампраса,

все-таки Питу приятно, кто его оценивает. Самpras же понимает, что он, конечно, великий, но и Маккинрой далеко не последний в нашем деле, они говорят на одном языке. Поскольку и тот и другой знают, что такое вершина. И ты на ней был, и он был, ты это выигрывал, но и он это выигрывал. Ты знаешь, как выйти на первенстве США в финал и как там надо играть, и он знает. Когда делает замечание Маккинрой, как бы не был знаменит игрок, он вынужден его «проглотить». Я однажды сказала приятелю Маккинроя: «Как же он справедлив», а тот отвечает: «А он и должен быть справедлив, потому что вхож в раздевалку». Это означает вот что: если я вхожу в раздевалку, я могу многое узнать. Когда игроки находятся в раздевалке, комментатору там делать нечего. Где-то теннисисты должны иметь защиту от прессы. В раздевалке ведутся куда более откровенные разговоры, чем на пресс-конференции. Но так как ты любим, тебя уважают, то ты в раздевалке свой. Игроки тебе там много чего расскажут, но нельзя потом совершить даже малейшей оплошности или бестактности.

Никак не могу в это поверить: развернутое на 180 градусов отношение к Маккинрою на Уимблдоне — хорошая пресса, масса комплиментов. А когда играл, в нем видели исключительно только хулигана на корте. Джон сам про себя смешно говорит: «Что поделывать, способный я человек, даже талантливый, но веду себя плохо». Я видела смешной маленький рекламный ролик, где Маккинрой беседует с Маккинроем. С одной стороны — аккуратный Маккинрой в белой форме Уимблдона, а с другой — всклокоченный Маккинрой с повязкой-банданой на голове, который швыряет на землю ракетки. Вежливый Маккинрой-комментатор спрашивает: «Джон, разве ты способен бросить ракетку?», а «другой» Маккинрой ему отвечает: «А как же не бросить, если у меня сейчас паршивое настроение!» Он снялся, может, и не как великий актер, но на твердую четверку, это уж точно. Так что Джон

прав, талантов у него много. Он был артист на корте, артистом остался и в жизни после спорта. Что немаловажно, знает себе цену. А еще, как выяснилось, и отец он неплохой, детей после развода оставил себе.

Вот «фокус», который изобрел, как мне кажется, сам Маккинрой. Во время репортажа к нему мог позвонить случайный зритель, и он отвечал на любой вопрос. Выглядело это грандиозно, тем более что в конце концов ему позвонил не кто иной, как многолетний соперник Маккинроя, герой «Ю.С. опен» Джим Коннорс. Коннорс давно не ездит на турниры, у него дома много дел, он занят своим бизнесом, но, возможно, хотел о себе напомнить. И вот Коннорс с Маккинроем разговаривают в эфире о том, что происходит на корте. Коннорс делает то, что сделал бы каждый американец, прошедший путь от рядового игрока до игрока великого, а потом ушел в бизнесмены, — он использует каждую возможность для рекламы. Джим между прочим напомнил зрителям, что скоро он будет играть там-то и в таком-то матче. Звезды играют ветеранские турниры — я о них еще расскажу, — которые пользуются в Америке огромным успехом.

Меня пригласил выступить на новом московском спортивном канале в прошлом теннисист, а теперь журналист и начальник этой радиостанции Борис Боровский, и мне, как и Маккинрою, звонили в студию слушатели, задавали вопросы, и я сама ощутила, что так получается довольно живое общение: каждый со своим собственным мнением выходит на тебя, и ты должна доказать, что твоя точка зрения имеет право на существование. Особенно меня донимали вопросом, почему я так хорошо говорю о Курниковой? Я ответила, что в конце концов мой муж — ее первый тренер, не могу же я критиковать работу мужа.

Многое изменилось за десять лет в турнирах Большого шлема. Многое изменилось вообще в теннисе. Сейчас стараются как можно больше сделать совмест-

ных женских и мужских турниров, потому что они пользуются большим успехом. И это, кстати, заслуга Большого шлема. Или сделать, как на Кубке Кремля: неделю играют женщины, а через неделю на том же стадионе — мужчины. Или, как турнир Эверт Кап в Калифорнии: он начинается как женский, потом, в середине, подключаются к соревнованиям мужчины. На все уходит десять или двенадцать дней. Самый большой из совместных турниров, не входящих в Большой шлем, — «Липтон» (сейчас он называется «Эриксон опен») во Флориде, на Кибескейне. Сделать так, чтобы турнир был одновременно и мужской и женский, очень трудно, настолько забит календарь соревнований, а перекраивать его — большая проблема. Всего в году 52 недели и больше их не станет ни за какие деньги.

Возникла еще одна тенденция: как можно интереснее проводить турнир, чтобы улучшить показ на телевидении. Пошли даже разговоры, что изменят счет. Но, как я понимаю, это будет уже не теннис, а другая игра. Если изменят счет или правила соревнования, как уже сделали, поменяв мячи, игра начнет принимать необратимо другой характер. Ведь теперь на всех четырех турнирах Большого шлема женщины играют более легкими мячами, чем мужчины.

У меня пару лет назад вышла из-за этого смешная история. Я знала, что мячи у женщин теперь другие, но никогда ими еще не играла. А тут пошла разминаться и что-то со мной делается не то, но попадаю: «Слава тебе господи, — думаю, — хоть чувство мяча еще осталось». А потом, посмотрев на банку, выяснила, что мне дали мужские мячи. Они как-то по-другому накачаны. Это делается для того, чтобы убыстрить женский теннис и, наоборот, замедлить мужской.

Опять же, я предполагаю, ради телевидения, центральный корт Ролан Гарроса соорудили более жестким, следовательно он стал быстрее. Нет, «землю» там оставили, но выложили тверже основание, поэтому

отскок получается быстрее. Розыгрыш из-за покрытия все равно длинный, но уже не такой, на котором засыпают. Понятно, что все нововведения отражаются на игроках, так как любые нюансы, связанные с ускорением, должны человека делать еще сильнее, еще активнее.

Но замечу, что и теннисисты сейчас отличаются от игроков моего поколения. Когда-то я говорила, что если оказываешься среди его мужской половины — будтоходишь в огромный лес. Сейчас в женской теннисной компании я испытываю те же самые чувства. Девочка ростом 182 сантиметра нормальное явление. Говорят, что наша Таня Панова со своими 153 попала в Книгу рекордов Гиннеса, потому что уже не будет профессионального игрока ниже, чем она, это просто невозможно.

Теннис становится все быстрее, все атлетичнее. Сейчас одного таланта мало, нужен еще пусть один, но какой-то сверхталант для того, чтобы стать игроком суперкласса, а все остальное может остаться на уровне обычного таланта. Раньше, чтобы попасть в первую десятку, достаточно было обладать исключительным чувством мяча. Теперь даже Хингис, наделенная невероятным предвидением, вынуждена что-то придумывать еще, потому что к ней нашли ключи. Почему игрок должен быть физически очень развит? Для того чтобы правильно подготовиться к ответу. А Хингис предвидит, куда попадет мяч, от Бога. Но отныне даже данное Богом преимущество уже не срывает на сто процентов. А ведь всего лишь несколько лет назад равных ей не было.

А уровень призовых денег?

Когда Билли-Джин Кинг выиграла Уимблдонский турнир, по-моему, это был 1968 год, она получила две с половиной тысячи фунтов (пять тысяч долларов). А сейчас получают восемь с половиной тысяч фунтов только за то, что прошли первый круг.

Первый приз на турнире «Ю.С. опен» в 1998

году — 700 тысяч долларов! Поэтому говорить о том, что было раньше, сравнивать этот приз с теми десятками тысячами, какая бы ни была инфляция, бессмысленно. Говорят, уровень жизни прежде был другой, но и люди были другие. Правда, про Америку такое можно сказать с некоторой натяжкой. Когда приезжаешь на «Ю.С. опен», там как двадцать лет назад все ходили исключительно в шортах и в майках, так до сих пор и ходят. Единственное, что меняется с каждым годом — это цены. На огромном стенде, где развешаны майки с эмблемой турнира, ты понимаешь, что лет тебе уже немало, потому что, когда ты приехала сюда первый раз, майка стоила доллар, а теперь почему-то сорок пять.

Моя московская подруга Лола Зеленова, много лет живущая в Нью-Йорке, привезла свою приятельницу из Грузии во Флешинг-мидоу. Очень хорошенькая грузинская дама, не зная традиций «Ю.С. опен», появилась там в черном туалете на высоких каблуках. А все вокруг ходят в коротких штанах и жуют гамбургеры. Мы тут же решили ее переодеть. Подобрали ей штаны, маечку, тапочки, чтобы все черное с нее снять. Благо, у нее были возможности купить майку с трусами за сотню баксов.

Если говорить об этой части турнира, Уимблдон делает самые большие деньги на своей продукции. Все вещи с такой маленькой буковкой «W» (она обычно бывает темно-сиреневой или темно-синей с зеленым — это традиционные цвета Уимблдона) стоят дороже, чем без нее, раза в два, но продаются во всем мире.

Сувенирная продукция, как и билеты, — не главная денежная программа, она одна из... Телевидение — вот король турниров Большого шлема. В 1997 году у Би-би-си с Уимблдоном заканчивался контракт. Понятно, что коммерческие телекомпании хотели бы взять Уимблдон в свои руки, но по Би-би-си объявили, что Уимблдон, Виндзорский дворец и Британский му-

зей — это уже достопримечательности страны, которыми не торгуют: «Уимблдон, — вещал диктор, — государственное достояние, то, чем мы владеем с Божьей помощью...» Надо думать, поэтому он должен работать только с национальной компанией. И Би-би-си получила, по-моему, десятилетний контракт.

Все четыре турнира Большого шлема, бывшие национальные чемпионаты, принадлежат национальным федерациям. Они их собственность. Но в Англии с Уимблдоном все сложнее, там фифти-фифти. Турнир — и собственность клуба, потому что он проходит на их земле, и федерации, потому что соревнование принадлежит ей. А Ролан Гаррос полностью принадлежит федерации. В Австралии земля под стадионом городская, в Нью-Йорке то же самое, здесь федерации стадионы арендуют. Однажды мэр Нью-Йорка Джулиани, похоже небольшой поклонник тенниса, запретил бесплатные парковки. В предыдущие годы за стоянку машин, которые возят игроков в Манхэттене, денег не брали, что, конечно, давало огромные привилегии, учитывая, что поставить машину там некуда, а гараж обходится больше десяти долларов в час. Джулиани не только эту привилегию отнял. Он не давал согласия на традиционное изменение расписания самолетов, чтобы те не заходили на посадку над кортами «Ю.С. опен». Все-таки с самолетами уладили. Но возник вопрос — приглашать мэра на турнир или не приглашать. Появилась такая маленькая замечочка, что, обойдя вниманием Джулиани, организаторы наверняка собьют его спесь и он разрешит машинам с эмблемой «Ю.С. опен» в дальнейшем бесплатные стоянки.

Четкость организации всегда определяется мелочами. Но любая мелочь в большом деле всегда важна. Был случай, когда уволили водителя, который опоздал заехать за мной. Я играла ветеранский полуфинал на «Ю.С. опен», и за мной заранее, часа за два, должна была прийти машина. Так я договорилась, учитывая

вечные нью-йоркские пробки, чтобы добраться до стадиона спокойно. Жду машину в девять утра, но ее нет. Звоню в дирекцию пятнадцать минут десятого, я начинаю уже дергаться, а машины все нет и нет. Понимаю, что пора бежать за такси. Не могу сказать, что я так уж серьезно отношусь к своему ветеранскому теннису, но турнир есть турнир. Я звоню снова: «Товарищи, уже двадцать минут десятого!» Тогда они перебросили ко мне машину из ближайшего отеля. Я успела размяться, но парня, который до меня не добрался, уволили. Он объяснил, что у него лопнула покрышка, тогда проверили колесо, повреждений не нашли и с ним распрощались. Оказывается, водитель заехал перекусить, но попал в трафик, случилась авария, полиция перекрыла чуть ли не половину хайвея. Ему бы сразу так и сказать, а он стал выкручиваться. А если бы машину ждала Селеш? Если бы это был не мой матч, а матч Селеш в полуфинале? И дело тогда бы упиралось не в то, успевает она или не успевает, а в телевидение, где каждая минута стоит десятки тысяч долларов. Ничего себе убытки, если матч опаздывает на полчаса! Об этом подумать невозможно. Но, наверное, подумали, и тут же водителя уволили.

И на первенство США, и на первенство Франции каждый день организаторы приглашают суперзнаменитостей, и об этом широко сообщается в прессе. То Том Круз появляется на трибунах, то погибший год назад Джон Кеннеди-младший. Этим людям даются бесплатные билеты, вокруг них непрекращающийся ажиотаж: лимузин подъезжает, лимузин отъезжает. Фотографии на следующий день в любой газете, обсуждается: кто с кем, кто в чем, будто проходят не спортивные соревнования, а кинофестиваль. Если прежде такой антураж предпочитали американцы, то, надо признать, в Англии сейчас происходит все то же самое. Каждый день на Уимблдоне кто-то из звезд: Элтон Джон, принцесса такая-то, принцесса такая-то. На Ролан Гарросе, как на съемках, сидят все звезды

французского кино. У Бельмондо там постоянная ложа.

Все так продумано, что я понимаю, работает мощный PR — паблик рилейшнс, как на выборах президента. Звездные выходы, причем никак не теннисных звезд — уже часть любого турнира Большого шлема — все связано с его имиджем. Это тоже новое — имидж турнира. Уимблдону не нужно менять имидж, а вот «Ю.С. опен» изменяет и улучшает свой имидж, тем же занимается и первенство Франции. Имидж Уимблдона чисто английский — его традиции. Как люди привыкли к чашке чая днем, точно так же они привыкли к тому, что начало Уимблдона — это конец июня. Теперь это тоже называют имиджем — умение не менять сроки.

III. ОСТАВАЯСЬ С ЛУЧШИМИ

АННА ДМИТРИЕВА

Наша дружба с Аней все эти годы, естественно, продолжалась и продолжается. Но сейчас в ней появилась новая связующая нас нить. Я о том, что теперь мы нередко вместе с Аней ведем репортажи с больших теннисных турниров. И тут возникла интересная ситуация, потому что у нас даже в этом деле проявляются характеры, когда мы с ней, забыв о микрофоне, начинаем спорить, отстаивая свое мнение. Необходимо отметить, что эти споры совершенно не относятся к нашим личным отношениям, хотя, если послушать, как мы выясняем свои отношения в эфире, скажу мягче, обсуждаем тот или иной удар, поверить, что Аня — моя самая дорогая подруга, наверное, трудно.

Когда же репортаж заканчивается, начинается время шуток, потому что мы вспоминаем, как друг с другом чуть ли не поругались. Но мы все равно не-

множко доспариваем. Диспут кончается за обеденным столом, где мы обе, любящие вкусно поесть, замечательно проводим время, тут приходит час воспоминаний о других жизненно важных делах, прежде всего о детях.

Уже большой кусок жизни рядом прожит и много в нем случилось и хорошего и плохого, много людей, с кем мы были близки и знакомы, уже ушли из жизни, а многие из тех, кого мы знали, заняли совершенно не ту позицию в жизни, которую, нам казалось, они должны были занять.

В Англии я узнала о том, что Ане представилась возможность перейти из государственного телевидения на частный канал — НТВ. Я не сомневалась в ее возможностях, что она и там будет на ведущих ролях. Так оно и получилось, ведь Дмитриева не только комментатор, прежде всего она одна из тех, кто определяет все спортивное направление канала. Во время Олимпийских игр 1996 года я приехала в Москву. Репортажи, которые шли из Атланты, велись по всем программам. Я же была рада, хотя и не знала ни внутренней подоплеки, ни конкурентной борьбы между каналами, что так интересно, как у нее, ни у кого не получилось. Может быть, потому, что репортажи по НТВ строились не как чисто спортивные, они оказались и познавательные. Я помню, что Лена Ханга говорила о жизни негритянского населения в Атланте, НТВ нам рассказало об истории этого города, этого штата, истории «Унесенных ветром», которую мы все захлеб читали.

Должна покаяться — мы с Аней это уже обсуждали, — что мой русский язык стал за девять лет намного хуже, я иногда закидываю в него английские словечки, причем совсем не из-за того, что я прекрасно знаю английский язык, а из-за того, что в повседневной жизни я говорю большей частью на английском. Это выглядит еще заметнее на фоне Ани, у которой

манера поведения и речь всегда соответствовали высокой культуре.

То, что Дмитриева руководит спортивным каналом, об этом мало кто знает. Это очень тяжелая работа, она многое пытается изменить, а наши телезрители оценивают ее в основном по репортажам. А на самом деле у нее огромная нагрузка, немалая для женщины, что же говорить о женщине, которая продолжает вести хозяйство в доме, при том, что она по-прежнему замечательно готовит обеды, обожает всех своих внуков и возится с ними.

У Ани все всегда конкретно, она человек довольно открытый, патриот в самом лучшем смысле этого слова, и поэтому между нами не мог не возникать вопрос об ее отношении к моему отъезду. Но когда я уехала, она меня не сильно осуждала, потому что в конце восьмидесятых наступил период, тяжелый для большинства. У нее же в это время дела складывались, как мне кажется, хорошо, она из программы «Время» ушла на молодое Российское телевидение. Перестройка давала Ане большой толчок для деятельности и роста. У меня как раз все получалось наоборот, потому что выше, чем тренер сборной Советского Союза, мне подняться было уже некуда. Получалось, что я должна, чтобы выжить, опуститься на уровень тренера клуба, подкидывать мячи состоятельным людям. Хотя я считаю такую работу совершенно не зазорной, но обидно ради этого пройти весь свой чемпионский путь.

В каждом нашем совместном репортаже Аня обязательно призывает меня к тому, чтобы я каким-то образом повлияла на родной теннис, чтобы приехала и вела бы работу с молодыми игроками. Я ни в коем случае от этого не отстраняюсь, но на протяжении многих лет и я и она работали, можно сказать, бесплатно. Но сейчас уже этот опыт почему-то не хочется повторять.

Говоря о зарплате в России, я предполагаю некий приемлемый уровень, я даже не говорю о мировом — это совершенно несопоставимо. Я бы работала в Москве с удовольствием, у меня мама здесь, у меня здесь хорошая квартира. Меня радует каждый мой приезд в Москву, здесь у меня много друзей, я люблю жизнь в Москве, я наслаждаюсь ею. Да, я с удовольствием работала бы дома, если бы мне платили нормальную зарплату. Я ведь знаю про женский теннис намного больше, чем кто-либо в России. Меня приглашают на международные конференции и конгрессы, я езжу на соревнования и смотрю большие турниры. У меня сохраняется больше возможностей для постоянного совершенствования, для творчества, чем у любого тренера, живущего в России.

Аня все это понимает, но каждый раз как бы подзадоривает в эфире выпалить (Оля, ну давай, вот сейчас скажи): «Я приеду на турнир в составе тренеров сборной России». Я ей скромно отвечала: «Аня, я согласна, но это не так просто». Можно, конечно, гордо сказать: «Я, Морозова, пойду к Лужкову и скажу: «Хочу, чтобы в Москве открыли школу Морозовой». Но на это нужно положить всю оставшуюся жизнь. Но сколько же раз можно жизнь закладывать? Каждый раз, когда приходят ко мне молодые и предлагают начать что-то новое, я отвечаю: «Начинайте вы, молодой человек. Идите, пробивайте стены, а я вам буду помогать. Я готова приезжать, открывать двери кабинетов, а вы ломитесь дальше. И пожалуйста, пользуйтесь моим именем для общего дела».

Как я понимаю, здесь нужен очень деятельный молодой человек, не только успешный бизнесмен, но и чтобы у него ребенок играл в теннис. Как говорил Семен Павлович Белиц-Гейман, гарантия любого государственного дела — личный интерес. Тогда бы этот бизнесмен, наверное, пробивал бы любые стены, у него появились бы амбиции: сама Морозова будет мо-

его ребенка воспитывать, только срочно нужно ей построить школу. Наверное, такого человека мне полагалось бы найти. Но я вижу, что с каждым годом сделать нечто подобное мне все сложнее и сложнее.

За прошедшие годы моя дочь выросла, закончила школу, поступила в университет в Америке. Я волнуюсь за нее, мне хочется ей помогать, чтобы она не сделала в жизни ошибок. Проблемы моей Кати — это часть каждого моего дня, и с ней мне не хочется расставаться. Возможно, что даже в таком желании есть некое влияние Запада, потому что в СССР у меня, и не только у меня, на первом месте стояли спортивные победы, семья — на десятом. Как мне кажется, в такой постановке вопроса Аня со мной согласна. Я с удовольствием буду заниматься с ее внуком, я буду заниматься с внуками Алика Метревели и всеми знаниями, что у меня есть, готова помочь детям и взрослым. Но на такой героический шаг, как самостоятельное пробивание своей школы в России, уже не способна. Кто знает, может быть когда-нибудь и для нее настанет время. «Школа Морозовой» — звучит красиво, очень красиво. Но все надо делать профессионально, да я и никогда не могла чем-нибудь заниматься просто так. Я разговаривала с интересным тренером из Швейцарии Эриком ван Хаперном, он тренирует Шнайдер, он тренировал Мартинес, а сейчас создает свою школу в Испании. Мы разговариваем с Эриком на одном языке, он понимает и я понимаю: чтобы ученики добились успеха, нужны огромные материальные возможности. Где их найти? В нашей стране?..

Я поехала в Англию с амбициями, потому что не сомневалась: все на свете можно поднять и перевернуть. Но не предполагала, как трудно это делать в стране, где корни у людей совсем не те, что у тебя, нутро человеческое совершенно иное. Конечно, там тоже есть у людей амбиции, но амбиции другого уровня, не понятные русскому человеку, потому что у них отсутствует то, что движет нами.

Вот наш пример. Я встречаю на Кубке Кремля Ксюшу Лифанову, которую когда-то тренировала Нина Сергеевна Теплякова. Ту самую Ксюшу, которая прыгала передо мной сперва с косичками, потом уже с хвостиком, наконец, с длинными волосами. Теперь у Ксюши двое детей. Ее старшая девочка выходит передо мной на корт показывать свои замечательные возможности, а девочке девять лет! После того как ее мама рассказала об их расписании, я подумала, что сама я столько не тренировалась перед Уимблдоном, сколько тренируется эта девочка. Причем сама Ксюша была такая розовая, такая замечательная, так наслаждалась жизнью. Она даже иногда забывала приходить на тренировку. А тут целенаправленная, серьезно настроенная мама, которая видит в своей дочери будущую чемпионку. И вот результат: прыгучие ножки, хороший удар справа и слева, потрясающие возможности, а ребенок-то девятилетний! Ксюша меня в какой-то степени даже шокировала, когда своим мягким, нежным голосом рассказывала про успехи своего ребенка. Я смотрела на ее дочку и наслаждалась, а потом подумала: боже ты мой, эти программы совершенно немыслимые для моих английских детей.

Но я отвлеклась от своей подруги. В своей красивой деревне, в Бишеме, я была в курсе всего, что происходило с ее детьми, с ней самой, с ее семьей, а это давало мне полную картину того, что происходило в России. Совсем взрослым стал ее сын Митя, у него тоже двое детей, мама со стажем ее дочь Марина, а я их помню детьми, которые росли на глазах, которые тоже играли в теннис. Теперь, когда они сами стали родителями, в теннис играют их дети, но бабушкины способности передались только одному внуку — сыну Марины — десятилетнему Кириллу.

Наверное, мне со стороны виднее, как меняется Москва, город, в котором я родилась и выросла.

Я замечаю, как большинство ее граждан уже привыкли к другим интонациям, что жизнь уже не стоит на тех основах, на которых в школе воспитывались мы. Нас же поднимали в духе советского патриотизма, а сейчас то прежнее настроение ушло, испарилось. Идеология слов превратилась в идеологию выживания. Это было очень заметно в начале девяностых.

Мне кажется, что к концу девяностых уже что-то наладилось, я все чаще и чаще встречаю людей, настроенных на нормальную жизнь. Но похоже, что мое поколение немножко напугано, и в нем нет первоначальной бодрости. Попав в Москву после августа 1998 года, я увидела общее замешательство. Негаснущий патриотизм, который бурлил в Ане, сейчас немного приостыл, так как на телевидении, как я понимаю, нелегкие времена. Впрочем, все, кого я видела в те дни, застыли. Все в ожидании, но, впрочем, ожидание совсем не то, которое я наблюдала в 1989-м или в 1991—1992-м, оно другого характера. Там обстоятельства выглядели так: куда деваться? У меня в московской квартире висит картина, которую я купила в 1989 году. Не могу сказать, что это значительное произведение искусства, но русский пейзаж, изображенный на картине, связывает ее для меня со знаменитым грузинским фильмом «Покаяние», где говорилось, что любая дорога должна вести к храму... На моей картине русская, подмосковная серая деревушка. А в конце дороги — церковь. И наверху, над ее куполом, пробился маленький луч солнца. Я не случайно купила эту картину. Она созвучна времени: немножко солнца уже пробилось, но все-таки мрачности пока еще много. Я пишу эти строки в 1999-м, десять лет моей картине, а ощущение, что «деревушка» изменилась только чуть-чуть. Один кирпичный дом появился на ее улице, второй... Но облака все еще серые.

АЛЕКСАНДР МЕТРЕВЕЛИ

«...Алик выиграл гейм и выиграл свой последний матч». Так я закончила свои воспоминания о Метревели десятилетней давности. Теперь я знаю, что та победа была последней его большой победой в жизни.

Сейчас уже можно сказать, что потенциал Алика раскрылся полностью только в теннисе. В жизни после тенниса Алик прежнего успеха повторить не смог. Казалось бы, начиналась новая пора, существовала крепкая база, я не сомневалась, что у него должно сложиться все удачно. Но как часто бывает в реальной жизни: нужно суметь сделать несколько правильных шагов. А один неправильный может сразу тебя увести далеко от успеха. Все, как в теннисе, когда один-единственный мяч в двухчасовом матче решает — победа или поражение. Мне кажется, что везение, которое Алик сполна использовал в спортивной карьере, там же и кончилось. Почему я думаю, что фортуна покинула его? Потому что Метревели, закончив выступать, чуть ли не каждый год создавал что-то новое, увлекался какой-то идеей, полностью отдаваясь ей, а она, как правило, ничего не приносила. Вот уже десять лет, как мы живем в Англии. И за это время то огромное количество проектов, которые Алик начинал, в общем-то получались, но получались как бы до половины, ни разу до конца. Того настоящего масштаба, которого, как мне кажется, он заслуживает, ему так и не удалось достичь.

Я могу и желаю ошибиться, потому что Метревели еще активный человек, у него еще есть время, он еще может многого добиться. То, что он сейчас помогает, и ощутимо помогает, узбекскому теннису, достойное занятие. Но, мне кажется, с куда большим увлечением он ведет репортажи по НТВ. Я не сомневаюсь, что профессия комментатора — его любимое дело, которому он отдается полностью. В 1998 году, когда мы с

ним работали на первенстве Франции, случилось, что он один вел репортаж пять часов. Шел мужской матч, мы с Аней ушли из комментаторской, а мужские встречи проходят и за час двадцать минут, и за пять часов. Получилось пять, если не больше, Алик измучился невероятно, но когда мы вернулись, то увидели и огромную физическую усталость, но и такое же моральное удовлетворение.

Точно так же в пятисетовом матче он отдавал все и выигрывал. И здесь, в Париже, он «играл» до конца, наслаждаясь, как мне кажется, этим. Но в жизни есть и быт, и нередко для того, чтобы сделать ее комфортной, приходится заниматься вещами, не приносящими радости. И я живу так же. И, наверное, на этом этапе судьба сложилась у нас одинаково.

Если я занимаюсь на корте со своей подругой и ровесницей Лолочкой, помогаю овладеть подачей, которая ей трудно дается, я все равно буду загораться, все равно придет азарт добиться своего, потому что я люблю теннис и люблю людей, которые играют в теннис. Но когда вечером приходишь домой, то думаешь: «Боже мой, на что потрачено время?» Наверное, я бы чувствовала большее удовлетворение, если бы сказала: «Вчера я Хингис удар справа подправила». Наверное, Алик точно так же, когда выходит на площадку, чтобы провести занятия с молодыми теннисистами из Узбекистана (как и я, когда выхожу на нее со своими девчушками из Англии), увлекается и не жалеет себя. Но не удивлюсь, если он точно так же, как и я, потом думает: «Черт побери, что же я делаю, вместо того чтобы подправить удар слева игроку первой десятки?» У нас, у чемпионов, амбиции никуда не делись, они вместе с молодостью не проходят, этим мы с Метревели похожи. Закончив играть, но работая тренером сборной СССР, я не ощущала себя «за бортом» — за мной, как и раньше, стояла великая страна, я боролась за ее честь.

Я думаю, не случайно так сложилось, что Алик с Наной живут вместе столько лет, уже внуки подрастают. Есть еще одно общее у нас с ним. Алик — это ядро, семья вращается на разных орбитах, но вокруг него, Аня Дмитриева — то же самое. Я считаю, что и мы с Витей живем так же, его жизнь вращалась и вращается вокруг моих дел, вокруг моей жизни. Я не думаю, что чем-то его обижаю, он и сам так говорит. Наверное, такое происходит из-за того, что и Алик и я, мы оба сильные личности, а может, из-за того, что мы по-прежнему, возможно и ошибочно, чувствуем себя лидерами. Мы, как и прежде, принимаем решения, а главное — не боимся их принимать. Далекое не факт, что мы правильно выбирали направление, но дело в том, что мы не пугаемся выбора.

У Алика в Тбилиси есть большой дом, он строит там за городом дачу. Есть квартира в Москве, потому что Алик здесь работает на телевидении. Он, в отличие от меня, в штате НТВ. Старший сын Алика и Наны живет со своей семьей только в Тбилиси. А младший недавно тоже стал папой, и сейчас он вместе с родителями в Москве. Но, честно говоря, я запуталась, кто где. Последний раз я видела Нану вместе с младшим сыном в Нью-Йорке, они поехали повидать своих друзей. Кочевая жизнь для нас привычна.

У Алика красавица внучка, ей десять лет, в прошлом году она приезжала с ним на Уимблдон. Настоящая грузинская девочка, цветочек, ангел. Алик при ней как масло тает. Кажется, скажи она: «Дай миллион», тут же его даст, даже если у него миллион нет. Рядом с внучкой он так расслаблен, что понимаешь — это его кровь. И она нежно так смотрит на дедушку и говорит: «Вайме, А-алик», — умереть можно.

У Метревели, кроме этой девочки, еще три внука. Так что с наследниками все в порядке. Написала и самой смешно: Алик Метревели — дедушка.

БИЛЛИ-ДЖИН КИНГ

Как ни странно, спустя десять лет после переезда в Англию, я не то чтобы чаще стала видеться с Кинг, но больше проникалась масштабом ее личности. Возможно, Кинг полагалось родиться хотя бы для того, чтобы в мире был создан профессиональный женский теннис. Она первая, которая на нем настояла, и единственная, которая верила в то, что он встанет на ноги.

В 1998 году исполнилось двадцать пять лет, как Кинг обыграла Бобби Рикса. Эту дату отмечали, и я смотрела ее прекрасные старые матчи по телевидению. Понятно, что Билли-Джин сегодня уже мало похожа на ту девушку, которая много лет держала первое место в мировом женском теннисе. Американская федерация пригласила ее работать в свой совет директоров, для того чтобы она помогла правильно сделать выбор, чтобы теннис в Америке вновь вышел на те позиции, на которых он был в семидесятых годах. Увлечение теннисом в Америке идет на убыль. Число проданных ракеток, суммы за аренду кортов, количество проданной одежды — это самый объективный показатель — так же как и проданные мячи и тапочки. Общая цифра этих продаж, пусть немного, но снижается. По всем позициям теннисный бизнес вошел в некое неустойчивое состояние. А в Европе дела идут намного лучше. В Москве просто бум — образовался мощный женский турнир, подписан на него контракт с каналом Евроспорт, значит, женский теннис в Старом Свете начнут больше показывать по телевидению.

В Европе не наблюдается того спада, что происходит в Америке. Например, в 1998 году зрителей на «Ю.С. опен» пришло меньше, чем обычно. Но, кстати, женский теннис посмотрело больше зрителей, чем мужской. Может, слабое посещение турнира связано с тем, что Агасси не играл? Не знаю. Во всяком случае,

такое положение дел, конечно, волнует всех, кто связан с теннисом в Америке, потому что теннис давно уже здесь не просто игра, а прежде всего большой бизнес. Не только Кинг, многие прежние звезды призваны на помощь, чтобы переломить ситуацию. Невероятное количество денег бросается на то, чтобы теннис вновь стал набирать популярность. В Америке не допустят, чтобы деньги пропали зря. Поправить дело можно только одним — привлечь людей на корт. В Америке без звезд бизнесом заниматься нельзя, потому что, если в рекламе нет примера звезды, ничего не продашь. Им обязательно нужно, чтобы впереди маршировал самый главный, самый наилучший чемпион.

То, что женщины сейчас пользуются большим интересом, чем мужчины, само по себе замечательно, но, честно говоря, женский теннис, да и весь женский спорт, не определяет популярность вообще спорта в мире. Это право остается пока только за мужчинами. Так получилось, что в американском теннисе из великих остался только Сампрас — единственный, кто способен вести себя как лидер, но он, во-первых, лидер уже очень давно, а во-вторых, не так популярен, как Агасси. Нужен новый герой, который пусть через три года, но должен показать такой же результат, как Сампрас. Американцы ищут, но не могут найти. У женщин есть Девенпорт, есть сестры Вильямс, есть Сандра Рубин, а потенциального мужчину-лидера они все никак не обнаружат.

Пока лучшее, что они нашли, — это Тейлор Дент, сын австралийского теннисиста. Хорошо у Тейлора мама американка, поэтому американская федерация считает его своим. В надежде, что Дент станет первым номером в мире, ему уже сейчас предлагают какие-то баснословные контракты. Все только ждут, когда он поднимется на первое место, уж очень нужна суперзвезда, иначе бизнес загнется.

Впрочем, американская звезда не помешает и мировому теннису. Ничто так не популяризирует игру и

не поднимает заработки, как соревнование между Европой и Америкой в любом виде спорта, что же тогда говорить о теннисе (Хингис и Вильямс — один из примеров, на самом деле их сотни).

Так вот, возвращаясь к Кинг, у нее чуть ли не у первой родилась идея, что теннис нужно уметь продавать. Но в том виде, в каком теннис дожил до наших дней, его продать тяжело, потому что игра небыстрая, счет сложный, а правила — сразу не поймешь. Кинг правильно говорила, люди путаются: что такое WTA? что такое ATP? что такое ATF? что такое очки ITA? Сампрас по очкам ATP вошел в финал, то есть в восьмерку профессионального чемпионата мира, а по очкам «Мерседеса» не вписывается в какое-то турне, зато по очкам Большого шлема он даже не в первой тройке. Народ обалдел, у одного Сампраса получается чуть ли не десять пар разных очков. Нам, теннисистам, тяжело разобраться, а каково рядовому зрителю, который приходит посмотреть турнир и хочет знать, кто в рейтинге первый, кто второй, кто третий? Когда подводят итоги Большого шлема, нам объясняют: «Это чемпионат мира!», потом выясняется, да, это чемпионат мира, но только по очкам Большого шлема. А вот через две недели будет ATP-чемпионат, вот это уже точно чемпионат мира, но, правда, по очкам ATP. И все в ауте: Сампрас один, а очки у него разные.

И тогда Кинг предложила все упростить. Начались фантастические разговоры о том, что теннис будут играть по четыре гейма в сет и сразу — тайбрек, потому что невероятно долго по телевидению идет один матч, целиком его смотреть невозможно, если только это не Кубок Дэвиса или Кубок Федерации. Впрочем, полную аудиторию эти соревнования собирают, понятно, лишь в двух на данный момент соперничающих странах. Нередко надо просидеть у телевизора три с половиной часа, чтобы досмотреть матч до конца. Кинг не ограничилась только предложением о сокращении времени на партию, у нее есть масса и дру-

гих идей. Она всегда считала и, на мой взгляд, правильно считала, что теннис должен быть командной игрой. Потому что зрители любят командные соревнования. Кстати, раньше я уже писала о том, что она борется за внедрение своего «Уорлд тим тенниса». Соревнования эти существуют до сих пор, у них только менялись спонсоры. Кинг продала свои права на этот турнир и продала их хорошо.

Наши с ней отношения никогда не прерывались. Билли-Джин помогала моей дочке, написала Кате рекомендательное письмо в Стенфордский университет. Правда, Катя туда решила не поступать и выбрала UCLA (Университет Лос-Анджелеса), тем не менее Билли-Джин поступила как настоящая подруга, потому что рекомендательное письмо на Западе — это серьезно, как у нас в свое время характеристика на выезд. В Стенфорде важно, чтобы рекомендательное письмо пришло от человека, который в стране известен. А Кинг как-никак знают на ее родине.

Билли-Джин по-прежнему принимает участие в моей жизни, и я каждый раз убеждаюсь, что ее совет никогда не бывает пустым. Единственное ее пожелание, которое я не выполнила, — не осталась в свое время в Америке. По-своему она и тут была права — в то время, чтобы стать профессиональным игроком, надо было остаться на Западе. Я ее не послушалась, и, если помните, тогда она мне сказала: «Вступай в партию». Вот здесь я точно выполнила ее завет. Кинг, правда, так и не узнала, что в партию меня приняли раньше, чем она мне это посоветовала.

Она не только мне давала ценные указания. Крис Эверт, вспоминая о своей жизни, обязательно назовет момент, когда Кинг ее чему-то научила. Трейси Остин никогда не забудет рассказать о советах Кинг. Мартина, та просто всегда опиралась на Кинг. У Билли-Джин, безусловно, есть способность предвидеть будущее.

Казалось бы, такой доброжелательный человек, но она всегда скандалит и ругается. У нее нормальный бабский характер. В очередной раз при нашей встрече ветеранов она почти со всеми разругалась. Но когда речь идет о большом деле, тут Билли-Джин действует лучше многих мужчин. Еще раз скажу, что именно тот давний матч с Бобби Риксом перевернул женский теннис. Сработало ее чутье на азарт и ажиотаж, которые начались вокруг этой встречи. И сейчас, когда Кинг пытается что-то сделать, чтобы поднять к теннису интерес, она как всегда права: к нему «в упаковку» хорошо бы что-нибудь положить.

Кинг объявляет: первым делом, чтобы поднять популярность тенниса, надо придумать, как заинтересовать детей. Замечу, что так нужное теннису некое помешательство происходит в Англии в футболе, причем не в легкой форме, даже на встречах местных команд. Такого местного, периферийного футбола, какой есть в Англии, нет нигде. Билета на матч двух районных команд, когда играет, допустим, Кембридж с Оксфордом, не купишь. Кембридж — Оксфорд — это я уж очень высоко подняла планку, лучше — Марлоу с Хайуиком. Абонемент на стадион передается в семье от поколения к поколению. Ты отдал его своему сыну, твой сын передал своему сыну, и таким образом место на британском варианте нашего «Пищевика» закреплено за семьей Адамс навечно. По-другому билет купить почти невозможно. Вот что такое британский местный футбол.

Билли-Джин права: если командные соревнования по теннису устраивать между местными клубами, то его популярность резко вырастет. Маленькая Маша или маленькая Мери обязательно захотят играть в одной команде вместе, например, с Линдси Девенпорт. Трудно себе представить, что это такое и какой будет интерес к таким матчам? Но Кинг утверждает: стоит такое устроить и теннис вновь выйдет на новый виток.

О Билли-Джин невозможно говорить походя, потому что она — личность. Быть личностью дано не каждому, единицам, она одна из них, из редких. Я не исключение, как и Эверт, и Навратилова, я всегда с восторгом вспоминаю о ней. При всех ее завихрениях, при ее совершенно мне не понятном, порой даже парадоксальном образе жизни. И, конечно, я беспредельно уважаю ее как великую чемпионку.

Когда много лет назад я начинала писать эту книгу, об отличной от традиционной сексуальной ориентации Кинг, как, впрочем, вообще на эту тему, не то что рассуждать, заикаться в стране не разрешали. Сейчас «про это» у нас говорят открыто. Многие считают, что с Кинг пришел в теннис не только профессионализм, но и лесбиянство. Но это не так, ненормальные сексуальные отношения в женском теннисе начались раньше, намного раньше. Лесбиянками были Дарлина Хард, Мария Буэно. Хард, как я понимаю, как раз и стала одной из первых подруг Билли-Джин. Подробности мне неведомы, все это довольно интимные моменты, но в чем я абсолютно убеждена, Кинг никогда здесь первенства не занимала. В ее спортивные времена и на Западе эти вопросы как публичные были закрыты, и если случались обсуждения и разговоры, то за семью печатями. Это сейчас открытым текстом можно услышать про проблемы лесбийской любви повсюду. Кинг довольно долго была замужем, потом брак распался, и, насколько мне известно, она прекрасно себя чувствует без мужчин. У нее подруга, с которой я знакома никак не меньше лет двадцати пяти. В общем, у них получился, как это ни странно звучит, прочный «семейный» союз, где у партнеров много общего, потому что Илана Клос, так зовут ее подругу, сама была хорошей теннисисткой. Именно Илане Клос и Линке Бошев мы с Вирджинией Уэйд проиграли в 1975 году финал первенства США, забыть этого не могу. Илана умная женщина, с хорошим образованием, она моложе меня. Кинг 1943

года рождения, я 1949-го, а Клос, наверное, 1953-го. Илана не только умная женщина, но и очень практичная. Она антипод Билли, та совершенно к обычной жизни не приспособлена, у нее идеи, восторг... А Клос четко все расставляет по своим местам, она и держит бразды правления в их бизнесе.

Коснувшись этой темы, я хочу заметить, что лесбиянство в теннисе пошло на убыль. А чем объяснить его возникновение? Для меня самой это загадка. Разные предположения приходят в голову: и то, что грустно девочкам одним в туре, и то, что не могут их мужья все время с ними ездить. Сейчас многие теннисистки вышли замуж за своих тренеров, или бой-френды за ними повсюду катаются. Но каждый раз, когда видят теннисистку, которая приезжает на турнир со своим бой-френдом, говорят: «Ты смотри, она корячится, а он сидит покуривает». И это всеобщее мнение создает дикое состояние у теннисистки. Когда Кафельников играет, а Маша сидит — это нормально: Маша хорошо выглядит, после тенниса пойдет по магазинам, все отлично. Но когда, допустим, чей-то Вася сел на трибуну: «Ты подумай, вместо того чтобы самому деньги зарабатывать, он еще ей кричит, что она не туда играет!»

Наша психология по отношению к мужчине и женщине как была, так и осталась совершенно разной. Конечно, можно сказать, что мне хорошо и чихать я хотела на мнения других. Но таких «независимых» немного. Могу честно сказать о себе, что на очередном первенстве Франции я со вздохом про себя отметила про одну из своих девочек: «Ох, опять ее дружок приехал». Но в то же время я прекрасно понимаю, если б он не появился, девочке было бы куда как тяжелее. Вполне вероятно, что без него она выступала бы хуже, потому что относится к тем женщинам, которым нужна поддержка. Я не хочу называть ее имени. Подобное касается каждой второй. Например, американка Зина Гаррисон на всех турнирах появля-

лась с мужем. Сейчас они развелись. Красавчик был у нее супруг. Все знали, что его должность — красавчик, который ездит с ней по турнирам, для того чтобы делать только одно, но очень важное для Зины дело. Зато ей, надо думать, жилось в теннисе хорошо. Она прекратила играть, и, наверное, поэтому они развелись. «Красавчик» ушел, ему стало неинтересно быть мужем обыкновенной женщины, потому что сам он типичное ничто. Но Зина его любила, она от него мле-ла, что еще надо женщине, занятой нелегким трудом. Так что лесбиянство в теннисе, возможно, во многом объясняется оторванностью от нормальной жизни.

Когда я вспоминаю о наших отношениях с мужем в те годы, когда играла сама, то могу сказать: хорошее расписание должна иметь спортсменка, чтобы сохранить семью. Но мне было проще, я жила в Советском Союзе, меня выпускали играть за рубеж пару раз в полгода. План выездов, который мне делали в Спорткомитете, выглядел так: на три недели уезжаю, два месяца дома, три недели меня нет, снова два месяца дома. Это расписание как раз и подходит для сохранения семейного союза. Каждый приезд — как праздник. Торжественная встреча после расставания. Зато теперь вот уже десять лет живем все время вместе, надолго никто никому не уезжает, и вроде все нормально. Но ругаемся больше.

Конечно, трудно, а порою и невозможно парню заниматься своим делом и путешествовать с женой. Вот почему, я думаю, вряд ли полностью исчезнет у девушек в теннисе нетрадиционная любовь. Но, по-моему, некий пик пройден, уровень отклонений пошел вниз или стал стабилен.

1997 год, Большой женский турнир в Атланте. Соревнования на том же стадионе, где проходили Олимпийские игры. Я давно не была на обычном крупном женском турнире, наблюдаю из комментаторской кабины в год только три мероприятия — Кубок Кремля, Уимблдон и «Ю.С. опен». Но совершенно разное ощу-

щение, когда ты работаешь на турнире комментатором или смотришь на него как зритель. Я вошла в комнату отдыха и оторопела. Раньше в ней находились только женщины, а тут семьдесят процентов сидящих на диванах — мужчины. Тренеры, бой-френды, папы. Тут я поняла, что жизнь стала иной. Мужской части на женском туре стало куда как больше, а это уже говорит о том, что обычные отношения становятся нормой. У Курниковой есть парень, у Хингис тоже появился молодой человек. Француженка Тестю вышла замуж. То есть первая десятка в основном уже нормально ориентирована. Многие родили детей — сестры Малеевы, Фейербанк... Штефи Граф, Санчес, Хубер, Майоли — у каждой из них есть бой-френд. И получается, что среди лидеров только Новотна да Мартинес другие.

Но возвращусь-ка я от этой непростой темы к Кинг. За прошедшие годы она сильно пополнила и очень из-за этого переживает. Кинг всегда боролась с весом, у нее, как, наверное, у большинства людей, есть тенденция к полноте. Что в общем-то странно, так как и папа и мама у нее совершенно обычные, не толстые люди. Я в первой части книги рассказывала о ее слабости к пиву и мороженому, хотя эти продукты вместе никак не сочетаются. Но в то время, когда Билли-Джин играла, она их как-то могла в себе соединить. А потом теннис кончился, а у нее вкусы не изменились. Я, когда бываю с ней в ресторанах, то вижу, что она ест с таким невероятным удовольствием, что за нее не нарадуешься. Но радость никогда не бывает без грусти, все же Билли-Джин очень полная, хотя уже сделала несколько операций и сидела на самых разных диетах. Ей сказали, что повышенный аппетит у нее как-то связан с психикой. В Америке есть специальные фермы или усадьбы, где тебя за хорошие деньги психологи лечат от разных заболеваний. Умеренное питание, умеренное употребление жиров, свежий воздух, красивая природа — и все, считай, что

здоров. Но что касается Билли-Джин, то, по-моему, после этих ферм и усадеб она ест с еще большим аппетитом.

ВИРДЖИНИЯ УЭЙД

У Уэйд, в отличие от Кинг, отношение к питанию гениальное. Она все ест понемножку и со вкусом. Стройность она сохранила. Английские традиции, то что присуще жителям Острова, полностью ложатся на характер Вирджинии Уэйд. Вирджиния до сих пор очень красива, у нее прекрасные манеры, она изумительно ведет репортажи. Уэйд живет для себя и делает только то, что ей нравится. Много работает, много общается, но большей частью занимается тем, что престижно и что ее каким-то образом будет отличать от других. Каждый раз, когда Уэйд устраивает показательный урок (клинику), то обязательно объявляют, что она — первая победительница профессионального турнира в «Ю.С. опен». Вирджиния заодно и последняя английская теннисистка, выигравшая Уимблдонский турнир. Как вы думаете, кто ее награждал? Конечно, английская королева, похоже, специально для этого прибывшая на Уимблдон. Уэйд — это женщина, с которой у меня связаны только лучшие воспоминания. Напомню, что она победила, когда Уимблдону исполнилось сто лет. Вирджиния всегда знала, когда надо выигрывать. Мы каждый раз над этим смеемся, но не без зависти, действительно, сколько совпадений: англичанка, королева, сто лет Уимблдону! Что тут поделаешь — Вирджиния все делает вовремя. Надо сказать, что и друзья у нее соответствующие, она проводит время с очень именитыми людьми. И я хочу еще отметить, что Вирджиния Уэйд живет той жизнью, которую сама себе выбрала. Как-то раз во время «Ю.С. опен» мы все вместе пошли ужинать. Получился огромный стол, потому что нас, ветеранов,

расселось вокруг него немало. Ресторан выбрала Вирджиния, и, конечно, он оказался изысканным даже для Нью-Йорка. Мы смеялись, наслаждались ужином, я увидела рядом всех известных теннисисток моего поколения. Всех, кроме Кинг. Вирджиния в сложных отношениях с Билли-Джин. Она объявила: «Я пригласила тех людей, с кем мне приятно провести вечер. Я не хочу споров. А если и захочу, то только созидательных, а не тех, что создают конфронтацию».

В тот приезд она пригласила меня к себе домой, Вирджиния купила квартиру в Нью-Йорке и обставила ее с истинным вкусом. В квартире богатого русского обязательно увидишь «евроремонт» и итальянскую мебель, впрочем, я уже не успеваю уследить за модой Москвы. А Вирджиния живет в большой квартире, в престижном районе, с замечательным видом из окон, но, что очень важно, мебель для нее сделал отец подруги. Мебель из красного дерева, но ценность ее трудно измерить — это же подарок. Вирджиния не гонится за новинками, что и определяет ее класс. Ее вещи модные всегда и всегда индивидуальные. Мы с ней смеясь обсуждали общую для нас тему, потому что я тоже делала ремонт у себя «на даче», в Англии, подбирала шторы и обивку, и она занималась тем же — подбирала шторы, наверное, год такой выдался, кого ни спросишь, у всех ремонты.

Потом Вирджиния пригласила меня в дорогой мексиканский ресторан, куда с улицы попасть непросто, где пахитос подают какие-то особенные, не такие, как везде. Она всегда выбирает то, что не всем достается. Вот в этом вся Вирджиния. Мы пили хорошее вино, она уже знала, какой сорт полагается заказывать. Причем не скажу, что нам подали какое-то супердорогое вино, я попадала в ресторан с «новыми русскими» и видела, что для них, если вино стоит меньше пятидесяти фунтов, интереса оно уже не представляет. А цена как раз совсем не обязательно говорит о качестве напитка. Хорошее вино может стоять и недсро-

го, но надо знать, какой сорт больше всего подходит к выбранной еде, именно тогда и получаешь наибольшее удовольствие. Дорогое красное выдержанное вино — страшно тяжелое. Вечер может закончиться головной болью. Я сейчас вспомнила про ужин в Нью-Йорке, где предлагали вино, выстоянное в вишневых бочках, естественно, с вишневым привкусом. Не могу сказать, что у меня появилось желание завтра же пойти и купить его себе домой, хотя бы потому, что оно оказалось дико дорогим, но я получала удовольствие оттого, что его пила. Вирджиния легко находит соответствие между своими возможностями и удовольствием от супердорогих вещей. Она безумно любит икру, но, я уверена, не каждый день ее себе позволяет.

Есть в Вирджинии такое качество, как ненавязчивый стиль общения. Устоявшийся чисто английский стиль. Но ни в коем случае не надо думать, что типичная англичанка — идеал усредненности. Вирджиния — типичная современная англичанка, хотя бы потому, что живет в Америке. Она в Англии фактически уже не бывает, девяносто процентов времени проводит в США.

Что такое современный британец? Если ты идешь на футбольный матч, то рядом с тобой тоже типичные англичане. Но они люди определенного уровня, люди, которые с легкостью могут устроить дебош, которые могут помочиться тут же, перед стадионом. Я один раз побывала в Лондоне на футбольном матче и теперь точно знаю, что такого ужаса ни в одной стране мира я в жизни не встречала. В Москве я ходила на футбол, но даже сотой доли того, что пережила в Англии, на нашем стадионе не испытала. У этих людей пабы, у этих людей «фиш энд чипс» (рыба с жареной картошкой). Это одна Англия. Есть и другая: там королева, там ее приближенные. Тоже очень типичная Англия, но туда, извините, нас не зовут. Я хорошо помню высказывание Бобби Чарльтона, которому сказали: «Но ты-то уже там, ты же теперь — сэр». А он ответил:

«Моя дочь вышла замуж за голубую кровь, и если хотя бы моего внука, а не правнука они примут за своего, я буду рад». Кровь знаменитого Бобби Чарльтона, великого английского футболиста и сэра — это не та кровь, потому что он все равно футболист. А вот то, что его дочь вышла замуж за человека с титулом, за элиту, возможно, поможет внуку быть принятым в высшем свете.

К какому классу относится Вирджиния? Без сомнения, она ниже той прослойки, где Спенсеры (родные погибшей Дианы), королева и другая высшая знать. У Спенсеров, кстати, лучше кровь, чем у Елизаветы II. Но зато на следующем уровне — Вирджиния, а дальше остальные, ниже таких как Уэйд и уже до «фиш энд чипс». Вирджиния родилась в Южной Африке и ее отец — священник, но она сумела подняться выше среднего класса.

Приобретая опыт жизни в Англии, я однажды задумалась, какой же налог она платит за свой огромный дом, а главное за землю, там то ли 36 акров, то ли 56, величина совершенно невероятная? Но Вирджиния мне объяснила, что налог выходит приемлемый, потому что в те времена, когда она купила свое поместье, его ставка измерялась в сто фунтов, и сколько бы не прошло времени, если собственность не меняла хозяина, то продолжаешь платить по тем прежним ценам. Уэйд и тут все сделала вовремя. Впрочем, она добавила, для того, чтобы содержать дом, они вынуждены часть его сдавать. Иначе не хватает на трех садовников, а меньше никак нельзя.

Вирджиния меня пригласила на свое пятидесятилетие. Из всех теннисисток ее молодости там оказались только мы с Шарон Волш. Таким образом, Шарон и я представляли на юбилее весь мировой и английский теннис. Уэйд пригласила только тех людей, с кем она могла расслабиться и чувствовать себя непринужденно. У нее день рождения десятого июля, сразу после Уимблдона. За полгода до этого события сестра

Вирджинии прислала нам с Витей приглашение. Мы должны были заранее выбрать отель, в котором хотим остановиться. Естественно, его мы оплачивали сами. Юбилей организовали ее близкие, ни федерация тенниса Англии, ни Правительство Ее Величества участия в нем не принимали. И хотя на первый ужин приготовили барбекю, все дамы вышли в вечерних туалетах, а мужчины в черных костюмах и бабочках, но веселье получилось отменное.

На следующий день все уже надели обычную одежду. Мы с Витей только два дня смогли урвать от работы на этот праздник, а продолжался он три дня. Судя по тому, что рядом с нами веселились японцы, я поняла, собрались люди, которые помогают Уэйд зарабатывать деньги.

В первый вечер Вирджиния предложила: «Может, нам и двухтысячный год встретить так же?» Это действительно выглядело бы оригинально, в окружении стен тринадцатого века ты встречаешь новый век и новое тысячелетие. Но уж слишком эксцентрично, чтобы Вирджиния об этом заранее не подумала. Я же говорила, что она делает только то, что считает нужным.

Так прошел юбилей английской знаменитости — скромно и дома. Мы же обычно начинаем считать: пятидесятилетие, надо всех пригласить, вдруг кто-то обидится, кого-то пропустишь. А у Вирджинии вместо наших комплексов здоровый английский снобизм, обидится или не обидится — личное дело каждого.

Мы с ней очень близки, Вирджиния как настоящий друг нередко проявляет заботу обо мне. Когда делаются какие-то контракты для меня, Уэйд внимательно следит за этим процессом. Я знаю, как бы она ни была далеко, она меня не забывает. Я не могу просить ее о большем, потому что даже то, что я от нее получаю, — невероятно. Для англичан такое внимание к иностранцу означает, что у нас крепкая дружба.

Подводя черту, можно сказать, что Вирджиния

Уэйд — первая леди в женском теннисе. Она в общем-то и пользуется этим. Сколько раз я ни приезжаю на какие-то ужины чемпионов, их всегда ведет Вирджиния. Ее манера говорить, ее английский акцент — в Америке это особый шик — завораживают устроителей. Когда моя Катя поехала учиться в Америку, ей говорили, не потеряй акцент, английский выговор может на треть увеличить зарплату.

МАРТИНА НАВРАТИЛОВА

Одной из самых ярких фигур в мировом женском теннисе я считаю Мартину Навратилкову. Она и вне спорта интересная личность с довольно сложной жизнью, но главным в ней всегда был теннис, а он у Мартины сочетал несовместимое: легкость и красоту с удивительной мощью.

В первой части моей книги о Навратилковой нет отдельного рассказа. Теперь я исправляю эту несправедливость. В свое оправдание я могу сказать только то, что десять лет назад Мартина еще играла и, наверное, я не торопилась ее причислять к ветеранам.

Я познакомилась с Мартиной в Москве, когда ей было всего четырнадцать лет (она родилась в 1956 году). Мы впервые побеседовали, Мартина неплохо говорила по-русски. Навратилова тогда приехала в Советский Союз играть на международном турнире в Сочи (был когда-то такой в нашей стране) и проиграла. Кстати, та девочка, а теперь взрослая дама Ольга Ворсина до сих пор имеет положительный результат в личных встречах с Навратилковой.

В пятнадцать лет Мартина Навратилова совершила переворот в женском теннисе в Чехословакии, что было совсем не просто, чехи всегда славились своими теннисистами, особенно женщинами, которые традиционно очень хорошо играли на задней линии. Выдающиеся личности, такие, как Пожужева-Сукова, Манд-

ликова, позже Новотна — иногда еще выходили к сетке. Но все они стабильно (как и девяносто процентов теннисисток в мире) играли только на задней линии. Но вот врывается в теннис Мартина и пятнадцатилетней побеждает на первенстве Чехословакии (на земляных кортах), играя «подачу с выходом к сетке». Это тянуло на сенсацию, пусть и в маленькой стране. Когда человек обладает ярким талантом, его невозможно не заметить.

Почему, я спрашивала у себя, чешкам так щедро отпускается природой теннисный талант? Одно только десятилетие после Навратиловой: Сукова, Новотна, наконец Хингис — она же тоже чешка. Наверное, от смешения кровей, которое происходило у них в течение веков. Центральная Европа, немцы рядом — это дисциплина, венгры — это темперамент, чехи, как результат — темперамент в железобетонном русле. И потом, их страна так расположена, в самом сердце Европы, что они куда хочешь легко могут добраться, а для детского тенниса это крайне важно.

Мартина родилась под Прагой, в маленьком городке. Воспитывал ее и научил теннису отчим. А потом, когда она стала набирать и набирать, тут родилось несколько легенд. Мартина рассказывает одну из них, ту, что рассчитана на американского слушателя. Я не совсем в нее верю, у меня своя теория.

Мартина говорит, что ей страшно не повезло, потому что ее заставляли тренироваться в Праге, то есть вырвали из родного дома. Но дело в том, что я как бывший тренер национальной сборной понимаю, что если бы она осталась у себя в деревне и тренировалась только с отчимом, то у нее вряд ли появились бы возможности для роста. Тогда в лидерах команды Чехословакии ходила Вера Пожуева-Сукова, финалистка Уимблдонского турнира. Она же мама нынешней известной теннисистки Хелены Суковой. Так вот, Пожуева-Сукова, капитан, но уже и тренер сборной Чехословакии, когда увидела Мартину, сразу поняла,

что перед ней девочка с невероятным талантом, и тут же взялась ей помогать.

Первое, что бросалось в глаза в юной Мартине, — ее феноменальные физические способности, ее атлетическая фигура, буквально вся перевитая мышцами. Потом она немножко сгладилась, поправилась, но об этом я скажу дальше. Мне кажется, что Навратилова получала на занятиях по физической подготовке нагрузки, которые применяли в своих тренировках хоккеисты. Я помню, по телевизору показывали, что хоккеисты Чехословакии разминку проводили в лесу. Они рубили деревья, бегали по лесным тропам и как-то еще укрепляли мышцы естественными упражнениями. Немало статей про чехословацкую систему печатали и у нас. Мартина иногда в разговорах как бы между прочим говорила, что ее нагружали серьезной физподготовкой, и я понимала, что это такое. Впрочем, может, я и заблуждаюсь, но только по поводу хоккеистов, и то не уверена. Мой первый тренер по физподготовке был из легкой атлетики, а потом, когда я уже перешла в ЦСКА, с нами занимался тренер, который прежде работал с хоккейной командой. В принципе, мы повторяли с Мартиной одни и те же упражнения.

Что прежде всего бросалось в глаза — ее необычайная легкость передвижения по корту и, конечно, своеобразность игры. На моем счету есть победа над Мартиной, но выиграла я у нее тогда, когда она не поднялась до вершины, когда она только начинала играть среди сильнейших. Ей уже исполнилось семнадцать, она как бы только начинала «быть», а я уже «была» в своей лучшей спортивной форме. Мартина не заиграла, как Хингис в семнадцать, к лидерам она примкнула в девятнадцать-двадцать. Победила я ее в 1973-м, на первенстве Европы, в итальянском городе Пескари, обыграв в двух партиях. Помню, что в финальную восьмерку она уже входила. Легонькая, симпатичная, с отличной игрой с лету. И хотя нередко

чехи нас винят во всех своих бедах, но даже в тот период сплошного социализма у них были куда шире открыты двери на Запад, по сравнению с нашей щелочкой. Я уже рассказывала про Метревели и Кодеша, который раскрылся больше, чем Алик, и только потому, что его отпускали участвовать в любых соревнованиях за границей, а Алик ездил строго по расписанию несколько раз в году. То же самое касалось Мартины и любой из наших девочек. Навратилова уже с детства получала необходимый для прогресса международный опыт.

Позже я узнала, что в Чехословакии перспективному игроку выдавали некую сумму, и если он выигрывал турнир, то мог использовать деньги из приза и дальше продолжать поездки и выступления. Другими словами, играть за рубежом до тех пор, пока не кончатся призовые. Получалось, что гражданин социалистической страны совершенно спокойно находился, причем, как угодно долго, в капиталистическом логове. Это в принципе у нас в СССР считалось невозможным, хотя мы столько выигрывали за год, что могли круглогодично кататься по миру в течение нескольких лет.

Но по инструкции ЦК партии наш командировочный, если я не ошибаюсь, больше тридцати дней по границам болтаться не имел права. Я помню случай, когда для переезда из Франции в Англию я на день приезжала в Москву, вместо того чтобы за час перелететь Ла-Манш. А когда я из Америки полетела напрямую в Японию, то разрешение на такую поездку принимало ЦК КПСС. Конечно, и у чехов не было настоящей свободы: куда хочу туда и лечу, но все-таки они играли куда больше турниров на Западе, чем мы.

Мартина довольно быстро из симпатичной девчонки стала серьезной личностью. У нее заметно проявлялся тот внутренний стержень, что присущ лишь сильным людям. В годы ее молодости в Праге советских не очень любили, это и понятно: недавно прошел

печально знаменитый 1968 год, когда состоялось вторжение наших войск в Прагу. Естественно, это событие помнили все чехи и во всех подробностях помнят по сей день. Но ко мне Мартина всегда относилась не с формальным уважением, на что тоже могла и не тратиться, а с искренним трепетом. Возможно потому, что из женщин соцстран я единственная — после ее тренера — вошла в финал Уимблдонского турнира.

Так вот, она стала прогрессировать, играла замечательно и, пожалуй, первая (нет, была еще такая Диана Фромхольц), которая на пике славы Крис Эверт вдруг начала создавать для той на корте неприятные моменты. Мартина поначалу, естественно, не могла обыгрывать Крис, но могла отобрать у нее сет, что сделать остальным было чудовищно трудно, Крис тогда всех соперниц «несла» 6:2, 6:1, редко 6:3. И тут вдруг появляются две теннисистки — Фромхольц и Навратилова, которые ей начали противостоять, что в общем-то закономерно, нельзя быть лучшей бесконечно.

Сложности игры Крис против этих двух «выскачек» можно объяснить и технически и тактически. И Мартина и Фромхольц левши, их лучший удар слева, и он нейтрализовал самую сильную атаку Крис — ее знаменитый удар двумя руками справа. Тем самым девочки выбивали главный козырь у Эверт. Иначе говоря, у Крис не складывались «отношения» с левшами. А Мартина к тому же уже владела отличной игрой с лету и имела сильную подачу.

Отмечу, что слабый удар слева Крис шел тоже под слабую правую сторону Мартины. Но сразу оговорюсь. То, что я называю слабым ударом у Мартины, можно считать более чем приемлемым для любой девочки из первой тридцатки. У Мартины реакция быстрее, чем у Крис, она еще и к сетке выходила. Поэтому у них всегда получались напряженные поединки. Конец семидесятых и первая половина восьмидесятых годов прошли под знаком борьбы этих двух великих теннисисток.

Как только Мартина где-то выхватила сет у Крис, это стало сенсацией для американцев. Как такое могло произойти — у их любимицы Эверт кто-то отобрал сет! Вокруг Мартины сразу же закрутилась пресса, начались разнообразные встречи. И тут же ее стала обрабатывать моя любимая Билли-Джин Кинг. Билли-Джин взяла на себя обязанность первого советника Навратиловой, объясняя молодой чешке, что для того, чтобы войти в мировую пятерку, тройку, просто прогрессировать, Мартине нужно оставаться в Америке. И, надо сказать, она не так уж и была неправа, тем более что в отличие от меня Мартина жила одна. К тому же лучшие женские турниры переместились тогда в Америку. Я это хорошо помню, так как начались и мои первые постоянные выезды в Америку. Но у Мартины еще жило детское отношение ко всему вокруг: она наслаждалась мафдональдсами, яблочными пирогами, фисташковым мороженым, вела себя как ребенок, попавший в сказку: вокруг сплошные пирожные и вода с сиропом. Мартина, извините, не ела, а объедалась. Мы как-то вместе оказались на турнире, и хозяйка, у которой остановилась Навратилова, тихо у меня спрашивает: «Скажете, так, как ест Мартина, все едят в социалистических странах?» Я не поняла: «А в чем дело?» — «Мартина, — говорит эта женщина, — утром выпивает сок, съедает корнфлекс, затем я ей подаю яичницу с беконом, потом блинчики, а заедает она все это джемом с тостами». Тогда бедной девчонке исполнилось шестнадцать-семнадцать лет и, естественно, она раздавалась вширь со страшной силой, несмотря на огромные нагрузки. Никто уже не помнит Мартину пухленькой девушкой, а перед моими глазами ее круглая фигурка в платьях в полоску. Я никак не могла понять, почему ей делали на теннисной форме полоски? Потом я догадалась, что таким образом как-то пытаются сократить ее объемы. Но Мартина даже с этим диким лишним весом здорово играла.

В моей жизни лет двадцать назад произошел такой курьез, о котором я до сих пор вспоминаю с сожалением. Что значит умение предвидеть развитие ситуации! Я приехала на турнир в Австралию, и мы сыграли с Навратиловой в паре. Мы побеждали всех элементарно. Она наслаждалась нашим общим теннисом, и я наслаждалась. Она, еще совсем молоденькая, меня попросила: «Давай и зимой играть вместе». А тут ко мне с таким же предложением подошла Маргарет Корт, которая год назад, нет, даже два — первая из великих предложила мне составить с ней пару. И я в знак благодарности за прежнее доверие (к тому же Маргарет ходила беременная и должна была родить через три недели) сказала Мартине, что обязана дожидаться, когда начнет выступать Маргарет. Наш разговор с Навратиловой состоялся в конце года. Мартина собиралась со мной играть в феврале-марте: «Но до того, как появится Маргарет, мы с тобой можем поиграть?» Я почему-то считала, что не должна соглашаться с Навратиловой, а в то же время мне так не хотелось отказывать ей. Но я все же выдавила из себя это проклятое «нет». И совершила редкую глупость, хотя бы потому, что играть пару с Маргарет Корт походило на пытку. Насколько мне легко было с Мартиной (у нас возникло идеальное взаимопонимание), настолько трудно с Маргарет. Наш дуэт уже походил на какое-то несчастье, я даже боялась выходить с ней на площадку. Маргарет сильная и в чем-то даже подавляющая партнера личность. Она все время ждала от меня каких-то идеальных ударов, и одно только это сковывало совершенно.

А Навратилова начала играть в паре с Эверт и очень удачно, они потом кое-что, включая несколько турниров Большого шлема, выиграли вместе.

В 1974-м меня пригласили выступить на показательном турнире, что-то вроде чемпионата чемпионов. Собрали нас вместе: Кинг, Гулагонг, Эверт и меня. А Мартину пригласили пятой, запасной. Она

бегала и спрашивала у каждой: «Ну почему ты? Ну почему ты? Я должна быть в четверке, я хочу играть». Я ей объясняла: «Нет, дорогая, ты должна это место завоевать». Но на следующий год мы уже поменялись, теперь я была в запасе, она в основной четверке.

У Навратиловой в жизни не одна только игра вызывала интерес, с ней не скучно было поговорить о том, что творится вне тенниса. Все тренеры, с кем она занималась, в один голос утверждали, что и работать с ней интересно.

В 1975 году, в сентябре, после «Ю.С. опен» Мартина осталась в Америке, конечно, долгие разговоры с Билли-Джин сделали свое дело. Осуждать Мартину не за что, у каждого своя жизнь, у каждого свой выбор. Но тут начались довольно-таки сложные перипетии. Как спортсменка социалистической Чехословакии, она всегда находилась под контролем, ее тренеры не только ее вели, но и по-человечески опекали. А тут — полная свобода, не знаешь, куда деваться. И она сразу сбавила, плюс чрезмерная еда. Мартина начала набирать вес, а ее теннис пошел вниз. Ей тогда не исполнилось и девятнадцати.

Вытащило ее подключение к «Уорлд тим теннису», в то время делавшему первые шаги. Тут Мартине необыкновенно повезло, она попала в команду «Бостон лобстерс», а бостонцами руководил Рой Эмерсон — великий теннисист, чьи рекорды до сих пор не побиты. У Эмерсона самое большое в мире число титулов победителя турниров Большого шлема, одиночных, парных, смешанных. Рой — потрясающий теннисист с великолепной техникой, он прошел старую школу, а там умели тренироваться. Эмерсон и взялся за Мартину, и я скажу, что это ее буквально спасло, потому что, во-первых, он ей поставил удар слева, но поскольку Мартина левша, можно сказать, удар справа, а правильное — бэкхэнд. У самого Эмерсона удар слева считался одним из лучших в мире.

Для Эмерсона — капитана и тренера «Бостон лоб-

стерс» — занятия с Мартиной входили в служебные обязанности. Но ею еще параллельно занялся и Майкл Эстеп, который учился у Эмерсона и, шефствуя над Мартиной, потихоньку сам становился тренером. У Мартины с ним возник контакт, они долго потом не расставались. В итоге Майкла признали одним из лучших тренеров, но справедливости ради надо отметить, в этом была и заслуга Мартины.

Майкла я всегда считала своим другом. Помимо общей работы, меня с ним связывает и трогательная история. Майкл влюбился в свою будущую жену в Тбилиси, когда сборная СССР играла матч против американцев, а я, в свою очередь, там, в Тбилиси, узнала, что беременна. Влюбился Майкл в американскую корреспондентку Барбару, приехавшую в Советский Союз комментировать этот матч. Получилось так, что я одна из первых преподнесла им подарок на свадьбу, а они чуть ли не первые, кто сделал мне подарок ко дню рождения Катеньки. Барбара и Майкл до сих пор вместе, живут они замечательно, он уже меньше занимается теннисом, больше бизнесом. После того, как Эстеп закончил работать с Мартиной, он тренировал Санчес-Викарио, Мэри Джо Фернандес, игроков знаменитых, но не уровня Навратиловой.

Нельзя не сказать, что Мартина одна из первых теннисисток, которые открыто заявили о своем лесбиянстве. Для меня подобная откровенность неприемлема, мы воспитаны иначе и к такой публичности непривычны. Другое дело, что, как и все теннисисты, я, конечно, обо всем знала, потому что ее жизнь проходила на моих глазах. Я поочередно знакомилась с пассиями Мартины и каждый раз наблюдала, как она с ними менялась. Навратилова очень сильный человек на корте, но в жизни подвержена влиянию. У нее даже облик изменялся от ее пристрастий. То она вдруг увлеклась гольфом, когда у нее была подружка-гольфистка. Потом она стала вести этаким богемный образ жизни, поскольку ее следующей подругой стала

писательница. Затем появилась красотка Джуди, в прошлом «Мисс Техаса». Эта связь вылилась в долгий роман. Джуди нравились драгоценности, и Мартина стала увлекаться тем же. Она покупала себе золотые часы чуть ли не раз в месяц. Даже стало интересно: сколько же часов можно иметь? Тогда же у Мартины появились и семейные заботы, потому что Джуди — мать двоих сыновей, которых Мартина содержала, воспитывала и даже играла с ними в футбол.

Спустя несколько лет Мартина продала дом, который она построила для себя и для Джуди, они расстались. Я не помню, сколько вокруг дома было акров, но чуть ли не 50, и это в Аспене, горнолыжном курорте в штате Колорадо — она построила огромный дом с двумя спальнями. Две спальни на весь дом — это вне логики. Конечно, дом — изобретение Джуди. Говорили, что там в каждой спальне такие огромные комнаты-шкафы, что из них можно сделать еще пару спален.

Любые преобразования Мартины заканчивались каждый раз одинаково: душевными травмами и трагедией, когда очередной роман заканчивался. Страшный процесс развода она пережила с Джуди, которая, кстати, тут же сошлась с писательницей, прежней любовью Мартины. Джуди пригрозила, что напечатает книгу со всеми подробностями их романа да еще украсит ее множеством фотографий, если Мартина не заплатит ей огромных денег. Заодно Джуди обещала опубликовать и фото, где Мартина дарит ей кольцо, что, по-видимому, означало рождение законной семьи с причитающимися после развода алиментами.

И ее бросали, и она бросала, происходило и то и другое. Майкл Эстеп мне рассказывал, что Мартина настолько эмоциональна и влюбчива, что работать с ней в период ее очередного увлечения не представляло никакой возможности. Она сразу же выходила из нормального тренировочного процесса, что совсем не удивительно, так как образ жизни, например, фото-

модели и теннисистки принципиально разный. Когда у нее случился роман с баскетболисткой, тогда все, с точки зрения Эстепа, происходило замечательно, Мартина резко прибавила. Потому что в этот период благодаря связи с баскетболисткой она получила хорошую физическую подготовку. Они прошли вместе тренировочный сбор, а подготовка в профессиональной женской американской баскетбольной команде всегда была на высоком уровне. Именно после баскетболистки начался роман с Джуди, а в нем уже существовали только тряпки и драгоценности. Слава богу, что Мартина к тому времени прочно занимала первый номер в мировом рейтинге. Майкл Эстеп, зная ее внутреннюю жизнь, продолжал работать, но только над атлетизмом, и благодаря этому теннис у нее не падал.

Почему она продала свой дом в Аспене? Потому что увлеклась новой девушкой, а та не то скульптор, не то декоратор, в общем, у нее какие-то художественные интересы. Вроде бы лепит дизайнерские горшки. Если сейчас посмотреть на одежды Мартины, то в них уже можно увидеть какие-то национальные мотивы. Каждый раз по стилю одежды легко определяются перемены в жизни Мартины. То она ходила во всем темном и сером. Потом у нее появилась девушка сумасшедшей красоты, девушка из рекламы, говорили, она дочка генерального прокурора США Рино и Мартина «увела» ее от настоящего жениха. На тот период Мартина стала совершенно модерновая, с виду очень простой стиль, но на самом деле модный и дорогой.

Теперь она переезжает в Англию, потому что ее новая девушка, скульптор-декоратор, живет в Англии. Кто-то мне сказал, что Мартина тренируется в Куинс-клубе с Лизи Джелфс, есть такая английская теннисистка. Говорят, что Мартина в Англии собирается покупать дом.

Но самое невероятное, что Мартина встречалась с симпатичным молодым человеком, когда ей было 17 лет. В те годы она мне показывала его фотографию.

Но вернемся все же к самому главному — к теннису Мартины. Мне очень нравится повторять эти тривиальные слова — она необыкновенно талантлива. Я спрашиваю: «Майкл, над чем вы работаете?», а он в ответ: «Оля, а какая разница? Она все равно сделает так, как надо». Ей все дается легко, он скажет: «Мартина, справа!», подбросит справа, она всегда попадет куда полагается, слева подбросит, попадет слева. У нее такое замечательное тело, настолько идеальное ощущение мяча, настолько невероятная пластика и ритм, что любому тренеру с ней было легко работать, все, что бы они ей ни предлагали, она всегда могла сделать «с листа», причем сделать на высоком уровне.

Когда Мартина уже играла турниры ветеранов, она как-то пришла на тренировку и произвела какой-то новый укороченный удар с обратным вращением. Я поразилась: «Мартина, ты еще и новенькое придумываешь?», а она: «Да, получилось просто так».

Мартина, по-моему, говорит на всех основных языках мира, говорит и по-русски, сейчас, конечно, хуже, чем раньше. Она очень способный человек и вне тенниса, притом, что сейчас большая редкость — начитана. Последние годы ее немножко избаловали, но это понятно. Мы все по-разному, но переживаем уход из славы, а она, похоже, не грустит, она говорит: «Как интересно, как много меняется в твоей жизни, когда ты вдруг уходишь с первых страниц журналов, как мало задерживается людей вокруг тебя». Это и я испытала. Как только ты уже не знаменит, рядом остаются лишь настоящие друзья. Сейчас Мартина, насколько мне известно, хочет родить с подружкой детей от одного «донора». Как это сочетается с реальностью, насколько это возможно в нашем мире — не знаю.

Как я ни хотела уйти от не слишком приятной для меня темы, а обратно к ней вернулась. Что делать, наша личная жизнь и наш теннис неразделимы. Тем более что этой, казалось бы, не главной его части уделяют сейчас много внимания, и никуда мне от нее не деться. Дело даже не в том, что Мартина показывала мне фотографию своего мальчика. Еще юной она достаточно откровенно рассказывала мне о своих романах с противоположным полом, и для меня оказался шоком ее «переход». Я думаю, что этот процесс внутри человека до сих пор загадка. У Мартины, судя по тому, как она относится к миру, как она заражается новыми идеями, может быть случилось так, что кто-то предложил ей попробовать, а она решила, если Кинг, великая Билли-Джин, любит не мужчин, а женщин, то значит и она должна быть не хуже. Все это исключительно мои собственные предположения.

Но вполне возможно, что и непосредственное влияние Кинг могло сказаться. Я знаю, Крис Эверт тоже уговаривали попробовать это «сладкое блюдо». Но Крис католичка и не то чтобы фанатично верующая, но из строгой семьи. Думаю, что с Крис подобного не случилось еще и потому, что у нее и вне тенниса сильный характер. Но, повторю, так все таинственно и сложно в этом вопросе. Я, во всяком случае, не могу найти объяснение этому явлению, хотя много литературы прочла и много скопила жизненной информации. И поэтому внутреннее состояние Мартины — загадка для меня. Но эта неестественная физиология настолько определяет ее лицо и жизнь, что уже другую Навратилкову представить себе невозможно.

Она искренне любит всех друзей, она по натуре добрый человек, во всяком случае чехам она всегда помогала. Когда она осталась в Америке, то ее материальное состояние увеличилось сразу же в несколько десятков, если не сотен раз, поэтому ее доброта прошла настоящее испытание — испытание богатством. Она могла дать попользоваться своей кредит-

ной карточкой, могла дать денег и забыть, что помогла. Я, например, вспоминаю один приятный случай, который произошел у меня с ней в 1983 году.

Тогда я первый раз привезла на Уимблдонский турнир моих девочек — Ларису Савченко и Свету Пархоменко, тогда еще Черневу. Мы наконец, спустя семь лет, приехали участвовать в соревнованиях Уимблдонского турнира, нам дали уайлд-карт. Мне с огромным трудом удалось выбить эти «пропуска» в высшее теннисное общество, но когда мы появились в Англии, я чуть не зарыдала, потому что мои девочки оказались единственными, кто играл деревянными ракетками, а весь мир уже шагнул к композиту. А так как советские теннисисты с 1976 года не участвовали ни в каких международных соревнованиях, валютный бюджет нашей теннисной федерации, как и бюджет нашего отдела тенниса, оказался нулевыми. Для того чтобы централизованно Спорткомитетом закупалась какая-то амуниция и инвентарь, должно быть какое-то обоснование, например подготовка к Олимпийским играм. Но теннис тогда не входил в число олимпийских видов спорта.

Я бродила по изумрудной английской траве в диком состоянии. Я понимала, что мяч не летит у моих девочек так, как летит он у других, и полететь не может. Частично в этом была виновата их техника, а частично — устаревшие ракетки. Но куда деваться? Прихожу к Мартине, а Навратилова играла и играет «Йонексом». Естественно, все хотели играть той же ракеткой, что и лидер: «Не можешь ли ты мне помочь, попросить «Йонекс», чтобы моим двум девочкам дали опробовать хоть какие-то ракетки». Она: «Оля, я стараюсь, но я сейчас очень занята». Понятно, Уимблдонский турнир, отрываться на другие дела невозможно, тем более спортсмену, игравшему за первое место. Проходит первая неделя, ракеток нет. Фирма хоть и японская, но ракетки делались тогда в Германии. Подходит суббота. Девочки смотрят на меня со-

вершенно умирающими взглядами, они уже заканчивают свои выступления. Кстати, Лариса со Светой тогда удачно сыграли пару, вошли в первую восьмерку, предварительно попав в основную сетку из отборочного турнира. И это тоже, надо сказать, повергло меня в тихий трепет.

После первой недели мне полагалось возвращаться в Москву, потому что у меня проходили какие-то соревнования дома, а Ларисе Савченко предстояло продолжать выступать на детском Уимблдоне, и оставалась в Англии она одна. Мы со Светочкой Черневой складываем вещи, Лариса, тогда еще совсем ребенок, грустно за нами наблюдала. Перед отъездом я еще раз Мартине напомнила про ракетки. Она в ответ: «Оля, я уже все сделала, не волнуйся». Девчонки ко мне: «Ольга Васильевна, ну что?» Я говорю: «В третий раз я к ней не пойду, как будет, так и будет, не получится — начнем думать, что делать дальше». И вдруг — приносят ракетки! Радовались девочки им больше, чем своим результатам.

В Уимблдоне, я уже писала об этом, три раздевалки, Мартина Навратилова, понятно, — в раздевалке на самом верху, а мои девчонки в низшей, это же их первый Уимблдон, поэтому переодевались они в полуподвальном помещении. Мартина сама принесла им туда ракетки, потому что девчонкам сложно пройти наверх. Она понимала, что они и объяснить толком, что им надо наверху, по-английски не смогут, поэтому спустилась к ним сама. Но прежде всего она понимала, как для нас важно и как нам тяжело получить современные ракетки. Кому-то другому было бы наплевать на мою просьбу. Кто такая эта Светочка Чернева и почти ребенок Лариска Савченко, для того чтобы первый номер мирового тенниса спустилась к ним в раздевалку? Пусть даже она мой хороший друг, пусть я для нее когда-то была авторитетом, но с тех пор уже прошло десять лет, мы разные люди, я советский тренер, а она американская миллионерша.

Но именно этот поступок прекрасно говорит о ее характере.

Навратилова долго оставалась первой. Девять раз она выигрывала Уимблдон, единственная, кто побеждала в одиночном турнире девять раз. Здесь она установила рекорд, но не смогла перекрыть наибольшее число побед по сумме — двадцать. Двадцать Уимблдонов ей выиграть не удалось. Но в какое время играла она и в какое время играла та, кто установил этот рекорд! Сейчас уже и результат Мартины превзойти невозможно. Забавно, что Мартина и Крис между собой сыграли почти с ничейным счетом, то есть выиграла друг у друга почти одинаковое количество матчей. Общий счет примерно такой: 133:132. Мартину обыгрывала только Крис. И лишь когда Навратиловой перевалило за тридцать, ее стали побеждать и другие. Я, может быть, преувеличила немного статистику, это можно проверить, но представить себе невозможно: один мяч решает судьбу матча, а в конце концов один матч решает спор, чья карьера круче!

КРИС ЭВЕРТ

Лет пятнадцать тому назад, когда в лидерах мирового тенниса утвердилась Мартина Навратилова, Крис Эверт пыталась иногда подражать Мартине, но, слава богу, не во всем. У Крис счастливо сложилась жизнь, она удачно, разведясь с англичанином Ллойдом, второй раз вышла замуж. У Эверт трое детей. Кто в расцвете ее карьеры мог бы подумать, что у Крис Эверт будет трое мальчишек! Старшему Николаю восемь, маленький, он недавно родился — Александр, и почему-то средний — Колтон. Я смеялась: «Крис, за что ты так любишь русские имена? Почему Александр и Николай? Или ты хочешь, чтобы из них получились цари?» Она совершенно серьезно: «Оля, у меня где-то далеко-далеко родственные линии с ва-

шими царями пересекаются». Прошло десять лет с хвостиком, и все наоборот, Мартина теперь подражает Крис и тоже хочет детей, но исполнится ли ее желание, не знаю.

У Крис Эверт прекрасный дом, где сразу видно, что она не только настоящая хозяйка, но и великолепная мать. По воскресеньям Крис натягивает по утрам кепку с козырьком, берет своих малышей и идет играть с ними в бейсбол. Она сама учит детей плавать, она ходит с ними на каток, единственный закрытый каток, который есть во Флориде. Она полностью посвящает жизнь своим детям. У нее в доме две няньки, но если Крис не в отъезде, не может такого быть, чтобы она сама не уложила детей спать.

Ее мужа зовут Энди Милз, он в прошлом спортсмен-горнолыжник. Красивая семья, типично американская. Она, как и прежде, популярная личность. У Эверт два турнира в Америке, куда она не только отдала свое имя, но и где она главный организатор. Один «Эверт кап», второй — это то, что у американцев называется селебрити — турнир для знаменитостей, все деньги, на нем заработанные, Эверт отдает в благотворительные фонды.

Ее жизнь полна: она ведет дом, она комментирует на телевидении большие турниры. Мы часто с ней встречаемся или на первенстве Франции, или на Уимблдоне. А вот на «Ю.С. опен» Крис не приезжает, хотя именно этот турнир она очень часто выигрывала. И не приезжает потому, что он совпадает с началом учебного года, а детей нужно подготовить после лета к школе.

На родном для нее первенстве США Крис Эверт можно увидеть только на каком-нибудь приеме и только один день, это все, что она может себе позволить. Наверное, Крис прекрасно понимает: у нее много денег, она по-прежнему популярна, но жить необходимо в тех рамках, которые соединяют, а не разводят семью. И что интересно, сейчас в их доме стала

появляться Штефи Граф, тоже живущая во Флориде, соседка Крис. Долгое время Штефи жила в одиночестве, стараясь не иметь ничего общего ни с Крис Эверт, ни с Мартиной Навратиловой, а теперь они вместе делают барбекю, что для американцев показатель истинной дружбы. У каждой женщины, выступающей на высоком профессиональном уровне, рано или поздно наступает момент, когда теннис постепенно отходит на второй план. То есть он все еще занимает главенствующее место в жизни, но умный игрок уже понимает, что строительство отношений с людьми не менее важное занятие. Невероятная борьба за лидерство в мировой десятке в конце концов рано или поздно обязательно перейдет если не в нормальное, то в ровное общение. Перейдет в хорошо накрытый стол, в веселье, в совместные выезды в горы, а может, просто в посещение кино. С годами начинаешь понимать, что интересная встреча с друзьями не менее ценна, чем какая-то очередная победа.

Крис, как и раньше, очень следит за собой, она всегда элегантна и всегда изысканно одета. Она создала теннисную академию и назвала ее не «Крис Эверт академи», хотя имя Крис знаменито на весь теннисный мир, а «Эверт академи». В это название входит вся их теннисная семья Эверт. Недавно ее отцу, руководителю Академии, исполнилось семьдесят лет, и он ушел на пенсию.

У Крис замечательный отец, и о нем стоит сказать несколько слов. На протяжении многих лет он свои уроки давал за гроши. Даже тогда, когда Крис уже стала суперзвездой и его уроки ценились во Флориде больше, чем у кого-либо. Но он всю свою жизнь работал в одном и том же публичном, то есть открытом для всех клубе, не переходя в дорогой и престижный.

Что же сделало из Крис Эверт звезду и чемпионку? Начну свой рассказ издалека. Я теперь часто играю ветеранские турниры с прежними звездами,

наше соперничество на корте продолжается. Сейчас даже организован женский профсоюз прежних теннисных знаменитостей, и я одна из его членов. Однажды на нашу теннисную клинику, то есть на открытый урок тенниса, съехалось довольно много людей. В этот день шел проливной дождь, и мы не знали, что с ними делать. В конце концов кому-то пришла идея собрать их вместе и рассказать им наши истории, пока эти истории и мы сами еще интересны любителям тенниса. Всем нам, конечно, задавали вопросы. Когда дело дошло до меня, первый вопрос: как мне путешествовалось с кагэбэшниками? Всех это почему-то страшно интересовало. У Навратиловой спрашивают одно, у Шрайвер — другое. И наконец: «Крис, почему ты стала чемпионкой? В твоей семье все дети хорошо играли, а чемпионкой стала ты?» Действительно, все Эверты, в общем, довольно-таки успешно выступали. Крис ответила так: «Мне кажется, в нашей семье существовал определенный баланс. Нормы поведения, заложенные в доме, как ни странно, очень важны для будущих успехов. У меня очень серьезный папа и замечательная добрая мама. Она настоящая мама и жена и всегда относилась к спорту именно так, как истинная женщина и должна относиться к спорту». И дальше Крис рассказывает о своем телефонном звонке домой из Парижа — я еще вернусь к этому позже, когда буду писать про Катю. Так почему же все-таки чемпионкой из всех Эвертов стала именно Крис?

Однажды я стала участницей небольшого семейного инцидента. Мы играли показательный турнир в Японии (надо заметить, что женщины всегда играют показательный турнир с такими же эмоциями, как соревнования), я в паре с сестрой Крис — Джинни Эверт против нее и Мартины Навратиловой. Уже не помню, кто что сделал, кто принес решающее очко, но Крис на этих посиделках рассказывала: «Звонит

Джинни домой и говорит маме: мама, мы с Ольгой выиграли у Крис и Мартины!» Наша мама удивленно: «Ты шутишь!» Но если продолжить рассказ, то все дело заключалось в том, что Крис в этот день сама маме не позвонила, а со своей сестрой не разговаривала неделю. Чемпионские амбиции проявляются далеко не у всех даже в одной, отдельно взятой семье.

Каждое время имеет не только своих героев, но и свою талантливую теннисистку. Есть то, что воспитать в человеке невозможно, то, что приходит только с годами, мы называем это качество опытом. Если можно так выразиться: опыт — это тренированное предвидение. Суперчемпионки, которых труднее всего обыграть, рождаются с таким даром. Это относится и к Крис Эверт, и к Наташе Зверевой, и к Мартине Хингис.

Отцы и у Наташи и у Крис были их личными тренерами, но сами по себе они совершенно разные люди. У Наташи после взросления обнаружили совсем не простые отношения с папой, а у Крис они сохранялись на протяжении всей карьеры довольно близкими. Я прекрасно знаю историю дочки и папы — Наташи Зверевой и Марата Николаевича, потому что она вся прошла перед моими глазами. Папа Эверт дал своей дочери все, что мог, чтобы она стала чемпионкой, но не хотел и не собирался погружаться в ее жизнь. Он одинаково любил всех своих детей, любил жену, любил свою семью — и я видела, что счастье всей семьи было главным для него. Он не хотел купаться в славе своей знаменитой дочери. А многие родители, и это замечание, на мой взгляд, касается и Марата Николаевича Зверева, в своих знаменитых детях видят частицу своей собственной славы. Такое мировоззрение мешает им самим, но в первую очередь мешает их детям, потому что в отношениях «родитель — ребенок» происходит перенапряжение

и, как следствие, чаще всего неправильный анализ. Нередко отцы-тренеры добиваются больших успехов со своими детьми, чаще с дочерьми, но рано или поздно наступает момент, когда девочку надо от себя отпустить. У Крис Эверт отец сам играл на высоком уровне, поэтому обладал огромным опытом — и как спортсмен, и как тренер. Возможно, это и помогло ему выбрать правильный стиль отношений, и он находился в тени, стараясь лишний раз не вылезать перед «огнями рампы». Джимми Эверта прежде очень редко можно было встретить на крупных турнирах, сейчас он, кстати, на них бывает чаще, чем тогда, когда играла Крис. Везде все видят только Ника Боллитери, который без конца о себе рассказывает, и невольно создается впечатление, что Эверт воспитал только одну свою дочь, а Ник всех остальных: и Селеш, и Курникову, и Пирс, и Сампраса, и Агасси, и Курье... — список конца не имеет. Как и когда он успел совершить такой тренерский подвиг, я не понимаю. Даже в фигурном катании, где у Тани Тарасовой десятки чемпионов, но всех она с рождения воспитать не могла, а вот Ник «сумел». Самое интересное, что люди его откровения воспринимают как истину, и только профессионалы понимают, что такое в принципе нереально. У Ларисы Дмитриевны Преображенской занималось очень много учеников и очень хороших: Лена Гранатурова, которая выигрывала первенство Советского Союза, Юлия Кошеварова, Вика Мильвидская, но все-таки суперчемпионка одна — Аня Курникова. Такая, как Аня, у Ларисы Дмитриевны за сорок лет одна-единственная, а у Ника Боллитери, по его словам, десятки.

Возвращаясь к теме родителей, предупреждаю: будьте осторожны. У Марата Николаевича получилось так, что дочь его переросла. Она со временем знала уже больше о теннисе, чем он, а потом стала знать больше и о жизни людей с миллионным счетом

в американском банке. Поэтому, мне кажется, в конце концов они как тренер и ученица расстались. И этот момент оказался невероятно трагическим для Марата Николаевича, хотя расстались они всего лишь в своей профессии, не как дочь с отцом. Я повторю: Наташа переросла отца, а он не нашел в себе сил это признать. Печально. Наблюдая за их ситуацией и рядом и со стороны, я могу утверждать, что из-за того, что он так долго не отпускал от себя дочь, Наташа не достигла своего потолка.

Время ушло, она так и не нашла тренера, который мог бы ее довести до самых верхних ступеней в мировой классификации. Она выиграла, может быть, больше всех парных турниров в мире, но она обладала таким потенциалом, что могла и в одиночных выиграть не меньше. Ее нынешнее материальное положение прекрасно, ее уважают как игрока, но все считают: Наташа Зверева — нераскрывшийся талант.

Моей вины в судьбе Наташи нет, мне было сложно, да и просто невозможно идти против отца. Когда я ушла из сборной команды Советского Союза, предложения со стороны Наташи Зверевой, чтобы я стала ее личным тренером, не поступило, а потом уже началась такая мешанина в стране, что все разбежались по своим углам. Теперь это звучит смешно, но когда Лариса Савченко пришла в раздевалку с согнутой спиной, судорожно хватаясь за сумку, я подошла к ней с такими словами: «Лариса, я тебе дам последний раз бесплатный совет, не играй так много турниров». Но ее моя шутка даже не рассмешила, настолько болела спина. Нужно быть очень сильным человеком и тем более не советским, чтобы в тот момент, когда ты только-только начинаешь зарабатывать настоящие деньги, подумать еще и о том, что не мешает заплатить и тренеру. Все западные правила и ценности усвоены моментально, но тут родное воспитание почему-то неизживаемо: тренер — значит, бесплатный.

Понять, что Морозова, Лепешин или кто-то еще могут повести дальше, что сделает игрока еще богаче, не получается.

Я восторгаюсь Нуриевым. Когда он остался во Франции, ему балетная труппа Гранд-опера предложила подписать контракт на три года, Нуриев же подписал контракт всего на несколько месяцев. Он заработал первые деньги и сразу уехал... к преподавателю, который научил его одному из балетных элементов, упущенных в свое время в ленинградском училище. Вероятно, он за эти уроки заплатил хорошие деньги, так как не думаю, чтобы кто-нибудь на Западе занимался бы с солистом балета бесплатно. И лишь уничтожив пробел в танце, Нуриев уехал в Англию, где с Марго Фонтейн, звездой английского балета, которая на протяжении двадцати лет открывала сезоны Королевского балета, он начал исполнять фантастические партии. Вместе они стали суперзвездами. Я как советский человек, узнав о таком факте биографии Нуриева, была потрясена. Во-первых, в те времена уже остаться на Западе — удел или очень сильных, или сумасшедших. Не знаю, чего в нем было больше? И второе. Какую надо иметь силу воли, чтобы отказаться от огромного гонорара — для советского человека вообще немислимого — и заставить себя уехать в другую страну, при этом заплатить свои первые деньги только за то, чтобы стать еще лучше. Никому из наших спортсменов пока не суждено пойти на такое. Наверное, нет той нуриевской силы, а может, и легкого сумасшествия, что всегда присуще гениям.

Мы играли очередной ветеранский турнир во Флориде, в сказочном местечке, Саделбрук, рядом с Тампой. Первое, что я увидела, когда въехала на территорию стадиона, Крис уже тренируется. В Саделбруке расположена академия Гарри Хофмана, и она занималась с одной из его девочек, восходящей звездой американского тенниса. Там прошел замечательный тур-

нир, где собралась исключительно наша публика. То есть те, кто болел за нас, были нашими поклонниками лет двадцать—тридцать назад. Они захотели вновь с нами встретиться, скорее всего для того, чтобы еще раз пережить острые ощущения из своей молодости. Я во Флориде всегда играла не блестяще, к тому же еще Крис нас всех придавливала своим авторитетом: Флорида — ее штат. Она в нем любимица всех и каждого, и, что греха таить, похоже, именно «на Эверт» и собралась большая часть публики.

Она и родилась во Флориде в городе Фортлотордейли. И хотя мы играли в Тампе, все равно, она же девочка из Флориды. Матч закончился, я ей уступила и говорю: «Крис, как же ты здорово сыграла». Она: «Оля, ты же знаешь, мне теннис легко не дается, я должна работать». Великая Крис Эверт по сей день занимается теннисом по два часа. Она утром, после того как отвозит детей в школу, сама едет на тренировку. Как я понимаю, она занимается не только теннисом, но и в джим-зале, для того чтобы быть все время в форме.

Когда мы с этим турниром переместились в Бокаратон, где сейчас дом Эверт, то Крис — это стало уже традицией — пригласила всех нас к себе в гости. Дом у нее одноэтажный, но очень большой, очень красивый и абсолютно американский. Высота одной из комнат, мне кажется, метров десять, поэтому в ней огромная стена. А вдоль этой стены витрины, в них все ее кубки. Эверт выиграла три раза турнир Хилтон хэд, и ей, как это принято, отдали саму вазу, главный приз. У меня тоже есть тарелка из Австралии, с турнира, который я выиграла три раза. И, между прочим, еще есть дома тарелка с первенства Италии, я его тоже три раза в паре выиграла. Так вот, у Крис Эверт таких трехкратных побед очень много. Мы с Бетти Стове подошли к очередной витрине: «Посмотри на эти призы, — сказала я, — мы такого не выигрывали».

Когдаходишь в ее дом, понимаешь, он достоин Крис Эверт, другой и не должен быть у такой чемпионки. Но что приятно, повсюду разбросаны игрушки. Дом шикарный, мебель дорогая, люстры хрустальные, а везде натыкаешься на игрушки, то есть дом живой и детям в нем позволяют оставаться детьми. Когда Крис нас встречала, на руках у нее вертелся ее младший сынишка. И выглядела эта картинка не нарочито, а абсолютно естественно. Я у нее спросила: «Крис, а как ты их троих укладываешь?», она отвечает: «Иногда приходится спать в комнате старших, потому что они боятся. Мы с Сэнди меняемся. Одна ночь его, следующая моя». Я в ужасе: «А куда девать третьего?» — «Иногда приходится спать с ним вместе». Такая обычная жизнь матери, отца, их детей, этой семьи, где все любят друг друга.

Она стала другой, нежнее, что ли. У нее даже взгляд стал мягче. Дети открыли другую, не спортивную, а женственную часть ее характера. И это ее только украсило. Как и все, что бы с ней не происходило.

И СНОВА... ТРИ ИМЕНИ

Не конец 1991 года и Беловежская пуца, а уже 1989—1990 годы расчленили страну, где мы родились. Время не только намечало новые границы — стали разрываться отношения и между людьми. В той обостренной ситуации многие неожиданно стали проявляться совсем с иной стороны. Пусть я перестала возглавлять сборную СССР, пусть я уехала работать в Англию, но мои друзья остались моими друзьями навек. Известно выражение: не хочешь терять друзей, не давай им ни денег, ни советов в любви. Случилась довольно неприятная история, когда Теймураз Какулия, мой товарищ, прекрасный тренер, человек, помогавший мне создать сборную команду страны, един-

ственный тренер Лейлы Месхи — порвал с ней все отношения. Я оказалась в сложном положении. Я хорошо отношусь к Лейле и как к девочке (а теперь уже маме двух малышей), и как к игроку, достигшему высоких результатов, но не могу сбрасывать со счетов и дружбу с Тимуром, причем с юных лет. Порой дело доходило до абсурда, нельзя, чтобы разговор с одним увидел второй. Мне казалось, это травмировало их обоих. Когда Тимур просил меня как-то вмешаться, я отказалась — мне было сложно разобраться в произошедшем.

Может быть, каждый по-своему из них и прав и виноват в одинаковой степени. Наступили новые времена, к которым никто из нас не был готов. Если бы существовал контракт между Месхи и Какулией, стандартная вещь для Запада, не возникла бы между ними и ссора. Существовал бы сейчас Советский Союз, у них бы тоже не было проблем.

Я думаю, вал коммерции, который нас накрыл, не дал времени для осмысления. Теперь и я считаю, что контракт должен быть обязательно, он сразу упрощает отношения. Конечно, можно потом сказать: «Ой, я попросила сто долларов, а надо было триста». Ну что ж, это твои сложности, значит, ты неправильно составила свой контракт. Любые действия должны быть профессиональны.

Кстати, пару лет назад в Англии мой контракт пересматривался. Я села изучать его со своим адвокатом, уже упомянутым ранее Филом Де Печиотто, и он мне говорит: «Оля, давай рассуждать логически, на что мы согласны». — Я говорю: «Вот этот пункт — реальный, потому что нельзя больше просить, а вот этот нереальный». — «Я с тобой согласен, в делах должна быть реальность». Дальше, видя мое положительное отношение к размеру цифр или убедив меня, что эти величины правильные, Фил вел контракт к подписанию.

Но разрыв с любимой ученицей — не единственное несчастье, обрушившееся на Тимура. То, что с ним случилось, ударило нас как громом среди ясного неба. Тимур плохо себя чувствовал, у него все чаще и чаще болела спина. У всех нас, бывших спортсменов, очень часто болят спины, и порой не знаешь, то ли это мышцы потянуты, то ли позвоночник не в порядке? Однажды в Москве Тимур приехал к нам домой и сказал, что ему посоветовали сделать анализы в Англии. Действительно, в Англии анализы делают качественно. «Давай как-то это организуем», — попросил меня Какулия. Мы вместе приехали на турнир перед Уимблдоном — это был Истборн, пришли к врачу турнира посоветоваться. Тот сразу предложил Тимуру сделать то-то и то-то, а во время Уимблдона обещал уже дать ответ.

Шел 1990 год. Июнь. Первый год, когда Витя впервые выехал со мной за границу и сразу на Уимблдон. Мы жили не в гостинице, а снимали маленький дом. Сидим вечером, пьем чай, с нами жилплощадь делила Аня Дмитриева с сыном Митей, как вдруг открывается дверь и передо мной встает Джорджина Кларк. Кто такая Джорджина Кларк? Она от WTA работает директором на различных турнирах, в том числе руководила раз и московским, а на Уимблдоне жила около меня. Что же происходит, если она, англичанка, пришла, не предупредив, вечером ко мне домой? Правда, Джорджина пыталась мне позвонить, но ей сказали, что мой телефон отключен. Она передала, чтобы я срочно позвонила врачу Уимблдона. Я звоню, и тот мне объясняет: «Какулия должен завтра же улететь в Москву, у него в любой момент может треснуть позвоночник». Мы в шоке. Оказывается, у Теймураза что-то вроде кисты, огромный нарост на позвоночнике. Я села. Сажу и думаю, сразу сто пятьдесят мыслей в голове. Смотрим с Аней друг на друга, встать невозможно, потому что, если встанем, надо идти, искать

Тимура. Какулия жил в гостинице. Но где его гостиница? Отель у него такого уровня, что в номере нет телефона. А завтра Месхи играет матч. Как сказать ему: «Не поднимай ничего, никаких тяжестей»? Он же каждый день берет с собой теннисную сумку. И я должна ему сказать диагноз накануне первого матча Лейлы на Уимблдоне!

Как я понимаю, когда мы утром все встретились на кортах, на моем лице столько всего оказалось написано, что мои девицы хором заголосили: «Ольга Васильевна, что случилось?» Я ответила им, что ничего. Но Тимура я не могла обманывать. Правда, начала я с другого: «Тимур, я пойду посмотрю, как там у нас с обратными билетами?» Хорошо, что в тот день Уимблдон посетил тогдашний представитель Аэрофлота в Лондоне, Виктор Илюхин, с которым у нас сложились дружеские отношения. Я к Илюхину: «Тимурику нужно срочно сделать билеты обратно в Москву» (времена стояли советские, значит, с билетами существовал постоянный напруг, да и летать разрешали только Аэрофлотом). Объяснила ситуацию. Илюхин: «О чем ты говоришь? Мы отправим его, как только вы скажете, и машину за ним пришлем». Оставалось самое трудное — объявить диагноз Тимурику. Как я его из себя, отведя Тимура в сторону, сумела выдавить, не знаю, как и не знаю понял ли он до конца, о чем я лепечу, но, наверное, понял, во всяком случае его лицо после разговора со мной выражало еще больший ужас, чем мое. Лейла Месхи проиграла матч сразу. Конечно, я виновата в том, что не смогла скрыть своего страха, из-за чего пострадала Лейла. Но рисковать по сути дела жизнью человека я тоже не могла. Какулия на следующий день улетел в Москву, Лейла еще осталась играть пару.

В Москве Тимур сразу лег в больницу, и ему требовалось специальное лекарство, которого в Советском Союзе, естественно, не было. Той осенью в сто-

лице первый раз проходил женский международный турнир. Накануне я позвонила своему другу в Англию, попросила его, чтобы он взаимы купил это лекарство. Рецепт я выслала в Лондон, без него мой английский приятель ничего не мог сделать. Естественно, русский рецепт надо переписать. Поехали к тому же самому врачу в Уимблдоне. Что может быть в жизни важнее, чем друзья? Доктор переписал наш рецепт на английский. Наш друг Джон Томпсон купил лекарство. Но теперь полагалось найти возможность передать его в Москву. А в те годы это не так-то легко было сделать. Бдительные таможенники отбирали все, что могли отобрать. Я звоню в WTA, спрашиваю, кто из медиков приезжает в Москву на турнир. Выясняется, летит такая-то, и ей вручают лекарство для Какулии. Наконец препарат попадает в Москву, но самое главное, он помогает Тимуру, тот стал лучше себя чувствовать. В конце концов Тимур поправился и даже поехал работать на Кипр, а сейчас вновь тренирует в Тбилиси, хотя со здоровьем у него не блестяще.

Тимуру старались помочь многие, но важнее всего оказалась помощь Шамиля Тарпищева, который организовал для Какулии немалую материальную помощь. Попав на больничную койку, Тимур, конечно, нуждался. Чем мы можем зарабатывать? Только двумя способами: или сами играем, или подкидываем тем, кто играет. У меня так удачно сложилось, что мне не пришлось кидать «чайникам» мячи. Во всяком случае пока. Но мало ли что может случиться. Тогда я буду работать обычным тренером. Сейчас тренер и за границей, и у нас это не тот, который хорошо и правильно говорит, а хорошо и правильно показывает. Тимуру так работать сейчас сложно. Когда мы виделись последний раз, он рассказал мне, что организовал свою школу, несколько молодых ребят-тренеров, те, что учились у него, ему помогают. В общем как-то

жизнь наладилась. В прошлом году Тимур уже выглядел неплохо, правда опирался на палочку. Он постоянно должен проходить курс лечения, причем очень недешевый курс.

Марине Крошиной в спортивной жизни не очень повезло. Не повезло с украинской федерацией, с тренером, который ее вырастил, не повезло и с последним наставником, Владимиром Камельзоном. Но причина этих невезений, как мне кажется, заложена все-таки была в том, что она боролась больше за материальную сторону жизни, нежели за творческую, к которой она тяготела куда как больше.

Для Марины явно был более подходящ теннис на земляном корте, но она всегда играла на траве, где чувствовала себя неуютно. И в жизни у нее получалось в общем-то так же, как и в теннисе. Хотя она и побеждала на детском Уимблдоне, естественно, на траве, но по большому счету ее стихия — грунт. Но Марина никогда не играла первенство Франции, потому что туда посылали на две недели, а командировка на Уимблдон занимала четыре. Угадайте с первого раза, где суточные больше? Возможно, я и ошибаюсь, но мне казалось, что и ее муж, и Камельзон в этом отношении на нее немного давали, хотя, что спорить, конечно, Уимблдон престижнее, чем первенство Франции.

Сейчас, как тренер с большим стажем, я понимаю, что, если бы Марине делали специальный график, предусматривающий игру на земле, не сомневаюсь, на ее долю пришлось бы значительно больше побед. Но в наши годы поехать в один год туда и туда считалось слишком жирно. Я одна играла и на первенстве Франции, и на Уимблдоне. А Марине разрешалось выбирать что-то одно.

Ее теннис сильно отличался от моего. Мой стиль считался модным, атакующим, с выходами к сетке,

зато Марина имела самое ценное в теннисе качество — предвидение. Может, природа, компенсируя свои просчеты, награждает этой способностью «медленных» игроков. Я пишу медленных в кавычках, потому что скорости «медленного» профессионала для обычного любителя колоссальные. Игра Марины аналогична игре Хингис, конечно, не в таких идеальных пропорциях, но она, как и Мартина, продемонстрировала такое же изумительное чувство мяча. Я вспоминаю, как с ней играла: только замахнешься, она уже там, куда ты собиралась послать мяч. Я это помню как никто, потому что довольно долго Марина считалась единственной моей соперницей в стране и в классификации стояла под номером «два».

Передо мной обложка английского теннисного журнала, на ней крупно Хингис, я в ее лице вижу черты Марины, пожалуй, даже не черты, а просто сходство. Они и в жизни очень похожи, обе с одинаковыми странными, не сходящими с лица улыбками. Даже ногой Мартина «подгребают» точно так же, как это делала Марина.

Марина Крошина ничего не дорабатывала до конца. А возможно, ее неправильно направляли, как знать. Но она всегда оставалась интересным мастером, и легко сыграть против нее никогда не получалось. Марина — творческая натура, она часто грезила, другими словами, ее посещало невероятное количество идей, которые трудно назвать реальными. Если на корте чувство реальности она никогда не теряла, то в жизни ничего похожего не получалось. Что я сейчас о ней знаю? Знаю, что она пригласила к себе в Киев ученицу из Владивостока, причем взяла ее к себе домой. Потом эта ученица куда-то исчезла, а Марина уехала за границу. Я с ней пару раз встречалась на турнирах, она мне немного о себе рассказала, и я по ее словам сделала для себя такой вывод. Проблема Марины с девочкой состояла в том, что мы очень часто невольно в учениках повторяем себя. Мне повезло,

я работала в сборной с самыми разными теннисистками, не было какой-то одной. Повезло и им, потому что я знала, как надо работать. Не то чтобы я в своей молодости тренировалась столько, сколько Курникова, нет, в мое время так себя не мучили. Но в то же время я прошла школу настоящего ежедневного нелегкого труда и понимала, как это необходимо. Я дружила с Уэйд, общалась с Кинг, которые умели «пахать», как никто, и, естественно, свое умение трудиться, как могла, старалась передать девочкам в сборной. У Марины обязательное желание работать в характере отсутствовало. Естественно, она не могла его требовать от своей девочки. И все оказалось впустую, потому что без умения истязать себя — чемпион не получается. Чему бы ты не научил, что бы не передал, но если нет фундамента из трудолюбия, никакой талант наверх не пробьется.

Еще раз замечу, что все это в области моих предположений. Правильную характеристику можно дать человеку только в том случае, если с ним вместе работаешь. А с того момента, как я перестала играть, отношения у нас с Мариной дальше не сложились. И все выводы по поводу ее ученицы я сделала из того, прежнего опыта нашего общения.

Марине всегда хотелось писать книги, картины, заниматься каким-то более романтическим делом, чем потеть на корте. Правильнее сказать, она желала оставаться прежде всего женщиной и, похоже, ей это удавалось лучше всего. Мечты у Марины были такие домашние, такие женские. Я всегда видела ее пушистой красивой кошечкой, в розовом пеньюаре лежащую на розовом диване, и которую все время хочется погладить.

Давно я ее не встречаю. Живя на Украине, сложно находиться в орбите большого тенниса. Москва вся горела и горит теннисом, а на Украине подобного бума нет, и это тоже причина, отчего она как тренер, как звезда потерялась. Жалко. Кстати, Марина един-

ственная моя подруга из молодости, с кем я уже много лет не виделась. Почти всех довольно регулярно встречаю, знаю, что происходит с Аней Красько, ей нелегко жить в Ленинграде, вернее в Петербурге. Знаю, что происходит у всех, с кем играла. Лиля Карпова работает в Италии. Женя Бирюкова тоже в Италии. У Лены Гранатуровой маленькие дети, она трудится в Москве. Роза Исланова воспитывает двух будущих суперзвезд, точнее одну суперзвезду уже воспитала: Марата Сафина. Я в курсе дел и старшего для меня поколения — Лены Слепченко, Гали Бакшеевой, Тиу Партас-Киви много работала в Финляндии, но вернулась в Эстонию. А ее дочка — она постарше Кати — с родителями обратно не приехала, сказала: «Вы меня сначала вырвали из Эстонии, теперь хотите наоборот...» Жизнь есть жизнь, у каждого в ней своя судьба, а вот Марина как-то совсем ушла от меня.

А вот дальнейшая судьба Ивон Гулагонг оказалась и необычной и интересной. Ивон очень долго жила в Америке. Сразу после того как она разорвала со своим тренером и вышла замуж, Ивон переехала в Америку. А потом, лет пять назад, она вдруг вспомнила, что в ней течет кровь австралийских аборигенов, что у нее долг перед своей маленькой нацией, и уехала в Австралию. Ивон помогает аборигенам, а всем другим рассказывает об их жизни. У нее невероятно красивая дочь, которая сейчас тоже на пути к славе, правда, дороги с мамой у них разные. Дочь — неплохая актриса и, возможно, станет кинозвездой. Во всяком случае, девочка талантлива, играет в театре. Хотя муж Ивон англичанин с русской кровью, он тоже уехал вслед за женой в Австралию. Ивон выпустила книгу — не о теннисе, не о своей жизни, а о жизни аборигенов, об их проблемах. Ее, как и прежде, преследуют травмы, последний раз, когда мы играли ветеранский турнир в Америке, она порвала ахиллесово сухожилие.

Что касается денег, то с ними не густо, хотя она и была двукратной чемпионкой Уимблдона. Даже знаменитая Гулагонг не смогла себя теннисом обеспечить на всю оставшуюся жизнь, речь не идет о миллионах, какие есть, например, у Селеш или Пирс. Ивон выиграла один Уимблдон до рождения дочери, второй — после рождения. Гулагонг — единственная теннисистка, которая в таком порядке дважды выиграла Серебряную тарелку. Причем, если первый раз она победила в 1971 году, то второй — спустя почти десятилетие, в 1980-м. Теперь можно с уверенностью сказать: Ивон стала неповторимой страницей в истории тенниса.

IV. ТУРНИРЫ ВЕТЕРАНОВ

Когда я начинала играть в теннис, то, конечно, по молодости лет не представляла, что теннис станет делом всей моей жизни. Но я никак не могла предполагать, что и соревнования со мной не расстанутся так долго. Я попрощалась с мировым теннисом, как теперь понимаю, довольно рано — в 28 лет. Я вынуждена была уйти из спорта, так как играть только внутри страны уже не представляло для меня интереса, а дорогу за рубеж теннисистам из-за Московской Олимпиады закрыли, о чем я уже писала. На умном языке это называется исчезновением мотивации. Стоило себя держать в диком режиме, чтобы стать не 20-кратной, а 30-кратной чемпионкой Советского Союза? В те годы мой возраст считался нормальным для прощания. В СССР действовал негласный закон: спортсменка в 28—30 лет должна была уйти. По тем меркам я даже еще и задержалась. Жизнь и судьба и Кинг, и Уэйт, и Навратиловой доказывают, что ранний уход — это неправильно. Самый яркий пример — феноменальное физическое состояние Навратиловой. Я любовалась Мартиной даже в ее 38 и думала: «Боже

мой, зачем же я себя уговаривала, что не могу играть, не могу двигаться. Это же глупо. Посмотри, Оля, что она делает, посмотри, как она играет». Мартина в 35 лет обыгрывала двадцатилетнюю Монику Селеш.

Повторюсь, но в те времена, когда я играла, призовые фонды очень сильно отличались от нынешних, понятно, что в меньшую сторону, и мои тогдашние подружки по теннису, все как одна еще работают, кроме двух суперзвезд — Крис Эверт и Вирджинии Уэйд, которые как бы прошли с нами по скромной дороге того тенниса, но все-таки успели захватить и рассвет, который начинался в размерах сумм призовых денег. Даже те первые супергонорары, конечно, все равно не сравнимы с теперешними, но во всяком случае они позволяли лучшим теннисисткам своим мастерством заработать нормальные деньги на нормальную жизнь. В большинстве случаев девушки, которые до начала восьмидесятых входили в двадчатку и даже располагались в конце первой десятки, должны сейчас работать, иначе денег на пристойный дом и хорошие наряды не хватает. Бетти Стове долго трудилась, и только после того, как она закончила тренировать Мандликову, накопления позволили ей уйти от каждодневной работы. Франсуаз Дюр, у которой двое детей, тоже до сих пор на кортах, правда она менеджер. Не из-за того, что она жадная на деньги, просто в них есть необходимость. Когда у тебя дети, расходов же намного больше. А уж Бетти и Френки куда больше ездили в свое время по турнирам, чем я. Так что у меня другого варианта и не предвиделось, как все, оставив спорт, я прсдолжала работать.

Почти на каждом турнире Большого шлема в знак уважения к тем профессионалам, которые сделали большой теннис таким по-настоящему большим, а также уважая привязанность зрителей-ветеранов, преданных своим кумирам, на этих состязаниях с огромными, в несколько миллионов долларов призами, начали проводиться и соревнования для бывших

звезд. В какой-то степени они дали и кумирам возможность немного подработать. Интерес к «старой гвардии», естественно, ослаб, но, как ни странно, не сильно. Все же их имена звучали очень громко. Это же те первые теннисисты, которые появились на телевизионном экране. Сейчас мы видим и АТР-туры, и WTA-туры, их показывают по нескольким программам чуть ли не каждый день. А ведь все начиналось с трансляции только Уимблдона и «Ю.С. опен», на этом знакомство с теннисом на телевидении заканчивалось. Почему и я, советская, из этой обоймы не выпала? Потому что так мало тогда показывали теннисисток, что запомнить их труда не составляло. Все, кто хорошо играл на Уимблдоне, сразу попадали в разряд знаменитостей, других возможностей прославиться на телеэкране у теннисистов не существовало.

Когда меня пригласили играть ветеранские турниры, я была одновременно и поражена, и заинтересована. Я еще ходила совсем свеженькой, мне только только стукнуло тридцать пять. Именно с этой цифры они начинают. Кстати, сейчас она выглядит смешной, потому что Мартина в 39 лет играла в основной сетке «Ю.С. опен». В феврале 1999 года, когда мне уже исполнилось пятьдесят, я выходила на корт против Джиджи Фернандес, которая за год до нашей исторической встречи выступала на первенстве США и еще совсем недавно с Наташей Зверевой выигрывала турниры Большого шлема. Конечно, я оказалась немножко в шоковом состоянии, разница в 15 лет все же в теннисе чувствуется.

Мое участие в турнирах ветеранов произошло неожиданно. Я приехала со своими девочками на первенство США, приехала с ужасными болями в спине, поскольку травм я получила немало, особенно в конце моей спортивной карьеры. Подходит ко мне Вирджиния Уэйд: «Оля, ты не хочешь сыграть в нашем турнире?», а тогда я о нем и знать ничего не знала. Я заин-

тересовалась: «А чего это такое?», она предлагает: «Давай сыграем, узнаешь». И мы тут же, «с листа», составили с ней пару и дошли до финала. Сейчас я уже могу признаться, а тогда я не имела права даже думать о призе, то есть о деньгах. Я, профессионал, не могла за свою работу получать деньги, поскольку носила гордое звание «советский тренер». Но тут их полагалось брать! И тогда я страшно испугалась, ведь я выиграла, попав в финал, огромную, по сравнению с моими суточными, сумму денег. Чтобы вывести меня из этого дурацкого состояния и дать возможность получить приз, мне купили «Роллекс». Через пару лет после своего дебюта в турнире ветеранов я уехала в Англию, а там на досуге после недолгих размышлений поняла, что сколько меня будут приглашать в них участвовать, столько я и буду играть.

Должна заметить, что, лишь побывав в двух ролях — игрока и тренера, ты понимаешь разницу между одним и другим. Когда ты игрок, все двери перед тобой открыты, когда тренер — в лучшем случае половина оказывается «на замке». Не могу утверждать, что деньги, которые я выиграла в ветеранских турнирах, могут кардинально изменить мою жизнь. Иное дело — билеты, которые я как игрок получаю, плюс пропуск «всюду», который мне выдают в дирекции турнира Большого шлема. И неважно, что отныне я игрок, выступающий среди ветеранов. Все равно по-другому себя чувствуешь, когда понимаешь, что у тебя всегда есть два билета на трибуны центрального корта, и ты не ходишь как попрошайка, не вымаливаешь у всех своих знакомых, работающих на турнире, лишний билетик. Ходить и просить так утомительно и тяжело, что я вздрагиваю, как про это вспоминаю. Зато теперь я полноценный член теннисного сообщества.

К тому же приятно находиться в кругу друзей, с которыми ты не виделась годами. Вот, например, по-

явилась среди нас Мима Яшовец, с которой я недавно играла пару. Яшовец — первая до Селеш известная югославская теннисистка. В свое время Мима выиграла первенство Франции. Мы с ней так давно не виделись, когда расстались она была не замужем, а сейчас у нее уже взрослый ребенок. Ивон Гулагонг я не видела лет сто, она явилась на турнир с младшим ребенком и мужем. Приехала Керри Мелвил, ее я не встречала еще дольше, чем Ивон. И так приятно, что мы все соединились! Например, Бетти Стове, Франсуаз Дюр и я, поскольку мы и европейцы и тренеры, то видимся часто. Пересекаться с Кинг и с Эверт труднее, они американки, но большинство популярных ветеранских турниров проходит в США, так что и с ними мы довольно регулярно общаемся. О своих ровесницах я ничего не знала много лет. И вдруг они рядом! Рядом Пегги Майкл, выигравшая Уимблдон в паре с Ивон Гулагонг. Рядом... Все они — это не только игроки, это не только твои друзья, это твоя жизнь, твоя молодость.

Я регулярно выступаю в ветеранских турнирах. Как ни странно, мои результаты в них вполне приличные. Я уже упоминала о том, что в свое время «Филип Моррис», знаменитый табачный концерн, первым увидел в организации женских теннисных турниров свой шанс на увеличение популярности, а нам, теннисисткам, участие такого спонсора давало возможность неплохо жить. «Филип Моррис» довольно интересно организовал тур и для ветеранов. Сначала за год проходило всего четыре ветеранских турнира «Вирджиния слимс» — это название продукции «Филип Моррис», — потом их стало шесть. «Вирджиния слимс» имели и иную форму проведения соревнований, чем обычный теннисный турнир. Турнир «Вирджиния слимс» проходил за два-три дня. В первый год «Филип Моррис» устроил в зале перед теннисом на целый день концерт джазовой и поп-музыки, причем

тоже ветеранов, но сцены. На следующий вечер приходил наш черед. На мой взгляд, такое сочетание превращало теннис (не знаю, как насчет музыки) в оригинальное развлечение. «Филип Моррис» добавлял к собранной за билеты сумме точно такое же количество денег, после чего передавал их в фонд борьбы со СПИДом. Мы и в этой части программы принимали участие, ездили в госпитали, навещали больных, конечно, больше всех этим занимались Кинг и Навратилова. Но и я в какой-то степени оказалась задействована. Потом музыку убрали, ибо такое сочетание влетало организаторам в копеечку.

«Филип Моррис» удалось раскрутить задуманный проект. Выяснилось, что они не только умеют продавать, но и знают, как заставить купить. Корпорация тратит немало денег на рекламу, но зато у них получается качественный продукт. Я говорю не о сигаретах, а о высоком уровне такого рода турниров. Организаторы прекрасно относятся к игрокам. Президент «Филип Моррис» никогда не забудет подойти и поздравить именинницу с днем рождения. Такое на обычных крупных соревнованиях не всегда встречается, а здесь, среди пенсионеров спорта!..

Я много играла на тренировках со своими девочками, поэтому обычно находилась в хорошей форме. Но свой первый турнир в Саделбруке, с участием Крис Эверт, не могу забыть. Матчем с ней в паре мы открывали турнир. Волнение невероятное. Играем против Кинг и Навратиловой. Первый розыгрыш мяча сразу же получился сумасшедшим. Я достала какой-то неберущийся мяч, но нам его засудили, тогда Крис Эверт села на коленки к судье на линии. Публика растрогалась таким «жестом отчаяния». Крис устроили оаццию. Корт уютный, можно сказать домашний, зрители сидели так близко, что я их буквально чувствовала.

Хотя мы выступали по упрощенной системе, играли всего один сет, но все равно нам приходилось не-

легко, потому что сказывалось напряжение и ответственность. Публика не забывала, что наши матчи — скорее шоу, чем соревнования, мы же иногда об этом забывали.

Как-то на матч в Далласе, где я играла вместе с Эверт против Навратиловой, и не помню, с кем она встала в пару, пришла жена президента Буша Барбара. Я сыграла здорово, обвела Навратилкову, а аплодисменты жиденькие. Спрашиваю у публики: «Почему такие скромные аплодисменты? Уже нет «холодной войны», вы можете совершенно спокойно мне похлопать». Тут мне устроили овацию. В том матче я все время заводила публику. Крис мне напоминала: «Оля, ты, наверное, забыла, что ты из России, это я из Америки». Каждый из нас гордится своей публикой, сохранившей нам верность через столько лет.

Должна признаться, я не только получаю удовольствие от тенниса, но и материальные стимулы в этих ветеранских турнирах неплохие. Для меня, например, это приличный дополнительный заработок. Я честно могу сказать, что, после того как я перебралась в Англию, пытаюсь зарабатывать сколько могу. Не в ущерб своему здоровью, конечно. Легко теннисистам деньги никогда не достаются, и я ничем от всех не отличаюсь — я с десяток раз моталась за год в Америку, причем только на уик-энды. Я летела по девять-одиннадцать часов, чтобы вернуться через два дня на работу. Когда я посмотрела, сколько у меня авиабилетов в Америку, мне стало дурно. Правда, в самолете я отдыхаю, так как «Филип Моррис» оплачивает билеты бизнес- или 1-го класса, это все же делает перелет через океан полегче.

Какие же теперь гонорары платят бывшим звездам? Всем разные. Могу сказать только о себе. На первенстве США — только за участие — пять тысяч долларов. Налоги вычитаются сразу. В 1998 году я вошла в полуфинал. За каждый выигрыш мне платили

пятьсот долларов, и в сумме я заработала почти восемь тысяч. Получила же шесть, две тысячи у меня съели налоги. Но это были только американские налоги, а так как я живу в Англии, дома добирали еще и английские.

В Америке налог составляет двадцать пять процентов от полученной суммы. А в Англии — сорок. И эту разницу в пятнадцать процентов у меня вычитали. Постепенно, но привыкаешь, что налог — это неизбежно.

Сейчас я в год обычно играю не больше двух турниров. А почему десять раз летала в Америку? Потому что возила детей на Оранж бол, на другие соревнования. Можно найти год, когда я сыграла и шесть турниров. Имя у меня есть, но я не Крис Эверт, поэтому далеко не так приглашаема, как она. В Америке американцы любят американцев. В Америке болеют только за своих. Наверняка Селеш, когда закончит, будет восприниматься как американская теннисистка, хотя она родилась в Югославии. У нее зрителей будет куда больше, чем у такой же югославки Мимы Яшовец, но не получившей американское гражданство. Мы в России предпочитаем иностранное, а они любят только свое. Нас воспитали так: мы самые сильные, но еще есть и американцы. А американцы воспитаны проще: лучше их самих никого нет.

Ветеранские турниры не обязательно подверстаны к большим соревнованиям. Чаще наоборот, они существуют отдельно. Один раз мы играли в Хьюстоне, и наши матчи собирали больше народу, чем проходившие в то же время встречи профессионального календарного WTA-тура.

Мы начинаем, как я уже говорила, с 35 лет, а верхний рубеж зависит от твоего состояния и твоего желания. Я считаю, ветеранские турниры — это хорошая идея, но она нуждается в уточнении. Потому что если ты уже достиг определенных лет, то качество

игры соответствует уже возрасту, а не мастерству в молодости. Поэтому если в ближайшем будущем нас не начнут делить по возрастным группам, то я, скорее всего, играть уже не смогу — физически тяжело. Уже в прошлом году, когда сыграла против Джиджи Фернандес, после матча я думала, что умру. На следующий день так ныли все мышцы, что я еле держалась на ногах.

У меня уже выработана специальная подготовка к этим турнирам. За месяц я начинаю дополнительно что-то делать, ведь я и так все время играю. Не могу сказать, что начинаю целенаправленно готовиться, но в день минут сорок пять — час я уже тренируюсь. Кроссы не бегаю, но я их никогда и не любила. Я занимаюсь в тренажерном зале — это помогает укрепить ноги. Впрочем, я занимаюсь на тренажерах иногда и для собственного удовольствия, это в принципе стимулирует жизненный тонус. Я чувствую себя намного лучше после занятий в зале. Или поиграла в теннис с моим близким знакомым еще с молодости, теперь уже бывшим директором Большого театра Володи Васильевым, зарядилась на целый день. Я немножко побегала за мячом, а он говорит: «Надо же, так бегать в нашем-то возрасте». Не скрою, мне приятно слышать такой комплимент, и для того, чтобы это приподнятое состояние сохранить, я готова продолжать тренироваться. Недавно Аня Дмитриева тоже удивлялась: «Ты смотри, как она еще носитя». Но дело даже не в том, что мне льстят слова моих друзей. Я так боюсь начать задыхаться, когда понесусь в Москве за автобусом, ой как не хочется, чтобы такой день наступил.

Подведу итог. Мои, ни к чему не обязывающие турниры — все равно труд. Но в то же время это такое невероятное удовольствие встречать подруг из прошлого, вспоминать с ними старые истории. Так приходит, пусть на миг, ощущение собственной юности, когда тебя любила публика, обожали поклонни-

ки, когда для тебя был открыт весь мир... Теперь ты мир воспринимаешь совсем уже не так, как в молодые годы, а как человек, проживший большую часть жизни и понимающий, какими потрясающими и какими безвозвратными оказались те уже далекие моменты молодости.

V. МУЖ И ДОЧЬ

КАТЯ

Оказавшись в Англии, я наконец-то смогла заняться своей семьей, а самое главное — дочерью. К моменту нашего отъезда Катя уже несколько лет как играла в теннис и у нее очень хорошо все в спорте складывалось. Я еще до всяческих планов на отъезд думала, что необходимо создать ребенку такие условия, которые позволили бы ей формироваться в классного игрока, а я в ней его видела. Когда говорят «заняться семьей» — это обычно означает, что в семье есть проблемы. Но между нами никакого разлада не наблюдалось. Просто на протяжении многих лет я возилась с чужими детьми, я отвечала за их воспитание, их кормление, их становление. Пришло время большую часть времени посвятить своему ребенку.

Надо сказать (и я это чувствую, и многие друзья мне говорят), что я уже готова стать бабушкой, потому что у меня в моей женской жизни осталась пропущенной очень важная страница. Той мамой, какой бывают обычные мамы, из меня не получилось. Хорошо помню, как у нас на кухне принималось судьбоносное решение, иначе говоря, Витя и моя мама сидели напротив меня, а я им говорила: «Буду я тренером сборной СССР или не буду, вам решать». Они друг на друга посмотрели, гордая моя мама и гордый мой муж, и решили, что заслуженный мастер спорта обязательно должен стать заслуженным тренером СССР.

Они не видели других вариантов, потому что знали, теннис — это дело моей жизни. Я сказала: «Вы хоть понимаете, с чем столкнетесь?» Но вот этого они, мне кажется, тогда не понимали, они, похоже, думали, что теперь тот теннис, который меня отбирал у них, — закончился, а начнется другой, спокойный и солидный. Скрывать не стану, но до того дня, как я стала тренером, жизнь у меня была малина. Утречком я шла на тренировку, нынешних совершенно диких, изнурительных тренировок по пять-шесть часов тогда еще не придумали. Я тренировалась всего два часа, хотя и очень прилично. Только в ноябре-декабре и, может быть, еще в марте-апреле я тренировалась по два раза в день или занималась дополнительно три раза в неделю физподготовкой. Следовательно, во второй половине дня я, как правило, оказывалась дома. Приходила, конечно, уставшая, выжатая как лимон — уж очень выкладывалась на тренировке. Но все-таки во второй половине дня — свободна. К тому же раньше не проводили столько соревнований, сколько сейчас.

Первое испытание, когда я стала тренером сборной Советского Союза, — ты приходишь в контору и работаешь с девяти до шести. Это обязательно, в Спорткомитете заслуженных мастеров спорта особенно проверяли. Человек я совестливый, не могла нарушать дисциплину, опаздывать и уходить раньше времени. На меня обрушилась организация невероятного количества сборов, а с ними — еще большее количество проблем. Я сейчас вспоминаю свои ташкентские сборы, где, в общем, мы, как сыр в масле катались, но в один прекрасный момент звонок: нет бензина! Девочки бегут до стадиона кросс, а мы, тренеры, собираем их сумки и ракетки в такси и так отправляемся на корты. И я должна, вместо того чтобы отрабатывать удар справа или удар слева, заниматься «пробиванием» бензина. Наша жизнь заполнялась тем, что мы все время что-то доставали и «пробива-

ли». Бассейн — «пробить», автобус — «пробить», игру — «пробить», еду — «пробить». И конечно же, все перечисленное в рамки с девяти до шести никак не входило. А тут пошли поездки за рубеж, следовательно, начались визы, которые отчего-то всегда выдавали в последний момент. За ними — авиабилеты, главный советский дефицит тех лет. Но когда возникали у моих теннисисток проблемы личного характера, двадцати четырех часов в сутки уже не хватало. А я уже мама, и самое чудесное время, когда Катька агукала, ползала, начинала ходить, мною было полностью пропущено. Возможно, какой-то молодой маме попадет в руки эта книжка, и она скажет: что это такое Морозова несет, сумасшедшая, что ли, какое же счастье спихнуть маленького ребенка! Разные есть мамы, я же жалею, что у меня этот кусок жизни пропал безвозвратно.

Сейчас я очень горда своим ребенком, она у меня добрый человек, она красивая девочка, она очень хорошо воспитана бабушкой, с хорошими, мне кажется, манерами. В ней заложены правильные вещи. Даже те, которые, наверное, считаются правильными по старым меркам. Ей немножко трудно жить, потому что она не всегда воспринимает мир так, как его видит сейчас молодежь.

У нее есть свои внутренние законы, которые она старается не нарушать. Я каждый раз ей говорю: «Катя, ты понимаешь, мне очень трудно научить тебя жить по-другому, потому что я сама так жила и так была воспитана». Несмотря на то что я испытала настоящий и долгий успех, я вела себя всегда правильно и мне, надо сказать, это в спортивной карьере не мешало, а помогало. «Поэтому сказать тебе: давай перечеркни все, чему тебя учили, и живи, как все, как какая-то твоя подружка в университете, я не могу. Если душа тебе позволяет, ты не должна ломать себя».

Повторю, что маленькая Катя играла совсем плохо, и я решила: почему же свои знания мне не отдавать родной дочке. Мне говорили прежде, что матери тяжело тренировать своего ребенка, но я не предполагала, что это на самом деле так тяжело, почти невыносимо.

Дело в том, что вся наша семья живет теннисом. Наша бабушка может смотреть первенство Австралии двадцать четыре часа в сутки. Такое фанатичное отношение к этому виду спорта в доме, я думаю, для ребенка уже перебор. Для детей должна сохраниться определенная пропорция. Везде и во всем должен быть баланс.

Я расскажу историю, которая мне очень нравится. У Крис Эверт однажды спросили: ты такой стойкий боец, у тебя так все хорошо сложилось в спорте, откуда это? Она отвечает: вы знаете, наверное, у меня был очень хороший баланс в семье. Папа строгий и спокойный, а мама — просто мама, но с таким легким характером, который позволял расслабиться всей семье. И Крис привела замечательный пример. Когда она играла, ее родители редко с ней путешествовали. Однажды она на первенстве Франции победила свою главную соперницу Мартину Навратилкову, причем в то время Крис уже редко ее обыгрывала — поэтому легко можно представить состояние Эверт. Этот матч до сих пор считается одним из лучших в истории женского тенниса. Крис звонит домой, задыхаясь: «Мама, я выиграла». Та в ответ: «Как хорошо, Крис». — «Я Мартину обыграла». — «Ой, Крис, и я свой матч сегодня выиграла». Эверт заводится: «Мама, что ты говоришь, я обыграла Навратилкову!» — «Крис, я же тоже обыграла миссис Смит, ты не представляешь, как мне трудно было». Крис обреченно: «Мама, ты, наверное, не понимаешь, но я выиграла первенство Франции». — «И мы выиграли свой матч».

Вот этот, пусть смешной, баланс интересов в се-

мье необходим. И, возможно, он у нас оказался нарушен. Потому что та бесконечная страсть к теннису, которая присутствует в нашей семье, когда мы можем говорить о нем без перерыва, стала чрезмерной для нашего ребенка. В конце концов вполне закономерно, что тот огонь, что горел в нас, в Кате не погас. Пока рядом находилась бабушка, возможно, и получалось некое равновесие. Катя играла, а бабушка смягчала наши требования. А в Англии она оказалась без бабушки, лицом к лицу только с нами, фанатичными теннисными тренерами...

Этот перебор и сработал. Катя отошла от профессионального тенниса. Существует незыблемое правило: то, что у тебя есть способности или талант, это хорошо, но мало, необходимо, чтобы ты с ними оказался вовремя в нужном месте. Вот тут-то я и не рассчитала, поскольку всегда виню только себя. Я совершенно не знала, какой в Англии уровень детского тенниса, Катя всех там «чесала» легко и просто. А на самом деле уровень оказался настолько слабый, что сбил меня с правильной ориентации и никак не давал выбрать нужную линию. Я попала к Нине Сергеевне в те годы, когда она уже набрала более чем достаточно опыта, когда система подготовки детей в Союзе была отработана до малейших деталей. Роднина должна была попасть и попала к Жуку именно в тот момент, когда Жук точно знал, как «гранить» оказавшийся у него в руках «алмаз». Мне кажется, масса потенциально великих артистов, спортсменов, ученых не стали ими только потому, что они не вовремя родились. И к Нине Сергеевне я пришла скорее всего в нужный час. Никто не предполагал, что я поднимусь, а я поднялась. Потом, чтобы стать известной на Западе, я отправлялась вовремя на турниры в Америку, и в Англию я уехала не позже и не раньше. Необходимое сложение времени и места случалось у многих, но еще надо совсем немного, чтобы ты сам мог выдер-

жать все, что тебе предназначено. Дело в том, что наконец звезды выстроились и судьба тебе готова подарить шанс, но ты его удержать не сможешь. А я смогла.

А что у нас получилось с дочкой?

Прежде всего, как я уже говорила, моих знаний о системе детского тенниса в Англии оказалось явно недостаточно. Те турниры, на которых Катя побеждала, не подходили к тому уровню, на котором должны расти мастерство и опыт. Планка необходимого стандарта постепенно уходила. Да и наше полное незнание жизни в Англии, оно тоже отражалось на ребенке. А жизненные и тренировочные процессы в возрасте становления должны идти как по маслу, нет сейчас времени для адаптирования и преодоления.

Когда я начала играть в теннис, моя мама не водила меня на тренировки и мне это страшно нравилось. Мы жили в пяти минутах ходьбы от стадиона, точно так же, как и Катя жила в Бишеме рядом с кортами. Но в мое время такая близость к спортплощадке считалась благом, а в Катином — недостатком. И, конечно, скажу, что спорт и здоровье — вещи несовместимые. Для спорта нужно изначально иметь хорошее здоровье. Катины хрупкие кости и рост в 178 сантиметров в шестнадцать лет, плюс профессиональные нагрузки не могли не дать о себе знать. Операция в пятнадцать на мениске, затем вторая, потом еще и третья. Такого количества травм, как у Кати в течение двух-трех лет, у меня за всю спортивную жизнь не соберется. Травмы измучили Катю.

Моя ошибка заключалась еще и в том, что я не облегчала дочке жизнь, а, наоборот, все время на нее давила. Раз она дочь Морозовой, то должна быть идеальной во всем. Она должна быть самой лучшей здесь, самой лучшей там. Я давила и, наверное, перусердствовала. В конце концов Катя сказала, что не хочет больше тенниса, хочет нормально учиться в

колледже. Не то чтобы она собиралась совсем бросить теннис, нет, но «хочу учиться» вышло на первое место.

Возможно, еще один фактор сработал: девочка она московская, жила в центре города, а переехали мы в замечательный пригород Лондона, где прекрасная природа, поют птички, но для молодой девчонки жизнь скучновата. Должно быть, Кате хотелось в свои семнадцать лет вырваться из этой деревушки.

Катя поступила в университет, он даст ей возможность сформироваться как самостоятельному человеку. Во всяком случае мы с Витей очень рады, что она учится в Лос-Анджелесе, в UCLA — одном из лучших университетов США, правда, непривычно для нас, «англичан», огромном — там 35 тысяч студентов. Жить в Лос-Анджелесе, как уверяет наша дочка, очень интересно. Ей нравится учиться, ей нравится ее студенческая жизнь.

Университет, в котором учится Катя, использовался как база для Олимпийских игр 1984 года. Поэтому его спортивные сооружения — одни из самых современных. В Америке спортсмена уважают, как нигде. Может быть, из-за того, что собственной истории, следовательно, собственных героев в Америке мало-вато, ее в какой-то мере заменяют герои спорта — нация должна кем-то гордиться. Если ты идешь в майке с гербом университета, и на ней написано сперва «team», а затем — какая это спортивная команда, ты уважаемый человек. Как же это все может ей не нравиться? Но самое главное, она получает удовольствие от учебы. И у нее свои мысли насчет собственного будущего. Я не знаю, насколько она определилась, но надеюсь, что в конце концов Катя выберет себе интересный путь.

И все-таки теннис помогает моей дочке быть студенткой университета, где только за учебу надо платить 35 тысяч долларов в год. А Катя, играя в универ-

ситетской команде, учится бесплатно. Она получила стипендию почти на четыре года. Оставшиеся полтора, я думаю, мы с папой потянем.

Катя продолжает играть, но травмы по-прежнему ее мучают. Весь 1998 год она совершенно не выступала на соревнованиях. В Москве мы встречались с доктором Балакиревым, который нам объяснял, что с Катиной ногой, до него мы уже столько врачей прошли. У Кати боли в ступне постоянные, и я уже волнуюсь не как тренер, который относится к травмам своего спортсмена как к фактору, который задерживает его теннис и не дает ему возможности спокойно играть, меня как маму волнует здоровье моей дочери. Так вот, Балакирев сказал, что у Кати в стопе артроз, что нам нужно купить специальный аппарат с лазером и этим лучом можно саму себя полечить. В стопе идет постоянно воспалительный процесс, а воспалена у Кати мышечная ткань вокруг кости, оттого и постоянная боль. Иногда Катя играет с обезболивающими таблетками, но потом очень плохо себя чувствует.

Катя лет шесть провела в Англии, но мы ей сохранили русский язык. Прежде всего, конечно, мы с Витей дома говорим только по-русски. Во-вторых, у нас очень много и в Англии русских друзей, и общаемся мы с ними, конечно, не на английском. Не могу сказать, что я заставляла Катю читать русскую литературу. Когда мы вместе жили в Бишеме, я считала, что она должна и английский язык выучить настолько, чтобы пользоваться им как вторым родным. Собственно, так оно и случилось. Катя, поступая в университет, заявляла, что русский у нее язык второй. Она и по английскому и по русскому получила пятерки. Пятерка за английский меня даже больше обрадовала. Конечно, мы пытались убедить ее, школьницу, чтобы она читала русские книги, но не смогли. Катя читала бестселлеры, которыми увлекались ее английские друзья. А сейчас в университете она поняла, что

русской литературой интересуются не только мама с папой или, на худой конец, их друзья, а что это предмет, который изучаем и изучается. Она выбрала в университете второй язык для изучения — русский. Конечно, выбрала не случайно, чтобы было немножко учиться полегче, но зато у нее появился хороший преподаватель, который очень интересно рассказывает о русской литературе. И эта новая ситуация заставила ее читать родную литературу. Мне она как-то высказала следующее: «Если бы ты заставила меня в школе взять в руки Достоевского, я бы его, конечно, прочла, но ничего б не поняла». А после того как она прослушала лекции о Достоевском, она не только знает, но и чувствует, о чем его книги.

Я рада, что она с удовольствием читает русскую прозу, хотя и по мере возможности, потому что ей много приходится заниматься и другими предметами. Надо сказать, жизнь у Кати не сахар: утром она к восьми идет на лекции, там занимается до полудня, в час у нее тренировка, потом снова лекции, после них — физподготовка. У нее весь день расписан по часам, а ведь она молодая девчонка, наверное, ей хочется погулять. Был сложный момент на втором курсе, она немножко кряхтела, когда мы с ней говорили по телефону. Нам повезло, что из Англии в Америку очень дешево звонить. США — единственная страна, куда из Бишема звонить не дороже, чем в Ноттингем. Почему, не знаю. Я плачу десять пенсов за минуту, и поэтому мой день начинается с того, что я звоню своей дочери, так мне спокойней: у меня семь утра, а у нее в Калифорнии поздний вечер, одиннадцать часов. Я говорю, как мне приятно, дочка, что ты уже пришла домой, хотя мы с ней можем поговорить, и она тут же уйдет на вечеринку, но я уже этого не знаю.

Но вернемся к Катиному теннису. Ведь она подавала серьезные надежды, в Англии всех обыгрывала, стала чемпионкой страны. Она побеждала девочек,

которые на год, на два, а порой и на три ее старше. В пятнадцать она была финалистка десятилетия, пусть низшего, но зато уже профессионального турнира — это неплохой результат. Катя имела красивые победы, входила в мировую десятку пар среди девушек. Она выиграла все молодежные турниры, которые только можно было выиграть в Англии. Но мы мечтали ведь о другом. Побеждать, но не только в Англии. То, что Катя там выигрывала, не представляло особенного труда при ее-то базе. Есть такая теннисистка Серна, которая обыгрывала Граф, но ее Катя, когда они были маленькими, побеждала. В детские годы она шла рядом с будущей первой десяткой. Не могу сказать, что Катя была лучше, но во всяком случае не хуже девочек, родившихся в 1978—1979 годах.

В конце концов дикая травма выбила ее окончательно.

Случилось все ужасно глупо. Катя играла детский турнир, и сумасшедший судья велел продолжать матч на мокром корте (такое происходит везде, Англия — не исключение). Она побежала за мячом, поскользнулась, нога «поехала», и надорвался мениск. Сначала мы об этом не знали. Потом, когда ей стало очевидно плохо, пришлось сделать операцию. Она прошла успешно, а восстановление не удалось. И снова виню себя, так как позволила работать с ней непрофессиональному тренеру. В Советском Союзе врач сборной мне говорил, что нужно после травмы, допустим, Наташе Зверевой. Можно ли ей сегодня тренироваться или нельзя. А в Англии спрашивают у спортсмена, готов ли он сегодня или не готов? К тому же Катю вели два или три врача и у всех были разные точки зрения на ее восстановление. Операция, послеоперационный период — тяжелая страница и в ее, и в нашей родительской жизни, но главные неприятности у нас еще были впереди.

Кате исполнилось шестнадцать, когда ей сделали операцию. Предстояла поездка в Австралию, на юношеский турнир Большого шлема. Ей обещали, что через три недели после операции она уже будет играть. В итоге три недели превратились в шесть. В Австралии она сыграла хорошо, но когда вернулась в Бишем, у нее начался воспалительный процесс и теннис ей был категорически запрещен. Психологически этот запрет ее совершенно подкосил. Я сейчас вспоминаю, какой же кошмар, ее все время горячее колено. У меня началась паника, потому что никто толком ничего не говорил. А ларчик, как всегда, открывался просто, надо было изначально довести мышцу до кондиции и до тех пор не играть. Но почему-то никто из врачей подобного не объяснил. Наверное, до такого гениального вывода можно было додуматься самой, но я же не предполагала, что мне придется решать и вопросы лечения. Есть же человек, который за это отвечает, он и должен сказать: выходи, девочка, на корт или не выходи. И вдруг оказалось — глупость полнейшая, что такого человека в английском спорте нет.

В Англии есть отличный медицинский центр «Лавборо», куда Катю и направили. Но почему она находилась там семь дней, когда полагается минимум две недели, не знаю. Когда ее туда посылали, меня спросили: «На сколько дней вы рассчитываете?» — «На сколько нужно», — ответила я. Но когда Катя вернулась, выяснилось, что полагалось еще семь дней находиться в «Лавборо», чтобы сделали правильную реабилитацию.

В LTA есть врач, который обязан следить за здоровьем теннисистов, именно он и распорядился насчет Катиных семи дней в медицинском центре. Возможно, он не лучший специалист в своем деле. В то же время в «Лавборо» с точно такой же травмой оказался сильнейший английский игрок Хенман. Но в том клубе, где он тренируется, работал высокопрофесси-

ональный физиотерапевт, и он Хенмана из травмы вывел без потерь. А Катю травма подкосила.

Катя разъезжала по миру с российским паспортом. Проблем с пересечением границ у нее не возникло, потому что как спортсменка она представляла Великобританию. Катя международные турниры в России и за Россию никогда не играла. Я считала, было бы нечестно, живя в Англии, занимать место в российской сборной. В Англии нам предложили, чтобы Катя играла за их страну. Есть такое правило, даже при отсутствии британского гражданства, ты все равно имеешь право играть за Великобританию, но лишь в том случае, если ты находишься здесь не менее трех лет и при этом ни разу не был заявлен за другую страну. Поэтому Катя путешествовала и играла как теннисистка из Великобритании.

Себя же она считает русской. Мне кажется, она и есть русская девочка. Она и не похожа на англичанку. Хотя в какой-то момент ей стать англичанкой очень хотелось. Катя наслаждается новыми возможностями, каких не знало наше поколение. Она прекрасно знает и русский и английский спорт. Если показывают фигурное катание, она болеет только за русских, а если футбол, то за англичан. А американского патриотизма я в ней не вижу.

В первый же год, когда она приехала в Бишем на каникулы, ей сказали, что у нее американский акцент. В английском языке есть слова-паразиты, например «ну знаешь». Англичане этим выражением не пользуются. А американцы все время: «ю ноу, ю си». И Катя вдруг заговорила с американскими словечками. В Лондоне над ней посмеялись, и она тут же вытравила из своей лексики все американизмы. В Америке любят, когда девочка говорит с английским акцентом. Естественно, это некий шарм, и она, наверно, хочет его сохранить. У Кати в английском нет, как у меня, русского акцента. У нашего папы акцент

совершенно дикий, а Катя шпарит на английском, будто родилась в Лондоне. Так, во всяком случае, мне говорят наши английские друзья. Я сама этого не ощущаю. Мой слух на акценты тоже далеко не идеален.

А что касается Вити, то он мучился поначалу страшно. Впрочем, он и до сих пор мучается. Хотя мне кажется, что у него в запасе слов уже больше, чем у меня. Но все равно возникают проблемы. Он обычно все время шутит. Это обычное Витино состояние, это часть его характера. Тяжело же шутить на английском, а ему очень хочется. Иногда его не понимают, английский юмор — он другой. А Витя все продолжает хохмить. Мы ему говорим: «Папочка, надо изучить «of-on». Буквально: «маленькая приставочка, но делает большое дело». Конечно, ученики его понимают, но есть сложности. Когда учишь язык в сорок, они неизбежны. Мы уже никогда не будем чисто говорить по-английски. Катька смеется: «Мама, тебя невозможно поправлять, потому что все равно ты делаешь одни и те же ошибки».

Витя как тренер работал с Катей прекрасно. Но и он признается, что очень сложно быть и отцом, и личным тренером. Катя, напротив, любила с ним заниматься, да и у него тренировки дочери всегда стояли на первом месте. Но где-то в уроках происходил чрезмерный напор, а где-то проявлялась совершенно ненужная ласка. Как мне казалось, акценты расставлялись не в тех местах. В определенных вещах нельзя уступать, а иногда не мешает и приспустить вожжи. Сейчас Витя признает, что я была права, когда требовала агрессивного стиля в ее теннисе. Что это означает? Теннисист может классно играть с задней линии, и с лета может бить великолепно, и быстрее всех бежать к сетке, но везде, в любом элементе он обязан действовать только агрессивно. Я каждому ученику говорю одно и то же: «Ты не должен играть за счет того, что твой соперник проигрывает, ты должен зас-

тавить его тебе проиграть». Психология чемпиона настроена на то, что каждый раз очко выигрывает он. Допустил соперник ошибку — воспользуйся. Но надо все время идти от себя, от своей агрессии, надо заставлять противника ошибаться.

Как раз вот это Витя ей спускал, а я, наоборот, не разрешала ей уходить в пассивный теннис. Не могу забыть такой случай. Однажды на чемпионате Великобритании она играла в пассивный теннис, и когда матч закончился ее победой, я ей сказала: «Поздравляю, но матч мне не понравился». Катя мне: «Вот ты всегда так. Я выиграла первенство Англии, а тебе это не нравится». Я говорю: «Нет, Катенька, я тебя поздравляю, ты же хотела выиграть. Но мне не нравится, как ты играла». А Витя на ее стороне: «Ты не права, главное результат». И как это часто бывает: он ей позволял то, чего я не разрешала, поэтому я нередко выглядела нехорошей и злой. Но опять же, я могу ошибаться. Теперь уже думаешь: черт его знает, а может быть, все очень просто, у нее добрый характер и играла она от него, она ведь такая мягкая девочка.

А то, что я требовала, скорее всего для нее не подходило и поэтому не воспринималось как необходимое. Она действительно нежная девочка, потому что бабушка ее воспитывала в абсолютной ласке. А ласка человека очень трудно. Конечно, и это можно сделать, но тут и спортсмену требуются какие-то невероятные усилия над собой. Наверное, такое возможно только в том случае, когда в человеке живет неистовая вера в собственное предназначение.

Важную тему я чуть не пропустила, косвенно, но касающуюся его тенниса. Я требовала от нее не только успехов в теннисе, но и настаивала на хорошей учебе, хотя и понимала несовместимость этих желаний. Мы приехали в Англию со всеми Катинными московскими школьными тетрадками. Вокруг Бишема, где мы поселились, есть несколько школ: одна дорогая, част-

ная, пара обычных. В Англии три типа школ: частная, государственная с повышенными требованиями к образованию и еще такие государственные, в которых может учиться каждый. Мне посоветовали, чтобы дочка пошла туда, где повышенные требования, а эта школа оказалась по успеваемости пятой в стране. Я узнала о таком факте совершенно случайно из газеты. Школа находилась в соседнем городке Хайуикеме. Но графство одно — Бэкингемшир. Катя сумела сдать экзамены в Хайуикем, но поначалу ей приходилось там трудно, она только потом нам призналась.

Я многого ожидала от своей единственной дочки. Признаться, я занималась нереальным делом. Если добиваться успехов в спорте, то надо всего лишь сохранять рамки учебы, и сейчас я скажу крамольную фразу, но учеба никак не должна мешать спорту. Подобное сделать нетрудно. Для этого необходимо четко организовать время для учебы и время для спорта, причем школу «построить» вокруг спорта, а не спорт вокруг школы. А я требовала в равной мере и того и другого.

В школу ее взяли сразу, но она боялась мне сказать, что первое время она ничего не понимала, что говорят учителя. Английский язык, тот, что именно в Англии, очень сложен на слух. Но, в конце концов, через несколько месяцев она сдала все необходимые экзамены, а когда, еще при приеме, посмотрели ее тетрадки по математике, то выяснилось, что московская школа, во всяком случае тогда, в конце восьмидесятых, ушла далеко вперед от английской, даже той, что с повышенными требованиями. Наши двенадцатилетние знали намного больше, чем их ровесники в Англии. Поэтому, как только английский у Кати стал беглым, она очень комфортно почувствовала себя в местной школе. Проблемы возникли только с историей. Причем не с предметом, а с учительницей. Катини одноклассники как раз в тот момент изучали русскую историю, всех наших русских царей и гене-

ральных секретарей. И Катя буквально сразила учительницу, когда начала перечислять их всех подряд. Но дальше надо было объяснить нашу историю с английской точки зрения, а не русской, более того, еще советского ребенка. Вот тут и произошел небольшой инцидент. Во-первых, Катя утверждала, что Вторую мировую войну выиграли русские, на что, естественно, одноклассники очень обижались, а больше всех расстраивалась историчка. Она кричала на Катю: «Нет, войну выиграли мы вместе с американцами», а Катя стояла на своем: «Нет, выиграли русские». Во-вторых, она, конечно, знала больше о России, чем учительница, что тоже не приводило историчку в восторг.

Сразу после первой четверти мы наняли Кате преподавательницу английского языка. Для нее все же первый год оставался сложным из-за «говорящих» предметов: литературы, географии, биологии. Я с гордостью могу отметить: при том, что дочка серьезно занималась теннисом, она закончила школу с такими оценками, которые позволили ей поступить в университет.

Школьная система в Англии такова, что можно выбирать для изучения определенное количество предметов. Катя выбрала семь: бизнес, математика, английский, русский, история, физика и биология. Выпускные экзамены в школе она сдала вполне прилично, хотя сама считает, что училась средне. Конечно, из-за тенниса она не особенно нажимала на учебу.

По нашим меркам Катя закончила не восьмилетку и не десятилетку, а что-то между ними, такую девятилетку, достаточную для того, чтобы поступить в американский университет, но не дотягивающую для поступления в английский университет. Для него надо было еще два года учиться в школе. В английских университетах сразу начинается специализация, у нас это бы означало пойти на третий курс. То

есть с некими нюансами Катя закончила что-то вроде русской школы. А в Лос-Анджелесском университете она выбрала факультет, который называется коммюникейшн — коммуникация, общение, проще говоря, это изучение работы пресс-атташе. На третьем курсе Катя поменяла направление, объяснив, что международная экономика ей интереснее, чем «пи-ар».

Кате вполне хватало тех баллов, что она имела после окончания школы, для того, чтобы со спортивной стипендии быть принятой в Лос-Анджелесский университет. Правда, она досдавала обязательный в Америке экзамен — так называемый SAT-тест. В него входит проверка знания английского языка и математики. Отвечая на вопросы этого теста, надо набрать определенное количество очков. Если их сумма ниже требуемой, каким бы ты ни был спортсменом, тебе говорят «до свидания». Так американцы проверяют знания абитуриентов из английских, русских, японских школ. Только после сдачи этого тест-экзамена Катя была зачислена в университет.

Почему моя дочь не осталась учиться дальше в Англии? Мне кажется, она хотела попробовать пожить одна. На Западе родители не препятствуют детям после школы жить самостоятельно. И ей тоже хотелось попробовать вкус свободы. Не исключаю, что ей уже надоел собственный теннис, наше постоянное давление, домашняя жизнь с бесконечными разговорами о том же виде спорта. Мысли об учебе в Америке у нее, по-моему, возникли во время первенства США, где она, кстати, неплохо выступала и даже вошла в финал парного турнира среди девушек. Вокруг девчонок всюду рыскали университетские тренеры, и кто-то из них с ней поговорил. Хотя они не имеют права разговаривать напрямую, должны передавать свои предложения через других. Тогда она решила, что ей самой надо выбирать, поскольку тренеров, заинтересованных в ней, хватало с избытком.

После «Ю.С. опен» я с ней полетела в Сан-Фран-

диско. Там, в Калифорнии, мы посетили два из четырех самых знаменитых американских университетов: Стенфорд и Беркли. Третий и четвертый — Гарвард и Йель. Нет, были в трех. Еще один маленький нашли, там же, в Калифорнии, университет Сан-Мэрис. Стенфорд, конечно, нас совершенно потряс. Теннисной командой в нем руководил мой старый знакомый, сын тренера, работавшего с Билли-Джин Кинг, он прежде тренировал Бетти Негельсон. Только мы начали с ним разговаривать, как тут же окунулись в общую теннисную жизнь. Стенфорд внешне напоминает сказку: старинные замки, и студенты и профессора ездят между ними на велосипедах. Но, конечно, дело не в велосипедах, учиться в нем очень престижно. Потом мы поехали в Беркли, на другую сторону бухты Золотой Рог. Беркли считается одной из лучших школ бизнеса в мире. Тоже красота необыкновенная, архитектура самого университета классическая, старомодная. Затем Катя съездила в Вашингтон, посмотрела еще один университет, но уже без меня, с папой. Оттуда они отправились исследовать две высшие школы — во Флориде. Но во Флориду ей совершенно не хотелось, уж не знаю почему. Может быть, ей климат там не подходил, а может, тренер не понравился?

Но вдруг они с папой, во время турнира Оранж бол, на один день слетали в Лос-Анджелес. Когда они попали в университет Лос-Анджелеса, то влюбились в него оба. Папа уехал домой, а Катя через день после его отъезда нам позвонила и сказала, что подписала там контракт. Мы в панике, первое, что я смогла спросить: «Как?» А она уже имела право все сама подписывать, ей в мае исполнилось восемнадцать, а все, о чем я рассказываю, случилось 18 или 19 декабря 1997 года. Я ее прошу: «Ты хоть пришли нам документы посмотреть». А она: «Зачем, я же их уже подписала». Я: «Ты хоть знаешь, что подписала?!» Через пару минут выяснилось, что она подписала «фул ско-

лор шип», то есть полная оплата ее учебы и тенниса, а также книг, питания и квартиры. Слава тебе господи, обошлось. Мне все равно плохо: «Катя, а медицинская страховка у тебя есть?» А она про нее ничего не знает. Но ее тренер Стелла Сампрас, родная сестра Пита, замечательный человек, подготовила ей безупречный контракт.

Катя не только подписала контракт с университетом, но и объявила нам, что 5 января уже должна приступать к учебе. Тут начался настоящий сумасшедший дом, у нас уже имелись какие-то планы на Новый год, но все они перевернулись. Она же еще молодая, не понимала, что надо сперва хотя бы студенческую визу получить. А тут праздники, Рождество, американское посольство закрыто. Покупаем ей билет, потом его переносим на другую дату. Но в конце концов все образовалось, она собралась и улетела из Лондона в Лос-Анджелес, правда, в сопровождении папы.

Катя уехала из дома, и, конечно, нам на первых порах было невероятно тяжело, но в то же время мы с Витей понимали, что она сделала самый главный шаг в своей жизни. Впервые она сама приняла решение. Я не приложила даже малейших усилий для того, чтобы она поступила в этот университет. Когда я приехала навестить дочку в Лос-Анджелес, Стелла Сампрас даже не знала, кто я такая. Меня узнал другой тренер, а вначале меня принимали за обычную маму, приехавшую посмотреть, как устроен ее ребенок. Но все-таки я много играла в Америке. Узнал меня Билли Мартин, тренер мужской команды, Билл, с которым я не раз встречалась на корте: «О, Ольга, как приятно тебя видеть». Естественно, у Кати началось: «Я не хочу здесь быть дочерью Ольги Морозовой, я хочу быть сама собой».

Конечно, она права. В Англии уже случился инцидент, который меня угнетал, а самое главное — угнетал ее. Когда Катя выиграла национальный чемпио-

нат, вышло много статей, в которых писали о ней, но в каждой заметке: «Екатерина Рубанова, дочь Ольги Морозовой, финалистки Уимблдонского турнира». Тяжело, наверное, идти по стопам родителей. От тебя все ждут, что ты станешь лучше и ярче, а такая ситуация подавляет ужасно. Что говорить о ней, если и меня подобное раздражало.

В день Катиного отъезда мне стало страшно, но я себе все время повторяла — она уезжает в январе, но уже приедет в мае. Что касается тенниса, то в Лос-Анджелесе у Кати вначале все шло хорошо, тренеры были ею довольны. Кстати, когда она начала играть за университет, команда стояла, по-моему, на двенадцатом месте в студенческом первенстве страны, а вышла на четвертое. Мне кажется, Катя поначалу ни одного матча не проиграла и не раз приносила команде решающие очки. А потом продолжилась драматическая для нас история с ее травмой. Трещина в ноге одна, потом другая. Но она все равно играет, а иногда даже с удовольствием.

ВИКТОР

Поначалу жизнь в Англии для моего мужа Вити складывалась, мягко говоря, нелегко. Надо честно сказать, что Витя попал туда надломленным человеком, потому что его сильно обидели дома. Даже не обидели — он пережил настоящий удар, я об этом уже писала в первой части книги. И вскоре после страшной нервотрепки он попадает в другую страну, где жизнь ему надо было начинать сначала. Наверное, Вите приходилось сложнее, чем нам с Катей, зато юмора у него на двоих, а вот знания английского сильно не хватало. Но Британия — это страна, которая позволяет тебе жить той жизнью, которую ты сам себе выбрал. Мой муж со своим выбором определился, и сейчас я вижу, что Вите хорошо живется. Он

много работает, у него такой же контракт, как и у меня. Более того, он пытается изменить в Англии отношение к детскому спорту, сам ищет способных детей. Никто не против, все рады, что наконец нашелся кто-то, занимающийся этим делом. Если ты предлагаешь что-то новое, англичане приветствуют перемены. Главное, чтобы они не противоречили традициям.

В теннисном мире Витю никто не знал, он же никогда не путешествовал со мной. Девочки на Западе одно время даже решили, что никакого мужа у меня нет, я его выдумала. Крис Эверт очень удивилась, увидев Витю впервые рядом со мной. Зная Витю, как самое себя, я не раз говорила, что он может работать тренером. Но все улыбались, подозревая меня в необъективности. Помогло печальное обстоятельство, когда уволенный с работы Витя пошел в Сокольники тренером в группу Ларисы Дмитриевны Преображенской. Много лет спустя его «рейтинг» подрос благодаря интервью Ани Курниковой в Америке, где она сказала, что ее первым тренером был Виктор Рубанов. Даже безотносительно к делу, такая память редка для больших спортсменов, и потому она уже была приятна. Но больше всего Вите, как это обычно бывает в жизни, помог случай. Судите сами.

Итак, появляется в Англии человек — по времени это почти совпало с нашим приездом — и заявляет, что может подготовить чемпиона Уимблдона за четыре года. Подобное утверждение настолько смешно для профессионалов, что даже не обсуждается. Скорее всего, этот человек был способен производить не чемпионов, а сшибать деньги. Тем не менее он берет себе способную английскую девочку Шерли-Энн Сидл. Наша Света Пархоменко становится его помощницей, а заодно и составляет спарринг Шерли-Энн. Вместе с Сидл была собрана целая команда игроков — «будущих уимблдонских чемпионов».

Через два года всем стало ясно, что никаких чемпионов, естественно, не выходит, более того, команда

«будущих звезд» не могла выиграть даже в Англии ни одного турнира. А способная девочка Шерли-Энн, которая пошла за тренером-самозванцем, оказалась в трудном положении. Менеджер, вложивший в нее деньги, быстро понял, что толку ноль, к тому же девочка, из-за которой так много было закручено, все-таки не его дочь (впрочем, и остальным членам команды, даже без чемпионства, Уимблдон не грозил), — и он забрал свои деньги. Шерли-Энн оказалась без всякой поддержки. Все это случилось в середине года, деваться ей было некуда. Тогда я предложила Шерли-Энн попробовать потренироваться с Витей, и надо сказать, что тут Витя и сотворил чудо.

Он начал работать с английской теннисисткой без всякого знания языка. И чтобы не тратить время на постоянное заглядывание в словарь, он с ней сам и бегал, и прыгал, и делал все, что мог, и даже больше, во всяком случае намного больше, чем ему платили. Неожиданно девочка продемонстрировала феноменальные успехи, прошла отбор в Бирмингеме — а это турнир высокой категории, — причем выиграла там первый круг, что вообще казалось невозможным еще полгода назад. Наконец она прошла первые два круга в Уимблдоне, что тут скажешь — для англичанки, которая еще год назад ничего выиграть не могла, такой результат выглядел просто фантастическим. Взлет Шерли-Энн получился сумасшедшим, в стране его бурно обсуждали. Девочка даже похудела аж на шесть килограммов. Так Витя им показал, что он на самом деле может. А он, в свою очередь, решил, что не хочет с этой девочкой дальше работать, потому что подрастала Катя, а Витя с дочерью уже занимался серьезно. Мы жили вместе, в уютном доме, и он не хотел путешествий вместе с ученицей по всему миру с турнира на турнир, как это полагается делать личному тренеру. Витя передал Шерли английскому тренеру с высокой местной репутацией, а тот все загубил.

Конечно, никто не скрывал, как Витя работает с

Катей, тем более что она начала всех обыгрывать. Тут и я набрала большую группу и одна ее никак не тянула. Пришлось попросить у федерации помощь. Неожиданно пришло предложение, чтобы Витя стал моим помощником. Конечно, это меня очень устраивало. Говоря нашим языком, Витю оформили на ставку. Так заканчивался второй год нашей жизни в Бишеме.

Еще при въезде в страну Витя получил рабочую визу, а это автоматически ускорило процесс его трудоустройства. Совсем немного времени ушло на какое-то дооформление. Но главное, с ним подписали хороший контракт, о чем я и мечтать не могла. Отныне мы работали вместе, что для меня оказалось спасением, я одна не потянула бы такое количество детей. Так возникла в Бишеме русская система. Вообще одному тренеру с группой способных детей работать нельзя. Чтобы вышел толк, тренеров должно быть как минимум двое. Так, Лариса Дмитриевна Преображенская работала вместе со своей сестрой, потом Витя ей помогал; уехал Витя, еще кто-то заменил его, то есть каждый раз Лариса Дмитриевна оказывалась с кем-то в паре. И это правильно, потому что если она уезжала с одними на соревнования, то другие ученики не оставались предоставленными сами себе, а находились под контролем второго тренера. Если уезжает второй, группу контролирует она. Таким образом, процесс не останавливается, а ежедневные тренировки должны проходить максимально плодотворно, только тогда есть надежда на результат. Мы стали работать вместе и довольно быстро поняли, что серьезного материала в нашей группе нет. Тогда Вите пришла мысль самому пойти искать детей по школам. Такое никогда не придет в голову английскому тренеру. А Витя «поехал» по накатанным рельсам советской системы. Очень важно, чтобы ребенок жил возле теннисных кортов и мог добираться до них сам. Тогда исключается вопрос его доставки на тренировку, сле-

довательно, исключается надежда на маму, которая должна посвятить жизнь теннису, или на папу с амбициями.

Витя ищет в округе способных детей, но очень трудно, находясь в Англии, соревноваться с русскими. Только в Бишеме соберешь группу малышей, в Москве берут детей на два года младше. По-моему, теперь в России дети с пеленок начинают заниматься теннисом профессионально. Работаешь в Англии с семилетними, думаешь, ну все, порядок. Приезжаешь с ними через два года на соревнование девятилетних, там русские уже всех обыгрывают. Они уже в двенадцать играют, как я играла на взрослом Уимблдоне. Я шучу, конечно, но эта шутка недалеко от истины. Еще совсем недавно в Москве на теннис записывали с шести лет, а теперь чуть ли не с четырех.

...Прошло почти десять лет, как мы в Англии. Витя занят работой, на которую в свое время из Москвы приглашали меня, а я сейчас консультант в Федерации. В 1997 году, когда у меня заканчивался первый контракт, я уже не хотела работать так, как раньше, когда отдача значительно превосходила желание учеников ее использовать. Тренерская работа невысказанно без надежды на результат... Но если ты не в силах ничего изменить?..

Самый сложный возрастной период у девочек с тринадцати до шестнадцати, то есть тот, которым я занималась, приехав в Англию. Теперь я решила, что отныне буду работать с маленькими девочками, не теряя надежды, что, может быть, к тому времени, когда они подрастут, в Англии что-то изменится. Моя обязанность сейчас — найти талантливого ребенка, дать возможность ему и его родителям понять, что такое профессиональное отношение к теннису, помочь им организовать его на месте, но с консультациями в Бишеме-Абби. Отобранные мною дети приезжают ко мне три-четыре раза в год. Я проверяю уровень их техники, планирую им занятия дальше, слежу за их

выступлениями на турнирах. Обращаются ко мне за консультациями и тренеры старших девочек. Приезжает в Бишем тренер из Шотландии, приезжает тренер из Северной Ирландии.

Мы с Витей в стране неизменных традиций тоже пытаемся сохранить свои законы — законы советского спорта, но мы изучаем и все новое, а затем стараемся каким-то образом эти новшества вводить в свои занятия. Невероятно, но нам доверяют и разрешают пробовать и экспериментировать в Англии с английскими детьми!

VI. УРОКИ НЕ НА КОРТЕ

В семидесятые годы, когда я входила в первую пяттерку мира, хранить гонорары на Западе запрещалось под страхом отлучения от тенниса. Хотя какие тогда были гонорары? Я уже писала, что когда Кинг выиграла Уимблдон в 1969-м, то получила две с половиной тысячи фунтов. А сейчас, если игрок не прошел первый круг, — только за участие он получает десять тысяч долларов. Ничего себе разница! Призовые, которые выиграла за свою карьеру, например, Лариса Савченко, значительно больше всех призовых Билли-Джин. Но Кинг — легенда мирового тенниса, а Савченко никогда не выходила в первую десятку. Она хорошая теннисистка и выиграла немало парных комбинаций на больших турнирах.

Все объясняется просто, популярность тенниса по взлету значительно обогнала инфляцию, а раз она выросла, выросли и гонорары. На моих глазах эта популярность росла прямо как на дрожжах. На матчи суперзвезды Крис Эверт приходило лет двадцать назад максимум десять-двенадцать тысяч зрителей. Как ни странно, больше всего публики теннис собрал в Москве в 1976 году, когда сборная СССР — и мужская и женская — играла во Дворце спорта против

американцев — 14 тысяч зрителей. Эта цифра, вполне вероятно, рекордная для того времени, потому что для теннисных турниров залов с трибунами больше, чем на десять тысяч, обычно не арендовали. Теннис, благодаря все возрастающему интересу, дал возможность делать на себе большие деньги, превратившись в мощную индустрию. Возможно, что эти огромные масштабы дальше не будут так стремительно увеличиваться, но вряд ли они опустятся ниже набранного уровня. За финансовую часть тенниса, мне кажется, в ближайшие годы беспокоиться не придется. Но возникает другая проблема — зрители уже не удовлетворяются средним, они хотят смотреть только лучшее. Телевидение нас избаловало: мы не хотим наблюдать за победами какой-то девочки, пусть она даже и чемпионка нашего города. Раньше интересовались, а нынче, повывав на корте Селеш, которую обыграла Хингис, мы не хотим ничего ниже этого. Телевидение нас приучило смотреть только сильнейших. Как ни странно, но это тоже говорит о невероятно возросшем уровне аудитории.

Дело в том, что стал играть, а следовательно, и смотреть теннис средний класс. Из спорта аристократов теннис превратился в доступное времяпрепровождение людей этой категории. Началось повальное увлечение теннисом в пятидесятых, после войны, именно тогда он стал массовой игрой. К семидесятым теннис набрал уровень популярности как одна из самых распространенных игр, причем во всем мире: от Мексики до Индии. Настоящие деньги можно заработать только на среднем классе, поскольку на Западе именно он массовый, да и в России уже набирает силу. К сожалению, нельзя сказать, что это игра для всех прослоек населения, потому что он все-таки довольно дорогой вид спорта. Карты, экипировка стоят немало, но основные траты уходят на время, которое необходимо потратить для того, чтобы играть хорошо. Велосипед купил один раз и катаешься годами. Купил

коньки — то же самое. А в теннисе ты постоянно должен докупать мячи, а то и менять ракетки, постоянно арендовать теннисный корт. Человек, у которого есть темперамент, естественно, желает играть хорошо, значит, ему надо нанимать тренера, чтобы тот научил бить справа, чтобы хваткам научил, потом поработал бы над тактикой, а в теннисе существует бесконечное число элементов, которые и за пару лет не освоишь.

Деньги, безусловно, меняют отношения между людьми. Общение между знаменитыми игроками, которое я наблюдала в молодости, и то, что происходит сейчас в элите, в первой двадцатке, значительно разнятся. Деньги вначале сильно балуют, они поднимают на невидимый пьедестал, то, что, например, сейчас происходит с Курниковой. Вдруг выясняется, что тебе, вчерашнему сыну или дочери скромных родителей, доступно если не все, то многое. Но в жизни не менее ценен и тот ее период, когда ты уже отработал свое, когда сделал все, что мог, и даже то, что не мог, и вот пришло время пожинать плоды за свою работу, за свой талант, наконец, за свою красоту.

Когда ты играешь, ты нужна этой индустрии, как маленькая, но очень важная гаечка, без которой пусть чуть-чуть, но уже не так слаженно будет работать весь механизм. Тебя подмазывают, к тебе подходят, тебя хотят погладить, отчего у тебя создается впечатление, что ты и есть самый главный болт. Центр механизма, основная его деталь. Тогда ты идешь сквозь толпу, презирая остальных. Но потом, когда ты закончил, а тебе тридцать-тридцать пять, то вдруг понимаешь, никто уже тебя гладить не будет, смазывать не собирается, и единственное у тебя утешение — твои деньги. Потому что жизнь без денег даже с любящим тебя человеком невозможна, потому что только деньги дают тебе независимость. Деньги сами

по себе — не синоним счастья, но они дают возможность поступать и жить так, как ты хочешь.

Я убеждена, что те игроки, кто лишен рядом человека, который им подскажет правильный по окончании тенниса шаг, потом страдают. Нередко после блистательной карьеры они оказываются в вакууме. Со мной, слава тебе господи, такого не произошло. Во-первых, все в моей жизни происходило постепенно. Во-вторых, у меня никогда не было таких денег, о которых я сейчас говорила, а именно они, принося независимость, рождают и одиночество, причем в прямой пропорции. А в-третьих, рядом со мной оказались люди, которые не дали мне совершить глупых шагов. Но главное, я родилась и выросла в необычной стране, на которую мировые правила не распространяются.

Всем тем, кто сейчас входит в звездную золотую жизнь, мне хочется пожелать, чтобы они понимали: жизнь не прекращается после тридцати. Надо пытаться в молодые годы окружить себя достойными для них людьми, но прежде всего стать самому верным другом. Что удачно сложилось у моего поколения, мы дружили и дружим с интересными людьми из самых разных сфер человеческой деятельности.

Звездная жизнь — это прежде всего дикая работа. Ты вырываешься из грязи, ты лезешь через весь этот мрак, через всех, через все. Лезешь выше и выше. Крутишься, крутишься, крутишься. В конце концов вырываешься на самый верх, дух захватывает, вокруг все горит и сверкает, а тебе всего семнадцать, двадцать. Все тебе поклоняются, всем ты нужна. А потом — бац, и ты уже никому не нужна и неинтересна. Как будто выключили люстру в большом зале. Тут-то и происходит много душевных травм, много личных трагедий, потому что к тридцати, когда у всех нормальных людей только начинается большая жизнь, они встают на ноги, идут к первому успеху, у спортсмена «солнце» начинает закатываться. Ах, как имен-

но в этот момент жизни рядом нужны хорошие люди, верная команда, истинные друзья. Хорошо, если есть своя семья, потому что она прежде всего твоя команда.

Судьбы у чемпионов одновременно в чем-то одинаковые и в то же время совершенно разные. У Селеш — харизма, и Кинг обладала магическим притяжением. Кинг обожала зрителей, и Селеш не может без публики, обе они актрисы, обе они любят сцену. Но у Селеш, в отличие от Кинг, был момент, когда она совершенно закрылась и ни с кем не хотела общаться. Сейчас она другая. Но она стала другой, когда перестала быть первой.

Когда Штефи Граф выросла до суперзвезды, рядом с ней всегда находился папа со своей командой, и никто не мог пробить эту «стену», чтобы с ней пообщаться. Вот что мне рассказала Крис Эверт. Они со Штефи живут рядом во Флориде, и Крис часто приглашала Штефи в гости, но Штефи никогда у Крис не появлялась. Прошло несколько лет, пришла пора Штефи прощаться со спортом, и неожиданно она стала появляться в доме Крис, причем все чаще и чаще. Жизнь продолжается, и в ней нет у Крис зависти к Штефи, она сама Эверт. Но зато есть семья Крис Эверт-Миллер, где трое детей, где прекрасный муж, и все они могут дать пусть чуть-чуть, но тепла Штефи Граф. Оно ей теперь необходимо.

Мартина, которая близко никого к себе не подпускала, недавно заявила: «Я поняла, что со мной осталось очень мало людей». Те, кто крутились вокруг раньше, кто потреблял ее энергию, ее силы, ее деньги, все они исчезли, испарились. А настоящих можно пересчитать на пальцах одной руки. Счастливые те, кто проходил эту науку, не набивая шишек.

Я уже сказала, что отношения внутри элиты изменились. Но картинка, которую я вижу из-за стекла комментаторской кабины, не полностью отражает то, что на самом деле творится возле кортов. Могу объяс-

нить, отчего это происходит. С известным игроком работает большая группа менеджеров. Эти люди создают ему имидж, делают деньги на нем и для него, занимаются юридической стороной его контрактов. Жизнь Вильямс, Курниковой, Хингис без конца подается, как скандал с продолжением, который печатается в каждой газете или журнале, а это, между прочим, тоже стоит денег. И чем больше тираж, тем дороже. Создателям желтых хроник необыкновенно повезло, что у Хингис и Курниковой разные характеры. Тут уже любую мелочь можно раскрутить. Возможно, их противостояние провоцирует пресса, возможно, все получается случайно, но трения между теннисистками обыгрываются постоянно. Идет перманентный скандал. А наше поколение боялось скандалов, мы их не то что не хотели, нам нельзя было их затевать. Другое время. Со мной вообще все просто, я не участвовала ни в одной ссоре, потому что советская спортсменка не имела права, чтобы о ней написали что-то большее, чем то, что обычно пишется в спортивном обозрении. Кинг в роли лидера многое устраивала «под себя». Она говорила: «Женский теннис не должен существовать на медленном покрытии, потому что тогда он неинтересен». Билли-Джин по своему была права, скорости четверть века назад включались не такие, как сейчас, но если докопаться до правды, она сама не любила играть на медленном покрытии и понимала, что у нее больше шансов побеждать на быстром. Кинг — практичный человек и быстро сообразила: то, что хорошо для нее, сгодится и для всех.

Действительно, кому нужно смотреть длинные тоскливые свечки, когда есть подача с выходом к сетке. Эверт против Кинг, Навратилова против Ричи. Это и теперь смотрится — холодное против горячего, искусство защиты против искусства нападения. Но никто в прессе не обсуждал, какая Кинг эгоистка, какая она стерва. В наше время мы считали, что все

должно было быть более или менее в рамках приличий. Никто не мог открыто говорить о нетрадиционной сексуальной ориентации того или иного игрока, это было табу. А сейчас любое интимное событие без конца обсуждается в прессе, и это считается нормальным явлением.

Прежде скандальные истории мешали буржуазному образу тенниса. Мамам надо было привести девочку на корт, чтобы девочка заиграла, а не сошлась с другой девочкой. Любая мама хочет определить ребенка туда, где он помимо спорта получит правильное воспитание. Какой бы мама ни была фанаткой, как бы ей не хотелось заработать на ребенке денег, но большинству прежде всего необходимо, чтобы ее дочку окружали нормальные дети. И если бы истинная репутация женского тенниса возникла в прессе 60—70-х годов, девочек учили бы только в странах социализма, где западных газет в глаза не видели. А сейчас имидж без скандала не получается. В каждом теннисном и не теннисном журнале обсуждается: с кем из хоккеистов роман у Курниковой, сексуальность Хингис и суперфизические возможности женского организма Вильямс. А пролетающие молнии между звездами еще больше работают на популяризацию тенниса.

В нынешние времена все меньше и меньше игроков высокого класса после спортивной карьеры становятся тренерами. В какой-то степени это даже печально. Я смотрю на игру Яны Новотной и понимаю, что за ней стоит Ханна Мандликова, которая сама побеждала и на первенстве США, и на первенстве Австралии, которая знает, как надо готовиться к финалам больших турниров. У них вдвоем получилась потрясающая партия, которую они уже не один год ведут вместе: одна прекрасно ее исполняет, другая ничуть не хуже ею дирижирует. Может, поэтому теннис Новотной мне интересен. У нее в 1998 году на Уимблдо-

не произошел блестящий матч с Хингис. Каждый раз, когда Яна подходила к мячу, я видела: на тот вопрос, который ей задавала Хингис, у нее есть десять вариантов ответа. Какой она изберет, я не знала, но она была готова исполнить все десять. А вот если Вильямс подходит к мячу, притом, что ее талант позволяет сделать те же десять вариантов, она из них не знает больше половины. Зритель этого не чувствует, а я не уверена, что могу передать в своих репортажах то, что вижу у одной и совершенно не наблюдаю у другой.

Почему игрок высокого класса редко стремится вернуться в большой спорт через тренерскую дверь? Во-первых, это очень тяжело — жить рядом с лидером и быть тренером лидера, тем более сейчас, когда у молодых так много возможностей. Во-вторых, игроки высокого класса уже настолько хорошо обеспечены, что у них нет стимула продолжать тяжелую работу.

Теннис — очень интересный вид спорта, но очень тяжелый. Ты путешествуешь чуть ли не весь год без перерыва. Все время в дороге. Раньше мне казалось это невероятно интересным: Италия, Франция, Америка... Теперь давно уже пропал интерес. Причем не только для меня. Я пришла посмотреть тренировку на московские корты бассейна «Чайка», где моя старая подруга, тренер, которая занимается с очень хорошей девочкой, мне ее показывает, а потом говорит, что девочка поедет на первенство США, но со своей мамой. Я спрашиваю: «А ты-то чего не едешь?» Если есть деньги на маму, то уж на тренера они как-нибудь нашлись бы... А она говорит: «У меня отпуск».

Первенство США! Я только представила себе на секунду, как я, тренер сборной СССР, сказала своему ассистенту: «Миша, я посылаю тебя с девочками на «Ю.С. опен», а мы с Витей поедем в Сочи», — и чуть не упала! А сейчас это нормальное явление. Но все

же я считаю, что первенство США это тот турнир, который дает направление в работе на весь следующий год. Если я чемпионат не посмотрю, то много потеряю. А здесь тренер спокойно едет отдыхать, потому что это ему намного интереснее и приятнее. Происходит подобное оттого, что тренеры видят, как часто их труд — дело неблагодарное.

На мой взгляд, уровень тенниса держится в немалой степени на фанатизме тренеров. У нас, как в любом деле, есть свои сумасшедшие, которые живут только теннисом. Специалисты, досконально изучающие все нюансы, связанные с игрой. Мне кажется, что благодаря таким сумасшедшим вообще живет мир, именно они определяют прогресс цивилизации.

То, что прежде называли лаун-теннис, теперь просто спорт. Если раньше появлялись теннисисты, обладающие хорошими физическими данными, то они сразу же становились звездами и без заметных усилий и изысков в технике могли войти в первую двадцатку. Сегодня физические качества — всего лишь одна из составляющих успеха. Теннис развивается, как американский баскетбол. Сначала рост — спортсмены должны быть высокими, потом — высокими и быстрыми, теперь — высокими, быстрыми, но еще хорошо координированными. Оппоненты могут возразить, что Мартина Хингис — медленная теннисистка. Но это не совсем так, у нее хорошие скоростные качества, не такие, конечно, как у Вильямс, однако и не низкие. Зато у Мартины чувство мяча и предвидение, как качества, значительно выше, чем у Вильямс. У Курниковой нет такого предвидения, как у Хингис, она не такая физически крепкая, как Вильямс, но она быстра, как никто из них. Некого сравнить с Аней и по тому, как она ускоряет ракетку и здорово бьет. То есть у каждой из них своя роль в мировом теннисном театре: Анечка — молния, Вильямс — мощная лань, и совершеннейшая кошка — Хингис. И ходит меж

ними такая умная-преумная лиса Яна Новотна, которая ждет и выжидает, когда же наступит ее момент, чтобы схватить одну, вторую, третью.

Теннис всегда будет развиваться по законам пяти элементов: рост, чувство мяча, предвидение, физические кондиции, а самый главный элемент, конечно же, при наличии предыдущих — характер. Именно эти качества находятся в постоянном противоречии и в постоянном балансе. Отсутствие хотя бы одного из них навсегда закроет теннису путь в элиту.

Раньше можно было особенными физическими данными не обладать — к тому же еще не иметь удар слева, — но играть в профессиональных турнирах. А сейчас если у тебя нет физических данных, я уже не говорю про удар слева — до свидания. Все больше и больше необыкновенно физически одаренных людей занимаются теннисом. Вот почему тяжелые матчи случаются уже в первом круге больших турниров. Потом все становится на свои места, таланты «съедаются» середняков. Третий круг для сильнейших значительно проще первого. Начало всегда волнительно, порой нервы не успокаиваются и во втором круге, зато потом уже происходит полное подавление. Когда начинаешь турнир, какой бы ты ни считался знаменитостью, волнуешься всегда. А тут еще на твое волнение ложится игра того, кому нечего терять, так получается чуть ли не равная борьба. Ты же первые два круга определяешь, в какой форме подошел к соревнованию. Лендл говорил, что каждый раз во время первого круга «Ю.С. опен» он думает: а вдруг слева не пойдет, а вдруг справа не пойдет? Потом справа пошло, слева пошло, и ты уже знаешь, на что способен. Что можешь кроссом послать мяч в нужную точку и в нее попадешь. Но пока ты все свои «боеприпасы» не подготовил, не уложил, в первый или во второй день тебе еще неспокойно. А если выходишь в третий круг, уже знаешь: ты физически готов, травмы нет. И эта уверенность дает такой всплеск, что ты

уже обыгрываешь соперников как хочешь. Но потом, уже в восьмерке, вновь начинается борьба, там уже выходит талант на талант.

VII. КУБОК КРЕМЛЯ

Осенью 1999 года исполнилось десять лет Кубку Кремля. В своей теннисной молодости я и мечтать не могла, что в Москве при полных трибунах будут проходить международные турниры — женский и мужской по теннису, да еще с миллионными призами. Написала эти слова и глазам своим не верю. В своей книге «Самый долгий матч» Шамиль Тарпищев рассказал, как он пробивал мужской турнир (именно он получил название «Кубок Кремля»), я же стояла у истоков его женской части.

Уже не раз говорила, но все равно повторю. Крупный международный турнир — залог развития тенниса в стране. Так что пока есть Кубок Кремля, теннис в России будет процветать.

С середины восьмидесятых мы наконец более или менее регулярно стали ездить за рубеж. Почти сразу у девочек появились неплохие результаты. И Наталья Зверева, и Наталья Медведева, и Лариса Савченко, и Света Пархоменко, и Лейла Месхи, все они по-разному, но заявили о себе в мировом женском теннисе. Как тренер сборной страны я моталась с девочками по турнирам и, естественно, интересовалась, как они проводятся. Я стала приглядываться к их организации, прикидывая: нас теперь уже все видели, а как и куда дальше мы должны идти? Я знала, что везде есть популярные соревнования, через которые осуществляется финансовая помощь своим спортсменам и прежде всего — федерации. Получалось, что в каждой теннисной и не очень теннисной стране существовал турнир большой значимости. Нетрудно было прийти

к мысли, что мне, как тренеру сборной СССР, если думать о будущем, необходим в Москве такой же турнир. И для того, чтобы теннис был популярен в стране, и для того, чтобы я могла не только посылать игроков на зарубежные соревнования, но иметь дома свои, а следовательно, располагать уайлд-картами, необходимыми для молодых, чтобы облегчить им первый шаг в международный теннис. Правда, о деньгах мы еще не думали, их все равно забирали в общую кассу Спорткомитета. В конце восьмидесятых Советский Союз попытался стать если не полноправным, то хотя бы почти полноценным членом мировой цивилизации. Уже не боясь начальства, я стала сама собирать информацию о том, что нужно сделать. Подстегивало меня и то, что мужчины во главе с Тарпищевым тоже занимались этим вопросом, мечтая провести профессиональный АТР-тур в столице.

Тогда и я начала действовать. Мне на Западе многие помогали, но прежде всего Пичи Килмайер, одна из руководительниц WTA, а с ней масса людей, которые в разной степени принимали участие в моей жизни, когда я сама играла, а теперь возглавили всякие комитеты, профсоюзы, департаменты. Они следили, чтобы я делала правильные шаги. Другими словами, подсказывали, куда, как и что надо писать в официальных письмах.

Прежде всего мне объяснили: самое главное — получить неделю в мировом календаре соревнований. Всего, как известно, в году 52 недели, прибавить еще одну невозможно. Тогда по международным правилам полагалось играть в неделю не более одного крупного турнира с большим призом. Допустим, идет пятнадцатая неделя года и она уже забита турниром большой категории в Америке, а это автоматически означало, что в Москве такого ранга турнир уже провести нельзя. А качество турнира определяется только одним — подбором игроков мирового уровня. Проще сказать, сколько человек из первой десятки, сколько

из двадцатки согласились принять участие в твоих соревнованиях. А первая десятка, она и есть всего лишь десятка, в ней не одиннадцать и не двадцать игроков. Как мы вскоре убедились, если к тебе на турнир приезжает кто-то из «топ-тен», то страсти на корте совсем другие. Естественно, нам хотелось получить категорию повыше. Но начинать с крупного турнира оказалось невыполнимым делом. По одной простой причине: в то время наше советское правительство и родной Спорткомитет и слушать не хотели о тех деньгах, которые полагалось заплатить за приличный турнир, а найти спонсоров в Советском Союзе, вложивших бы большие суммы в теннисное соревнование — это вызывало в лучшем случае смех. Тогда, впрочем, и не знали слова «спонсор». Тем не менее я начала над нашим проектом работать, хотя двигался он невероятно тяжело, точно так же, насколько мне известно, дела обстояли и у Тарпищева. Но мне кажется, у него немного легче складывалось с зарабатыванием денег, чем у меня.

Наконец, Международная федерация дала нам неделю в своем расписании. Перепиской с федерацией занимался Виктор Янчук, он тогда руководил в Спорткомитете отделом тенниса. Но о том, что мы включены в график, мне объявили, когда я находилась с командой в Нью-Йорке на финале турниров «Вирджиния слимс», или как его еще называют «личный чемпионат мира среди женщин-профессионалов», который традиционно проводится в «Мэдисон сквер-гарден» в ноябре. Ко мне подходят и говорят: «Оля, в чем дело? Ваши до сих пор не подтвердили свое согласие (просто подпись на бумаге не поставили). Никто у них не просит денег для первого членского взноса. Мы ждем только одного, чтобы вы сказали «да», и тогда вы получите неделю». Я спрашиваю: «Так просто?» Конечно, я слегка кокетничала, так как понимала, что результаты нашего женского тенниса и, главное, тогдашняя мода на Советский Союз, а следовательно,

престижность получения в международный календарь Москвы, подтолкнули WTA к такому решению. «Как ты не можешь понять, вы же можете эту неделю даже продать». Я бегу звоню Янчуку. Виктор Николаевич в свою очередь отправляется объяснять про наш шанс выше по инстанции, наконец спортивное начальство завизировало заявку, и мы вписались в сетку турниров. Позже все закрутилось, возник Совинтерспорт, этакий советский вариант «Эдвантеч» или «IMG», ущербный от самого своего рождения, и в конце концов на его бюджете мы, женщины, первые сделали свой турнир в Москве.

1989 год, ноябрь. Московский турнир входил в серию «Вирджиния слимс» и успешно дебютировал в «Олимпийском». Мы первыми приучили зрителей, что «Олимпийский» — теннисный стадион. На второй год, когда турнир выиграла Месхи, нас переместили во Дворец спорта в Лужниках, и, как потом выяснилось, это было большой ошибкой — теннис к залу Дворца не подходил. На первом турнире Зверева в финале играла с американкой Г.Мэджерс и уступила. Но к нам приехала толпа гостей, приехала Пэт Шрайвер, приехала посмотреть Москву и помочь турниру встать на ноги Вирджиния Уэйд. И все мои знакомые, кто оказался в Москве, пришли ко мне в гости. Кстати, замечу, что огромный стадион «Олимпийский» зрители заполнили до отказа. Такого количества людей турниры серии «Вирджиния слимс» не собирали никогда. Невероятное количество призов. Первый настоящий теннисный праздник в стране за многие годы. Почему на следующий год турнир перевели во Дворец спорта, объяснить невозможно. А почему его зал не подходит для тенниса, не знаю, это уже из области мистики. Второй турнир состоялся в год моего отъезда, в 1990-м. В декабре я перебралась в Англию. Дальнейшее развитие «Кремлин кап» — так его потом называли по аналогии с уже раскрученным мужским — прошло без меня. Турнир проводился и в Петербурге,

он мог состояться где угодно в России, так как выбранная мною для страны неделя оставалась за нами.

И вот спустя десятилетие на турнире 1998 года призовой фонд женского турнира равняется миллиону долларов с четвертью, а первый «весил» всего сто тысяч, впрочем, как и второй и третий. Восемь лет потребовалось, чтобы турнир стал миллионером. И совершенно правильно, что его вернули вновь в «Олимпийский». Получился настоящий праздник. Я восхищалась, как все четко организовано. Намного лучше, чем в Европе. Может, менее презентабельная обстановка вокруг, но и билеты значительно дешевле. Когда я увидела галерку, заполненную зрителями, сердце мое радовалось — там же собирается не избалованный и богатый зритель, а рядовые москвичи, такие же, как и рядовые зрители Уимблдона, понимающие каждое движение игроков, красоту сложного розыгрыша мяча...

И когда московская публика поддерживала то Моннику Селеш, когда та проигрывала, то Мэри Пирс, если уступала она, они понимали, что матч может получиться замечательным, если один из финалистов сумеет подняться выше своей игры. И когда такое случилось, финал превратился в роскошное зрелище.

Какое счастье, что турнир закрепился в России. Он поможет сделать следующий шаг — крупное международное соревнование для детей. Мне приятно, что первые кирпичики в этом здании уложены мною, что теннис не только жив в России, но и успешно развивается.

VIII. АНГЛИЙСКИЙ ДОМ — МОСКОВСКАЯ ПРОПИСКА

Все годы нашей жизни в Англии я обустроивала помещение, в которое меня привезли, чтобы оно стало моим родным домом. Хотя мне очень нравится

Марлоу, я обожаю Бишем-Абби и люблю дом, где мы прожили десять лет, я все-таки всегда хотела, чтобы моя английская жилплощадь оказалась бы немножко больше. Через девять лет после переезда мы собрались купить в Англии недвижимость. Но немножко опоздали с таким важным решением. Фунт вдруг резко пошел вверх и соответственно поднялись цены на дома, поэтому я думаю, что нам все-таки пока придется пожить на старом месте.

Пока же дом, который для нас купила английская федерация, мы оформили в свою собственность. Поскольку у меня изменился контракт, то наше жилье федерация уже не оплачивает, поэтому нам удобнее взять в банке ссуду на его покупку, чем платить за аренду. Я сейчас заметила, что уже начинаю рассуждать как англичанка, а не как русская.

Многое в нашей жизни теперь будет зависеть от Кати, от ее планов. Где она захочет жить и работать после университета? Мне удобно в моем английском доме, но пишу сейчас я эти строки на бывшей улице Рылеева, снова ставшей Гагаринским переулком. И это кирпичное многоквартирное здание и есть мой настоящий, мой уютный дом. А в Англии дача, будем так считать. И Катя, которая приехала летом 1998-го в Москву, сказала: «Мам, как здесь хорошо».

Раньше, приезжая в Англию, я чувствовала новые запахи. Каждая страна пахнет по-своему. Выходишь из самолета, и тебя уже окружает чужой, пусть и вкусный, дух. Сейчас это ощущение в Англии у меня исчезло, я прилетаю в Хитроу и не чувствую, что пахнет по-иному. Воздух в Британии уже наш, он часть нас, и это, в общем-то, приятно. Но я поймала себя на такой мысли: когда я иду по московскому метро, то не задумываюсь, в какую сторону мне повернуть, просто иду «на автомате». В Лондоне у меня такого ощущения нет, но я и не живу в Лондоне. Автомат у меня включается в Марловке, так мы называем богатый городок Марлоу. Я там на любой улице ставлю машину

и иду какими-то проулками, не задумываясь. Но все равно не так, как в Москве. В Москве я всегда дойду, куда хочу, а в Англии мне надо все же подумать. На всю жизнь, где бы я ни жила, я все равно останусь русской и москвичкой, это ощущение вросло в меня навсегда.

Я уже писала, что мы пытаемся в Англии в некоей степени выстроить советскую систему подготовки спортсменов высшего уровня. Трудно нам теперь из Англии уехать, все бросить, потратив на английский теннис столько лет своей жизни. Витя пока не задумывается о подобном варианте. А у меня уже настал тот период в жизни, когда мне в общем-то больше хочется просто жить, а не думать, кто на каком турнире занял какое место. Да, у меня хорошие знания, обидно, если я вдруг перестану работать, потому что у меня много новых идей, да и опыт какой-то есть. Но в то же время мне так стало приятно просто жить.

Я давно поняла, что миллионов мне не заработать в моем возрасте и с моим характером. Значит, все, что мне нужно — материальная основа, которая не нарушит мое комфортное состояние. Конечно, возникнет проблема: остановиться в «Рице» на Лазурном берегу и жить в нем круглогодично. Но я и не хочу жить в «Рице», просто я могу иногда это себе позволить.

Порой мне кажется, что я сама стала англичанкой и не хочу гробиться ради первого места... Может быть, это действительно так? Думаю, что нет. Мне, в общем-то, грустно, что многое из того, что я пыталась им передать, так и не было усвоено. Наверное, легче работать с людьми и по духу, и по темпераменту близкими к твоему. Мне интереснее работать со сложившимися игроками, консультировать больших мастеров. И возникает какая-то раздвоенность. Я понимаю, что мои знания нацелены на высшее мастерство, но оно такое противное, это высшее мастерство, такое сложное, и заниматься им надо с утра и до ночи.

А мне сейчас намного интереснее посидеть, поболтать с друзьями. И я все чаще задумываюсь: есть ли смысл бросить всю себя на завоевание для кого-то чемпионства? Чтобы заработать пресловутый миллион? Но этот миллион сейчас мне не так нужен, как раньше. Во всяком случае, не настолько, чтобы за него расплатиться хотя бы частью своей жизни. Трудно самой поверить, что всего лишь десять лет назад я готова была отдать всю себя до остатка, чтобы какая-то девочка из моей сборной стала суперзвездой.

Команду Англии на Кубке федерации я не могу вести. А с командой России у меня уже не получится работать бесплатно. Наверное, я действительно в какой-то степени получила английский менталитет. Я уже не представляю, как можно трудиться ради одной идеи? Я считаю, что за работу полагается платить, а за хорошую платить немало. Если тренер работает с теннисистами, которые играют в мировой двадцатке, то и он должен получать соответствующие гонорары.

Но больше всего я согласна быть просто женой, пусть даже женой-помощницей. Мне нравится вести по телевидению репортажи с «Ю.С. опен» или Уимблдона. Что бы я ни говорила, я все равно связана с теннисом, даже с тем, которому еще предстоит родиться, с его будущими звездами, потому что я играла с их родителями или тренерами. Во время первенства Франции я брала интервью у Крис Эверт, а на Открытом первенстве США у Мартины Навратиловой. Я не думаю, что кто-то из российских журналистов смог бы легко договориться с ними о встрече. Я могу рассказать о той жизни, которая происходит внутри «нашего цирка», но в то же время мой рассказ — это взгляд профессионала. Я отслеживаю направление будущего и готова этими знаниями делиться. Так возникает вторая линия моей жизни — телевизионная журналистика.

Может быть, настанет момент, когда я буду жалеть, что не стала тренером звезды, а может, и нет...

Мы с Катей гуляем по Москве, глазеем по сторонам, я никогда не думала, что это может мне так нравиться. Неужели правильно посвятить свою жизнь кому-то другому, сгореть в его огне и так и не узнать, какая радость эта неспешная прогулка со своей дочкой. Мой возраст, как мне кажется, уже подходит к такой отметке, когда понимаешь, что нужно дышать полной грудью, не так много тебе осталось. Кто-то наверняка подумает: ей ли об этом говорить, но в то же время столько грустных примеров. Но пока силы меня не покинули, не рассталась я и со своим задором. Я обязательно заведуь даже в ресторане, когда буду выбирать меню: «Ух, огурчики, — скажу я. — Ах, каша гречневая!» У меня всегда сработает повышенный интерес, я на него настроена. Думаю, это воспитала во мне Нина Сергеевна. Она мне передала и женские всхлипы, и восторги, и живое любопытство ко всему новому.

Штефи Граф в 1998 году расплакалась после победы в первом круге Уимблдона на пресс-конференции. Слезы Штефи искренние. Она переживала, что вновь в Уимблдоне. Я тоже прошла через эту трепетность в душе, когда видишь снизу трибуны центрального корта. Нам это дорого. Казалось бы, сколько раз Штефи здесь выигрывала, сколько раз и где только Граф не побеждала... Опять она восстанавливается, чтобы вновь бить по мячу, ощущая это «бум!» и вновь выходить на центральный корт. Адреналин в раздевалке, адреналин в ночь перед выходом на корт, адреналин во время игры. Это счастье, когда ты любишь свою работу, любишь переживания, связанные с ней, любишь даже горе, которое ты каждый раз испытываешь от проигрыша.

Если вы прочитали эти строчки, то я благодарна вам за внимание к моей книге, а следовательно, и ко мне.

Много людей было причастно к событиям, о которых я рассказывала, и многих из них я тоже должна поблагодарить. Они помогали мне стать сильным игроком и, наверно, рассчитывали найти на этих страницах свои имена. И если этого не произошло, я прошу у них прощения, но пусть они знают — я помню о всех.

Мне кажется, что каждый, кто достиг в жизни заметного успеха, должен поделиться своими знаниями и опытом. Конечно, мне надо было бы написать и учебник, и я надеюсь, что верну этот долг.

Своим же читателям, обычно любителям тенниса, я хочу сказать, что отныне мы сравнялись. Прошли годы, и то, что казалось мне раньше невозможным, случилось, я всегда готова выйти на корт, причем не против мировых звезд, а просто ради игры. Против Вити, против Кати... Теннис действительно навсегда вошел в мою жизнь.

Теперь я знаю: главное в теннисе — всегда желать играть в теннис.

1989 г., Москва — 2000 г., Бишем-Абби. Марлоу

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ЧАСТЬ I

БОЛЬШАЯ ИГРА	7
---------------------------	---

I. ОТ НОВИЧКА ДО ЧЕМПИОНА	9
II. В КОМПАНИИ ЛУЧШИХ	91
III. БОЛЬШОЙ ШЛЕМ	186
IV. ИЗ ИГРОКА СБОРНОЙ — В ТРЕНЕРЫ СБОРНОЙ	214

ЧАСТЬ II

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	257
--------------------------------	-----

I АНГЛИЙСКИЙ ТРЕНЕР	259
II БОЛЬШОЙ ШЛЕМ — ЕЩЕ ШАГ ВПЕРЕД... ..	286
III ОСТАВАЯСЬ С ЛУЧШИМИ	305
IV. ТУРНИРЫ ВЕТЕРАНОВ	362
V. МУЖ И ДОЧЬ	371
VI. УРОКИ НЕ НА КОРТЕ	395
VII. КУБОК КРЕМЛЯ	404
VIII. АНГЛИЙСКИЙ ДОМ — МОСКОВСКАЯ ПРОПИСКА	409

ОЛЬГА МОРОЗОВА ТОЛЬКО ТЕННИС

Редактор
Художественный редактор
Технолог
Оператор компьютерной верстки
Корректор

И.С.Гайдамович
С.А.Виноградова
С.С.Басипова
И.В.Соколова
И.Г.Волкова

Издательская лицензия № 065676
от 13 февраля 1998 года.
Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции
ОК-005-93, том 2-953 000 —
книги, брошюры.
Подписано в печать 28.09.2000.
Формат 60 × 90/16.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Объем 26 печ. л.
Тираж 5000 экз. Изд. № 1312.
Заказ № 190.

*Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена
Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
-Первая Образцовая типография-
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
113054, Москва, Валуева, 28.*

Издательство «ВАГРИУС».
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1.
Электронная почта (E-Mail) —
vagrius@vagrius.com

Получить подробную информацию о
наших книгах и планах, авторах и
художниках, истории издательства,
ознакомиться с фрагментами книг,
высказать свои пожелания и задать
интересующие вас вопросы
вы сможете, посетив сайт
издательства в сети
Интернет: <http://www.vagrius.com>
<http://www.vagrius.ru>

Оптовая торговля:
Эксклюзивный дистрибьютор
издательства «Клуб 36°6»
г. Москва, Рязанский пер., д. 3, этаж 3
Тел./факс: (095) 265-13-05,
267-29-69 267-28-33, 261-24-90
E-mail: club366@aha.ru

**По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ»
обращаться по адресу:**

**Фирменный магазин
«36°6 — Книжный двор»
(мелкооптовая и розничная торговля):**
Проезд: Рязанский пер., д. 3, этаж 1
(рядом с м. «Комсомольская»
и «Красные ворота»)
Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93

Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13
Книги «Издательской группы АСТ»
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте»

КОРФ «У Сытина»:
125008, Москва, пр-д Черепановых, д. 5б
Тел.: (095) 156-86-70 Факс: (095) 154-30-40
Электронная почта: shop@kvest.com
Интернет-магазин: <http://www.kvest.com>
Доставка в любую страну

ISBN 5-264-00300-9

9 785264 003004 >

46232 60p.

Ольга Морозова —
знаменитая теннисистка
семидесятых,
22-кратная чемпионка СССР,
восемь раз возглавляла десятку
сильнейших теннисистов страны,
первой из них стала финалисткой
(вместе с А. Метревели)
Уимблдонского турнира.
Финалистка открытого
чемпионата Франции
в одиночном разряде
и чемпионка в парном.
Победитель открытых
чемпионатов Италии
и США в паре.
Финалистка открытых
чемпионатов Италии
в одиночном разряде,
Австралии и США в паре.
Победитель ряда турниров
серии Вирджиния Слимс.
В период с 1973 по 1976 гг.
входила в десятку сильнейших
теннисисток мира.
Тренер сборной СССР в 80-х,
сборной Англии в 90-е годы.